

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

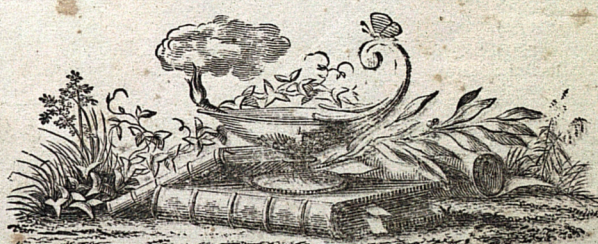
НА

1835 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ , 24 Іюня 1835 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 53.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 каршиновъ модѣ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 3 дня 1855 года.

Не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую ушрапу,
Внимая новый шумъ лѣсовъ,

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Въ одномъ городѣ жилъ полицейскій чиновникъ *Т. Р.* Эпопъ *Т. Р.* былъ изъ числа пѣхъ людей, которые не имѣютъ ни къ кому особой привязанности; — впрочемъ, онъ былъ довольно добръ, честенъ, какъ *многіе*, черповски перпѣливъ, и несносно акурапенъ, а потому и немудрено, что его уважали.

Прошло два года, какъ *Т. Р.* занималъ свой начальническій постъ; онъ совершенно сроднился съ своею должностію; сдѣлался превосходнымъ чиновникомъ, опличался исправностію и порядкомъ: но честолобіе распутило душу *Т. Р.*, — ему захопѣлось непременно прославиться своею дѣятельностію. Онъ всячески спарался, хлопопалъ, искалъ случая опличиться, чтобы только достигнуть своихъ желаній.

Разъ какъ-то *Т. Р.* вспалъ раньше обыкновеннаго; — честолобіе цѣлую ночь не давало ему покоя.

Надѣвъ халапъ, онъ велѣлъ согрѣить самоваръ, а самъ между пѣмъ принялся за водку и за любимыя мечпы о помѣ, какъ имя его сдѣлаелся извѣстнымъ во всемъ околдкѣ. Вдругъ дверь опворилась и въ ней показался любимый помощникъ *Т. Р.* Его поненькія ножки сгибались подъ тяжестью огромнаго пуловища, на которомъ верпѣлась миниатюрная головка, съ сѣрыми кошечьими глазами и съ лицомъ вѣчно улыбающимся. Его шуповская физиономія дѣлала разипельную пропивиуположностъ съ испугомъ и серьезнымъ видомъ, который онъ напрасно спарался принять на себя.

«Здравспуйте, г. помощникъ;» сказалъ *Р.*: «да что эпо вы такъ не въ духѣ?»

— Какъ же, м. г., нещаспье случилось; такъ изволиите видѣть и поневоль будешъ не въ духѣ. —

«Какое нещаспье?»

— Нещаспье великое, неслыханное, — въ нашемъ городѣ, изволиите видѣть, нашли убитую женщину, — опвѣчалъ помощникъ присѣдаи;

ибо ноги его отказывались поддерживать дайте пуловище.

Въ это время *Т. Р.* влилъ въ горло цѣлую рюмку водки; услышавъ о великомъ нещаси, онъ вспыхнулъ и уже хотѣлъ напустить на своего сослуживца; но опъ сильнаго напряженія поперхнулся, и справедливый гнѣвъ разсерженнаго начальника разразился сильнымъ кашлемъ. Между тѣмъ испуганный чиновникъ продолжалъ:

— Сказали было, что и слѣдъ простылъ, да я, какъ сами изволише знать, человекъ распоропный, нашелъ слѣды и слѣды самые свѣжіе: у женщины оспался въ рукахъ кусокъ сукна; я, изволише видѣть, топчась и смѣкнулъ дѣломъ; сукно-то должно быть опъ солдатской шинели, т. е. женщина должно быть защищалась, да и опорвала кусокъ сукна. —

«Такъ что-жъ вы медлите?» вскричалъ *Т. Р.* «Посылайте скорѣе во всѣ полковыя команды; просите осмопрѣть солдатскія шинели, не окажется ли у кого вырваннымъ клочокъ сукна. Да скорѣе же, вѣдь дѣло экспременное, не шерпите онлага-пельствѣ.»

— Я, изволише видѣть, иду, — отвѣчалъ помощникъ, не прогаясь съ мѣста.

«Нѣтъ, я вижу только, что вы спойте, да опдуваешесь.»

Помощникъ, успрашенный гнѣвомъ *Т. Р.* (ибо послѣдній рѣдко сердился), хотѣлъ сдѣлать прыжокъ; но дѣло было очень прудовато и даже почти невозможно для паковой махины, каковъ былъ помощникъ, и онъ, желая ускорить свои движенія, только оспался на мѣстѣ, пыхтя и надрываясь опъ безмѣрныхъ усилій; наконецъ, видя всѣ свои попытки тщетными, рѣшился добратъся до дверей обыкновеннымъ образомъ, переваливаясь съ ноги на ногу.

«Чортъ бы побралъ этого помсняка!» вскричалъ *Т. Р.* по уходѣ его: «впрочемъ онъ добрый малый, да только неворопливъ, какъ тюлень. Вопъ напимѣрь сей часъ: дѣло важное; надлежало бы лепить,

а онъ пошелся нога за ногу. А вѣдь дѣло-то и въ правду важное. Ну что, если я опыщу убійцу?— какъ это будетъ хорошо; а не опыщу: тогда что дѣлать! бѣда!»

Въ это время помощникъ опять вошелъ въ комнату.

«Ну, зачѣмъ еще?» грозно спросилъ *Т. Р.*

— А вопъ, изволише видѣть, явился какой-то мужичокъ, который говоритъ, что онъ знаетъ, кто убилъ женщину. —

«Позвать его сюда!» повелительно закричалъ *Р.*, попирая опъ удовольствія ладони.

Кресьянинъ вошелъ въ комнату.

«Ну, голубчикъ,» сказалъ *Т. Р.*: «знаешь ли ты кто убилъ женщину?»

— Знаю, бапюшка. —

«Говори, кто?»

— Кабы, бапюшка, водочки спаканчикъ. —

Т. Р. мигнулъ своему слугѣ — и спаканъ вина очутился подъ носомъ у докащика. У *Т. Р.* было всегда въ запасъ вино.

— Кабы другой!—сказалъ мужикъ, опороживъ спаканъ.

«Дайте ему другой.»

— Ваше высокородіе, прикажите претій. —

«Да этакъ ты пьянъ напешешься.»

— Не бойтесь, бапюшка, крѣпко на ногахъ держимся. —

«Такъ и быть, пей претій.»

— За ваше здоровье; много лѣтъ вамъ здравствовать! —

«Кто же убилъ женщину?»

— Благодаримъ за угощенье, — отвѣчалъ мужикъ, надѣвая шляпу.

«Говори же, кто?»

— Не можемъ знать, бапюшка. —

«Это что значить?»

— Не прикажите казнить, право ничего не знаю. Въ горлѣ пересохло, захотѣлось промочить; а денегъ ей, ей, ни полушки,

вопъ я и поднялся на выдумки, на хипреспии заморскія — опвелъ душу даромъ.—

Т. Р. сперва очень разсердился; но потомъ видя, что съ плупа-мужика взять нечего, закричалъ: «Убирайся вонъ.»

Неожиданное разочарованіе пакъ сильно подѣйствовало на *Т. Р.*, что онъ чуть, чуть не заболѣлъ. Проспой крестьянинъ возродилъ въ умѣ его блистательныя надежды и потомъ безчеловѣчно ихъ разрушилъ. Однако слѣдствія дѣятельно продолжались; но безъ всякаго успѣха кусокъ сукна исходилъ всѣ мѣста, и ни къ кому не пришелся.

Т. Р. бѣсился, помощникъ похудѣлъ онъ безпреспанныхъ хлопотъ и опъ безпрерывнаго движенія.

Уже казалось, что не было никакой надежды опыскашь убійцу, какъ вдругъ... за день до похоронъ убийпой распросранились слухи, будто бы она, п. е. убийца, жена опспавнаго солдата.

Слухи дошли до племянницы ея мужа, знавшей покойницу. Племянница топчасъ объявила своему дядюшкѣ о смерти жены его; но удивительно, что пошъ нимало не ошечалился, а еще казался очень обрадованнымъ.

Надо признаться, что солдатъ съ женою своею жилъ не слишкомъ совѣпно. Она была женщина развратная, пьяношка; часпо, обобравъ его до послѣдней нипки, она уходила на недѣлю, на двѣ, потомъ пропивъ все, возвращалась къ муженьку своему. Тупъ-то начиналась пошѣха. Жена атаковывала мужа попреками и ругательспвами; пошъ опражался хладнокровіемъ. Жена избравъ голову мужа цѣлью, бросала въ неѣ чашки, парелки, сковороды, словомъ, что ни попало; мужъ закрывался заслонкой. Жена съ досады рвала на себѣ волосы; мужъ уходилъ со двора.

Давно замѣпно было, что солдатъ желалъ какъ нибудь избавиться опъ своей дражайшей половины. Когда же племянница звала его сходить посмотришь: почно ли убийца жена его, то онъ согласился; но дошедь до шюрмы (гдѣ находилась покойница), онъ не хо-

пѣлъ войти; племянница вошла одна, и вскорѣ возвратилась съ извѣспіемъ, что убийца почно еѣ нѣпка. Тѣло похоронили.

Т. Р., потерявшій всякую надежду опыскашь убійцу, неожиданно узналъ кто была убийца. Такое открытіе очень было важно для него. Онъ полетѣлъ на квартиру солдата, какъ коршунъ на свою добычу.

Солдатъ перепугался, пупался въ опвѣпахъ, робѣлъ, пакъ, что навлекъ на себя подозрѣніе, которое еще болѣе увеличилось, когда приставъ узналъ, что солдатъ, бывъ у самой шюрмы, не хотѣлъ зайти проспипѣ съ женою.

«Да! онъ почно убилъ еѣ;» думалъ про себя *Т. Р.*: «и по глазамъ и по опвѣтамъ видно. Погоди, не уйдешь опъ меня, голубчикъ!»

Начались допросы объ обращеніи съ женою, и пакъ все ближе и ближе къ дѣлу: дома ли ночевала послѣднюю ночь покойница? Когда ушла? Кто въ эпошъ день былъ у нихъ? и прочее, и прочее. Но солдатъ не признавался: ни угрозы, ни увѣщанія на него не дѣйспвовали, и *Т. Р.* напрасно хиприлъ, напрасно подлѣзалъ къ нему, разбивалъ въ словахъ.

Солдата посадили подъ караулъ: всякій день допрашивали, однако ничего не могли допытаться. Наконецъ, сообразивъ дѣло и собравъ всѣ улики, *Т. Р.* и его помощникъ рѣшили, что никто иной кромѣ солдата не могъ быть убійцею женщины.

Когда подписали протоколъ и гоповы были разойтиса, въ комнату засѣданія ввели женщину, взяпую ночнымъ дозоромъ и обвнлемую въ пьянспвѣ, буянспвѣ.

Солдатъ, увидѣвъ еѣ, попяпился назадъ. Всѣ, кромѣ *Т. Р.*, перепугались, и не знали что дѣлать.

«Что съ вами?» спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Развѣ вы не видите, — прошепталъ помощникъ: что это покойница. —

«Полно-те, могутъ ли вспавать мерпые!»

— Жена! — вскричалъ солдатъ: жена! — повторилъ онъ громче прежняго: кой-чортъ, не отвѣчаетъ? Жена! — продолжаетъ герой нашъ.

«Эге, голубчикъ! да и ты шупъ,» сказала очнувшись пьяная женщина въ опрѣпьяхъ, увидѣвъ солдата.

— Я тебя спрашиваю, какъ ты пришла съ того свѣта? —

«Кто, я? Что ты за вздоръ мелишь!»

— Нѣтъ не вздоръ, а сущую правду. Развѣ ты не знаешь, что меня посадили сюда за то, будто бы я швой убійца. —

«Вотъ я тебя выучу надсмѣхаться надо мною!» вскричала взбѣсившись женщина, и, если-бъ спража не удержала разгнѣванную фурию, доспалось бы бѣдному солдату.

«Пусляки, пусляки!» сказалъ *T. R.* «ты, мапушка, не можешь быть признана за его жену, ибо ты на законномъ основаніи свидѣтельствована и похоронена на кладбищѣ; а мужъ швой, по нашему единогласному приговору, будетъ отосланъ къ суду, и не минуешь наказанія.»

— Вотъ шупку выдумали: назвали какую-то бабу женою моего милаго супруга, да и хопилие опбиить у него законную жену.

Наконецъ дѣло объяснилось и дѣйствитель-но узнали, что произошла ошибка: — женщина, которую недавно похоронили, была очень похожа на жену солдата.

К. Домитовичъ.

СЦЕНА ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ СЛОВЕСНОМЪ СУДѢ. (COURT OF REQUESTS).

Этотъ судъ находится въ Лондонѣ. Въ немъ судятся дѣла, не превосходящія двухъ фунтовъ стерлинговъ. Недавно было въ немъ дѣло между г-мъ *Смитомъ*, весьма уважаемымъ въ Лондонѣ Квакеромъ, и профессоромъ танцевальнаго искусства, любимцемъ публики, который жаловался на *Смита* за непла-

тежь денегъ, слѣдующихъ ему за уроки, данные испцемъ дочери г-на *Смита*. Г-нъ *Дюбургъ*, профессоръ панцовальнаго искусства, любезенъ и ловокъ, одѣтъ по послѣднему вкусу; приклейте ему бакенбарды, и это будетъ щеголь *Герихъ четвертый*; прибавьте опчаянные усы, и вы увидите въ немъ героя; но взгляните на его красивыя ноги, на маленькія ручки въ глянцовитыхъ перчаткахъ, замѣйте его огненные и вмѣстѣ помные глаза, и вы тотчасъ узнаете въ немъ щастливаго волокиту. — Профессоръ объявилъ, что искъ его проситрается до 39½ шиллинговъ, но что по силѣ устава суда, онъ пребудетъ только два фунта стерлинговъ. — Одинъ изъ судей подо-звалъ г-на *Смита* и спросилъ: какъ могъ онъ допустить до жалобы за такую бездѣлицу? — Г-нъ *Смитъ*, не снимая шляпы, отвѣчалъ по обычаю Квакеровъ: «Не сомнѣвайся, другъ мой, въ готовность моей удовлетворить законному пребыванію; вотъ золото;» сказалъ онъ, вынимая кошелекъ: «не думай, чтобъ я не хотѣлъ платить по неимѣнію денегъ; нѣтъ, я не платилъ этому человеку потому, что ничего ему не долженъ. Дочь моя *Эсфирь* здѣсь, спроси ея, она не можетъ солгать, она и не знаетъ просителя. Никогда, никто не обучалъ ея адскому искусству плясать. Подойди, дочь моя, и берегись сказать чтонибудь проповное справедливости.» Мисъ *Эсфирь*, 18 лѣтняя дѣвица, была прелестна, хотя прекрасные русые волосы ея были, по обычаю Квакеровъ, подпирпаны подъ безобразный чепчикъ. Она припалась за опца; при вызовѣ, она выспушила скромно и не смѣла поднять хорошенькія глазки на красавца-панцмейстера; краснѣя, обратилась она къ судѣ, и сказала: Другъ мой, могу тебѣ увѣрить, что я никогда не брала уроковъ въ танцованьѣ. — Танцмейстеръ возразилъ: «Мисъ *Эсфирь*, не ужели вы забыли, что по два и по три раза въ недѣлю приходили ко мнѣ?» — Я сказала правду! — отвѣчала *Эсфирь*. «И такъ, пусть свидѣтель пояснитъ дѣло, и свидѣтель этотъ,» сказалъ панцмейстеръ: «мисъ *Вельсъ*.» При сихъ словахъ, и при видѣ свидѣтельницы стройной, прекрасной брюнетки, которая выспушила изъ середины

собранныхъ въ судъ зѣвакъ, мисъ *Эсфирь* видимо смузилась. Мисъ *Вельсъ* объявила, что мисъ *Эсфирь* съ другими дѣвицами училась панцовать у г-на *Дюбурга*, что съ ними ходила и *Эсфирь*, и что послѣ узнали онѣ, что *Эсфирь* ходила къ училелю безъ вѣдома родилеля, копорого увѣрала, что вечера проводилъ у больной пѣпки.

Г-нъ *Смитъ*, подъ холодными чертами лица копорого едва скрывалась яроспъ, волновавшая его душу, кропкимъ голосомъ сказалъ: «Молодая пріятельница, пы солгала.»

Тогда судья обратился опять съ допросами къ дѣвицѣ *Вельсъ*, копорая въ видимомъ смущеніи отвѣчала слѣдующее:

«Господинъ *Дюбургъ* давалъ своимъ ученицамъ балъ, когда въ первый разъ *Эсфирь* была со мною у него. Она не могла участвовать въ панцахъ, потому что вовсе панцовать не умѣла, и потому-то г-нъ *Дюбургъ* предложилъ дать ей нѣсколько уроковъ, на что она согласилась, и раза три или четыре училась со мною вмѣстѣ, потомъ уже брала она особенные уроки. Я вскорѣ поссорилась съ мисъ *Смитъ*. Она думала, что *Дюбургъ* на мнѣ женится, и за то на меня рассердилась. Потомъ разсорилась она и съ *Дюбургелиъ*, и онъ ей грозилъ, что сдѣлаетъ поспыдную огласку, и ей дорого будетъ стоить эта ссора.»

Судья объявилъ, что дѣло шеперь ясно; что изъ сказаннаго свидѣльницею видно, что мисъ *Эсфирь Смитъ* брала, безъ дозволенія отца своего, уроки у испца; но изъ сказаннаго явствуепъ также, что не было сдѣлано условія о цѣнѣ уроковъ, и что безъ ссоры, случившейся между училелемъ и ученицею, нельзя было бы пребовать у ея родилеля никакой платъ, и потому-то; оппустимъ пляжущихся, судебныя же издержки уравнимъ.

Квакеръ, копорый во все это время споля неподвижно, вынулъ кошелѣкъ и сказала: «Дочь моя, пы обязана платить свои долги; я съ прискорбїемъ вижу, что пы солгала; еслды пы была умна: то, не приходя сюда,

увѣдомила бы меня обо всемъ случившемся, и публика не узнала бы эпой несчастной исторіи. — Вопъ сорокъ гиней для пвоего училеля.»—При эпоихъ словахъ Квакеръ положилъ золото на споль; панцмейсперъ сгребъ ихъ улыбаясь, и всѣ прое вышли изъ суда вмѣстѣ, но съ весьма различными чувспвами.

Съ Аптл. *А. М.*

ДРЯХЛАЯ ДУША ВЪ ЮНОМЪ ТѢЛѢ.

Недавно на одномъ балѣ мнѣ случилось слышать спарика, копорый, *сбравъ вокругъ себл родъ вѣга*, рассказывалъ, какъ посредствомъ магнетическаго, элекприческаго, гомеопатическаго или аллопатическаго леченія, онъ снова сдѣлался крѣпкимъ и бодрымъ, снова почувствовалъ въ себѣ силы двадцатипятилѣтняго возраста, распоченный имъ на пупи жизни болѣе полвѣка назадъ, короче, какъ это леченіе возвратило ему ушраченную молодоспъ.

Рассказывая объ эпоихъ чудесахъ, онъ слѣдовалъ взоромъ за увлекашельнымъ круженіемъ галопата, и глаза его блиспали, но не пѣмъ яркимъ блескомъ, копорый придаетъ взору юность души, а физическимъ свѣтомъ фосфора, сверкающаго, не сожигая.

Нешастный! думалъ я, слушал его рассказы; какую же пользу принесло тебѣ это обновленіе, это водвореніе пвоей одряхлѣвшей души въ юномъ тѣлѣ? Не поже ли это, что надѣлъ розовую шляпку на покрытую морщинами голову и опкрытое платье на плеча осьмидесятипятилѣтней спарухи: и эта шляпка возвратитъ ли изсохшимъ щекамъ ея плѣнительныя ямочки, копорыя украшали ихъ въ молодости? Жемчужное ожерелье или блескъ алмазовъ округлитъ ли по прежнему плеча и спанъ ея?

Съ груспію спопришь на уничиженіе эпой разубранной души! Нога, обушая въ балный башмакъ и сквозной чулокъ, дрожитъ при звукахъ оркестра; она дышетъ молодоспью и хочепъ испыпать удовольспвіе пля-

снѣ; но дряхлая владычица пѣла, душа, не въ силахъ болѣе повелѣвать, пакъ ослабѣть ея голосъ, и нога пляшетъ безъ удовольствія, безъ радости, безъ гармоніи, безъ души!

«Какъ очаровательны молодыя дѣвицы, панциющія въ эпномъ галопадѣ!» говорятъ сердце, въ которомъ гомеопатія разогрѣла кровь, и оно бьется, но бьется чувствомъ совершенно матеріальнымъ, и оно немного освѣщаетъ взоръ, но освѣщаетъ его фосфорическимъ свѣтомъ, жалкимъ пламенемъ безъ огня. Устарѣвшая душа не возбуждаетъ уже порывовъ спраспи, и пѣло, обновленное въ силахъ, любитъ съ минуцу безъ воли, безъ силы и безъ души.

Безсмысленный хохотъ попугая проливентъ мнѣ менѣе, чѣмъ эпа бездушная любовь. Я предпочелъ бы юную душу въ дряхломъ пѣлѣ. Тогда по крайней мѣрѣ вѣшное зданіе было бы ярко освѣщено; прецины и поврежденія скрывались бы въ сіяніи неугасаемаго свѣтильника — души. Она являлась бы съ полнымъ блескомъ во взоръ, которому придавала бы свѣжестъ юности, и лучи яркаго свѣта не дозволили бы замѣнить неисправности фонаря.

Душа искусный живописецъ, и она ежедневно украшала бы спарыя, исплѣвающія стѣны вѣшлаго зданія веселыми карпинами прошедшаго, настоящаго и даже будущаго.

Она также занимается поэзіею, и непрерывно услаждала бы пѣлесный слухъ созвучіями, копорыя служили бы къ поддержанію пѣла, какъ газъ служилъ къ поддержанію воздушнаго шара, копорый съ помощію его дѣлаелся полнымъ, подобно щекамъ молодой дѣвушки.

— Положимъ пакъ, — возразилъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, попому что я рассуждалъ вслухъ:—но если бы случайно дряхлому пѣлу вздумалось повторить пѣ звуки, копорыя раздаются въ немъ, и передашь ихъ свѣту, — какъ бы выразило оно эпи очаровательныя звуки посредствомъ дрожащаго голоса и беззубаго рта? По моему мнѣнію, ничто не сравнится съ перзаніями души, започенной въ безсильное пѣло. О! быль

лишену возможности бѣжать, лепѣть, броситься въ объятія обожаемой женщины: эпо мученіе испытываемъ ежедневно мы всѣ, спараясь разорвать оковы, насъ связывающія; его извѣдалъ *Гантанъ* двѣ тысячи лѣтъ пому назадъ; его должна наиболѣе чувствоваться юная душа, заключенная въ дряхломъ пѣлѣ.

Доводы моего сосѣда поколебали меня, и я обратился къ женщинамъ, чптобы узнать ихъ мнѣніе. Дряхлая душа казалась имъ болѣе достойною сожалѣнія.

ЛОРДЪ НЕЛЬСОНЪ.

(Анекдотъ.)

Въ 1781 году, лордъ *Нельсонъ*, бывшій погда въ чинѣ капитана, назначенъ былъ начальствующимъ морской экспедиціи проливъ *Сентъ-Жуана*. Однажды упомяся, велѣлъ онъ повѣсиль между деревьями койку, въ копорую онъ легъ и заснулъ. Въ эпо время пробѣжала по его лицу пакъ называемая *предостерегательная ящерица*, копорая называется эпимъ именемъ по способности ея предостерегать людей отъ приближенія ядовитыхъ змѣй. Нѣкоторые случившіеся пупъ Индѣйцы, примѣпя эпо, закричали, и *Нельсонъ* проснулся. Онъ мгновенно вскочилъ, сбросивъ съ себя одѣяло, и увидѣлъ, что изъ числа множества змѣй на эпномъ оспрову, одна, самая ядовитая подползала къ его ногамъ. Такое очевидное спасеніе возбудило въ Индѣйцахъ мысль, что *Нельсонъ* былъ какое-то высокое существо, копорое находится подъ особенною защипою и храненіемъ. Эпо мнѣніе, соединившееся съ необыкновенными его способностями и неусыпными трудами, много способствовало довѣренности къ нему Индѣйцевъ и доставило ему ихъ содѣйствіе.

Съ *Ньмецакаго*.

ЛУЧШЕ СОГЛАСИТЬСЯ ДОБРОВОЛЬНО.

Въ кухнѣ у одного вельможи произошла громкая ссора между кучеромъ и кухаркою, копорая послала его купить сливокъ къ

чаю, а потѣ опговаривался. Вельможа по случаю проходилъ въ это время мимо кухни и слышалъ весь споръ. Возвращаясь въ свои комнаты, онъ позвалъ кучера и спросилъ у него: «ты говоришь, что не твое дѣло покупать сливки; что же ты считаешь *своимъ дѣломъ?*» — Чиспипъ и кормилъ лошадей и ѣздилъ на козлахъ;—опивчалъ кучеръ. «Ты правъ;» сказалъ вельможа: «я за тѣмъ держу шебл; и такъ, съ нынѣшняго числа ты долженъ каждый день передъ чаемъ запрягать карету и возить кухарку на рынокъ покупать сливки.»—Кучеръ, почесавъ запятокъ, согласился лучше самъ ходить за сливками.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗПОДТИШКА.

Люблю съ иныхъ личину скинуть;
Люблю иныхъ задѣшь слегка;
Но эпиграммъ своихъ подкинушь
Я не рѣшусь изподпишка.

*

Люблю, окончивши раздоры,
На мировой хлѣбнуть слегка;
Но заводилъ переговоры
Я не люблю изподпишка.

*

Люблю людей безъ эпиклепа,
Люблю я дружбу не слегка;
Однако добывать всё это
Я не люблю изподпишка.

*

Но поцѣлуй сорвать украдкой
И съ милой пошалишь слегка...
Вопь всё, что полько сердцу сладко,
Что я люблю изъ подпишка.

Е. III — ii.

REGRETS.

N'aimais-je donc que toi, cher enfant qui n'es plus?
Aurais-je, en t'adorant, épuisé ma tendresse?
A mes autres enfans, à leur faible jeunesse,
Ne dois-je pas mes soins?... Oh! c'est que tu vécus
Trop peu de temps pour ta triste famille:

Tu n'as pas eu ta longue part d'amour!
Mon fils, mon premier né! Comme la fleur qui brille
Durant quelques soleils, et tombe sans retour,
De même fut ta destinée.

Le Ciel n'entendit pas ma prière et mes pleurs.
Il blâmait mes transports, et je fus condamnée
A les payer par d'immenses douleurs!

J'ai vu s'évanouir cette fraîche existence,
Comme un son égaré qui remonte vers Dieu;
Sur son riant berceau s'étendit le silence,
Il renfermait un éternel adieu!

On plaça dans mes bras et sa sœur et son frère;
Leurs baisers enfantins me disaient: «Aimez-nous!»
D'un accent tendre et pur ils répétaient: «Ma mère!»
Et ce nom, oh! mon Dieu! ne me parut plus doux.

C'est que l'objet chéri que mon amour réclame
Ne le prononçait plus, ce mot harmonieux,
Ce mot qui, dans sa bouche, apportait en mon ame
Un bonheur indicible et grand comme les cieux!
Par lui je jouissais d'une nouvelle vie;

Tout se parait des traits de mon enfant:
Il me semblait qu'au ciel une étoile chérie
Répandait sur son front un jour pur et brillant.
Chaque matin en lui montrait un nouveau charme;
D'autres, ainsi que moi, le trouvaient beau, l'aimaient!

Si son regard charmant se voilait d'une larme,
Mes lèvres et mon sein bientôt le consolaient.
A cet enivrement j'étais accoutumée,

Quand le ciel m'envoya les derniers fruits d'hymen,
Je ne retrouvai plus, dans mon ame charmée,
L'ivresse qui d'abord a fécondé mon sein.

Leur bonheur, cependant, faisait mon espérance;
Je préparais des fleurs à leur jeune avenir;
Et si mon cœur cachait un peu de préférence,
Par un arrêt de mort fallait-il me punir?

— Des pleurs amers inondaient le visage

De la pauvre mère à genoux.

L'ange de son enfant, entr'ouvrant un nuage,
Prononça dans les airs ces mots: «Consolerez-vous,
Mère! ne pleurez plus sur un triste mystère!

Votre fils est heureux sous l'ineffable loi
De celui qui disait, en passant sur la terre:
«Laissez venir tous les enfans à moi.»

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ имѣетъ чинъ Турецкій;

Второй слогъ—дворянинъ Нѣмецкій;

Все—имя; намъ его даюшь рожденья въ часъ....

Покличьте: я на зовъ откликнуся какъ разъ!

Въ № 52-мъ, помѣщенная загадка значить *Espoir*.—

M O D E S.

Je ne sais plus, chère sœur, si je vous ai parlé des courses de chevaux qui ont eu lieu à Chantilly le mois dernier; quoiqu'elles aient été très brillantes, elles n'ont point encore la perfection du genre de celles d'Epsom, d'Ascott et de New-Market. Il y manquait cette *vieille habitude* que nous avons dans ces sortes de choses, et qui fait que tout se passe sans désordre ni embarras. Encore quelques années, et si le goût *chevaleresque* qui s'est emparé des Français continue, ils pourront peut-être marcher de pair avec nous. Au reste, la mode, si comprimée pendant les jours plus vieux de Longchamp a pris l'essor à Chantilly. Les toilettes les plus élégantes se sont vues le matin aux courses et le soir au bal. Les plus jolis négligés étaient ceux de mousseline doublée avec les capotes assorties. Presque toutes ces robes doublées se font en peignoir serré à la taille avec un ruban de la couleur de la doublure; on les couvre de broderies et de dentelles qui en font un costume fort cher. Pour le bal, c'était de fraîches robes de gaze et de tulle; tout était neuf et brillant. Les organdis brodés en laine font de charmantes robes de bal d'été; aussi en voit-on un grand nombre à ces réunions. Les canezous, comme je vous l'ai déjà dit, sont bien moins de mode que les pélerines; on voit beaucoup de ces dernières à collet double avec un ourlet large de trois doigts; on passe un ruban de couleur dans ces ourlets ou on les garnit de petites dentelles. Quand les pélerines sont brodées, on met peu ou point de dentelles; au contraire, quand elles ne le sont pas, on les surcharge; quand elles sont pareilles aux robes, on les garnit de petites ruches ou de garnitures à crêtes de coq. Sans contredit, les plus avantageuses à la taille sont celles échanrées par devant dont les bouts viennent se perdre dans la ceinture.

Pl. № 19. 1) Bonnets de tulle.—2) Capotes en gros de naples.—3) Bonnets en dentelle.—4) Canezou en

mousseline brodée et bordé de dentelle.—5) Etole de ruban brodé en soie.

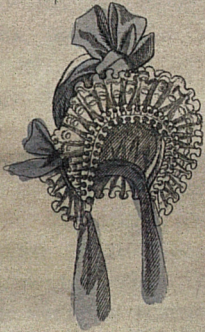
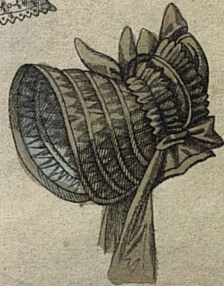
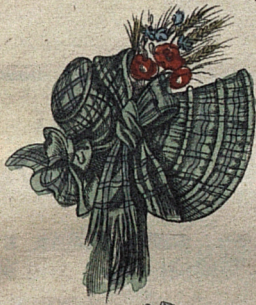
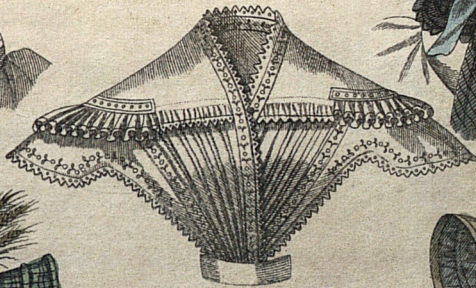
M O Д Ы.

Я не знаю, любезная сестра, говорила ли я тебѣ о лошадиныхъ скачкахъ, бывшихъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ Шанпильи. Хотя онѣ были весьма блестящи, но не имѣюшь такого рода совершенства, какъ тѣ, которыя бываюшь въ Эпсомѣ, Аскотѣ и Ньюмаркетѣ. Здѣсь недоставало нашей *старой привычки* къ эшимъ вещамъ, отъ которой у насъ не бываетъ ни безпорядка, ни замѣшательства. Еще нѣсколько лѣтъ, и если вкусъ къ рыцарскому, овладѣвшій Французами, не испребится, тогда они можеть быть въ состояннн будутъ сравнятсь съ нами. Впрочемъ, мода, подавленная дождливыми днями Лонг-шана, воспрянула въ Шанпильи. Самые щеголеватые наряды видны были упромъ на скачкахъ и вечеромъ на балахъ. Красивѣйшіе неглиже были кисейные на подкладкахъ, съ приличными капотами. Почти всѣ плашья на подкладкахъ, дѣлаются пеньюарами и прихвываются около палии ленною подъ вѣтъ подкладки; ихъ обременяюшь шипьемъ и кружевами, отъ чего коспиомъ эпошь чрезвычайно дорого. Дѣла балошь были легкія газовыя и шюлевая плашья; все было ново и блестяще. Органди, вышитыя шерстью, прекрасны для лѣтнихъ бальныхъ плашьевъ, и потому ихъ видно много въ эшихъ собраніяхъ. Канзу, какъ я тебѣ уже говорила, несравненно менѣ въ употребленнн, нежели пелеринки; сихъ послѣднихъ видно много съ двойными воротниками, съ рубцемъ въ три пальца ширины, въ которые продѣваюшь цвѣпный ленты, или обшиваюшь узенькими кружевами. Когда пелеринки вышитыя, то кружевовъ употребляютъ весьма мало, или совсѣмъ нисколько; когда же онѣ не вышиты, то ихъ обременяюшь кружевами; когда онѣ изъ той же матеріи, какъ плашья, то обшиваюшь рюшемъ или пѣпушьими гребешками. Безъ сомнѣнн, вырѣзныя пелеринки спереди, съ концами подъ поясъ, самыя выгодныя для палии.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. № 19. Тюлевой чепецъ. — Гро-дѣ-наплевые капоты. — Кружевные чепчики. — Канзу изъ вышитой кисей, опорочено кружевами. — Ленпочная етоле, вышитая шелкомъ.

№ 19^е Номер. Нруд. к^о Р. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 54.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 6 дня 1855 года.

Любовь анапомиспъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюби.

Карамзинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕСУМА-
СШЕДШАГО.

То-ли дѣло бытъ начальникомъ опредѣленія! Это не то, что нашъ братъ мелкой чиновникъ, перочинецъ; это лицо важное, именитое. Вотъ, хоть бы напримѣръ нашъ начальникъ опредѣленія; ну что это за важный и прекрасный человекъ! Вѣрно, если я вамъ поразкажу о немъ кое-что, вы согласитесь со мной, что это человекъ очень большой; онъ правда маленькой—ростомъ, да это такъ, мимоходомъ, къ дѣлу нейдетъ.

Я коротко знаю нашего начальника опредѣленія, потому что бываю у него каждый разъ, когда онъ за мною пришлетъ; то понадобится черновую бумажку написать для него: ему видѣше некогда, онъ только поправляетъ; то скажетъ чтонибудь въ канцеляріи: онъ изволише видѣть все дома занимается въ кабинетѣ. А иногда я и самъ прихожу, особенно когда есть нуждаца въ деньгахъ, и онъ, вы не повѣрите какой добрый, всегда даетъ, когда есть, хотя это и рѣдко случается; да вѣдь не онъ же виноватъ, что мнѣ часто деньги нужны.

Теперь я расскажу о его кабинетѣ: что за кабинетъ! что за мебель! вся благо дерева съ рѣзбой. И какъ чудесно! Все на своемъ мѣстѣ: и стулья и большой диванъ, на которомъ онъ сидитъ, то отдыхаетъ, то обдумываетъ чтонибудь важное; а какъ онъ сидитъ, я никогда не видалъ, чтобы ктонибудь такъ сидѣлъ: не то, чтобы по Русски, не то, чтобы по Турецки, и ноги у него, не то, чтобы спущены, не то, чтобы подогнуты, и дивана не мараешь: необыкновенно!

А столъ-то, столъ, на которомъ онъ пишетъ, какой большой! И какъ весь уставленъ! Чего пущъ нѣтъ!—Господи Боже мой! И свѣчки въ подсвѣчникахъ восковыл, и щипцы какъ зеркало, и чернильница бронзовая, и перья, и песокъ; календари и памятные книжки; печати огромныя, среднія, крошечныя, и ножички, и ножницы; однимъ словомъ, все есть! И книги разныя: большія и маленькія, Русскія и Нѣмецкія. А сколько бумагъ лежитъ на столѣ! все писаныя; то что дѣла пропасть! Когда онъ ихъ передѣлываетъ? право не знаю; а мимоходомъ скажетъ, онъ часто, сидя на диванѣ, читаетъ

книги, да думаетъ. Когда я говорю: часто, это значить каждый разъ, какъ я прихожу.

Какой большой шкафъ, бѣлый, съ рѣзбой, съ большими стеклами, и весь съ книгами, съ разными книгами; и путь естъ: и Французскія и Нѣмецкя, и Русскихъ, такъ, немного, частичка; я такъ думаю, потому что немного заглавій умѣю разобрать; а кажется по Русски хорошо знаю и часенъко пишу черновыя бумажки для начальника отдѣленя, — это такъ, мимоходомъ. И въ какихъ переплеткахъ книги: и въ зелѣныхъ и въ красныхъ и въ песпрыхъ. Нашъ начальникъ отдѣленя человекъ не старый; ему еще нѣтъ сорока лѣтъ; а сколько у него сѣдыхъ волосъ, пропасть. Вѣрно отъ того, что онъ долго думалъ, какъ бытъ начальникомъ отдѣленя; да за то и умѣетъ бытъ имъ. И я давно думаю, какъ бытъ начальникомъ отдѣленя, да все не клеится; однако и у меня, когда я на прошлой недѣлѣ велѣлъ себя оспричь, нашли сѣдой волосъ: хороший знакъ, подумалъ я, вѣрно мнѣ скоро бытъ начальникомъ отдѣленя!

Что за диковинка? — думалъ я, глядя на волоса моего начальника: волоса, какъ волоса, кажется такіе же, какъ у меня, хоть я и не брался за нихъ, да вѣдь и такъ видно; а отъ чего не лежатъ они такъ, какъ у меня? — Вотъ изволише видѣть: спереди у меня большой хохоль, а по бокамъ гладко, гладко: я нарочно квасомъ примачиваю; а у начальника отдѣленя, всѣ споятъ и спереди и по бокамъ; диковина! право диковина! Экой я дуракъ! И не подумалъ, что ему некогда заниматься такими пуспьяками, уборкой головы; у него дѣла много; вѣдь надобно же и бумагами занятыся, и подуматъ, и книги почитатъ; у него ихъ такъ много; естъ даже и съ модными картинками. Какой у него слогъ, когда онъ пишетъ, прекрасной! Мнѣ разъ случилось прочитатъ одну бумажку, которую онъ писалъ кому-то, и вотъ что было написано: Милоспивый государь! — а шамъ . . . и пошелъ и пошелъ, такъ хорошо и гладко.

Разскажутъ ли вамъ, какъ я буду начальникомъ? — Послушайте: когда мнѣ скажутъ;

что я начальникъ отдѣленя, у меня будутъ свои чиновники; я ихъ позову къ себѣ всѣхъ и скажу имъ: господа! теперь я вашъ начальникъ; попомъ велю податъ завтракъ; и спану ихъ полчиватъ.

Заведу себѣ: и кабинетъ, и диванъ, и книги, и споль, все что нужно въ такихъ случаяхъ. И буду заниматся, читатъ, думатъ; чиновники мои будутъ дѣлатъ, я ихъ буду благодаритъ. Неправда ли, что хорошо? —

Е. Г.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЩАНІЕ.

(Сог. лорда Филлинга.)

Когда я жилъ въ Мадридѣ, въ 18.. году, то изъ многихъ знакомыхъ мнѣ домовъ, всего чаще я посѣщалъ домъ молодой графини *де-Талавера*. Уже около года была она за мужемъ, но по виду казалось ей не болѣе осьмнадцати лѣтъ. Столичное воспитаніе и придворная жизнь съ ранняго возраста освоили еѣ со всеми тонкостями и преребованиями большаго свѣта, не испортивъ въ ней нѣхъ милыхъ и прекрасныхъ свойствъ, которыя ей достались отъ природы. Спройность и гибкость ея тонкаго спана, розовая бѣлизна лица ея, длинныя волосы и большіе черныя глаза, прелестныя руки и маленькя ножки, плѣнительная живость каждаго ея движенія, всѣ эти красоты заставляли обожатъ еѣ; — но что значили эти наружныя совершенства, въ сравненіи съ тѣми, какими надѣлены были умъ и душа ея?

О *Мерцедесъ*, *Мерцедесъ*, женщина единственная и несравненная! Теперь еще вижу я тебѣ, какъ видалъ каждый вечеръ, съ цвѣткомъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ. Ты сидишь въ своей госпоиной, на шелковомъ голубомъ канатѣ; я сажу подлѣ тебѣ, и внимаю тебѣ съ наслажденіемъ, съ воспоргомъ. Ты повѣряешь мнѣ съ прелестною искренностію простыя тайны своего непорочнаго сердца; ны знакомишь меня съ своей опчиз-

ною, и заставляешь чувствовать и понимать ее поэзию. И тогда, какъ ты поешь мнѣ, со взоромъ, попеременно томнымъ и блестящимъ, голосомъ то веселымъ, то распротанымъ, ваши страстные и полныя грустію *тираны*, ваши осприя и живыя *сегидиллы*, я олицетворяю въ тебѣ прекрасную и гордую Испанію; я боготворю еѣ и удивляюсь ей въ тебѣ.

О *Мерцедѣсъ*, если бы супругъ твой, почти столь же юный, какъ и ты, и, безъ сомнѣнія, достойный твоего выбора, не любилъ тебя такъ, какъ ты его любишь! Если бы по крайней мѣрѣ можно было подозревать это! *Мерцедѣсъ*, *Мерцедѣсъ*, какъ гордился бы избранный Провидѣніемъ въ мстители за его неблагодарность! Сколько силы и готовности загладишь его несправедливость ощутилъ бы въ себѣ эпосъ щастливый избранникъ! — Но къ сожалѣнію, *Мерцедѣсъ*, ты не имѣла нужды въ мститель, и утѣшенія были тебѣ не нужны! Въ сердцѣ твоемъ оставался только небольшой уголокъ для дружбы, и ты позволила мнѣ занять его. Не довольно ли было этого, чтобы усладить и ощастливитъ цѣлую жизнь? Но мнѣ не суждено было долго пользоваться и этимъ щастіемъ. О! по крайней мѣрѣ никогда не изгладишься оно изъ моей памяти, никогда не испребишься въ ней и та горестная сцена, которая ознаменовала конецъ его.

Послѣ одиннадцати-мѣсячнаго пребыванія въ Мадридѣ, упрямъ 6-го Августа 18.. года, я получилъ съ нарочнымъ депешу отъ своего правительствва, которое предписывало мнѣ не далье, какъ на слѣдующій день, отправиться въ Кадиксъ, гдѣ я долженъ былъ немедленно сѣсть на корабль для отплытія въ Мексику. Нельзя было спорить противъ этой строгой необходимости. Я по неволѣ долженъ былъ повиноваться и въ тотъ же день изготовиться къ отъѣзду.

Окончивъ свои дорожные сборы и лишась разсвѣнія, которое они мнѣ доставляли, я погрузился въ глубокую горестъ. Напрасно представлялъ я себѣ, что въ Мадридѣ я не былъ связанъ такими узами, съ разрывомъ которыхъ растерзываются два сердца, рас-

поргаются двѣ души; напрасно старался я убѣдить себя, что отъѣздъ мой никого не приведетъ въ опчаяніе и что одна только дружба почтитъ меня легкимъ сожалѣніемъ; всѣ эти умныя разсужденія ни сколько не облегчали моей грусти. Я почиталъ себя очень несчастливымъ потому, что такъ неожиданно и вѣроятно навсегда долженъ былъ расстаться съ *Мерцедѣсъ*, и вдругъ лишиться того тихаго и спокойнаго щастія, которое находилъ я въ чистой, братской къ ней привязанности.

Полный этой грустной мысли, въ ожиданіи вечера, урочнаго времени, въ которое я обыкновенно посѣщала графиню; желая и вмѣстѣ опасаясь наступленія минуты, когда я долженъ былъ увидѣть еѣ въ послѣдній разъ,—почти въ семь часовъ я пошелъ прогуляться въ Прадо. Тамъ было много гуляющихъ, отъ того, что послѣ знойнаго дня, свѣрный вѣтеръ обѣщала прѣкрасный и прохладный вечеръ.

Я машинально слѣдовалъ за толпой гуляющихъ, углубившись въ размышленія, какъ вдругъ почувствовалъ, что чья-то легкая рука обвилась вокругъ моей.

Я содрогнулся. По одному прикосновенію узналъ я графиню. Она шла вмѣстѣ съ мужемъ, который поручивъ мнѣ жену свою, съ просьбою проводить еѣ до дома послѣ прогулки, проснулся съ нами и отправился въ Королевскій театръ, слушать пѣвицу *Този*, въ *La Straniera Беллини*.

Графиня не привыкла ходить, и вѣроятно чувствовала уже усталость, слегка на меня опиралась. До сихъ поръ намъ случалось только выѣзжать вмѣстѣ, и теперь я въ первый разъ еще велъ еѣ подъ руку; въ первый разъ видѣлъ еѣ въ баскиѣ и черной мантильи, національной одеждѣ, единственной, какую носятъ женщины, гуляющія въ городѣ пѣшкомъ. Одежда эта была ей чрезвычайно къ лицу. Я не могъ на неѣ насмотрѣться. Каждый разъ, усpremляясь на неѣ, взоръ мой вспрѣчался съ ея плѣнительнымъ и нѣжнымъ взглядомъ. Глаза ея, какъ двѣ

звѣзды, блистали изъ подъ чѣрнаго блондоваго покрывала.

Мы обошли Прадо нѣсколько разъ, не говоря ни слова. Наконецъ графиня прервала молчаніе.

— Что съ вами, *Джонъ*? — спросила она: нынѣшній вечеръ вы такой пасмурной, мрачный; послушайте, можетъ быть я вамъ въ пягоспъ; можетъ быть я мѣшаю какому нибудь таинственному свиданію, которое у васъ здѣсь назначено?—Если такъ, то я уйду опъ васъ. —

И съ этими словами, съ видомъ нѣкоторой досады, она хотѣла высвободить у меня свою руку. Я удержалъ её, пихонько пожавъ ей руку.

«О! ради Бога, можно ли такъ шутить, *Мерцедесъ*; въ теперешнемъ моемъ положеніи это слишкомъ жестоко.»

— Какъ? Что вы хотите сказать? Что съ вами, другъ мой, — возразила она съ необыкновенною живостію.—Если у васъ есть какал нибудь печаль, почему же я до сихъ поръ её не знаю?—

«Какъ вы добры, *Мерцедесъ*! Но не браните меня; въ самомъ дѣлѣ мнѣ есть о чемъ печалился; только я расскажу вамъ свое горе не теперь; а послѣ прогулки, когда мы будемъ одни, когда придемъ къ вамъ домой.»

— Такъ пойдете же, другъ мой; пойдете сей часъ, — сказала она, поспѣшно тща мена за руку.—Припомъ же я уснула, и не въ состояніи больше ходить. Карета моя за мною не пріѣдетъ. Проводите же меня, *Джонъ*; пойдете.—

Мы вышли изъ толпы, и я довелъ графиню до ея дома, находившагося при входѣ въ улицу Алкала, со стороны Прадо.

Во всю дорогу между нами происходилъ родъ нѣкоторой борьбы. Она теряла терпѣніе, и на каждомъ шагу со мною ссорилась, жалуюсь, что я иду чрезвычайно тихо. Мнѣ кажется, она пустилась бы бѣжать, если-бъ я не удерживалъ её съ нѣкоторымъ усиліемъ. Между тѣмъ ея спройныя ножки почти опказывались служить ей. Такъ неперпѣли-

во желала она узнать причину моей грусти и облегчить её утѣшеніемъ.

Когда мы вошли въ комнаты, графиня оспавила меня на нѣсколько минутъ въ гостиной. Я спалъ прохаживаясь взадъ и впередъ, окидывая комнату глазами, печально смотря на каждый стулъ, на каждую картину, прощаясь съ ними какъ съ друзьями, прощаясь съ коврами, по которымъ спупала *Мерцедесъ*, съ ея рабочими лщичками, съ ея цвѣтами, съ милыми бездѣлками, которые такъ часто окружали её, со всѣмъ, что я покидалъ вмѣстѣ съ нею.

Графиня скоро возвратилась. Она успѣла только переобуться и надѣть бѣлое платье. Подобравъ наскоро волосы, развипыла вечернимъ въпромъ, она небрежно опбросила ихъ за уши и накинула на голову шипую тюлевую косынку, которая спускаясь по споронамъ ея большаго черепаховаго гребня, завязана была у ней на подбородкѣ.

Приказавъ людямъ во весь вечеръ опказывать пріѣзжающимъ, графиня съла на своемъ голубомъ канапѣ; я подлѣ неё въ большихъ и низкихъ креслахъ.

На колокольнѣ ближняго монастыря пробило восемь часовъ. По улицамъ было еще свѣтло. Свѣжій вѣперъ дулъ изъ опкрыпаго окна прямо въ лицо графини, и развѣвалъ уголокъ ея косынки.

«Не холодно ли вамъ?» спросалъ я: «не закрытъ ли окно?»

— Нѣтъ, *Джонъ*; если только оно не безпокоитъ васъ самихъ, то не закрывайте его; свѣжій воздухъ облегчитъ меня. —

Послѣ этихъ немногихъ словъ, мы сидѣли молча нѣсколько минутъ. Графиня казалась впревоженной. По видимому, она не поропилась уже узнать мою тайну. Можетъ быть она только боялась услышать опъ меня то, что давно уже было ею угадано. Какое другое несчастіе, кромѣ необходимости опъзда, могло постигнуть меня? И развѣ не знала она, что я давно уже спрашилъ этого несчастія? Со всѣмъ тѣмъ, я самъ не рѣшался сказать ей, что роковая минута наступила.

Это молчаніе спановилось пятгоспннмъ. Я прервалъ его въ другой разъ.

«Вы никогда не ходите пѣшкомъ, *Мерцедесъ*!» сказалъ я: «и вѣрно успали опъ нынѣшней прогулки.»

— Въ самомъ дѣлѣ, я и забыла про свою успалоспъ, — опвѣчала она, груспно улыбаясь: вы заспавляете меня вспомнипъ оней.—

Она умолкла, и молчаніе воцарилось снова.

Между пѣмъ приближалась ночь; вѣперъ спановился силнѣе.

— Вы назовете меня причудницею,—сказала мнѣ графиня: но, право, пеперь я почти озбла; попрудитесь закрыть окно, мой другъ.—

Я вскочилъ и подбѣжалъ къ окну. Спекла ею были задернуты кисейными занавѣсками, и когда я закрылъ его, въ комнатѣ сдѣмалось вдругъ совершенно темно.

Долго споялъ я, прислонясь головою къ бронзовымъ задвижкамъ окна. Голова моя горѣла и прикосновеііе холоднаго мепалла немого облегчало меня. Я машинально смотрѣлъ на улицу, на толпы гуляющихъ, спянувшіяся опъ Прадо къ *Puerta del Sol*.

Между пѣмъ взошелъ мѣсяцъ и поплылъ по небу надъ садами *Буен-Ретиро*. Его нѣжное и блѣдное сіяііе, какъ будто новымъ днемъ освѣщало городъ. Длинныя ряды каменныхъ плитъ, паралельно прорѣзывающихъ мостповую Алкальской улицы, облипыте эпимъ сіяііемъ, уподоблялись серебрянымъ попкамъ. Это упомило и ослѣпило глаза мой; я оборопился и успремилъ ихъ во внуспреноспъ комнаты. Сначала она показала мнѣ очень темною, но мало по малу, предметы спали опдѣляіісь изъ мрака, и предспавились мнѣ въ какомъ-то голубовапомъ свѣтѣ. Наконецъ я увидѣлъ и графиню, сидѣвшую на помъ же мѣспѣ, съ сложенными на крестъ руками, прислонясь къ одной изъ подушекъ своего канапе. Большіе черные глаза ея были влажны и успремлены въ пополокъ.

Мысли мои помѣшались. Я не зналъ, просыпаюсь ли я послѣ тяжелаго сповидѣнія, или оно только начинается. Я возврапился од-

нако-жъ къ прежнему мѣспу и снова сѣлъ въ кресла пропивъ графини. Тутъ предспавилась мнѣ попчасъ вся гореспная дѣйсспивпельноспъ, вся безнадежноспъ моего положенія.

Луна вполне освѣщала комнату. Я не смѣлъ болѣе взглянуть на графиню. Это положеніе, это молчаніе—спановились невыносимыми. Я ихъ не выдержалъ.

«И пакъ! я уѣзжаю, *Мерцедесъ*!» вскричалъ я наконецъ.

— Это ужъ рѣшено? —

«Рѣшено.»

— А когда вы ѣдете? —

«Завпра упроемъ.»

— Завпра упроемъ! —

«Да, сначала въ Кадиксъ, а опшуда въ Мексику.»

Наконецъ все было сказано, и я вздохнулъ свободнѣе. Графиня, опуспивъ прелеспную головку на грудь, сидѣла нѣсколько времени безмолвно; попомъ, вдругъ вспала и поспѣшно пошла въ свою спальню, въ которую дверь была опворена. Она пробыва памъ съ минуспу, и я слышалъ, какъ она опворяла ящикъ въ своемъ комодѣ. Когда она снова вошла въ гостиную и сѣла на канапѣ, въ рукѣ у ней былъ одинъ изъ шипыхъ баписповыхъ плапковъ, которые я подарилъ ей въ новый годъ. Я попчасъ узналъ его.

Она по прежнему молчала. Вспавала ли и уходила она за пѣмъ, чтобы скрыпъ неоспорожную слезу: не знаю. Но я самъ плакалъ горько и не спарался эпого скрывать. Когда рыданія облегчили грудь мою, я пропаянулъ графинѣ руку.

«Это вѣчная разлука, *Мерцедесъ*! Не правда ли? Я перестану сущеспвовать для васъ. Но будете ли вы хоть изрѣдка вспоминапъ меня?»

— Да! — сказала она пронупымъ голосомъ, и улыбаясь сквозъ слѣзы, подала мнѣ руку.

Она опяпъ вспала съ канапе и опошла къ окну. Я видѣлъ, что она пакже плакала и опирала плапкомъ глаза. Попомъ подошла и

спала подлѣ меня, опвернувъ голову. Я взялъ ея нѣжную ручку и сжалъ въ своихъ рукахъ.

«И пакъ, навсегда, *Мерцедесъ!* Навсегда! Я не возвращусь къ вамъ!»

— Океанъ, цѣлый океанъ, — возразила она, запрепавъ, и рука ея дрожала.

«Да, цѣлый океанъ будетъ раздѣлять насъ, *Мерцедесъ!*»

— Но это пройдетъ, — сказала она послѣ долгаго молчанія, съ видомъ болѣе спокойнымъ: — это пройдетъ, *Джонъ*; вы не всегда будете думать объ насъ! —

«Это пройдетъ! Не всегда буду думать! О! что вы говорите, *Мерцедесъ!*»

Я опустил ея руку. Она снова съла прошивъ меня на канатъ. Я оперся локтями на свои колѣна и закрывъ руками лицо, долго плакалъ горькими слезами.

«О Боже! Зачѣмъ суждено мнѣ было узнать васъ, *Мерцедесъ!* Горько разлучаюсь навсегда душамъ, которыхъ сошлись и поняли другъ друга.»

— Ради Бога, успокойшесь, *Джонъ*, — сказала она, сама будучи сильно взволнована.

«Вѣрите мнѣ, *Мерцедесъ*, вы не найдете друга, который бы любилъ васъ пакъ, какъ я.»

— И вы думаете, что я спану искашь другаго въ замѣну вамъ, милый *Джонъ*? —

Тупъ она взяла меня за руку, и голова моя, которую она лишала этой опоры, почти коснулась колѣнъ ея.

«Но что за дѣло до моего жребія?» вскричалъ я, вдругъ поднявъ голову и облокотясь на спинку кресель. «Что за дѣло до того, что я несчастливъ? Развѣ не увѣренъ я, что оставляю васъ щасливою? Вы любите, вы любимы, *Мерцедесъ*, чего же мнѣ болѣе? Я спану жить воспоминаніемъ о васъ, и этого будетъ для меня довольно. Да! я не могу много жаловаться на судьбу мою. Она могла быть еще печальнѣе; я могъ бы вовсе васъ не встрѣтить; теперъ же, образъ вашъ будетъ сопутствовать мнѣ во всѣхъ моихъ странствованіяхъ по свѣту, и покинетъ меня вмѣстѣ съ жизнію.»

Я былъ въ сильномъ волненіи. Сердце разрывалось въ моей груди.

Между тѣмъ окно, не плотно припворенное, вдругъ со спугомъ распворилось. Я взглянулъ на графиню. Лучи мѣсяца, не заслоняемые болѣе занавѣсами, ударяли ей прямо въ лицо. Крупныя слезы дрожали на длинныхъ ея рѣсницахъ и медленно капались по щекамъ. Боже! какъ она казалось мнѣ опъ этого прекрасною! Я готовъ былъ кинуться къ ея ногамъ, и съ воспоргомъ ихъ облобызавъ. Вдругъ она вспала, подошла къ камину, и долго спояла памъ, молча.

— Мы ребячимся, — молвила наконецъ она голосомъ нѣжнымъ и почти спокойнымъ. — Послушайте, *Джонъ*; переспаньте; я позвоню и спрошу огня, а вы между тѣмъ вспаньте и подите на балконъ. Полно, другъ мой, будьте мужеспвеннѣе; не благоразумно пакъ плакать. Вопъ, возьмите мой плапокъ, уприте имъ слѣзы. —

Я схватилъ плапокъ, который она подала мнѣ, и кинулся къ окну. О щастіе! ея плапокъ, плапокъ, увлажненный ея слезами. Я прижалъ его къ успамъ и спрямалъ на груди своей. Священный залогъ нашей дружбы! я сохранилъ тебѣ до нынѣ, и буду хранить всегда у своего сердца съ слезами *Мерцедесъ*, какъ драгоценный палисманъ.

Спановилось поздно. Улица начинала пущать и по временамъ раздавались ночные оклики городской спражи. Я закрылъ окно. Между тѣмъ въ комнатахъ зажгли лампы; двѣ свѣчи спояли на рабочемъ столѣ графини: она по прежнему сидѣла на канатѣ и разсмапривала свое шипье. Я подошелъ къ ней.

«*Мерцедесъ*,» сказалъ я: «я почелъ бы себя очень щасливымъ, если бы еще разъ услышалъ вашъ голосъ. Согласитесь ли вы чтонибудь пропъть мнѣ?»

Она вздрогнула и взглянула на меня.

— О! съ охотою, другъ мой; не знаю только, буду ли въ соспаніи тѣмъ, но постараюсь. —

Я опкрылъ фортепiano и подвелъ къ ней графиню.

— Чтo же вы хотите, чтобъ я вамъ спѣла, *Джонъ*? —

«О! чтo вамъ угодно, моя милая. Мнѣ нужно только слышать вашъ голосъ. Спойте *Калезеро*, нашу любимую *тирану*.»

Послѣ короткой прелюдіи, она начала пѣть не твердымъ и дрожащимъ голосомъ.

Вслѣдъ за первымъ куплетомъ баллады она остановилась, и сказала:

— Я не въ силахъ продолжать, *Джонъ*. —

«Погодите, *Мерцедесъ*; можете быть теперь вамъ легче будетъ кончить.»

Я сѣлъ на стулъ подлѣ фортепiano и оперся на него головою. Послѣ нѣкотораго молчанія, *Мерцедесъ* сказала мнѣ: «Теперь я могу продолжать,—и запѣла снова уже не споль разспроеннымъ голосомъ.

Кто не слышалъ изъ устъ *Мерцедесъ* простой, но очаровательной баллады, которую она пѣла, тотъ никогда не пойметъ впечатлѣнія, какое она произвела на меня въ тотъ вечеръ. Между тѣмъ, какъ графиня пѣла, я сидѣлъ облокотясь головою на фортепiano, такъ что поспрясенія спрунъ его, дѣйствуя на всѣ мои нервы, проникая весь составъ мой, въ то же время, какъ голосъ *Мерцедесъ* отдавался глубоко въ душѣ моей, произвело на меня дѣйствіе, подобное дѣйствію электричества, выдержаннаго сряду нѣсколько минутъ.

Пробило одиннадцать часовъ, и графиня сидѣла еще за фортепiano, когда вошелъ въ комнату мужъ ея. Онъ подошелъ и поцѣловалъ её нѣсколько разъ въ голову, потомъ пропаянулъ мнѣ руку. Я подалъ ему свою и онъ слегка пожалъ её.

«Вы занимались музыкой?» сказалъ графъ, разсѣянно поправляя передъ зеркаломъ волосы: «а я тоже слушалъ прекрасную музыку. *Straniera Bellini* имѣла нынче рѣшительный успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, это отличная опера, а притомъ и *Този* никогда еще не пѣла такъ хорошо.»

—Извини насъ, другъ мой,—сказала графиня, если мы не спанемъ подробно тебѣ распрашивать о спектаклѣ. Но вотъ видишьли, мы въ большомъ горѣ. *Г. Джонъ* остав-

ляетъ насъ, и ѣдетъ завтра упрямъ въ Кадиксъ, а отсюда въ Мексику.—

«Вы дурно дѣлаете,» сказалъ графъ, холодно-ласковымъ тономъ, обращаясь ко мнѣ: «вы дурно дѣлаете, *Джонъ*, что такъ неожиданно оставляете друзей вашихъ. Такъ вы ѣдете въ Мексику? Мексика, это хорошая земля; только немножко далеко. Впрочемъ, вѣроятно вы займете какое нибудь значительное мѣсто, и если-бы мы съ этимъ не потеряли васъ, то я-бы васъ поздравилъ.»

Я поблагодарилъ графа поклономъ.

Было уже около полуночи и я видѣлъ, что мнѣ пора проспиться съ друзьями, съ которыми не надѣялся болѣе увидѣться. Я пожалъ руку графа; и этимъ ограничилось всё; мнѣ нечего было сказать ему. У графини я поцѣловалъ руку. Но между ею и мною это было однимъ только соблюденіемъ приличій, пустою формою; прощаніе, истинное прощаніе душъ, было уже совершено нами: мы плакали вмѣстѣ.

На другой день, еще до разсвѣта, я скакалъ на почтовыхъ по дорогѣ въ Кадиксъ.

Перев. *Ипполитъ Глбзовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СОСѢДУ.

Нѣтъ, *Клилъ Ильичъ!* запѣлялъ ты пустое!
 Не добрый духъ,—знаешь за твои грѣхи,
 Внушилъ тебѣ приняться за *стихи!*
 Не зная ихъ, ты-бъ жилъ, да жилъ въ покоѣ!
 Надъ рѣмами ты-бъ не попѣлъ шеперь.
 Ахъ, *Клилъ Ильичъ!* какъ другу, мнѣ повѣрь,
 Оставь стихи, впредь не пиши ихъ болѣ!
 Не будешь ты, мой другъ, богаты опъ нихъ;
 Тебѣ *пяти рублей* вѣдъ не дадутъ за *стихъ!*
 Умѣй-быть щасливымъ въ своей блаженной долѣ.
 Но ты не внемлешь мнѣ, ты всё свое *поѣшь!*
 Пера изъ рукъ не выпускаешь,
 Всё рѣмы подбираешь,
 И слухъ пріятелей—безжалостно дерѣшь!
 И не краснѣешь ты?—Ну *пой*, Господь съ тобою!
 Смиши людей собою.

Сухановъ.

CHARADE DE 4 SYLLABES.

Mon premier (*) suppose un second ;
 Mon dernier doit au moins contenir trois ou quatre ;
 Mon entier est un furibond ,
 Qu'anime l'ardeur de se battre.

Въ No 53-мъ, помѣщенная шарада значить: *Леа-фонъ*.

M O D E S.

Les robes en jaconas à mille raies sont pour cette sorte d'étoffes les plus jolies et les plus distinguées. Les gros pois sont un peu tombés par la grande vogue qu'ils ont eue. Les mousselines imitant la mousseline anglaise, soit à raies ou carreaux mat sur clair, ont de petits dessins très légers et de couleur tendre. Le froid, qui continue, fait reparaitre les mousselaines imprimées; en général, les fonds de ces robes sont de couleurs claires, ou blancs. Décidément les chapeaux de paille de riz l'emportent sur tous les autres, et les femmes élégantes n'en portent presque point d'autres. On les orne en général de rubans ou de plumes, très peu de fleurs, excepté sous la passe. Quand les cheveux sont en bandeaux, on garnit les coins du chapeau (en dessous) d'une petite guirlande de fleurs; quand les cheveux sont bouclés, on place cette guirlande sur le front. Au bord de tous les chapeaux on coud un demi-voile de tulle ou de blonde. Une femme de bon goût ne sortirait plus maintenant sans cet ornement, qui au reste sied à ravir. Au bord des voiles de tulle uni, on coud une petite blonde. Les cheveux se portent ou en bandeaux ou bouclés à l'anglaise; les touffes remontées ne sont portées que par les femmes âgées. Les cheveux en bandeaux vont bien aux figures régulières, graves et pâles, un front uni et de grands sourcils bien arqués. Aux figures rondes, riantes et colorées, les cheveux bouclés conviennent mieux.

En vérité, chère sœur, en réunissant mes lettres à la fin de l'année, vous en pourrez faire un code sur la mode *fort intéressante* pour nos petits enfans. Je suis consciencieuse, comme vous le voyez, et je tiens mes promesses; rien ne m'échappe, et le *sténographe* chargé de recueillir les *mémorables* paroles échappées des lèvres des membres de la chambre des lords ou des communes n'est pas plus scrupuleux à rendre fidèlement ce qu'il entend que je ne le suis à vous écrire

(*) Ce premier est formé de deux syllabes.

ce que je vois. C'est un talent comme un autre, n'est-ce pas? mais celui que je possède le mieux, est de savoir vous aimer plus que je ne sais le dire.— *Sarah*.

M O Д Ы.

Плашья изъ жаконета съ мелкими полосками; изъ эпаго рода матерій самыя красивыя и оплечныя. Матеріи съ крупныхъ горошкомъ, чрезъ весьма большое употребленіе, остаются. Кисей, на подобіе Англинскихъ кисей, съ маповыми полосами или клѣпками по прозрачному, дѣлаюся съ весьма мелкими, легкими узорами нѣжныхъ цвѣтовъ. Продолжающійся холодъ заставляеть опять показаться шерстяной печатной кисей; вообще группы сихъ плашьевъ свѣплыхъ цвѣтовъ или бѣлыя. Рѣшиительно басповыя шляпки берущъ преимущество надъ прочими, и щеголевато - одѣвающіяся дамы не носятъ почти другихъ. Ихъ отдѣлываютъ вообще лентами или перьями; весьма мало цвѣтовъ, исключая подъ полемъ. Если волосы спереди гладкіе, то кладущъ по сторонамъ (подъ полемъ) маленькія гирляндочки изъ цвѣтовъ; если же локоны, то гирляндѣ кладущъ по лбу. Къ краю всякихъ шляпъ пришиваютъ полуваля шюлевые или блондовые. Женщина съ хорошимъ вкусомъ не выйдетъ безъ эпаго украшенія, которое впрочемъ чрезвычайно ко всему идетъ. Край гладкихъ шюлевыхъ вуалей обшиваютъ узенькой блондой. Волосы спереди носятъ гладкіе или локонами, по Англійски; взбитые кустики въ употребленіи полько у молодыхъ дамъ. Гладкіе волосы идутъ правильнымъ лицамъ, важнымъ и блѣднымъ, съ красивымъ лбомъ и большими крупными бровями. Круглымъ, румянымъ, смѣющимся лицамъ идутъ лучше локоны.

По истинѣ, любезная сестра, собравъ мои письма, въ концѣ года ты можешь составить весьма занимательное уложеніе моды для нашихъ внучатъ. Я имѣю совѣсть, какъ ты видишь, и держу свои обѣщанія; у меня ничто не прокрадывается, и *стенографъ*, собирающій достопамятныя слова, измѣшающія изъ устъ членовъ Палаты перовъ или депушатовъ, не вѣрнѣ передаетъ, что онъ слышитъ, какъ я тебѣ описываю, что вижу. Эпошъ палантъ также годится, не правда ли? Но главный мой палантъ есть; любить тебѣ, больше, нежели умѣю сказать.— *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 55.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 10 дня 1835 года.

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей. . .

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИРЛАНДСКАЯ НЕВѢСТА.

Ирландія, обитаемая воинственнымъ народомъ, была непрерывно жертвою войнъ, какъ междоусобныхъ, такъ и съ другими народами; опъ того въ ней находилъся множество замковъ и крѣпостей, построенныхъ въ разные времена; древнѣйшія изъ нихъ суть башни весьма спральной формы. Эти древніе памятники Ирландской архитектуры существуютъ и по нынѣ, не смотря на поврежденія опъ времени. Вышина ихъ опъ пятидесяти до 130 футовъ.—Одна изъ этихъ башенъ возвышалась нѣкогда надъ жилищемъ семейства *Макъ-Аллама*, которому было подвластно самое воинственное племя Ирландіи. Когда Англичане тамъ поселились, то *Макъ-Алламы* болѣе всѣхъ пропивились ихъ завоеваніямъ, и полуспольтіе продолжалась жестокая борьба между прежними владѣтелями и пришельцами. Война окончилась рѣшительнымъ сраженіемъ, гдѣ послѣдніе потомки *Макъ-Алламы* потеряли жизнь. Изъ всей древней и могущественной линіи осталась только дѣвочка, еще въ колыбели, которую спаряд *Юдиовъ*, бабушка

ея, спряпала въ хижинѣ вѣрнаго вассала. Эту дѣвочку звали *Сарой*.

Англійскій рыцарь, побѣдивъ *Макъ-Алламовъ*, вскорѣ пріѣхалъ въ замокъ. Сирь *Форстеръ* хотѣлъ разрушить башню, такъ живо напоминающую о прежнихъ владѣльцахъ, но хотя онъ предлагалъ большія деньги, ни одинъ работникъ не смѣлъ наложить руку на древній памятникъ, который видѣнъ былъ за десять миль и къ которому бѣдные привыкли приходиться за подаеніемъ, никому не отказываемымъ. Спранные вещи рассказывали о пюрьмѣ, давно уже необитаемой; говорили, что дверь эта отворялась только при погребеніи кого нибудь изъ фамиліи *Макъ-Алламовъ*. И суевѣрный народъ думалъ, что ежели никогда живые тудя не входили, то это попому, что тамъ обитаютъ души умершихъ владѣльцовъ.

Нѣкоторые спарики однако же говорили, что давно уже замѣчали тамъ свѣтъ по ночамъ, и рассказывали о преданіи, что *Макъ-Алламы* оспануты владѣльцами ихъ земель, доколъ башня будетъ цѣла.

Узнавъ объ этомъ предсказаніи, надъ которымъ смѣялся, хотѣвъпайнѣ спрашилъ его, *Форстеръ* рѣшился заспроить, ежели не могъ

разрушить; онъ задралъ дверь башни и за-
кчалъ её спѣною въ 6 футовъ толщины и
20 вышины. Глубокій и широкій ровъ окру-
жалъ спѣну, и часовые всегда смѣнялись на
спѣнѣ, доказывая тѣмъ, что новый владѣ-
тель хотѣлъ управлять недреманно.

Нѣсколько лѣтъ прошло, и ничего не пе-
ремѣнилось въ положеніи *Форстера* и *Иудивы*,
которая проводила цѣлые дни, устремляя
глаза на башню, въ которой родились и
умерли всѣ ея предки; погда вспоминала она
прежнее могущество, и нѣжно обнимала ма-
ленькую внучку, еще не понимавшую го-
рести бабушки. *Сара*, воспитанная наравнѣ
съ прочими дѣтьми, одѣвая какъ они, не
знала, чего лишила её война, и была щаспли-
ва. — Однако же, спаринная башня *Макъ-Ал-*
лаловъ возвышалась еще гордо до небесъ; но
каждый день бѣдная *Иудивъ* все болѣе и бо-
лѣе сгорблялась, каждый день волосы ея съ-
дѣли, и даже говорили, что она начинала
быть помѣшанною, потому что *Иудивъ* гова-
ривала всѣмъ, кого ни встрѣчала: «Не знаете
ли вы кого нибудь достойнаго руки *Сары*,
«наслѣдницы *Макъ-Алаловъ*? я ей дамъ въ при-
«даное прекрасный замокъ, выспроенный на-
«рочно для неё Англичанами, и дамъ ей обшир-
«ныя земли; но тотъ долженъ быть храбръ
«и неуспрашимъ, чтобы защитить мою *Са-*
сру, когда я умру.» — Вотъ что говорила
Иудивъ, когда Нормандскіе и Англійскіе рыца-
ри пріѣзжали въ замокъ; но всѣ проходили
мимо и смѣясь говорили: «Она сумасшедшая,
бѣдная старушка.» Прежніе вассалы *Иудивы*
были пронуты ея словами; они спрашивали
другъ у друга, какъ спаруха и внучка ея
могли завладѣть замкомъ, защищаемымъ мно-
гочисленнымъ гарнизономъ. — *Сара* слыша
людей, увѣряющихъ ее, что *Иудивъ* сошла
съ ума, и бабушку, общающую ей замокъ и
обширныя владѣнія, не знала кому вѣрять.

Однажды, сидя у подошвы горы, спаруха
по обыкновенію смотрѣла на башню; внучка
въ первый разъ спросила у неё значеніе ея
непонятныхъ словъ. — «Тогда *Иудивъ* взяла за
руку *Сару*, спавшую на колыни передъ нею,
и сказала: Ты любопытна, милая моя, это
меня не удивляетъ; но когда ты любопыт-
на, то должна также быть скромною и мол-

чаливою; тебѣ уже 11 лѣтъ, и я часто пе-
бя испытывала, умѣешь ли ты сдержать
пайну; часто ты мнѣ общала никому не
сказывать о чемъ нибудь, и всякой разъ про-
балпывалась. Какое же могу я имѣть довѣ-
ріе къ тебѣ, и какъ могу я сказать тебѣ
пайну, отъ которой зависишь пвоя будущ-
ность? И такъ не спрашивай меня ни о
чемъ, а старайся исправиться.» — Съ тѣхъ
поръ *Сара* уже не осмѣливалась распраши-
вать бабушку, которая сердилась, какъ ско-
ро она касалась этого предмета. Но *Иудивъ*
нѣсколько разъ еще испытывала скромность
Сары, и находила её по прежнему болпли-
вою. Между тѣмъ, какъ она огорчалась такимъ
порокомъ внучки, сирь *Форстеръ* съ своей спо-
роны имѣлъ много причинъ вспоминать объ
Англии. Онъ полково могъ жестокими нака-
заніями заставлялъ Ирландцовъ плащать
дань, которую добровольно давали *Макъ-*
Алаловъ. Окруженный непріятелями, ры-
царь спрашивался бытъ убитымъ, и не
могъ ѣздить верхомъ на охоту; но не хо-
пѣлъ оставить своихъ владѣній.

Онъ долго боролся между страхомъ и
сребролюбіемъ; наконецъ онъ прибѣгнулъ
къ старой *Иудивъ*: «Добрая женщина! сказалъ
онъ: всѣ здѣсь тебя любятъ и почитаютъ;
живи, ежели хочешь въ моемъ замкѣ, гдѣ я
оставлю своихъ поварихъ; ты будешь для
меня получать дань отъ моихъ вассаловъ;
за то я позволю тебѣ жить съ пвоей внуч-
кой, какъ будто замокъ тебѣ еще принадле-
житъ; а я возвращусь въ мое отечество,
чтобы умереть на родинѣ. — Вскорѣ послѣ
того сирь *Форстеръ* отправился въ Валлій-
скую землю, откуда онъ выѣхалъ бѣдный, а
возвращался богатый и могущественный. Въ
самый день его отъѣзда *Иудивъ* переселилась
въ замокъ, гдѣ, нѣсколько времени спустя,
жестокая болѣзнь навсегда лишила её упо-
требленія ногъ, и она уже не оставяла сво-
ей постели или кресель; однако же ея спра-
данія не мѣшали ей принимать съ радушіемъ
всѣхъ путешественниковъ и предлагать имъ
руку *Сары* и прекрасныя владѣнія. Англій-
скіе воины, оставленные *Форстеромъ*, почи-
тали её за сумасшедшую, и не безпокоились
о ея словахъ; а путешественники, бывъ по-

го же мнѣнія, даже не спрашивали у *Иудио* какимъ образомъ она можетъ исполнить свои обѣщанія.

Наконецъ одинъ путешественникъ явился предприимчивѣе другихъ. То былъ молодой Ирландскій воинъ, по имени *Оуенъ*. Онъ отправлялся по обѣщанію въ Иерусалимъ, и наспигнумый бурей, просилъ ночлега въ замкъ *Форстера*. Во время ночлега Англичане рассказали ему, что въ замкъ находилъ сумасшедшая старуха, которой не долго осталось жить на землѣ и которая непременно предложитъ ему невѣсту и замокъ.

Оуенъ, окончивъ ужинъ, вошелъ въ комнату *Иудио*; она сидѣла въ креслахъ, а *Сара* пряталась подлѣ неё. *Оуенъ*, знавшій уже о несчастіяхъ ихъ, былъ спроганъ при видѣ двухъ женщинъ: одна такъ стара уже, другая такъ молода, обѣ слабы, беззащитны, лишены своихъ владѣній, и рука воина невольно схватила мечъ, и онъ опъ глубины сердца поклялся быть ихъ защитникомъ и покровителемъ. Только что *Иудио* произнесла, по обыкновенію: не знаете ли вы кого нибудь достойнаго руки моей *Сары*; я дамъ ей въ приданое обширныя владѣнія. — Я, я буду ея супругомъ, ежели вы на это согласитесь. Но кто мнѣ будетъ порукой, что вы мнѣ дадите эти владѣнія? — «А кто мнѣ будетъ порукой, что когда меня не будетъ, ты будешь другомъ и защитникомъ моей *Сары*? Я тебѣ дала мое слово, и будь увѣренъ, что оно достопочной порукой.» Удивленный ея гордостью, *Оуенъ* протянулъ ей руку въ знакъ согласія; а *Иудио*, взявъ руку *Сары*, которой тогда минуло 13 лѣтъ, положила её въ руку *Оуена*. Они рѣшили, что помолвку будутъ праздновать на другой день. Послѣ сего, *Оуенъ* долженъ былъ отправиться въ путь и, по прошествіи чепырехъ лѣтъ, возвратиться, чтобы жениться на *Сарѣ*. Когда молодой Ирландецъ вышелъ, *Сара* погружилась въ размышленія; она увидѣла, что *Иудио* не сумасшедшая, потому что нашла человека, великодушнаго, готоваго заступиться за бѣдную сироту. Она поняла, что ежели она когда нибудъ возвратитъ прежнее богатство; то не будетъ ограблена цѣмъ, кто заступился за неё.

Сара отгадала совершенно всѣ намѣренія бабушки; она бы должна была эпимъ довольствоваться; но горѣла желаніемъ узнать тайну *Иудио*, и горестное приключеніе удвоило ея пагубное любопытство.

Въ ту же самую ночь *Иудио* сдѣлалось вдругъ такъ дурно, что она почла себя умирающею; она не сказала о томъ *Сарѣ*, но подзвала её къ постели и сказала ей: «Любезное дитя, я наконецъ рѣшилась объявить тебѣ великую тайну; но подумай, ежели ты меня не послушаешься во всемъ, то я тебя прокляну!»

«Въ сосѣдней комнатѣ,» продолжала она: «находится каменная скамья, подъ которой начерчены буквы; оподвинь камень, и тогда ты все узнаешь; но помни, что я запрещаю тебѣ заглянуть туда прежде моей смерти; я тебѣ болѣе ничего не скажу; но не осмѣйся никому объ этомъ рассказать.»

Жестокія спраданія мѣшали ей продолжать, и всю ночь она боролась со смертію; но часъ её еще не насталъ, и ей къ утру сдѣлалось лучше. На другой день *Сара* и *Оуенъ* были помолвлены почти безъ свидѣтелей и безъ всякаго блеска, и Небо, казалось, улыбалось на двухъ обрученныхъ.

Слухъ объ обрученіи разнесся по всей странѣ, и не смотря на то, что молодой Ирландецъ уже отправился въ путь, всѣ зрители собрались пѣть и танцовать подлѣ замка. *Сара* побѣжала къ молодымъ дѣвушкамъ; *Иудио* цѣлый день слышала ихъ радостные крики и пѣсни, продолжавшіяся до глубокой ночи. — Всѣ дѣвушки, уходя, хотѣли проспитъ съ *Сарой*; но её не было, и никто не могъ сказать куда она ушла. Всѣ начали спрашивать другъ у друга, и каждая рассказала, что *Сара* шепнула на ухо: я знаю тайну, тайну моей бабушки.

Съ тѣхъ поръ, не смотря на всѣ поиски, никто не слышалъ ничего о *Сарѣ*; и Англійскіе воины спрашивали *Иудио* о ея тайнѣ, но старуха молчала; она дѣлалась грустнѣе и молчаливѣе съ каждымъ днемъ, но еще жила, хотя ей было болѣе ста лѣтъ.

Оуенъ обѣщался возвратиться черезъ чепыре года; но вопъ уже десять лѣтъ про-

ходилъ, а его все нѣтъ. *Иудио* все еще его ждала; надежда—послѣднее чувство, исчезающее въ сердцѣ человѣка.

Въ одну изъ эпихъ длинныхъ ночей безъ сна, копоры такъ часто испытывала *Иудио* она молилась всѣмъ святымъ, и перебирала чепки въ рукахъ; вдругъ внезапный свѣтъ её осѣнилъ, и она увидѣла приближающагося *Оуена*. Онъ былъ блѣденъ, покрытъ кровію, и она сначала подумала, что по былъ сонъ; но *Оуенъ* преклонилъ колѣна передъ нею и сказалъ: Гдѣ *Сара*? Я пріѣхалъ на ней женишься; я не могъ возвратиться черезъ чепыре года, какъ общалъ, потому, что невѣрные взяли меня въ плѣнъ; я убѣжалъ отъ нихъ, и теперь хопя бѣденъ, но достоинъ *Сары*, потому что съ помощію вѣрныхъ товарищей, я овладѣлъ замкомъ сегодня ночью, и изо всѣхъ Англичанъ, копоры сполько лѣтъ обижали тебя, завтра ни одинъ не увидитъ восхожденія солнца; всѣ они убиты, и древнее знамя *Макъ-Алламовъ* развѣвается на замкѣ. Но отвѣчай же мнѣ, гдѣ *Сара*?—

Иудио со слезами отвѣтила, что внучка ея исчезла уже давно; попомъ она прибавила: «Ты сдержалъ свое слово; теперь я сдержу свое.» Она рассказала ему о паинспвенныхъ словахъ, начерпанныхъ на камнѣ, и умоляла его сказать ей о томъ, что онъ найдеть.—*Оуенъ* отправился въ назначенное мѣсто, и находилъ подъ камнемъ кусокъ пергамена, на которомъ начерченъ путь. Онъ бѣжилъ изъ замка, и недалеко отъ спѣны, подъ горою, на копорой построена крѣпость, находилъ гротъ, орошаемый источникомъ; тамъ находится подземелье, никому неизвѣстное, которое ведетъ къ башнѣ *Макъ-Аллама*. Солнце сполько что являлось на воспокъ; молодыя дѣвушки приходили черпать воду у источника, и самыя безспрашныя изъ нихъ слѣдуютъ за *Оуеномъ*. Онъ идетъ съ факеломъ по темному и сырому подземелью; наконецъ, послѣ тысячи поворотовъ, приходитъ въ комнату; гдѣ найдены огромный ящикъ.

Тамъ было положено сокровище *Макъ-Алламовъ*. Вотъ пайна, копорую *Иудио* хо-

вила доверить сполько другу. Открыли сундукъ; всѣ посмотрѣли съ любопытствомъ; вдругъ... о ужасъ!

Сара, бѣдная *Сара*, лежала въ сундукѣ, какъ въ гробу; она лежала на кучѣ золота и драгоценныхъ камней. Подлѣ ней были вѣнокъ и букетъ, копорые имѣла при обрученіи, и она была одѣта въ праздничное платье.

Сара не могла пропитаться любопытствомъ; она желала узнать бабушкину тайну, и пришла одна въ это спрашное мѣсто; но когда она разсматривала золото и драгоценности, собранныя ея предками, огромный сундукъ зашворился, и она была погребена живая, не имѣя силъ отворить его.

Такъ совершилось проклятіе *Иудио*!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЖЕСТОКОЙ.

(Изъ Гѣте).

Ты видишь померанецъ?
На деревѣ горитъ онъ,
А Маршъ ужъ миновался
И новый цвѣтъ развился.
Вотъ къ дереву пришелъ я
И молвилъ: померанецъ,
Ты спѣлый померанецъ,
Ты сладкій померанецъ,
Я вѣтвь трясу, почувствуй,
Спади ко мнѣ на грудь.

Б. Д.

Ш А Р А Д А.

Мое начальное въ Ипалін рѣка;
Второго пляжал, желѣзная рука
Караешъ, школитъ всѣхъ, не зная, что пощада;
А цѣлаго спрашисешъ какъ яда.

Въ № 54-мъ, помѣщенная шарада значить *Duel-liste*.

К Р И Т И К А.

Шестая книжка Библиотеки для чтения и третья Московскаго Наблюдателя.

Начнем съ Библиотеки для чтенія! Въ Юньской книжкѣ помѣщено при спихопворенія посредственныхъ: *Ершова*, *Зилова*, *Сорокина*; четвертое соч. слѣнца *Козлова*, не смотря на громкое имя, пускло и вяло, вяло и пускло; пятое есть произведеніе гениальнаго (какъ провозгласилъ его кто-то въ Библиотекѣ для чтенія) *Тилофьева*, который, не смотря на похвалы людей, непосвященныхъ въ таинства поэзіи, рѣшительно не имѣетъ ни одной искры дарованія; его талантъ—перемчивость и легкость набираетъ разномѣрные ямбическіе спихи.

Но эпа гибельная легкость дана въ удѣлъ и *Хлыстову*, и *Сигову*, и князю *Шаликову*.

Три повѣсти, изъ коихъ первая: *Бѣда, если-бъ не медведь*, могла бы иппи за-урядъ съ хороппми, если-бъ не была пошлал и припомъ еще выхваченная изъ *Свингина* развязка, въ видѣ анекдота гораздо смѣшнѣе симъ членомъ Россійской Академіи разсказанная.

Другая: *Провинціальныя актѣры*, похищена изъ комедіи покойнаго *Коцебу* и ниже всего пого, что до сихъ поръ написалъ г. *Вельтманъ*. Онъ не вѣдаетъ быша уѣздныхъ городовъ нашихъ, что мы до имъ десятью спроками. Дѣйствіе его повѣсти происходить послѣ Парижскаго мира, когда уже учрежденъ попечительный Комитетъ о раненыхъ и когда уже на него возложено опредѣленіе во всѣ города, кромѣ столицъ, полицмейстеровъ и городничихъ изъ раненыхъ, заслуженныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ. А сіи Русскіе офицеры, какъ всякому изъ насъ извѣстно, прогоспили больше года въ Германіи, видѣли Голландію и Швейцарію, и два раза погуляли по Парижу. Послѣ эпаго, возможно ли, чтобы нашелся хопя въ одномъ изъ 600 Русскихъ городовъ, пакой городничій, какимъ выпавленъ городничій въ повѣсти г. *Вельмана*? Ручаемся пакаже, что нѣтъ въ нашуръ пакихъ людей и между уѣзд-

ными судьями, исправниками, спряпчими и казначеями, какихъ предспавляетъ г. *Вельтманъ*.

Съ удивленіемъ замѣчаемъ мы, какъ мало извѣстна Русская словесность господамъ рецензентамъ Библиотеки для чтенія. Вотъ разительное эпаго доказательство: авторъ повѣсти *Прихоть*, почтеннѣйшій А. П. *Степановъ*, болѣе двадцати лѣтъ подвизающійся на поприщѣ опечесивенной словесности, сочинившій героическую поэму *Сувороида*, принимавшій живое участіе въ Енисейскомъ альманахѣ; писатель, которому одолжены мы прекрасною спашиспикою Енисейской губерніи, похвалентъ, какъ юноша, какъ новичокъ, робко сдѣлавшій первый шагъ къ печати.—«Право, судя по этому превосходному началу,» говоритъ о немъ (спр. 44-ая Липер. лѣтописи) рецензентъ: «надобно поздравить Русскую словесность, да и насъ, съ открытіемъ пріятнаго и образованнаго дарованія!... Но мы поклялись, никогда не хвалили слишкомъ чьихъ бы то ни было нагалъ, съ пѣхъ поръ, какъ наша похвала принесла несчастіе одному прекрасному дарованію.»

Похвала, двумя десятиками годовъ запоздалая; *нагало*, близкое къ концу, послыку А. П. *Степановъ*, заслуженный мужъ, лѣтъ пятидесяти, славно участвовалъ въ блистательномъ Италіанскомъ походѣ *Суворова* еще въ 1799 году, и извѣстенъ всякому Россіянину.

Не можемъ не назвать опличнымъ выборъ *иностранныхъ статей*, хопя спашы сіи въ прошломъ году выбирались еще съ большимъ вкусомъ. Можетъ бытъ, что другія *Албротіанскія ноги* г. *Гогга* оспроумны; но па, которую нашли мы въ Юньской книжкѣ *Библиотеки для чтенія*, не заключаетъ въ себѣ ничего опмѣннаго, яркаго; эпо просто болтовня. Г. *Гогъ* рубитъ съ плеча всё, что попадетъ подъ его *Донъ-Кишотскую* саблю.

Исторія самозванцевъ написана съ пою обдуманностью, пѣмъ чистымъ книжнымъ слогомъ, копорыми заклеены всѣ сочиненія М. П. *Погодина*.

Промышленность и сельское хозяйство составляют въшивъ совсѣмъ отдѣльную, особенную опъ изящной словесности, а попому весьма бы благоразумно поспутили господа редакторы, еслибъ исключили еѣ изъ своего журнала. Спашьи: Описание земледѣльческихъ орудій, г. *Роджера*; чугунно-железныи плугъ; при бороны съ железными зубьями; распашникъ, пашущий и боронующий въ одно время, супъ неопъемлемая принадлежность Журнала *Общепольныхъ свѣдѣній и Земледѣльческой газеты*. Спашьямъ же такою рода, какъ приговорленіе Ленипинова шеколада; способъ испреблять мухъ и средство сохранять на-зиму живые цвѣты пѣвъ мѣста приличнѣе, какъ въ книгѣ: *Сорокъ тайнствъ природы, или Открытіе грезвычайныхъ и удивительныхъ фокусовъ*.

Если критическій разборъ новыхъ сочиненій, только что вышедшихъ изъ подъ пера знаменитыхъ писателей, соспоить въ искусномъ высасываніи изъ нихъ меда и перепаскиваніи онаго въ свой улей: то разборъ *Исторіи Пугачевскаго бунта, А. С. Пушкина*, написанъ умно, красно и прибыльно для издателя: только прибыльно ли для сочинителя?

Не вѣримъ на-слово рецензенту, увѣряющему, будто бы онъ опыскалъ нѣсколько неправильностей языка и небрежностей слога у г. *Пушкина*. Тотъ, кто пишешъ: *посреди мучъ крови; нельзя не воздать ему* (автору) *полной похвалы; за совѣстливое и тщательно изготовленное сообщеніе тѣхъ бумагъ и свѣдѣній: не можетъ быть законнымъ судьѳю такою писателя; какъ сочинитель Исторіи Пугачевскаго бунта*.

Не можемъ также согласиться съ тѣмъ, чтобы *Пугачевскій бунтъ* не имѣлъ никакого вліянія на общую судьбу государства. Провидѣніе—сѣмя благъ светъ на нивѣ бѣдствій, пворитъ добро изъ самыхъ золъ. Если-бъ кто вздумалъ въ эптомъ сомнѣваться: попустъ прочтешъ *Исторію Россійскаго государства*. Учрежденіе губерній и корпуса Внутренней стражи, навсегда положившихъ конецъ эптому несповымъ волненіямъ пьяной

и слѣпой черни, попеременно бывшей кровавымъ орудіемъ въ рукахъ *Стенки Разина, трехъ самозванцевъ, Булавина и Пугачева*, еспъ благотворное слѣдствіе *Пугачевскаго бунта*.

Наставленіе не поименовавшего себя рецензента, издаателя Библиотеки романовъ и историческихъ записокъ, написано основательно; оно показываетъ въ рецензентѣ знаніе иностранныхъ словесностей, начитанность и желаніе блеснуть тѣмъ и другою. Желательно, чтобы главный руководитель сего важнаго и полезнаго предпріятія воспользовался эптимъ совѣтомъ; первыя части *Библиотеки романовъ* переведены порядочно; выборъ также хорошъ. Лишь бы не было пущъ *Поль-де-Кока!*

За выборъ свѣжихъ, любопытныхъ и полезныхъ спашеечекъ для Смѣси—мы прежде благодарили, и теперь благодаримъ того, кто симъ завѣдываетъ.

Переходя къ *Московскому Наблюдателю*, мы благословляемъ того, кто первый подаль мысль издавать его. Теперь можно найпи законную защиту противъ самоуправства *Тютюнджи-Оглу, Бралибеуса, Морозова* и неизвѣстныхъ, но опъ того еще больше неосновательныхъ въ своихъ сужденіяхъ рецензентовъ. Теперь несправедливая мысль, развивая въ литературной льпописи, по случаю извѣщенія о выходѣ изъ печати романа *Елены*, переведеннаго изъ сочиненій миссъ *Эджвортъ*, не оспанелся ненаказанною (1).

(1) Вотъ эптомъ парадоксъ, которому если послѣдуютъ наши сограждане: то и великохѣпный Славяно-Россійскій языкъ и словесность наша будутъ опрокинуты вверхъ ногами.

«Переводъ *Елены* хорошъ;» пишешъ скрывшій свое имя разбиратель. «Эптомъ романъ, на всѣхъ своихъ спраницахъ говоритъ языкомъ живымъ, свѣскимъ, образованнымъ. Слава Богу, а то мы ужасно опасались, что *Библиотека романовъ*, желая насъ поппиить, заговоритъ съ нами *книжнымъ языкомъ*. Мы не можемъ описать той радости, какую ощутили, увидѣвъ, что въ эптой книгѣ нѣтъ книжнаго языка. Опъ всего сердца поздравляемъ издателя съ эптимъ шагомъ къ хорошему вкусу и настоящей изящности. Нако-

Въ первой Апрельской книжкѣ *Московского Наблюдателя*, отличаящагося самостоятельностью, твердымъ и вмѣстѣ открытымъ характеромъ, истинною ученостью и благороднымъ тономъ, мы прочитали съ живѣйшимъ любопытствомъ статью: Обзоръ важнейшихъ государственныхъ учреждений и переменъ, произведенныхъ въ Турціи нынѣ царствующимъ султаномъ *Махмудомъ*; (статья 1) *Галлера*.

еще есть надежда, что книги будущъ у насъ говорятъ какъ люди! Мы только эшаго и добиваемся. Мы только объ эшомъ и молимъ Небо, чтобы наконецъ не было у насъ книжнаго языка, какъ у Татаръ, Турокъ или Персіянъ, чтобы былъ одинъ языкъ и одинъ умъ. Скажите сами, господа: къ чему намъ книжный языкъ, послѣ того, какъ мы уже выбрали бороды? Къ чему намъ мертвая, вылипающая изъ гробоваго свинцу фразеологія, когда мы уже воскресли и живѣмъ, когда языкъ воскресъ вмѣстѣ съ нами и живѣтъ также новою жизнью, когда между нами и нашимъ языкомъ уже нѣтъ другаго посредника кромѣ мысли, словомъ, когда мы и языкъ опсехъ неразлучны и должны быть предсавителями другъ друга въ образованномъ свѣтѣ?»

Скажите сами, господа Россіяне, что общаго между бритою бородою и липературою? Признайтесь, что эша выходка совершенно несправедлива! Пусть сочинители сей нелѣпицы укажутъ намъ, въ какую минуту отъ начала Россійскаго государства умирали нашъ великодушный языкъ? Не тогда ли, какъ предложено на родной языкъ нашъ Священное Писаніе и мидіоны начали приписывать на немъ во храмахъ моленія ко Всевышнему? Не тогда ли, какъ слагали Боянъ, сохоевъ Русскій, пѣснь Игореву, воспѣвалъ подвиги *Селтослава*, *Ярослава* и *Владимира*? Не въ толь ли вѣкъ, когда *Феофанъ*, *Платонъ*, *Амеросій*, *Филаретъ*—прославляли победы нашего оружія, когда *Ломоносовъ*, *Державинъ* и *Жуковский* учили насъ любить Царя и Отечество? Не въ толь ли блистательное царствованіе, въ которое изданіемъ Собранія Россійскихъ законовъ и Свода законовъ, воздвигнувши Императору *Николаю I* памятникъ несокрушимый, превыше Египетскихъ пирамидъ и сполна Троянова? Переспаньте же величать насъ Европейцами: мы столько же Европейцы, сколько и Азіатцы. Не все Европейское хорошо, не все Азіатское худо.

Спихотвореніе *Баратынскаго*, подъ названіемъ: *Недоносокъ*, заимъваетъ блескомъ творческихъ спиховъ и цѣнностью пропаянныхъ вирши несчастнаго подражателя *Плещу Руслана* и *Людмилы*. Вообще спихотворная часть не уступаетъ такой же въ журналѣ *А. Ф. Смирдина*.

Иванъ Барабашъ, служитъ украшеніемъ сей книжки и есть антиподъ повѣсти: *Провинціальныя актёры*. Какъ у г. *Вельмана* всякая спрока обличаетъ невѣдніе автора, такъ здѣсь за всякую спрокую г. *Срезневскій* гошовъ дасть опчѣтъ взыскательному чипашедю.

Повѣсть Чёрный человекъ, лучше всѣхъ повѣстей гг. *Тимофьева*, *Виктора Стройскаго*, *Шлиттера* и *Ивана II* — ва.

Весьма жаль, что многоуважаемый нами редакторъ *Московского Наблюдателя* не оспергя отъ письма *А. И. Тургенева*. Оно писано не для печати. Что намъ за нужда до того, что *Г. Тургеневъ* оспавилъ графу *Саназару* карпочку (спр. 530), что онъ оспановился въ помѣ же пракширѣ и въ той же комнатѣ, гдѣ оспанавливался прошлаго года (спр. 530), что заказалъ себѣ объѣдъ (тамъ же), что онъ опсправился завпракать въ любимый свой сафѣ, что онъ въ Моденѣ съ Болонезцами, въ Лояно лакомится рисомъ и виноградомъ, что во Флоренціи кормил лошадей и самъ кушалъ въ Швейцарскомъ салонѣ, что былъ на балахъ у О... и далъ визитную карпочку съ именемъ *К... В.*

Прискорбно также видѣть 53 спраницы, издержанныхъ на описаніе жизни, образа мысли и похвалы Нѣмецкому софиспу *Генриху Гейне*. Пріятно познакомились съ философъ-благодѣтелемъ рода человѣческаго, съ такимъ, каковы были *Паскаль*, *Галлеръ*, *Боннетъ*, *Франклинъ*; сладостно сблизилась съ писателемъ великимъ, благочестивымъ, указующимъ людямъ на небо, распроспраняющимъ между нами высокія Христіанскія правила нравственности, съ такими, каковы были *Тассъ*, *Дантъ*, *Карамзинъ*, *Державинъ*; каковы *Шатобрианъ*, *Жуковский*, *Ламартинъ*. *А Генрихъ Гейне* софиспъ, нынѣшній Фран-

дузь въ душѣ. Ссылаемся на эту же самую книжку *Моск. Наблюдателл.* Въ немъ напечатано:

«Эпо было *Гейне*, глава одного изъ Германскихъ переворотовъ, принадлежащій двумъ странамъ, одной—гдѣ родился, другой—гдѣ живетъ (спр. 620).»

Честный человекъ принадлежитъ одному своему Отечеству.

«Сначала духъ Волперіанства обтекъ всю южную Европу, потомъ воплотился онъ въ *Байроноволъ Донъ-Жуанъ*, наконецъ уединился на главѣ *Генриха Гейне* (спр 620).»

Избави насъ Боже отъ эпаго духа и отъ эпихъ духовъ.

«Въ Германіи онъ первый подаль знакъ удаленія идеализму, нѣкогда торжествовавшему. Общая наклонность Германцевъ удивительно измѣнилась въ слѣдствіе прихода его идеи: судя по пышному порядку вещей, иронія, рационализмъ, скептицизмъ, кажутся овладѣють будущимъ жребіемъ Германіи. Долго ли продолжился ихъ владычество, рѣшительно не знаю: умственные фазисы эпои страны весьма измѣнчивы. Германію упомляли спиритуализмомъ, эирными понятіями, мистическими догматами. *Душа долго тамъ царствовала: нынѣ тьло требуетъ въ свою очередь владычества (!!!):* явились формы и образы; возникъ пласпическій и *матеріальный* геній (?!); возсіяли краски, раздались звуки. *Жрецоли* (?) новаго служенія предспаль *Гейне*, человекъ съ таланпомъ, превышающимъ талантъ (спр. 621).

«А на *Тевтомановъ*, на эпи *Нѣмецкія древности*, коихъ весь патриотизмъ состоитъ въ слѣпой ненависти къ Франціи, нападалъ я (*Гейне*) во всѣхъ моихъ книгахъ.»

Въ крипикъ Московскій Журналъ торжествуетъ надъ Петербургскимъ. О ней должно сказать, что она благородная посред-

ница въ жаркой распрѣ между пворчествомъ и наукою; она, съ одной стороны опсптаиваетъ непреложные законы науки пропивъ всѣхъ покушеній всегда свободаго и предпримчиваго до буйспва художспва, — съ другой же стороны признавать и право жизни, право пворчества въ душѣ человекской, и основываясь на примѣрахъ исторіи, какъ поспешнаго развитія жизни, помогать молодому искусству въ его новыхъ опытахъ, руководспвовать его, и смѣло освобождать отъ навѣстовъ убивающей науки. Однимъ словомъ, согласить законъ и жизнь, не нарушить перваго и не попустить убійспва впорой: вопъ дѣло истинной крипки! Торжествуетъ исключительно наука: освободить искусство; буйспвуетъ искусство: возспановить на него науку, — вопъ ея назначеніе. О превосходной спать г. профессора С. П. *Шевырѣва* (2), подъ названіемъ: *О критикѣ вообще, и у насъ въ Россіи*, мы поговоримъ особенно, на нѣкоторыя мѣста сдѣлаемъ свои замѣчанія, и на нѣкоторыя мнѣнія предспавимъ свои возраженія. Мы не можемъ соглашаться безусловно.

Желаемъ тому и другому Журналу многая лѣта, и да умножатся на нихъ подписчики, какъ песокъ морской!

Войковъ.

12-е Іюня,
1835.
Село Рыбацкое.

(2) Адъюнктъ - профессоръ Московскаго университета.

ОБЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ МОДЪ.

No 20. Robe de mousseline garnie d'un volant bordé de gances.— Ceinture de collier en velours bordé de blonde.— Robe de mousseline brodée.

No 20. Кисейное платье.— Поясъ изъ вышитаго бархата.— Кисейное вышитое платье.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 56.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 13 дня 1855 года.

Что не видалъ ослось, нашъ Клипъ весьма жалѣешь;
Неужто бороду безъ зеркала онъ брѣешь?

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

БРОДЯГА.

Наши праздношаптающіеся зѣваки превозносятся *Наполеоново Уложение* и Французскую свободу. Вотъ имъ образчикъ памошняго правосудія.

Судейская комната Исправительной Полици.

Президентъ. Жандармы, введице подсудимаго.... Ваше имя?

Подсудимый. Иосифъ *Пайенъ.*

Президентъ. Званіе?

Подсудимый. Я не имѣю никакого.

Президентъ. У васъ были бумаги.

Подсудимый. Видъ изъ Управы Благочинія. Я находился шесть лѣтъ въ крѣпостной работѣ въ Меленѣ.

Президентъ. Средства къ содержанію?

Подсудимый. Я ихъ ищу.

Президентъ. Чѣмъ же вы живете?

Подсудимый. Я не живу.

Президентъ. Гдѣ ваша кваршира?

Подсудимый. Нигдѣ.

Президентъ. Зачѣмъ вы не работаете?

Подсудимый. Я опредѣлился было къ мѣсту; но хозяину не понравилось, что квар-

пальные надзиратели часпо обо мнѣ навѣдываются, и онъ согналъ меня со двора.

Президентъ. Вы бы могли приискаць другое мѣсто.

Подсудимый. Въ городѣ никакъ меня не принимаецъ.

Президентъ. Спупайте въ деревню.

Подсудимый. Меня не выпускаюць за заставу. Мой паспортъ.... Полицейскій надзоръ.... Мнѣ даже не позволили оплучиться въ Сенсъ-Уенѣ.

Президентъ. И пакъ.... На полгода въ пюрюму. (*Товарищамъ, которые сльются таколу приговору.*) Ничего нѣтъ смѣшнаго. Я исполняю законъ. Секретарь! прочитайце параграфъ 269-й Уголовныхъ законовъ.

Секретарь (*приискиваетъ оный въ книгу и читаетъ гролко.*)

«Бродяжничеспиво есть вина. Бродягами называются люди, не имѣющіе званія, посполнаго мѣста жительства, ни средствъ къ пропитанію, не опправляющіе ремесла, и не имѣющія занятія?»

Президентъ. Что же прикажете мнѣ дѣлать? (*Заспдателю молгать. Секретарь составляетъ журналъ и подаетъ присутствующимъ. Они его*

подписываютъ. Жандармы уводятъ преступника въ тюрьму.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

«Да-съ; вопъ уже около десяти лѣтъ, какъ нога моя не переступала за порогъ опцовскаго дома. Мнѣ было лѣтъ пятнадцатъ, когда я его оставилъ; съ тѣхъ поръ я странствовалъ по Италіи и по Германіи, всегда недовольный собою, беспокойный, нещасливый, занятый своимъ искусствомъ, которое вовсе не удивляло меня. Идеальное въ искусствахъ и спрашивахъ сдѣлалось врагомъ моимъ; оно меня преслѣдуетъ, прерзаетъ. Мнѣ хотѣлось бы создать что нибудь *Рафаэлевское*, высокое, безсмертное, но всѣ мои усилія достигнуть этого ни къ чему не ведутъ. Случился ли мнѣ написать картину; сначала всѣ восхищаются ею, а я вдругъ замѣчаю всѣ ея недоспадки и начинаю мечтать о возможной степени совершенства; думаю, размышляю, а между тѣмъ соперники мои дѣйствуютъ, хитрятъ и берутъ надо мною верхъ. Тогда я сержусь, досажую на несправедливость, какъ будто бы она несвойственна людямъ. Чувствую, что склонность нѣжная и сильная могла бы меня утѣшить; ищу её, и не находя, оспаю по прежнему одинокимъ среди многолюдства.»

Молодой человекъ, который говорилъ это, велъ подъ руку даму пожилыхъ лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста; длинные волосы спускались по сторонамъ его открытаго лба; лице его было блѣдно; испомлено и покрыто морщинами, но сверкающій взоръ обнаруживалъ внутренній пламень, его снѣдавшій. Спарушка крѣпко опиралась на его руку и, казалось, съ участіемъ слушала слова его.

Подлѣ него шла, молча, молодая женщина рѣдкой красотою. Тонкій станъ ея удивлялъ своею стройностію, каждое ея движеніе отличалось особенною прелестію. Баятель нашель бы, можетъ спасться, нѣкоторыя неправильности въ ея лицѣ, вовсе не походившемъ на тѣ древніе образцы, которые

вѣчно списываются посредственными живописцами; но гармоническая соразмѣрность чертъ ея, прелестъ формъ, на которыхъ взоръ оспанавливался съ наслажденіемъ, живая и очаровательная физиономія, всё это дѣлало её какимъ-то особеннымъ, прелестнымъ, плѣнительнымъ существомъ. Она шла наклонивъ немного голову.

Далеко позади ихъ капилась тяжелая карета, которую усталые лошади съ трудомъ тащили на косогоръ. По сторонамъ дороги расплались прекрасныя долины Саксоніи, пересѣаемыя пригорками и холмами, а вдаль открывался ландшафтъ, украшенный развалинами, Сенплярскою зеленью и косвенными лучами солнца, клонившагося къ закатамъ.

—Вы заслуживаете большаго сожалѣнія,— сказала пожилая дама.

Молодая спутница ихъ опустила флёръ, который развѣвался на ея шляпкѣ.

«Мнѣ случается,» продолжалъ художникъ: «сподѣлымъ мѣсяцамъ никуда не показываюсь и жить съ идеалами моего воображенія. Тутъ, по крайней мѣрѣ, я бываю щасливъ; я окружаю себя созданіями, милыми моему сердцу, и любимъ такъ, какъ люблю самъ. Въ свѣтѣ знаютъ мою чувствительность; меня такъ легко оскорбить неоспорочнымъ словомъ, что право, я не понимаю, какъ могутъ люди нападать на такого безопытнаго человека, какъ я. Впрочемъ,» прибавилъ онъ: «въ нѣкоторыхъ случаяхъ во мнѣ обнаруживалась сила души; я не могу сносить ни чьего самовластія; воображеніе мое, отражая несправедливыя нападенія, смущаетъ насмѣшниковъ, и въ груди моей бьется сердце, готовое любить, сердце, надѣленное спрасями нѣжными, глубокими и пылкими.»

—И вы оставили Вѣну?— сказала пожилая дама.

«Я ѣду въ Веймаръ; опецъ мой живётъ тамъ въ загородномъ домѣ; вопъ уже десять лѣтъ какъ я не видался съ нимъ. Я прямо изъ Рима; въ Вѣнѣ я пробылъ не болѣе десяти дней. Семейство мое отвергаетъ меня за то, что я хочу быть живописцемъ; они меня спыдятъ и никогда ко мнѣ не пишутъ.»

Я живу въ одиночествѣ, которое раздражаетъ измученный палантъ, и теперь хочу броситься въ объятія родныхъ моихъ. Не знаю однакожь почему, но чѣмъ болѣе я приближаюсь къ Веймару, тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ мною какая-то грусть; мнѣ кажется, что судьба, вездѣ меня преслѣдующая, ждетъ меня и на порогѣ опцовскаго дома; мнѣ кажется, что приходъ мой туда не обойдется безъ какого нибудь новаго нещастія, ничѣмъ неотвратимаго....»

—Зачѣмъ питаешь такія мрачныя мысли? — Вы одарены палантомъ, и семейство ваше вѣроятно примирится съ вами.—

Молодая женщина, не говоря ни слова, еще ниже опустила свое покрывало. Солнце мепало послѣдніе лучи свои, обливая блѣдно-золотымъ сіяніемъ зелень луговъ. Пупешественники остановились и смотрѣли на эту очаровательную и величественную каршину.

«Удивительная перспектива!» молвилъ художникъ: «Въ природѣ всё просто и пространно; она будетъ вѣчнымъ камнемъ преткновенія для арписта. Въ ней заключается безконечность; въ ней ощутительно присутствіе Бога! Люди плѣнны; всё, что происходитъ отъ нихъ, слабо и несовершенно!... Одна только душа возносится надъ тѣмъ, что создаетъ она съ помощію недостаточныхъ органовъ... Но и любовь соприсутственна безсмертію въ душахъ чистыхъ; любовь сближаетъ насъ съ Богомъ.»

Молодая дама оглянулась, чтобы узнать, близко ли ихъ карета; оборачиваясь, она какъ будто дрожала.

Они сѣли въ дилижансъ, въ которомъ не было никого, кромѣ ихъ. Спарушка задремала въ углу кареты, а живописецъ безъ успѣха старался завести разговоръ съ молодою дамою, которая также скоро заснула. Взошелъ мѣсяцъ; его блѣдное сіяніе, проникая въ одну изъ дверей кареты, озаряло плѣнительныя черты пупешественницы. Художникъ не смѣлъ будить её; онъ смотрѣлъ на неё съ умилениемъ, онъ шепталъ, проливалъ слезы.... Имъ оставалось до Веймара не болѣе двухъ миль.... Она вѣхала въ маленькій городъ,

за двадцать миль отсюда, и онъ намѣренъ былъ слѣдовать за нею, какъ скоро свидится съ своимъ семействомъ.... Во время сна ея, онъ замѣпилъ двѣ слезы, скапавшіяся по ея щекамъ. Это ободрило его, и онъ съ пренебрежимымъ, смяленнымъ сердцемъ, тихонько взялъ ея руку; потомъ, съ величайшею осторожностію, снялъ у ней съ пальца золотое кольцо; она пошевелилась, но не проснулась.... по крайней мѣрѣ не открыла глазъ. Тогда, въ какомъ-то забытій, онъ проворно надѣлъ ей на палецъ перстень, почти совершенно похожій на тотъ, который онъ похитилъ у неё, или который она уступала ему посредствомъ апаго умышленнаго сна.

«Души наши сочепались,» прошепталъ художникъ, наклонясь къ ней.

Она вздохнула сквозь сонъ; между тѣмъ карета съ громомъ капилась уже по Веймарской мостовой.

Дилижансъ остановился на нѣсколько часовъ у почтовой гостиницы. Пупешественницы проспились съ живописцемъ и отправились въ свою комнату; при прощаніи въ чертахъ младшей изъ дамъ выражалось сильное волненіе.

Художникъ сѣлъ у окна, съ твердымъ намѣреніемъ слѣдовать за тою, съ которою соединился онъ таинственнымъ союзомъ. *Чтобы ни дѣлали люди, думалъ онъ: но между нами есть отношенія, и души наши согетались!*

Задумчивость его прервана была стукомъ коляски, запряженной чепвернею и вѣхавшей на дворъ гостиницы; изъ неё вышли двое мушкетъ; но чрезъ нѣсколько минутъ они опять туда сѣли, вмѣстѣ съ двумя дамами. Въ одной изъ нихъ онъ узналъ её.... Она бросила на него послѣдній взглядъ и скрылась изъ вида.

Никогда еще не было ему такъ грустно. Никогда не чувствовалъ онъ такъ живо всей пятости своего одиночества.... На другой день онъ взялъ верховую лошадь и поскакалъ въ деревню своего отца. Тамъ узналъ онъ, что три мѣсяца тому назадъ деревня эта продана была другому владѣльцу, который,

на вопросы живописца, отвѣчалъ, что мѣстопробываніе продавца ему неизвѣстно. Вечеромъ молодой художникъ возвратился въ Веймаръ.

Назавтра, кто-то изъ знакомыхъ сказалъ ему названіе города, въ которомъ жилъ его отецъ. Услышавъ это названіе, онъ вскрикнулъ отъ изумленія: это былъ тотъ самый городъ, въ который отправлялась его прекрасная спутница.

— Вы вѣрно спѣшите къ сватьбѣ?—спросилъ его знакомый.

«Къ сватьбѣ!»

— Батюшка вашъ два года тому назадъ обрученъ съ одною очень милою молодою дамою...—

«Обрученъ!»

— Теперь можете быть и женою...—

«Женою!»

— Онъ пріѣзжалъ въ Веймаръ встрѣчаться съ...—

«Когда?»

— Вчера утромъ.—

«Въ коляскѣ, запряженной чепвернею?»

— Да.—

«Нешастный!»

Какъ безумный, выбѣжалъ онъ изъ комнаты. Дождавшись отправления дилижанса, онъ сѣлъ въ него, и наконецъ пріѣхалъ въ назначенный городъ, съ неизъяснимымъ безпокойствомъ въ душѣ. Узнавъ, что отецъ его въ деревнѣ, онъ спрашиваетъ лошадей, садится на неё, и скачетъ пуда, гдѣ ожидало его несчастіе.

У крыльца встрѣтилъ художника старый слуга, который съ трудомъ узналъ его.

«Гдѣ батюшка?»

— Они вмѣстѣ съ молодою барынею.—

«Развѣ онъ женился?»

— Нынче утромъ.—

Въ это время на балконѣ отворились двери и изъ комнаты вышла женщина.

«Кто это?» спросилъ живописецъ.

— Ваша матушка.—

Онъ ахнулъ, вспрыгнувъ на лошадь и поскакалъ назадъ.

Послѣ того онъ никогда уже не возвращался въ домъ своего отца.

СПОСОБЪ ПОЛУЧИТЬ БОГАТУЮ МИЛОСТИНУ.

Нищій въ позднюю пору встрѣтился съ порядочно одѣтымъ человекомъ, прогуливающимся по взморью у Кресповскаго острова, и попросилъ у него милостины. Тотъ отказалъ. Тогда нищій громкимъ и угрожающимъ голосомъ сказалъ ему: *Если вы мнѣ не поможете: то я рѣшусь на такой поступокъ, какова отъ роду не дѣлалъ.* Гуляющій пружнулъ препорядочно, вынулъ изъ кошелька два рубля серебряныхъ и далъ ему. Нищій упалъ ему въ ноги и началъ цѣловать ихъ. Тогда подавшій милостину приободрился и спросилъ: что хотѣлъ онъ сдѣлать, если-бъ ему не дали денегъ?— *Утонуться!* проспоудно отвѣчалъ нищій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГАРМОНІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

(*Посвящено А....у Н.....у А....у.*)

Лишь вечеръ спалъ клониться къ ночи,

Лишь солнце скрылось вдалекъ,

Лишь все замолкло въ темной роцѣ,

И было тихо, какъ во снѣ,

Вдали я слышу голосъ милой,

Переливался и свисталъ;

То громко, быстро, то уныло,

Онъ звуки робко изливалъ;

Казалось, что въ одно мгновенье,

Онъ щасье, прелесть жизни пѣлъ;

То самой жизни вдругъ забвенье,

То вдругъ, казалось, пѣшь не смѣлъ!

Такъ онъ заспѣчиво, чуть слышно,

Переходилъ изъ шона въ шонъ

И въ зелени дубовой, пышной,

Такъ скромнень былъ, прелестнень онъ!

Замолкъ пѣвецъ,—я все внимала,

Ловила звуки вдалекъ;

Меня гармонія плѣняла,

И въ воздухѣ и на землѣ,

Вездѣ её я находила,

И въ зелени и въ небесахъ;

Съ восторгомъ время я молила

Остановиться на часахъ,

Продлишь еще мое блаженство,

Въ споль упоительныхъ мечтахъ!
 Природы видя совершенство,
 Молилась тихо я въ слезахъ,
 Молилась,—вкругъ себя взирала;
 Вездѣ Премудрости рука
 Меня величьемъ поражала,
 Меня къ Создателю влекла.

Тутъ такъ сплелися согласно
 Лилей съ розами вѣнкомъ;
 Тутъ повиллика нѣжно, спрашно
 Вилась, скрываясь подъ кустомъ;
 Тутъ ручеекъ журчалъ игриво,
 По камнямъ ласково бѣжалъ,
 Между цвѣтновъ спруился живо,
 Казалось скрыпшея тушь искалъ.

Луна сребристыми лучами
 Весь оживляла видъ кругомъ,
 И, съ бѣглыми она спруями,
 Капила тихо за ручьемъ;
 Блестящи звѣздочки сіяли
 Небеснымъ, радостнымъ огнемъ,
 Любви лампы представляли,
 Горяція предъ алтаремъ;
 А небо, какъ престоль вселенной,
 Воспоргомъ духъ пыпало мой:
 Я зрѣла въ немъ тошь мѣръ неплѣнной,
 Гдѣ былъ и есть пріютъ родной.

Земля, какъ жизнь, была прелестна,
 Очаровательна, мила;
 Но на землѣ мнѣ спало пѣсно,
 Душа спремила въ небеса!

И такъ, гармонія святая,
 Ты царспвуешь вкругъ меня;
 Ты, какъ цѣпочка золопая,
 Весь мѣръ кольцомъ въ кольцо свила,
 И все, что вижу, осязаю,
 Все то, другъ другу жизнь даетъ;
 А то, чего не постигаю,
 Къ чему одна душа влечетъ,
 Меня молишь заспавляешь,
 Любишь и вѣровать велитъ,
 Въ любви надежду посылаешь,
 Въ надеждѣ—щаспѣ даритъ.

М...я Л....а

E N I G M E.

En figure triangulaire
 On me promène par les champs,
 Et quand je caresse ma mère,
 Je ne le fais qu'avec mes dents.

Въ № 55-мъ, помѣщенная шарада значить: *Порокъ*.

К Р И Т И К А.

На одну статью *Литературной лѣтописи въ Юньской книжкѣ Библиотеки для тѣнѣя*.

На спраницахъ 32-й, 33-й и 34-й сей *Лѣтописи* напечатано:

«Въ первыхъ прехъ часпяхъ *Библиотеки романовъ* находится плѣнительный романъ миссъ *Эджевортъ—Елена*.

«Переводъ *Елены* хорошъ. Эпоть романъ, на всѣхъ своихъ спраницахъ, говоритъ языкомъ *живымъ, свѣтскимъ, образованнымъ*. Слава Богу! А то мы ужасно опасались, что *Библиотека романовъ*, желая насъ поплѣшить пріятнымъ чпеніемъ, заговоритъ съ нами *книжнымъ языкомъ*. Мы не можемъ описать той радости, какую ощутили, увидѣвъ, что въ эпой книгъ нѣтъ *книжного языка*. Опъ всего сердца поздравляемъ издапелей съ эпимъ шагомъ къ хорошему вкусу и насподщей изящности. Наконецъ есть надежда, что книги будутъ у насъ говорить какъ люди. Мы толькo эпого и добиваемся. Мы толькo объ эпомъ и молимъ Небо, чтобы у насъ не было *книжного языка*, какъ у *Татаръ, Турокъ или Персіанъ*, чтобы былъ одинъ языкъ и одинъ умъ. Скажите сами, господа: къ чему намъ *книжный языкъ*, послѣ того, какъ мы уже выбрили бороды? Къ чему намъ мерпвая, вылипая изъ гробоваго свинцу фразеологія, когда мы уже воскресли и живемъ; когда языкъ воскресъ вмѣстѣ съ нами и живетъ также новою жизнью, когда между нами и нашимъ языкомъ уже нѣтъ другаго, кромѣ мысли, словомъ, когда мы и языкъ опсель неразлучны и должны бытъ представителами другъ друга въ образованномъ свѣтѣ?

«Книги Русскія! говорите точно такъ, какъ говорятъ люди Русскіе. Пусть изъ васъ узнаеть весь свѣтъ, что мы, принимая перо въ руки, не спыдимся того языка, копорымъ разговариваемъ съ нашими женами, сеспрами и дѣтьми, копорымъ разсуждаемъ между собою о благоденствіи, успѣхахъ и надеждахъ Россіи, копорымъ пересказываемъ нашимъ сыновьямъ побѣды нашего оружія и учимъ ихъ любить Царя и отечество.»

Мы навѣрное полагаемъ, что сію спашейку составилъ баронъ *Брамбеусъ*: поелику настоящій Русакъ не сумѣлъ бы написать на одной полустраницѣ сполько неправильныхъ мыслей, что самый опытный въ разборѣ софизмовъ педагогъ не въ состояніи ихъ распутать. Трудность спановится еще больше отъ того, что г. разбирапель не приложилъ хронологіи и не объявилъ, въ копоромъ вѣкѣ, въ копоромъ году умиралъ и когда именно воскресъ Славяно-Россійскій языкъ? Ужь не мыслилъ ли онъ, что это чудо совершила Библиотека для чпенія? Баронъ *Брамбеусъ*, право, можетъ быть такъ мыслилъ. Випъ г. профессоръ *Сенковскій* предлагалъ же Исландскія сказки (*Саги*) безъ хронологіи, безъ послѣдовательности происшествій, въ основаніе Россійской исторіи; клалъ же имена князей и городовъ нашихъ на эпимологическую дыбу, распягивалъ и отрубалъ отъ нихъ слогіи. Эпи го-спода насъ дурачатъ!

Но предоспавимъ подробное исчисленіе и уничтоженіе ложныхъ умствованій г. разбирапеля почтенному профессору *Шевырѣву*, побѣдоносно сражающемуся съ *Тютюнджи-Оглу*, и взглянемъ на переводъ *Елены*, выдаваемый намъ за нѣчто великое, за нѣчто преобразовательное, давно ожиданное и теперь только къ славу Россійскаго слова совершившееся. Посмотримъ на эпотъ образцовый слогъ!

Часть I.

Между деревьями показалась спройная *та-ля* молодой дѣвщцы. Спр. 1.

Какъ медленно (1) идетъ она. Спр. 1.

(1) Надобно бы: *тихо*. Слово *медленно* есть внижное.

Юное (2), прелестное созданіе. Спр. 2.

Отъ нея (3). Спр. 3.

Ибо (4) была принята въ домъ Спр. 4.

Послѣ спраданій, споль *тлжскихъ* (5). Спр. 8.

Домъ Декана сдѣлался *жилицемъ* плача (6). Спр. 8.

Но попому *это* вмѣспъ съ ними ей внушено было, *это* твердое сознаніе своего долга должно быть основаніемъ всѣхъ поступковъ (7). Спр. 10.

Торопливо вышедши (8). Спр. 10.

Письмо было *адресовано* (9). Спр. 11.

Прочитавши (8) письмо.

Послѣднимъ *достоиниель* (10).

Что за нелѣпость воображатъ *возможнымъ жить* (11) въ свѣтъ безъ денегъ. Спр. 16.

Мы не спанемъ *задерживать* (12) васъ, когда ваши друзья изъ вышняго круга вздумаютъ *отнять* васъ *отъ нашего сердца* (13); но, въ ожиданіи, не *попробуете* ли пожить съ нами (13)? Спр. 19.

Участіе къ его племянницѣ (14). Спр. 20.

Что ни говори, а я радъ, *это* она спомрипъ на вещи не такъ, какъ мы (15). Спр. 24.

Часть II.

Можетъ быть не ошиблась ли она (16). Спр. 3.

И для *Елены* эпотъ рассказъ могъ бы показаться забавнымъ, если бы леди *Цецилія* не сказала ей, чтобы она слушала (17). Спр. 4.

(2) *Юное*, Славянизмъ.

(3) Обветшалое слово; говорится: *отъ нея*.

(4) *Ибо*—слово книжное; надлежало бы: *потому что*.

(5) *Тлжскихъ* дряхло; употребляется *тлжельскихъ*.

(6) Въ разговорномъ языкѣ нѣтъ ни *жилица*, ни *плача*, а замѣняются они словами: *домъ*, *квартира*; *печь*, *слѣзь*, *огорченіе*.

(7) Неправильно.

(8) Въ хорошемъ обществѣ не употребительно.

(9) Можно бы замѣнить Русскимъ.

(10) Славянщина.

(11) Галлицизмъ.

(12) Люди образованные говорятъ *удерживать*.

(13) Неправильно. Надобно бы: *отнять у нашего сердца*.

(14) Неправильно. Правила грамматники предписываютъ писать: *принимаю участіе въ его племянницѣ, въ его брашъ, въ его потерь*.

(15) Такъ говорятъ въ переднихъ, а не въ гостинныхъ.

(16) Галлицизмъ.

(17) Если не два бы: *по ужъ одно безъ всякаго сомнѣнія лишнее*.

Однимъ словомъ, она была какъ нельзя больше не похожа на самую себя (18). Спр. 9.

По видимому видно (19). Спр. 13.

Оракулъ, котораго вопрошалъ Секспъ Тарквиній, предсказалъ ему, что онъ совершитъ преступленіе. Спр. 118. Дельфійскій жрецъ спрашивалъ Юпитера (20). Спр. 19.

Часть III.

Попомъ онъ изъявилъ желаніе, чпобы въ случаѣ, если онъ не воропится, картины были бы отданы любимымъ его дѣтямъ Цециліи и Еленѣ (21). Спр. 2.

Сюжетъ, взятый изъ Донъ-Кихота.

Эпопъ соколъ не въ состояннн прилепѣшь къ дамѣ на руки (22). Спр. 4.

Между шѣмъ, какъ Чурчилъ проповѣдывалъ такимъ образомъ свое критическое замѣчаніе (22), капишанъ Вурмзей рассказывалъ о тѣхъ лицахъ, которыя еще воспыивающъ соколовъ въ Англіи. Спр. 5.

Пока пошъ не упомянулъ объ одномъ обстоятельствѣ... именно о билетѣ (24), который привязывающъ къ ногѣ учёнаго сокола, съ означеніемъ на немъ мѣста и времени, откуда и когда пущенъ, Чурчилъ привелъ примѣръ, что одинъ такой соколъ присланъ былъ изъ Даніи, гдѣ, поймавъ его, нашли на немъ билетъ (24). Спр. 6.

(18) Это не языкъ дворянъ, а языкъ дворни. Не на самую себя, а сама на себя.

(19) Это по каковски?

(20) *Вопрошалъ* — это слово высоеое, Славянское; иному юному писателю молодой словесности сдѣлается обморокъ, если онъ нечаянно встрѣтитъ его.

(21) Одно бы можно вычеркнуть — и рѣчь не потерпитъ убышка.

(22) *На руку*, а не на руки. Сверхъ того галицизмъ.

(23) Глаголь поставленъ въ многократномъ, а существительное съ своимъ прилагательнымъ въ единственномъ числѣ.

(24) Переводчикъ, передавъ намъ billet словомъ билетъ, не понялъ своего автора; но если-бы и понялъ: то все у насъ и говорящъ и пишущъ: «на ногѣ у сокола найдена записка. На шеѣ у сокола была привязана записка.» Прежде, чѣмъ слово билетъ получило въ Русскомъ языкѣ право гражданства, въ Россіи существовалъ Соколыиій Приказъ, и написанъ былъ Соколыиій Уставъ.

Леди Цецилія сказала ей: знаешь, Елена, нашъ любимый авторъ Вашингтонъ-Ирвингъ рассказываетъ. Спр. 7.

Боклеркъ отвѣчалъ, что Чурчилъ имѣетъ полную свободу дѣлать что угодно, но что въ эпомъ онъ еще не видитъ необходимости перемѣнять собственнаго расположенія (25).

Чурчилъ признался съ насмѣшливою улыбкою, что не намѣренъ упорствовать для того только, чтобы побѣдить необходимое. Онъ уже не такъ молодъ какъ Гранвилъ, къ нещасію достигъ до зрѣлаго возраста, хоть больно, а долженъ сказать эпо; и безъ всякихъ шутокъ онъ отъ души сожалѣлъ, что сдѣлался однимъ изъ тѣхъ оспорожныхъ и благоразумныхъ существъ, которыя шагу впередъ не сдѣлающъ, не оглядывшись прежде.

Кажется эпихъ выписокъ довольно. Теперь скажите сами, господа! было ли чему шущъ радоваться?

Читалъ такую напянупо-воспорженную похвальную рѣчь переводу Елены (26), невольно приходилъ въ голову два слѣдующіе вывода:

Если баронъ Браубеусъ написалъ её: эпо произошло просто отъ незнанія Россійскаго языка и самонадѣянности на паланшъ и ученость, которыхъ никто у него не опнимаешъ.

Если же происпекла она изъ подъ пера Тютюнджи-Оглу: эпо изъ ненависти къ словесности народа Христіанскаго, который обуздаль неисповыя покушенія Мусульманъ на испребленіе наукъ, искусствъ и порабощеніе Европы. Quod erat demonstrandum.

А. Кораблинскій.

MODES.

J'ai fait des courses toutes d'utilité depuis le temps où je vous ai écrit, ma chère sœur; entre autres, je suis allée au *Gymnase normal pour les enfans*, établi

(25) Такъ не объясняющъ въ хороשמъ обществѣ; на концѣ ошибка противъ грамматикн.

(26) Не надобно однако же думать, будто бы сей романъ переведенъ худо. Мы только хотѣли показать, что онъ не подходитъ подъ шѣ условія, какія г. разбирашъ ему предписываешъ.

par les soins de M. le colonel *Amoros*, rue *Jean-Goujon*, près les Champs-Élysées. J'ai vraiment été émerveillée du nombre infini de *machines* réunies dans ce lieu, du soin que l'on apporte à tous ces exercices gymnastiques, si efficaces pour le développement et l'agilité du corps. Les professeurs mettent à instruire les enfans une douceur et une patience vraiment admirables, et les guident avec une attention dont on ne saurait trop faire l'éloge. Le colonel, avec une sollicitude toute paternelle, assiste lui-même aux séances.

Que dire de la mode? Aujourd'hui elle est dans un *statu quo* désespérant pour les observateurs; et non seulement il n'y a pas innovation, mais il n'y a pas *nuances*. Des robes de mousseline blanche et de couleur, quelquefois légères, de couleurs claires, des chapeaux de paille de riz d'Italie ou cousue, voilà les toilettes du jour. J'ai cependant remarqué une petite nouveauté dans les chapeaux; c'était un chapeau de paille d'Italie, très grand de passe et relevé tout autour comme un ourlet. Il était orné de marabouts et de quelques rubans. La femme qui le portait était très distinguée; ses cheveux étaient arrangés à la *Ninon* avec des branches de seringat; sa robe en batiste d'Écosse presque traînante, avec un large ourlet, une pélerine pareille faisant canezou sur les épaules et descendant presque jusqu'aux coudes. Point de gigot dans les manches, qui étaient fort larges. J'ai trouvé le chapeau joli, mais le reste de la toilette ne m'a point plu: cette femme *toute blanche*, à épaules si tombantes, faisait assez l'effet d'être en peignoir de lit, ce qui est un peu négligé pour la promenade. Elle rappelait la mode qui parut sous le consulat et qui *exigeait* que, pour être bien mise, une femme eût l'air de *sortir du bain*; c'était l'expression consacrée.

J'ai remarqué aux Tuileries deux jolies sœurs dont la toilette de bon goût relevait encore les charmes: des robes de gros de Naples glacé, lilas fort pâle, tirant un peu sur le gris, faites à la vierge avec un poignet; des fichus à la paysanne de tulle brodé, garnis de dentelle; des chapeaux de paille de riz, ornés de *bruyères du cap*; des brodequins de prunelle pareils à la robe.

М О Д Ы.

Я сдѣлала нѣсколько полезныхъ поѣздокъ, съ тѣхъ поръ какъ я къ тебѣ писала, любезная сестра; между прочимъ я была въ *Нормальной гим-*

назиі для дѣтей, основанной стараніемъ полковника *Amoros*, въ улицѣ *Jean-Goujon*, близъ Елисейскихъ полей. Я испинно была удивлена безчисленнымъ множествомъ шумъ собраннымъ, и стараніямъ, прилагаемымъ къ этимъ гимнастическимъ упражненіямъ, споль способствующимъ сложению и ловкости пѣла. Профессора учатъ дѣшей съ удивительною кротостію и шептніемъ, и руководствуютъ съ доспойнымъ похвалы вниманіемъ. Полковникъ съ настоящею отеческою заботливостію присутствуетъ самъ при всѣхъ упражненіяхъ.

Что сказать о модѣ? Она въ *statu quo*, приводящемъ въ отчаяніе наблюдателей, и не полько нѣтъ ничего новаго, но даже и општѣнковъ. Платья бѣлыя и цвѣтныя кисейныя, иногда легкія, свѣплыхъ цвѣтовъ; шляпки басовыя *Испаліанскія* или сшивныя,—вошь шеперешнія моды. Я замѣтила однако нѣкоторую новостъ въ шляпкахъ: *Испаліанская* соломенная шляпка, съ весьма большимъ полемъ, завороченнымъ вокругъ на верхъ въ видѣ рубца; она отдѣлана была марабу и немного лентами. Дама, на которой она была надѣта, была весьма опшлична; волосы были причесаны à la *Ninon*, съ вѣтками *сирени*; платье изъ *Шотландскаго* батиста, весьма длинное, съ широкимъ рубцомъ; пелеринка такая же, составлявшая на плечахъ канзу, была спущена почти до локтей, подъ которыми были весьма широкіе рукава, копорые не были подшиты жесткими рукавами. Шляпка мнѣ понравилась, но остальной нарядъ нисколько: эта *вся бѣлая* женщина, съ висящими плечами, казалось была въ послельномъ пеньуарѣ, что немнѣжно просто для прогулки. Она напоминала моду, появившуюся при консульствѣ, копорая требовала, чтобы женщина, хорошо одѣтая, имѣла видъ, что *вышла изъ бани*: это было настоящее выраженіе.

Я замѣтила въ *Тюльери* двухъ хорошенькихъ сестрѣр. Хорошій вкусъ наряда возвышалъ еще ихъ прелести. *Гроденаплевья* платья *glacés*, бѣдно-лиловаго цвѣта, нѣсколько сбывавшагося на сѣрваный, сдѣланы были à la *vierge* съ обшивкой; косынки à la *paysanne*, вышитыя шюлевыя, обшитыя кружевами; шляпки басовыя, отдѣланныя *bruyères du cap*; прюнеелевые бошинки подъ цвѣтъ платья.

(*Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.*)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 57.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Юля 17 дня 1855 года.

Ухъ! я почехонько избавилась отъ пещи.
Вѣдь полуумный швой опець:
Дался ему прехъ сажень удалецъ,
Знакомилъ, не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли!

Грибодовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О ДВУХЪ АНТИПОДИЧЕСКИХЪ МНѢНІЯХЪ
ДВУХЪ ЖУРНАЛОВЪ ОБЪ ОДНОЙ И ТОЙ
ЖЕ КНИГѢ.

Вышла въ Москвѣ книга *Новая Греція, съ отношеніяхъ своихъ къ древности; соч. Эдгарда Кине, переведенная съ Французскаго Ксенофонта Полевымъ.* 1835.

Не въ *Молетъ* (*), а въ одномъ изъ читаемыхъ и уважаемыхъ Петербургскихъ журналовъ напечатано о ней: *Эдгардъ Кине написалъ такую книгу, которая непростительна сколько нибудь добросовѣстному писателю. Эпопѣй безчеловѣчный судъ и осужденіе взяты Русскимъ разбираемлемъ изъ первокласнаго Нѣмецкаго аншикварія.*

О переводѣ сказано, что онъ опличается чистотою и правильною языкомъ.

(*) Въ семь листкѣ пламенный лирикъ—*Петровъ*, превосходный подражатель *Горація*—*В. В. Каплицъ*, милый шалуунъ-поэтъ—*Богдановичъ*, сочинитель *Душеньки*, сравнены съ *Третьяковскимъ*, *Селивановымъ* и *Тиллофьевымъ*.—*К.*

Почти въ то же время, не въ *Молетъ*, о которой нигде не допрогивается, а въ другомъ Петербургскомъ журналѣ, также весьма много читаемомъ, хотя не имѣющемъ никакого вѣсу, какъ первый, произнесено о той же книгѣ слѣдующее мнѣніе:

«Гг. *Полевые* обнаруживаютъ большую литературную дѣятельность, и мы почти не успѣваемъ сообщать нашимъ читателямъ извѣстія объ однѣхъ ихъ безпрерывныхъ предпріятіяхъ, которыми однако всегда готовы отдать справедливость. Едва мы опдали отчепъ въ намѣреніи г. *Ксенофонта Полеваго* перевести всѣ шестнадцать, — теперь уже восемнадцать — томовъ *Записокъ герцогини Абрантесъ*, и похвалили первый томъ перевода, какъ уже должны хвалить погоже г. *Ксенофонта Полеваго* «за весьма хороший выборъ и пріятный переводъ занимательнаго сочиненія г. *Кине о Греціи.*» И не здѣсь конецъ похваламъ: не только книга, но и самая обѣртка ея предназначены къ тому, чтобы расположить насъ къ панегирику, къ которому мы въ самомъ дѣлѣ чувствуемъ на эту пору спрашное расположеніе. Скажите са-

ми—какъ не сдѣлаешься записнымъ похвальщикомъ, когда на обѣрпкѣ хорошаго сочиненія, только что подареннаго читающей публикѣ—читающей, алчущей чтенія, и принужденной читать дурное,—находишь обѣщаніе двухъ еще лучшихъ сочиненій. На этой обѣрпкѣ, на обѣрпкѣ *Новой Греціи г. Кине*, сказано, что въ непродолжительномъ времени будутъ изданы еще: *Записки Наполеона о походахъ Туреня и Фридриха великаго, пер. Ксенофонта Полеваго*,—исторія *Карла великаго, соч. Робертсона, переводъ съ Англійскаго*—такъ сказано на обѣрпкѣ, которой мы придерживаемся въ нашемъ панегирикѣ,—переводъ съ Англійскаго *Николая Полеваго, четыре части*, и прочая, и прочая. Мы будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ выхода эпихъ твореній, чѣмъ имѣвъ случай препоручить вниманію публики очень хорошія книги для ея чтенія, а между тѣмъ *рекомендуемъ ей «Новую Грецію г. Кине»*, которая тоже достойна занять ея досуги и въ состояніи наполнить ихъ собою пріятно и полезно?» — — —

Спрашивается: который изъ двухъ журналовъ насмѣхается надъ доброю Русскою Публикою?

А. Кораблинскій.

Село Рыбацкое, Іюля 4-е 1835.

НЕЛѢПОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Мы воображаемъ, что у однихъ насъ провинціальныя объявленія о спектакляхъ заставлены клеймомъ невѣжества. Упѣштесь!

1. Въ Миланѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, играли: *Путешествіе планетъ на землю*; въ этой пьесѣ *Сатурнъ* панцовалъ *pas de deux* съ *Венерою*, а *Солнце* дружески разговаривало съ *Луною!!!*

2. Въ Марлѣ на афишкѣ было напечатано: сегодня на здѣшнемъ театрѣ будетъ представлена: *Заира, или невѣрный и правопырный, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Вольтера, въ которой султанъ убиваетъ свою любовницу кинжаломъ; съ великолѣпнымъ спектаклемъ, военны-*

ми Турецкими маршалами. Костюмы новые, зала будетъ хорошо освѣщена.

3. Въ Камбрѣ давали однажды *Кардильяка*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Бриллиантикъ, мнимо-гестный человекъ, или опасность ходить поздно по Парижскимъ улицамъ.*

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

«Подожди немного;» закричалъ канцеляристъ цирюльнику изъ окна.—Что вамъ угодно?—спросилъ брадобрей. «Не бѣги сломя голову, упадешь и распережешь свои брилпы.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ІЕРУСАЛИМЪ.

(Изъ воспоминаній о Востокѣ, Ламартина).

Общій видъ окрестностей Іерусалима можетъ быть легко изображенъ немногими словами; обнаженные горы, безводныя долины; почва, лишенная зелени; утесы, не представляющіе ничего величественнаго и грознаго; глыбы сѣраго камня, прорѣзывающія рыхлый и распрескавшійся грунтъ; мѣстами фиговыя деревья; далѣ лошадь или газель, оспорожно пробирающаяся между разсыпными утесовъ; нѣсколько виноградныхъ лозъ, распилающихся по красноватой или сѣрой почвѣ; изрѣдка купы масличныхъ деревьевъ, оставляющихъ небольшое пѣнистое пятно на бокахъ утесистаго холма, на горизонтѣ; перпендинное или рожковое дерево, печально и одиноко отдѣляющееся на лазури неба; стѣны и башни городскихъ укрѣпленій, виднѣющіяся вдали на вершинѣ Сіона: вотъ изображеніе земли. Небо возвышенное, свѣтлое, чистое, не помрачаемое ни однимъ облакомъ. Со стороны Аравіи, широкая пропасть, нисходящая между горъ и ведущая взоры къ ослѣпительнымъ волнамъ Мертваго моря и синеватымъ вершинамъ Мсавитскихъ горъ. Ни ропота въпра, играющаго въ изсохшихъ масличныхъ вѣтвяхъ, ни пѣнія ппички, ни крика кузнечика на голой почвѣ: ненарушимое и вѣчное молчаніе повсюду, въ городѣ, на дорогахъ, въ окрестностяхъ.

Таковъ былъ Иерусалимъ во всё продолженіе времени, которое мы провели подъ его стѣнами. Я слышалъ одно только ржаніе лошадей моихъ, которыя перевозились опъ зноя вокругъ нашего спана и рыли ногами пыльную землю, и порою жалобный крикъ муэзиновъ, провозглашавшихъ часы съ вершины минаретовъ, или мѣрныя завыванія Турецкихъ плакальщицъ, сопровождавшихъ длинными вереницами пѣла умершихъ опъ чумы на разныя кладбища, окружающія стѣны города. Иерусалимъ, куда спекаются люди на поклоненіе Св. Гробу, самъ можетъ назваться гробницею народа, но гробницею безъ кипариса, надписей и памятниковъ, гробницею съ разбитымъ камнемъ, и копорой прахъ распространяетъ по землѣ, его окружающей, безмолвіе, горестъ и безплодіе. Покидая его, мы обращали къ нему взоры съ каждаго холма, съ котораго онъ былъ еще примѣненъ, и наконецъ опушка изъ масличныхъ деревьевъ, вѣнчающая гору сего имени и долго еще послѣ того, какъ городъ скроется изъ вида, мелькающая на горизонтѣ, постепенно понижаясь, совершенно исчезла, подобно тѣмъ полуувядшимъ цвѣточнымъ вѣнкамъ, которые бросаютъ на могилу.

Вчера я раскинулъ шаперъ свой на кремнистомъ полѣ, на которомъ росло нѣсколько кривыхъ и суковатыхъ масличныхъ деревьевъ, подъ стѣнами Иерусалима, за нѣсколько сотъ шаговъ опъ башни *Давидовой*, немного выше Силоамскаго источника, который еще донинѣ пропекаетъ по испертому помосту пещеры, не вдалекѣ опъ гробницы Царя поэта, такъ часто его воспѣвавшего. Влѣво возвышались терассы, на которыхъ споялъ нѣкогда храмъ *Соломона*, и которыя вѣнчались, теперъ преме голубыми куполами и стройными, воздушными столбами *Омаровой* мечети, воздвигнутой на развалинахъ дома *Левовъ*. — Иерусалимъ, опустошаемый въ то время язвою, былъ орошенъ лучами ослѣпительнаго солнца, отражавшимися на тысячь его куполовъ, на его мраморахъ и башняхъ изъ желпаго камня, на стѣнахъ его, выложенныхъ временемъ; ни малѣйшаго шума не слышно было во всей его окружности, безмолвной и безжизненной, какъ ложе умирающаго; въ

широкихъ опворенныхъ вратахъ его изрѣдка мелькали бѣлая чалма и красный плащъ Арабскаго солдата, ненужнаго спража сихъ покинутыхъ вратъ; никто не входилъ въ нихъ и не выходилъ оппуда; одинъ только упренный вѣперъ вздымалъ на дорогахъ облака пыли и заставлялъ ожидать приближенія каравана; но когда эпортъ вѣперъ со свистомъ умиралъ на городскихъ стѣнахъ, пыль опадала, пустыня снова опкрывалась взору, и нигдѣ не раздавались шаги верблюда или мула; только каждую четверть часа опворялись кованыя половинки всѣхъ Иерусалимскихъ воротъ и нагіе невольники выносили на носилкахъ прупы несчастныхъ, сраженныхъ язвою. Иногда длинная процессія Турокъ, Армянъ, Арабовъ, Жидовъ, сопровождала мертвеца съ пѣніемъ, и попомъ медленно и безмолвно возвращалась въ городъ. Но чаще усопшіе бывали одни, и невольники, вырывъ песокъ или землю на нѣсколько пальмъ, и уложивъ чумный прупъ на послѣднемъ его ложѣ, садились на эпюй свѣжей могилѣ, дѣлили между собою одежду покойнаго, и закутивъ свои длинныя трубки, въ молчаніи смотрѣли, какъ поднимался легкою голубою струею дымъ изъ чубуковъ ихъ и разсѣвался въ чистомъ, рѣзкомъ и прозрачномъ осеннемъ воздухѣ. У ногъ моихъ распилалась подобно обширному кладбищу долина *Иоваватова*; изсякшій Кедронъ перерѣзывалъ еѣ бѣловатою разсѣлиною, устѣянною крупными кремнями, а бока обоихъ холмовъ, еѣ обступающихъ, бѣлѣлись гробницами и каменными чалими, обыкновеннымъ надгробнымъ памятникомъ Османлисовъ. Немного правѣ, между вулканическими и конусообразными вершинами обнаженныхъ горъ Иерихона и Сень-Сабы горизонтъ расширялся и распространялся подобно свѣплому проходу между кипарисомъ неравной вышины: взоръ самъ собою обращался къ нему, привлеченный голубоватымъ блескомъ Мерпваго моря, омывавшаго подошвы эпихъ горъ. Сзади горизонтъ ограничивался синею цѣпью горъ каменистой Аравіи, но ограничивался не совершенно, ибо горы эпие уподоблялись прозрачноспью кристаллу, и сквозъ нихъ былъ видѣнъ или казался виднымъ горизонтъ без-

конечный и неопредѣленный, понувшій въ воздухъ, въ копоромъ багрянецъ сливался съ бѣлизною.

Тогда былъ часъ полудня, часъ, въ копорый муэззины наблюдаютъ печеніе солнца на самой высокой галереѣ минарета, и поютъ ежечасную свою молитву. Арабы, со мною бывшіе, всыпали ячменя лошадямъ моимъ, привязаннымъ вокругъ нашего шапра и скованнымъ по ногамъ желѣзными кольцами: эпи кропкія и красивыя живописныя спояли неподвижно съ поникшими головами, и сѣрая шерсть ихъ сіяла и дымилась отъ паллящихъ солнечныхъ лучей. Люди собрались подъ пѣвню развѣсиспаго масличнаго дерева; они разослали на землю свои Дамасскія ковры и курили, рассказывая другъ другу повѣсти пустынь, или расцѣвая стихи изъ *Антара*.

Антаръ, сей пипъ кочующаго Араба, вмѣстѣ паспырь, воинъ и поэтъ, изобразившій пустыню въ своихъ національныхъ спихопвореніяхъ, возвышенъ какъ *Омиръ*, печаленъ какъ *Товъ*, спрашенъ какъ *Теокритъ*, глубокомысленъ какъ *Соломонъ*; спихи его, убаяющіе или воспламеняющіе воображеніе Араба, подобно табачному дыму, вьощемуся изъ чубука его, звучали горлачными звуками въ оживленной толпѣ моихъ проводниковъ, и когда поэтъ слыше или вѣрише прогалъ чувствительную струну эпихъ дикихъ, но доступныхъ ощущеніямъ людей, они шевелили губами, складывали руки, поднимали ихъ надъ ушами, и наклонивъ голову, восклицали: *Аллахъ! Аллахъ! Аллахъ!*

Въ послѣдствіи, воспоминаніе о часахъ, проведенныхъ мною слушая эпи спихи, копорыхъ я не могъ тогда понимать, заставляло меня съ заботливостію собирать отрывки народныхъ Арабскихъ спихопвореній и особенно изъ героической поэмы *Антара*. Я успѣлъ достать ихъ нѣсколько, и заставлялъ моего драгомана переводить ихъ для меня въ зимніе вечера, копорые я провелъ въ Ливанѣ. Я самъ начиналъ понимать немного Арабскій языкъ, но недовольно, однако же; для того, чтобы чипать на немъ; мой толмачъ переводилъ отрывки изъ поэмы на простонародный Италіанскій языкъ, а я

перелагалъ ихъ попомъ слово въ слово на Французскій. Я сохранилъ эпи поэтическіе опыты, невѣдомые Европѣ, и включилъ ихъ въ концѣ эпига тома; они послужатъ доказательствомъ, что поэзія бываетъ принадлежностію всѣхъ спранъ, всѣхъ временъ и всѣхъ степеней образованности.

Поэма *Антара* есть, какъ я сказалъ уже, національная поэзія кочующаго Араба; эпо священная книга его воображенія. Сколько разъ бывалъ я свидѣтелемъ, какъ Арабы мои, собравшись вечеромъ около бивачнаго огня, выплнувъ шеи, слушали, вперивъ пламенные взоры въ одного изъ своихъ товарищей, копорый рассказывалъ имъ нѣкопорый мѣспа изъ эпихъ удивительныхъ спихопвореній, между пѣмъ, какъ облако дыма, поднимавшагося отъ ихъ трубокъ, образовало у нихъ надъ головами фантастическую атмосферу сновидній, и лошади наши, наклонясь надъ ними, какъ будто прислушивались къ однообразному голосу своихъ хозяевъ. Я садился вблизи и также слушалъ, хотя и не понималъ; но мнѣ понятны были звуки голоса, игра физиономій, содроганія слушателей; я зналъ, что въ звукахъ эпихъ была поэзія, и представлялъ себѣ повѣствованія протавельныя, чудесныя, драматическія, копорыя передавалъ самому себѣ. Такъ слушая пѣвническую или спраспную музыку, я воображаю слышатъ слова, и поэзія пѣвни опкрываетъ мнѣ поэзію слова. Признайся ли даже! я никогда не чипалъ поэзіи, копорая бы могла сравниться съ пою, какую уразумѣвалъ я въ непонятномъ для меня языкѣ эпихъ Арабовъ; воображеніе всегда переходило за предѣлы дѣйствительности, и мнѣ казалось, что я понимаю первобытную и патриархальную поэзію пустыни; я видѣлъ коня, верблюда и газель, я видѣлъ оазисы, выславляющіе верхи своихъ желтозеленыхъ пальмъ надъ поверхностію наносныхъ песчаныхъ холмовъ; я видѣлъ бипвы воиновъ и юныхъ Арабскихъ красавицъ, похищенныхъ, освобожденныхъ во время схватки, и узнающихъ въ эпихъ избавителей своихъ любовниковъ. Эпо напоминаетъ мнѣ, что я всегда съ большимъ удовольствіемъ чипалъ иноспранныхъ поэповъ въ самомъ плохомъ

и пошломъ переводѣ, нежели въ подлинникѣ: это происходитъ отъ того, что лучший подлинникъ всегда оставляетъ чего нибудь желать въ выраженіи, тогда какъ дурной переводъ указываетъ только мысль, поэтический мотивъ, и воображеніе, украшая это мотивъ словами, которыми кажутся ему столь же ясными какъ мысль наслаждается полнымъ удовольствіемъ, создаваемымъ имъ самимъ. Зная, что безпредѣльность есть свойство мысли, оно предполагаетъ еѣ и въ выраженіи; такимъ образомъ самое удовольствіе становится безпредѣльнымъ. Чтобы доставить себѣ это удовольствіе, надобно быть въ нѣкоторой степени поэтомъ или музыкантомъ; но кто же не выполняетъ этого условия?

Антаръ, вмѣстѣ герой и поэтъ кочующаго Араба, мало намъ извѣстенъ; мы худо знаемъ его исторію; намъ неизвѣстно даже въ почтеніи время его существованія. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что онъ жилъ въ шестомъ столѣтіи нашей эры. Мѣстные преданія опредѣляютъ эпоху его жизни гораздо ранѣе. По словамъ сихъ преданій, заимствованныхъ частію изъ его поэмы, *Антаръ* былъ черный невольникъ, который своими доблестями и подвигами завоевалъ себѣ свободу, и силою любви и геройства достигъ обладанія своею владѣльницею *Аблою*. Поэма *Антара* не вся писана стихами, какъ поэма *Олира*: она состоитъ изъ поэтической прозы на самомъ чистомъ и классическомъ Арабскомъ языкѣ, перемежанной со стихами. Въ поэмѣ этой спрашивается, что прозаическая часть повѣствованія несравненно выше лирическихъ отрывковъ, въ него вставленныхъ. Поэтическая часть его отличается изысканностью, принужденностью и вкусомъ лирическихъ, клонящихся къ упадку; напротивъ, нѣтъ ничего простѣе, естественнѣе, одушевленнѣе разказа прозаическаго. Всѣ Арабскія стихотворенія, древнія и новыя, которыми мнѣ случилось имѣть, болѣе или менѣе отличаются пою же несчастною изысканностью, которая замѣтна въ *Антарѣ*; въ нихъ вездѣ встрѣчаешь, если не игру словъ, то игру мыслей, игру образовъ, способную скорѣе позабавить умъ, нежели пронести

сердце. Искусству нужны вѣка, чтобы дойти до простаго и высокаго выраженія природы. Для Арабовъ стихи служатъ еще однимъ только замысловатымъ способомъ играть своимъ умомъ или чувствами. Я исключая изъ этого нѣсколько религиозныхъ стихотвореній, написанныхъ около тридцати лѣтъ тому назадъ однимъ Маронитскимъ епископомъ горы Ливанской; стихотвореній, достойныхъ тѣхъ мѣстъ, которыми ихъ внушили, и священныхъ предметовъ, которыми это благочестивый опшельникъ исключительно посвятилъ свой мужественный гений. Эти религиозныя стихотворенія гораздо порожественнѣе и искреннѣе всѣхъ Европейскихъ въ этомъ родѣ, мнѣ извѣстныхъ; въ нихъ сохраняется еще частію сила *Иова*, возвышенность *Соломона* и грусть *Давида*.

Я жалѣю, что опытный ориенталистъ не переведетъ намъ *Антара* вполне; это было бы лучше путешествія, потому что поэма всего вѣрнѣе изображаетъ нравы; это обновило бы также наши собственныя вдохновенія тѣми свѣжими красками, которыми почерпнуты *Антаромъ* въ его пустыняхъ; припомъ, это было бы занимательно, какъ *Ариостъ*, прогашельно, какъ *Тассъ*. Я не сомнѣваюсь, чтобы Итальянская поэзія *Ариоста* и *Тасса* не были сродни поэзіи Арабской: такое сочетаніе идей, которое произвело Алгамбру, Севиллу, Гренаду и нѣкоторыя изъ Готическихъ соборовъ нашихъ, породило *Иерусалимъ* и прелестныя драмы поэта города Реджіо. *Антаръ* занимательнѣе *Тыгли* и *одной ноги*, потому что въ немъ менѣе чудеснаго. Весь интересъ его почерпнутъ въ сердцѣ человеческомъ и въ истинныхъ или правдоподобныхъ приключеніяхъ героя и его любезной. У Англичанъ есть почти полный переводъ этой очаровательной поэмы; мы имѣемъ только немногіе прекрасные отрывки ея, разбѣянные въ нашихъ лирическихъ обзореніяхъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, молодая Турчанка оплакивала своего мужа, надъ однимъ изъ тѣхъ небольшихъ блокаментныхъ памятникомъ, которыми усыяны всѣ

холмы въ окрестности Иерусалима; по виду ей было лѣтъ оснадцать или двадцать, и никогда еще не видывалъ я столь восхищительнаго изображенія горести. Профиль ея, котораго не препятствовало мнѣ видѣть ея опкинутый покровъ, представлялъ удивительную правильность очерпаній, оплачающую лучшія головы Паренена, и вмѣстѣ нѣжность и плѣнительную помность Азіатскихъ женщинъ, красоту гораздо болѣе женскую, гораздо болѣе страстную, болѣе очаровательную для сердца, нежели суровая и мужественная красота Греческихъ спатуй. Волосы ея свѣтлобронзоваго и золотистаго цвѣта, подобнаго цвѣту мѣди древнихъ спатуй, и пользующагося большимъ предпочтеніемъ въ этой любимой странѣ солнца, котораго потъ цвѣтъ представляеть какъ-бы поспоянное опраженіе; эти распушенные волосы упали вокругъ неѣ и волочились по землѣ; грудь ея была совершенно открыта, по обычаю женщинъ той части Аравіи, и когда она наклонялась, чптобы обнять памятникъ, или прилечь къ могилѣ ухомъ, то обнаженныя перси ея касались земли, и оспавляли на прахъ свой оппечатокъ, подобно тому, какъ въ превосходной Эпопѣ *Шатобріана*. Песокъ могильный сохранялъ еще оппечатокъ прекрасныхъ персей погребенной *Аталы*.

Она усѣяла могилу и землю вокругъ неѣ цвѣтами; подъ ногами ея былъ посланъ прекрасный Дамасскій коверъ, на которомъ спояло нѣсколько сосудовъ съ цвѣтами и корзина, наполненная смоквами и небольшими ячменными хлѣбами; послѣдняя нужна была попому, чпто эта женщина готовилась провести на могилѣ цѣлый день. Ямка, вырытая въ землѣ, какъ предполагалось, прямо противъ уха покойнаго, служила ей трубою для разговора съ тѣмъ, кого она пришла посѣпить. Она наклонялась по временамъ къ этому опверстію, и начинала пѣть прерывистымъ опъ рыданій голосомъ; попомъ приникала къ нему ухомъ, какъ-бы ожидая опвѣта, и снова принималась пѣть, не переставая проливать слѣзы. Я спарался узнать слова, которыя она произносила и которыя доходили до меня, но мой Арабскій драгоманъ не могъ

разслышать или передать ихъ. Какъ я сожалѣлъ объ этомъ! Сколько пайнъ любви и горести, сколько вздоховъ, полныхъ всею жизнію двухъ душъ, оппорженныхъ другъ опъ друга, заключалось въ этихъ неясныхъ и прерываемыхъ рыданіями словахъ! О! если чпто нибудь могло-бы пробудить усопшаго, то безъ сомнѣнія это были-бы подобныя слова, произнесенныя подобными устами.

Вблизи опъ эпой женщины, подъ доскупомъ чернаго полотна, который поддерживался двумя проспинками, воткнутыми въ землю, и служилъ вмѣсто зонтика, двое маленькихъ дѣтей ея играли съ тремя черными Абиссинскими невольницами. Женщины эти, всѣ при столь же юныя и прекрасныя, стройными формами и орлинымъ профилемъ Абиссинскихъ Негровъ, оспавались въ различныхъ положеніяхъ, подобно премъ спатуйамъ, высѣченнымъ изъ одной глыбы мрамора. Одна спояла на землѣ однимъ кольномъ, а на другомъ держала дыня, которое пропгивало ручки въ ту сторону, гдѣ рыдала мать его; другая сидѣла поджавъ подъ себя ноги и сложивъ руки на синемъ полотняномъ своемъ передникѣ, какъ *Магдалина Кановы*; третья спояла, немного-наклонившись надъ двумя своими подругами, и покачиваясь на право и на лѣво, убаюкивала на своихъ едва округленныхъ персяхъ младшаго ребенка, котораго тщетно спаралась усыпить. Когда рыданія молодой вдовы касались слуха дѣтей ея, они начинали плакать, и при невольницы, опозвавшись рыданіемъ на рыданіе госпожи своей, запѣвали усыпительныя напѣвы и дѣтскія слова спраны своей, чптобы успокоить двухъ младенцевъ.

Это было въ Воскресенье; въ двухъ шагахъ опъ меня, за полстѣпями и высокими стѣнами Иерусалима, подъ мрачными сводами Греческаго монастыря, опдавалось далекое и слабое эхо вечерняго богослуженія. Псалмы и гимны *Давидовы*, по прошествіи прехъ тысячъ лѣтъ, повторялись чужеземными голосами и на новомъ языкѣ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя ихъ внушили. На перассахъ монастыря, нѣсколько преспарьныхъ иноковъ Св. Земли ходили взадъ и впередъ съ молитвенниками въ рукахъ, и

пихо чипали молишвы, которыя чипаюцца уже сполько вѣковъ на разныхъ языкахъ и разными размѣрами.

И я пакже находилса памъ, чпобы воспѣвать все эпо, чпобы изучать вѣка въ ихъ колыбели, чпобы проникнуться духомъ пѣхъ мѣстъ и сокрытымъ смысломъ испорій и памятниконъ, на берегахъ, которыя были мѣстомъ происхожденія новаго Свѣта, и чпобы преисполнить мудростью болѣе положительною и философіею болѣе справедливою важную и глубокомысленную поэзію той эпохи, въ которой мы живемъ!

Сцена эпо, случайно явившаяся глазамъ моимъ, и сохранившаяся въ числѣ тысячи моихъ пупевыхъ воспоминаній, представила мнѣ судьбы и почпи всѣ виды поэзіи. Три черныя невольницы, убаюкивающія дѣпей прососердечными пѣснями спраны своей: поэзія паспушеская и инспинкпвная младенчества народовъ; молодая Турецкая вдока, оплакивающая своего мужа, съ пѣніемъ и рыданіями: поэзія элегическая и спраспная, поэзія сердца; Арабскіе солдаты, чипающіе наизустъ воинспвенные, любовные и чудесные опрывки изъ *Антара*: поэзія эпическая и мужеспвенная народовъ кочующихъ или завоевателей; Греческіе монахи, распѣвающіе псалмы на своихъ уединенныхъ перасахъ: поэзія священная и лирическая, время религиознаго энпузіазма и обновленія; и наконецъ я самъ, размышляющій въ шатрѣ моемъ и собирающій по всей землѣ мысли или испорическія истины: поэзія философическая и глубокомысленная, дптя эпохи, въ которую человекспство изучаетъ себя даже въ пѣсняхъ, коими забавляетъ оно свои досуги.

Вопъ вся поэзія въ миновшемъ; чпо же будетъ съ нею въ будущемъ!

Съ Франц. Бр.

МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ НА МЕДАЛИ.

Англинскій король *Георгъ II* повелѣлъ выбить медаль въ честь *Монтескье*, сочинивша мудрой книги: *Духъ законовъ*. На ней изображены портреты сего короля и сего писателя, съ надписью: *Rex magnus viro maximo.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОКРЫВАЛО.

(*Посвящается . . . . . — ой.*)

Hast thou prayed, Deslemona?...
Shakespeare. Otello.

Сестра.

Чпо съ вами, братья? Вы печальны,
Вамъ непоняпенъ разговоръ!
Какъ будто факель погребальный,
Вашъ дикъ и непріязненъ взоръ!
Рѣчей я вашихъ не слыхала,
Но я замѣтила, не разъ
Въ рукахъ зловѣщее у васъ
Сверкало лезвее кинжала....

Спаршій, брать.

Ты поднимала-ли сего дня покрывало?....

Сестра.

Горѣло знойно солнце дня,
Я возвращалася изъ бани
И не видалъ никто меня:
Мой паланкинъ изъ шолспой шкани!...
Полдневный зной меня помилъ;
Уже мечеть я миновала,
Остапокъ силъ мнѣ измѣнилъ—
И подняла я покрывало....

Другой брать.

Мущина, Грекъ, въ шо время проходилъ?...

Сестра.

Да, можешь быть, но не смотрише
Такъ непріязненно, клянусь,
Онъ не видалъ! Вы говорите
Такъ пихо!... Братья! я боюсь!...
Мнѣ ваши слышатся прокляпья!....
Уже-ль убьете вы меня?....
Вамъ крови, крови нужно, братья?...
Клянуся всѣмъ, невинна я!...

Третій брать.

Въ сей вечеръ въ небесахъ багровая заря!...

Сестра.

О, роковое покрывало!
У вашихъ ногъ я васъ молю!

Но вы безжалостны! Кинжалы
 Уже пронзають грудь мою!...
 Угаснулъ пламенный надежды!
 Моя запылилася звезда!...
 И покрывало смерти, вѣжды
 Мнѣ заспилають навсегда!...
 Чепершый брашъ.
 Но эшаго ужь шы не снимешь никогда!...
 О. М.

Мартъ 1835.

О М О Н И М Ъ.

Дубовый, заостренъ, я дерево колю,
 Дрова щепляю.
 Я городъ: межъ Москвы и Пиппера спою —
 И лошадей, какъ ямъ, перемѣняю.

Въ No 56-мъ, помѣщенная загадка значить: *Herse*.

М О Д Е С.

Vous savez, chère sœur, que, comme toutes mes compatriotes, *je chemine* assez volontiers *par les rues*. Les Français ont une admirable expression pour peindre cela, et *flâner* me paraîtrait merveilleux pour mon compte si la galanterie ne les empêchait de l'appliquer aux femmes. J'ai donc, tout en *cheminant*, passé hier dans la rue Richelieu et me suis complaisamment arrêtée devant les magasins de modes de Mme Hocquet. J'ai admiré la fraîcheur de toutes les jolies nouveautés qui s'aperçoivent à travers les immenses panneaux de glace. Des capotes à coulisses en gaze paille, rose ou bleue, glacées de blanc, ornées de rubans à franges, avec des demi-voiles de dentelle de soie; quelques-unes avec des branches de fleurs délicates. Des chapeaux de paille ornés des guirlandes de feuillage; un entre autre a attiré mon attention: la guirlande de feuillés était posée sur le côté de la forme et venait se terminer à la hauteur de l'oreille, fermée par un gros pavot violet. Des chapeaux de crêpe rose ou blanc, avec des touffes de roses moussues. Sur les chapeaux de paille d'Italie, beaucoup de bouquets ou guirlandes de fleurs des champs.

Les châles perses de M. *Brousse*, dont je vous ai déjà parlé, ont un succès continuel; ils sont d'une souplesse si admirable qu'on en fait dans la main un paquet, que l'on est bien heureux de déployer quand arrive la fraîcheur de la soirée.

Les femmes ont adopté assez généralement à la campagne les bas de soie gris, couleur écru, violets brodés en noir. C'est une mode espagnole si jolie et si gracieuse que je m'étonne de ne pas la voir adopter aux Françaises pour porter à la ville.

М О Д Ы.

Ты знаешь, любезная сестра, что, какъ всѣ мои соотечественницы, я довольно охотно хожу по улицамъ. Французы имѣють удивительное выраженіе для означенія сего, и *flâner* показалось бы мнѣ чудесно на мой щѣтъ, если бы вѣжливость не воспрепятствовала употреблять его, говоря о женщинахъ. И такъ я, идучи, прошла вчера по улицѣ Ришелье и остановилась съ удовольствіемъ пропивъ моднаго магазина г-жи *Hocquet*. Я удивлялась свѣжести красивыхъ новостей, которыя видны сквозь огромныя стекла. Капоты на вздержкахъ розовые, голубые, соломеннаго цвѣта, съ бѣлымъ оплывомъ, опдѣланные лентами съ бахромой и полудуалами изъ шелковыхъ кружевовъ; иные съ вѣпками легкихъ цвѣшовъ. Соломенные шляпки, опдѣланныя гирландами изъ зелени. Одна между прочими привлекла мое вниманіе: гирланда изъ липшьева положена была по боку шубли и оканчивалась надъ ухомъ крупнымъ фиолетовымъ макомъ. Розовыя или бѣлыя креповыя шляпки съ куспиками маковыхъ розъ. На Испанскихъ соломенныхъ шляпахъ много букетовъ и гирландъ изъ полевыхъ цвѣшовъ.

Персидскія кисей г-на *Brousse*, о которыхъ я тебѣ уже говорила, имѣють продолжительный успѣхъ; они такъ мягки, что можно сжать въ руку, и которую съ большимъ удовольствіемъ разкидываютъ при насупленіи вечерней свѣжести.

Женщины вообще ввели въ употребленіе для деревни цвѣшныя шелковыя чулки, сѣраго цвѣта, сурогаго, фиолетоваго, вышитыя чернымъ шелкомъ. Эша Испанская мода такъ красива и ловка, что я удивляюсь, что Француженки не примуть еѣ для города.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ,
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 58.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 20 дня 1835 года.

Демида, подъ одою своей, боясь Зоила,
Ты имени не подписалъ;
Но глупость за шею къ ней руку приложила,
И свѣшь тебя узналъ!

Ж.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЕДИНОКЪ.

1.

Наступилъ вечеръ, солнце склонялось къ горизонту и раскрашивало надушіеся паруса кораблей пурпуровыми красками. Челнокъ, покачиваясь, плылъ по рѣкѣ; рулемъ правилъ молодой человекъ, напѣвая Баркароллу изъ Нѣмой, другой гребъ; вѣсла ровно погружались въ синія волны, оставляя за собой въ водѣ длинныя полосы, которыя расширяясь все болѣе и болѣе, поглощались наконецъ волнами. На полу лежала гончая собака.

— Скудная работа гресеть!... — сказалъ правящій рулемъ, прерывая свое пѣніе: но мнѣ кажется, что эта работа веселиитъ тебя; ты такъ занятъ ею, что переслышаешь пѣнь, и хладнокровно смотришь на воду. —

«Хладнокровно?... Карл, не ужели ты почто думаешь, что я ничего не чувствую при этомъ прекрасномъ вечерѣ, смотря на споль чудесный ландшафтъ?»

— Ну, *Бенно*, зачѣмъ же не облегчишь ты полную чувства грудь, зачѣмъ молчишь? —

«Сегодня для меня замѣчательный день;» отвѣчалъ *Бенно*, и лицо его, освѣщенное послѣдними лучами солнца, покрылось яркимъ румянцемъ... «Ты знаешь, что уже за нѣсколько лѣтъ я любилъ на родинѣ своей одну дѣвушку; это была первая моя любовь, и я не думалъ, чтобы могъ перенести минуть, когда увижу ея въ объятіяхъ другаго. Но міръ существенный не то, что идеальный, который мы создаемъ себѣ въ молодости: онъ такъ же непроченъ и зыбокъ, какъ картонный домъ ребенка. Мнѣ должно было оставить родину... Сегодня два года, какъ я получилъ извѣстіе, что *Зельма* обвинчана. Много пролилъ я слезъ въ этотъ день.»

— Я очень это помню, ты сочинилъ тогда стихи, которые очень мнѣ понравились... Постой, какъ бишь они оканчивались, такъ точно, вспомнилъ:

Нѣтъ, не живути уже злыеши эти сны,
Которые мою грудь юною пинали!
Какъ пѣна волнь морскихъ сокрылися они!

Упѣхи радости, какъ пѣни убѣжали.
Я вижу мыслю, я чувствую въ груди,
Любовь не разцвѣтеть ужъ на моемъ пуши.

Нѣтъ сердца, чѣмъ съ моимъ согласно пренепало,
Въ пустынномъ мѣрѣ я скипаюсь сиротой.
Чѣмъ сердце пронепъ ли моей печали жало?
Чѣмъ сердце сжалнпся и сблизнпся со мной?
Одѣлись небеса печальной пеленою,
Я въ мрачный гробъ сойду съ унылою душою.

— Мнѣ было погда на себя досадно; я
былъ съ побою, а ты все скрывалъ отъ ме-
ня, пока я случайно не нашелъ въ бумагахъ
твоихъ эпихъ стиховъ. —

« Не сердись, *Карль*. Я часто казался хо-
лоднымъ и нечувствительнымъ, потому
что скрывалъ свою горесть; вулканъ спра-
спн кипитъ во мнѣ, но я щипаю низкимъ
докучаю другимъ своими горестями, какъ
спаруха, копорая шумитъ на весь домъ,
если пригорилъ или перекипнлъ похлѣбка.
Мущина долженъ умѣть сносить удары
судьбы. И зачѣмъ бы мнѣ говорить тебѣ о
томъ, чего нельзя перемѣнить? *Зельма* не
существовало уже для меня, зачѣмъ же те-
ряю напрасно слова? »

— Говорятъ, что люди, которые не сооб-
щаютъ другимъ своихъ чувствъ, не способ-
ны ни къ любви, ни къ дружбѣ. . . . —

« *Карль, Карль*, развѣ я не другъ твой? »

— Можешь быть ты дѣлаешь исключеніе
изъ правила. Мы давно знакомы, знакомы
многіе годы, и никогда не сказали другъ
другу обиднаго слова; ты также увѣренъ
въ моей любви! —

« И ты въ моей! » съ жаромъ воскликнулъ
Бенно. « Никакая земная сила не разрушитъ
нашей дружбы! »

Они крѣпко пожали другъ другу руки.

— Но — продолжалъ *Карль*, опуская руль въ
воду: ты хотѣлъ разсказать мнѣ, какія ты
имѣлъ сегодня заботы. . . . говори же? —

« Не заботы; я и самъ не знаю какъ на-
звать это чувство; это смѣсь радости, пе-
чали и бѣшенства: сегодня рано получилъ я

письмо отъ сестры моей. . . . *Зельма* уже
мама! »

Онъ оперъ слезу; *Карль* ужаснулся.

Нѣсколько времени они ѣхали въ молча-
ніи. . . . Солнце лобзало небосклонъ послѣдни-
ми своими лучами, и рогу луны тихо подни-
мался изъ-за волнъ, какъ будто бы боясь
сіаять на сводѣ небесномъ вмѣстѣ съ солн-
цемъ. Въ зеркалѣ воды послышался опдален-
ный плескъ вѣселя; ласпочка порхая, погру-
жалась въ волны. *Бенно* плакалъ.

« Мы скоро ихъ догонимъ! »

— Я уже слышу плескъ вѣселя; — отвѣ-
чалъ *Карль*, и запѣлъ громкимъ голосомъ

Amis, la matinée est belle,
Sur les rivages assemblez vous!

и потчасъ, не въ дальномъ разстояніи послы-
шались тѣ же звуки.

Они начали грестъ скорѣе. Песпро укра-
шенная гондола ѣхала имъ на встрѣчу. Бѣхав-
шіе на ней кланялись.

« Войдите въ нашу лодку! » сказала одна
дама.

— Нѣтъ, сударыня, нельзя; — отвѣчалъ
Карль. — Челнокъ не нашъ, мы должны возвра-
тить его рыбаку. Мы подѣхали, чѣмбы
только показавъ вамъ сколь охотно приня-
ли бы мы участіе въ пріятной вашей про-
гулкѣ, если бы обязанности наши не удер-
живали насъ. —

« Вѣроятно вы должны писать пропоколь
о двухъ крестьянахъ, которые подрались за
горсть орѣховъ? » спросилъ мужской голосъ.

Карль, казалось, не слышалъ этаго. . . . Дама
протянула руку къ челноку и сказала: « Бла-
годарю васъ за вниманіе, любезный *Карль*!
Также и васъ, г-нъ фонъ *Ф.*! » продолжала она,
обращаясь къ *Бенно*. . . . « Васъ пакъ рѣдко
видно. »

Карль поцѣловалъ ея руку.

— Прекрасный случай написать стихи, г-нъ
фонъ *Ф.*! — сказалъ опять потъ же голосъ.
— Лунный свѣтъ на водѣ, молодыя дамы, го-
ры; словомъ, изъ этаго можно соспавить
прекрасную поэму. —

«Да,» спокойно отвѣчалъ *Бенно*: «къ тому же и лягушки безпрестанно квакають.»

Голосъ замолкъ.

— Мы не хотимъ васъ долѣе задерживать, — сказалъ *Карль*; — гондола ваша идетъ гораздо скорѣе нашего челнока. Онъ не могъ бы за вами слѣдовать. —

«Очень хорошо!» пробормоталъ знакомый голосъ. Они проснулись, и гондола поспѣшно поѣхала далѣе.

— Ежели бы эпошъ несносный хваспунъ не былъ *Катинькинъ* брагъ, — говорилъ *Карль*, поворачивая челнокъ назадъ: я поговорилъ бы съ нимъ не на шушку; но такъ какъ... —

«А ты развѣ любишь *Катиньку*?» спросилъ *Бенно*.

Карль началъ свиспавать.

«Слышишь ли, я спрашиваю тебя: любишь ли ты *Катиньку*?»

— Правду сказать, я и самъ не знаю! — отвѣчалъ *Карль*.

«Однакожь, ты такъ любишь быть съ нею!»

— Да, эпо правда, но думаю, эпо больше привычка; я сполько уже лѣтъ знаю её. Мы живемъ въ одномъ домѣ, и я почти всякой вечеръ провожу съ нею вмѣстѣ. Когда она куда опозвана, я беспокоюсь; если я гдѣ нибудь безъ неё, мнѣ скучно. Вообще для меня много значить привычка; я ложусь въ постель какъ сегодня, такъ и завтра, такъ и всегда, и какъ еще въ дѣтствѣ моемъ клалъ я на спуль подлѣ постели свой халапъ, такъ и теперь кладу его всякую ночь. И такъ, не знаю, какъ назвать по пріямное чувство, которое ощущаю, когда бываю съ нею. Не думаю однакожь, чпобъ эпо была любовь. Вообще чувство мое къ *Катинькѣ* весьма спранно; сестра ея нравился мнѣ почти сполько же; она припомъ спокойнѣе, не имѣетъ такой живоспи, какъ *Катинька*. Слишкомъ рѣзвая дѣвушка для меня мученье. Часпо бывають въ бесѣдахъ нашихъ молодые люди, и тогда я бѣжусь, видя, чпю она съ другими такъ же любезна, какъ со мной. —

«Ну, такъ эпо ревность — вѣрный признакъ любви.»

— Я сполько же расположенъ и къ *Викторинѣ*! —

«Ну, такъ я не знаю, чего ты хочешь, *Карль*!»

— Я и самъ не знаю. —

Они подѣхали къ берегу и распались.

2.

Собралось большое общество.... Голова *Катиньки* была украшена миртовымъ вѣнкомъ. Подлѣ неё споялъ молодой человекъ и воспорженно смопрѣлъ въ огненные глаза ея.

«Гдѣ же *Карль*?» спросила *Викторина*, войдя въ комнату.

— Я не вижу такъ же и *Бенно*; — отвѣчала сестра ея.

«Оставь эпого сеншменпальнаго поэта;» возразилъ женихъ: «я давно уже его знаю.»

— Онъ, кажется, поварищъ пвоего дѣтства? — спросила невѣста.

«Да;» отвѣчалъ онъ: «но я никогда не могъ перпѣть его, хотя онъ былъ очень привязанъ къ сестрѣ моей *Зельмѣ*. Когда она вышла за мужъ: по онъ исчезъ изъ нашего города, и я здѣсь сполько узналъ о немъ. Ты не повѣришь, *Катинька*, чпю за скучный народъ поэты. Эпи люди могутъ забавлять себя ничѣмъ, тогда какъ умный человекъ умеръ бы со скуки. Я видѣлъ однажды собравшихся вмѣстѣ прехъ поэтовъ, у которыхъ *Chateau Lafitte* отпнялъ послѣдній умъ; они говорили сполько вздору о любви своей и щаспю, чпю я заснулъ.»

Музыка снова загремѣла. Невѣста и женихъ спали въ кругъ панцюющихъ.

Задумавшись, сидѣла *Викторина* у окна и глядѣла на песпропу панцюющихъ.

«Вы совсѣмъ однѣ, сударыня;» сказалъ одинъ голосъ.

Она вздрогнула. *Бенно* споялъ подлѣ неё.

— Я не люблю панцовъ, — отвѣчала она: но опъ чего вы явились такъ поздно? —

«Я пришелъ сполько на минулу; *Карль* очень занемогъ.»

Викторина поблѣднѣла.

«Прошу васъ извинить меня предъ женихомъ и невѣстой,» продолжалъ *Бенно*: «я долженъ идти къ большому другу.»

—Кланяйтесь ему отъ меня;—прошептала *Викторина* едва слышимымъ голосомъ. Она пропаянула къ нему руку.

Слѣзы выступили на рѣсницахъ *Бенно*; онъ ушелъ.

Карлъ нѣсколько дней лежалъ въ лихорадкѣ. Онъ медленно поправлялся. *Катинькина* свадьба праздновалась съ большою пышностью, и голоса пирующихъ перзали слухъ больного, жившаго въ томъ же домѣ въ верхнемъ этажѣ. — Недѣли и мѣсяцы тянулись; *Бенно* не опходилъ отъ постели *Карла*; онъ перѣхалъ въ топъ же домъ, чтобъ быть къ нему ближе.

— Ты очень ошибся, — говорилъ больной, вспавая въ первый разъ съ постели; ты думалъ, что я люблю *Катиньку*, это неправда; ясно чувствую, что гораздо больше люблю *Викторину*, и только что мнѣ будетъ можно выходить, я спану просить руки ея.

Бенно съ изумленіемъ опспушилъ: «Ты не шутишь?»

— Зачѣмъ же мнѣ шутить? —

«Слушай, *Карлъ*, ты не любишь *Викторину*.»

— А почему же нѣтъ, господинъ исповѣдникъ? —

«Говори, что хочешь, а я навѣрное знаю, что ты любилъ *Катиньку*, и она также была къ тебѣ равнодушна; но вмѣсто того, чтобы хорошенько поговорить съ нею, и открытъ ей свои чувства, тебѣ пришла гордая мысль, что она не можетъ опдать руки своей никому другому...»

— И такъ, *Бенно*, мы находимся въ одинакомъ положеніи. Зачѣмъ не открылся ты своей *Зельмъ*, а спокойно смотрѣлъ какъ ея у тебя опняли и опдали другому? —

«Какъ бы я могъ? — Я былъ тогда еще студентъ, слѣдовательно—нуль. Она знала, что я люблю ея, но я никогда не говорилъ съ нею о женихѣ; я щипалъ за подлоспъ

подашь надежду дѣвушкѣ, не зная, буду ли въ состояніи ея исполнить. Подумай, ежели бы я не выдержалъ экзамена! Не сдѣлалъ ли бы я вдругъ несчастіе двухъ человекъ?... Я несказанно спрадалъ, когда она избрала другаго, но спарался примириться съ судьбою, видя, что она щаслива. Твое положеніе было совершенно иное, ты богатъ и въ службѣ; тебя удерживала отъ объясненія одна своя безпечность.»

— Скоро ли ты кончишь?—спросилъ *Карлъ*, зѣвая. — Я не объяснялся съ *Катинькой* потому, что люблю *Викторину*, и ты скоро увидишь меня женихомъ. —

«Я знаю, что она тебя любитъ, но знаю также, что ты сдѣлаешь ея несчастною...»

— Какъ!—съ жаромъ вскричалъ *Карлъ*.

«Дай мнѣ договорить... Впервыхъ, ты слишкомъ въпренъ, и тебѣ скоро понравится другая; во вторыхъ, не любовь влечетъ тебя просить руки ея, но щеславие. Ты хочешь эпитимъ поступкомъ показатъ *Катиньку*, что ты хладнокровно смотришь на то, что она вышла за мужъ, и что ты къ ней равнодушенъ... Я боюсь, что ты забудешь *Викторину*, а это было бы подло; я не думаю, чтобы дѣвушка когда нибудь любила тебя болѣе, чѣмъ она тебя любитъ; я давно ея наблюдаю.»

Карлъ молчалъ нѣсколько времени, наконецъ сказалъ: Клянусь тебѣ вѣчно любить *Викторину*; ты можешь назватъ меня бездѣльникомъ предъ Богомъ и людьми, ежели я когда нибудъ измѣню своему слову!—Говоря сіе, онъ крѣпко пожалъ руку *Бенно*. Черезъ недѣлю онъ былъ обрученъ съ *Викториной*.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

БОЛТЛИВЫЙ КАМЕНЬ.

Неподалеку отъ Шапо-Тіери, пройдя деревеньку св. Петра и подымаясь по правому берегу Марны, путешественникъ находилъ нѣкогда каменную скалу, выступавшую такъ сказать изъ нѣдра воды.—Сія скала, на-

зывавшаяся камнемъ святого *Капреза*, была у жищелей въ особенномъ уваженіи.

Преданіе говоритъ, что святой *Капрезь*, бывъ преслѣдуемъ язычниками, искалъ убѣжища на вершинѣ горы, сославляющей съ-верный рубежъ Марнской долины.— Окруженный врагами, онъ уже видѣлъ близкую погибель свою, и не спрашась ярости идолослужителей, но желая прославить могущество Бога, рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему отчаянному средству—и прищорилъ свою лошадь.— Спрямглавъ ринулся бодрый конь съ вершины утеса, мигомъ перескакалъ долину и бросился въ пучину водъ, изъ коей мгновенно поднялась скала и приняла его на хребетъ свой. Въ память сего великаго чуда, оспался на камень оппечатокъ копыта, который любопытные могли недавно еще видѣть на немъ; но горе рыбаку, державшему въ тѣ времена пускаться по рѣкѣ, не очистивъ совѣсти своей сердечнымъ покаяніемъ. Грозная скала являлась мщителямъ его нечестія, и шапкѣй челнъ его понулъ въ безднѣ. Въ послѣдствіи, цѣлыя суда, нагруженныя хлѣбомъ, издѣваясь надъ опасностію и покушась преодолѣть оную, разбивались о скалу и погибали; тогда правительство, менѣе заботившееся о сохраненіи древнихъ преданій, нежели о пользѣ общественной, велѣло испребить скалу, срывъ еѣ до послѣдняго обломка,—и нынѣ лодка рыбака безопасно разсѣкаетъ волны Марны и спокойно переплываетъ по мѣсто, гдѣ находилъ ся пагубный камень святого *Капреза*.

Если оставя берега рѣки, вы, слѣдуя по-му же направленію, пойдете по горной дорогѣ, то скоро явится вамъ другая, не менѣе достопамятная скала, извѣстная подъ именемъ *болтливаго камня*. Преданіе старины приписываетъ ей даръ слова—и обвиняетъ въ разглашеніи любовныхъ пайнъ—коихъ она была нескромною свидѣтельницею, въ ссорахъ семействъ; разспроивъ любовниковъ, и другихъ послѣдствіяхъ неосторожнаго болновствія ея. Когда на при-мѣръ, молодая крестьянка, не сполна опдавала мужу своему деньги, вырученныя ею на рынкѣ, то при первомъ случаѣ словоохотный камень сказывалъ мужу, что спои-

ла лепта въ корсетѣ жены его, а ей, что заплачено за золотыя прониски и чепчикъ ея работницы. Самые школьники боялись ненавистнаго камня, зная, что всѣ шалости и проказы ихъ будутъ въ потъ же день высказаны, и— по ихъ мнѣнію, проспники Мидасова цирюльника могли почипаться скромными, въ сравненіи съ эпимъ несноснымъ перенощикомъ, который былъ болпливѣ всякаго спрячгаго и злорѣчивѣ спарой богомолки. Однимъ словомъ, общая ненависть и спрахъ, поселенные въ жищелей необыкновеннымъ камнемъ симъ, были пакъ велики, что извѣстная пословица: *ствѣны ильютъ уши*, опносилъ къ пому времени.

Правду сказать, всё эпо было очень, очень давно, и попому наши вольнодумцы, то еспъ люди, которые ничему не вѣрятъ, утверждають, что чудеса нами рассказанныя, суцая ложь, и что имя *болтуна* дано камню совсѣмъ по другой причинѣ.

Скала находилась возлѣ селенія, или лучше сказать, при самомъ входѣ въ оное; у ея подножія дровяникъ обыкновенно слагалъ на минупу тяжелую ношу свою; крестьянка опдыхала послѣ дневной работы, и всякой, идучи или возвращаясь съ поля, оспанавливался здѣсь покалякавъ съ сосѣдомъ или сосѣдкою, пополковавъ, что дѣлаелся на концѣ деревни, или пересудилъ того или другаго,—но всё эпо *падало на камень*, который опвѣчалъ за болновство и сплепни каждаго; мы же не совсѣмъ вѣря добрымъ кумушамъ, осмѣлимся сказать, что всѣ обвиненія бѣднаго камня въ нескромности, кажущая намъ пѣмъ болѣе сомнительными, что онѣ дошли до насъ на нашемъ природномъ, а не на Греческомъ, Лапынскомъ или Еврейскомъ языкѣ. Сверхъ того, пакъ какъ знаменитый адвокатъ мѣспечка Пердріо, близъ Эссизы, написалъ о семъ мнѣніе свое, къ коему приспали прочіе его собраты всего округа, то я по привычкѣ моей прошиворѣчилъ, намѣренъ сообщить чипапелямъ моимъ другое мнѣніе, основанное на фактахъ, извлеченныхъ изъ исторіи Галвезіи правдивымъ монахомъ Бенедиктинскаго ордена, опдомъ Антониюмъ *Нолькреді*.

Во время перваго нашествія Римлянъ на Галлію, говоритъ онъ, вся спрана сія была покрыта лѣсомъ; долины, нынѣ плодоносныя, были ничто иное, какъ вязкія болопа; кусты и терновникъ покрывали поля Шампаніи, гдѣ теперь спелаяся богатая нива, и обрабатываніе винограда было совершенно неизвѣстнымъ. Нѣкоторые города, какъ-то: Реймсъ и Бибраксъ, коего самое мѣсто уже не существуетъ, были построены; но большая часть жителей обитала еще въ разсыянныхъ шалашахъ, среди лѣсовъ и кришъ, отъ чего многія селенія и прозваны *Кроатскими*.

Въ сихъ-то дикихъ мѣстахъ жили нѣкогда двѣ дѣвы красавицы: *Годберта*, дочь бога, и благородная *Адалберта*.—Опець ихъ былъ жрецомъ бога *Тестата*,—и прекрасныя сестры, рожденныя владѣшь священнымъ серпомъ, имѣли смолръвіе за дубомъ—любимымъ древомъ спрашнаго божества Друидовъ.

Нѣжнѣйшая дружба соединяла сердца ихъ; но увы! она продолжалась только до той роковой минуты, въ которую *Горацій Метелій*, юный воинъ Римскаго легіона, явился въ пустынь ихъ.

Опсавъ однажды отъ своихъ, блуждалъ онъ долго въ дебряхъ непроходимаго лѣса, какъ вдругъ спая алчныхъ волковъ окружила его съ ужаснымъ ревомъ. Испуганный конь, не внимая усиліямъ всадника, пустился съ нимъ межъ кустовъ и деревьевъ, и лепѣлъ спрьлою чрезъ попоки, горы и пропасти; шщепно *Горацій* старался удержавъ его; подспрекаемый спрахомъ—оспавъ далеко за собою враговъ своихъ, онъ мчалъ его съ собою по мѣстамъ дополъ неизвѣстнымъ—и проспранство исчезало предъ ними съ непоспшижимою быспроптою. Опчаянный *Горацій* едва держался въ спременахъ; онъ кричипъ, угрожаетъ, но ни голосъ, ни угрозы, ни ласковыя увѣщанія, ничто не дѣйспвительно; покрытый пѣною, обгаренный кровавымъ потомъ, дыша пламенемъ изъ ноздрей своихъ, конь все лепипъ—лепипъ, и вдругъ, испощенный, упадаетъ. *Горацій*, брошенный на оспрыя камни, лишился чувспва.

Здѣсь нашли его дочери Друида—и онъ, опмнившись, съ изумленіемъ увидѣлъ ихъ

передъ собою. Голова его покоилась на колѣняхъ одной изъ сестеръ, и обѣ нѣжными руками своими прикладывали цѣлебныя правы къ его язвамъ. Долго прожилъ онъ съ ними, имѣя нужду въ ихъ попеченіяхъ; долго онъ ходили за нимъ въ болѣзни, и чувспво жалоспи преврапилось наконецъ въ пламенную любовь къ спраннику. Обѣ сестры равно любили юношу; онъ былъ обѣ прекрасны, сія дщери съвера; равно бѣлы и спройны, и у обѣихъ по роскошнымъ плечамъ развѣвались длинныя русыя кудри.

—Оспанься,—говорила одна: для тебя я опрекусь отъ кровавыхъ алпарей *Тестата*. Покровительство божеспва и благословеніе опца моего будутъ надъ тобою; воины наши изберупъ тебя вождемъ своимъ; и я раздѣлю съ тобою престоль мой.—

—Оспанься съ нами,—спвердила другая: мы будемъ собирапъ для тебя плоды лѣсовъ нашихъ; я умѣю доспавать медъ изъ ульевъ, и спану носипъ его одному тебѣ. Когда же зима засыплепъ снѣгомъ землю, тогда я укажу тебѣ глубокія и теплыя пещеры, гдѣ мы вмѣспъ укроемся отъ непогоды. О милый! не оспавляй насъ, мы обѣ тебѣ любимъ.—

Юный Римлянинъ могъ любить только одну изъ сестеръ, и полюбилъ послѣднюю. *Адалберта* скоро опгадала печальную испину, и возненавидѣла соперницу со всею злобою вражды непримиримой. Она всюду слѣдовала за сестрою; часто видала еѣ сидящую съ *Гораціемъ* на скалѣ, не носившей еще никакого имя, и споя за кустами,—слышала нѣжныя клятвы и спраспные поцѣлуй ихъ.

Извѣспно, что первое преспупленіе внушено было завсптію; ревность снѣдала сердце *Адалберты*; однажды *Горацій* шелъ пуда, гдѣ ожидала его любезная—и нашелъ еѣ мерпвую на скалѣ, обгаренной кровью. Въ опчаяніи обнялъ онъ окровавленный прупъ и просидѣлъ надъ нимъ цѣлую ночь. Возшло солнце, но онъ все сидѣлъ еще, блѣдный и недвижимый.—Его обвинили въ убійспвѣ и оковали цѣпами.—Я могу спаспи, и спасу тебѣ, говорила ему *Адалберта*, если будешь называпъ меня именами, копорыми звалъ се-

спру мою. Клянись, что ты будешь любить меня.—*Гораций* молчалъ, и отвѣчалъ одними горькими слезами. Когда же сгустился мракъ ночи, *Адалберта* явилась опять, но юноша съ ужасомъ оттолкнулъ отъ себя сеспробійцу. Тогда *Адалберта* прокляла его, и поклявшись мщеніемъ, побѣжала обвинять его передъ народомъ. Всѣ вознесли похвалями нѣжность дружбы ея къ умершей сеспрѣ и ненависть къ убійцѣ, — и въ ту же самую ночь злополучный *Гораций* былъ сожженъ на мѣстѣ мнимаго его пресупленія.

Но Провидѣніе, отъ коего ничто не скрыто, и которое рано или поздно, обличаетъ и наказуетъ пресупленіе, совершенное въ тайнѣ, наложило печать отверженія на чело *Адалберты*; юность ея исчезла, смертная блѣдность покрыла лицо, взоръ попухъ и улыбка переспала оживлять мрачныя черты ея. Ночью сонъ бѣжалъ ея очей, дни проходили въ поскѣ нестерпимой, и наконецъ несчастная собственными руками ископала пещеру въ каменной скалѣ, и скрылась тамъ навѣки. Однажды нашли отверстіе закладеннымъ, и камень, въ который переселился духъ пресупницы, получивъ даръ языка, вдругъ заговорилъ и открылъ ужасную тайну.... Но вопъ что случилось послѣ: заговоривъ разъ, онъ уже не хотѣлъ болѣе молчать, и спать пересказывалъ все имъ видѣнное и слышанное. Тогда по справедливости прозвали его *болтливый камень*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А К Р О С Т И Х Ъ.

Путемъ пернистымъ чрезъ спремнины
Разъ шелъ я въ бурю, дождь и громъ;
Окрестъ пещанья равнины;
Внизу рѣка кипитъ ключемъ;
И вопъ гроза все болѣе, болѣе....
День меркнулъ;—я-жъ въ пуспынномъ полѣ
Еще не зрѣлъ конца пуши;
Невольно въ сердцѣ содроганье,
Изнеможеніе въ груди:

Еѣ спѣснили грусть, спраданье;
Въ душѣ тоска и пайный страхъ.
Едва я шелъ; уже ропшанье
Раздашься силлось въ устахъ;
А дождь и буря все сильнѣе;
Дорога хуже каждый часъ;
Рѣка клубится все спрашнѣе.
Уже скрывался свѣтъ изъ глазъ;
Жизнь гасла... вдругъ передо мною,
Блнстая ангеловъ красой,
Авроры краше молодой,
Три пушницы рука съ рукою.
Еще-жъ милѣй ихъ всѣхъ одна,
Разливъ сіянье вокругъ собою,
Парила въ воздухѣ,—она
Едва коснулась мнѣ рукою,
Не спало мрака, пущь широкъ,
И стихла буря—и пошокъ
Едва журчалъ среди долины.

Такъ жизни мрачныя каршины
Мнѣ спали свѣшлы, и шакъ вдругъ
Все спало весело вокругъ;
Исчезла грусть, души мученье,
Когда святое Провидѣнье
Тебя послало—и побой
Упѣшенъ я, другъ нѣжный мой,
Когда и Вѣра и шерпѣнье
Съ моею сдружилися душой.

А. Грековъ.

Коспрома.

Ш А Р А Д А.

Я *первый* на устахъ рождаю удивленье;
А я *второй* — порокъ:
Со мною во враждѣ—спрудъ, дѣло, упражненье.
Что-жъ *цѣльный*?—Я звѣрокъ,
Съ красивыми рогами, быспроногъ:
Я спрасъ охотника, звѣринца украшенье.

Въ № 57-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Клинъ*.

M O D E S.

Nous venons d'avoir des jours bien pluvieux, ma chère sœur. A l'inverse des colimaçons, qui sortent quand il pleut, nous sommes tous rentrés *dans nos coquilles*, c'est-à-dire dans les salons, dans les salles de concerts et de spectacles. Grâce à cette intempérie, le triomphe de Mme *Lise Farrenc*, au *Gymnase-Musical*, dans le grand concerto de *Hummel*, a été plus solennel, accueilli par des applaudissemens plus nombreux;—çà et là de charmantes réunions se sont composées des débris échappés aux maisons de campagne et aux châteaux; on y dansait au piano, tandis que les mères retrouvaient avec délice leur partie de wisth, délaissée depuis l'hiver. Pour ces soirées, on porte beaucoup de mousseline ou d'organdi brodé. Une robe d'organdi, couleur de rose, brodée en soie plate noire, a été beaucoup remarquée. L'ourlet était haut d'un demi-pied. Au-dessus, une guirlande de marguerites brodée en noir, qui se séparait au milieu du jupon et montait en s'amincissant jusqu'en haut. Une ceinture quadrillée, rose et noire, attachée avec une boucle de jais. Une croix à la Jeannette; des rubans pareils à la ceinture dans les cheveux.— Une robe de mousseline fort claire, brodée en semis de petits pois, sur une robe de gros de Naples bleu; le corsage à la grecque, pincé avec un nœud bleu sans bouts pendans. Une ceinture bleue flottante. Des manches courtes et des gants longs en peau de Russie. Coiffure à la Ninon, sans ornemens. — Une robe qui devait être charmante le jour, mais qui le soir faisait peu d'effet, était en organdi blanc, brodée, au-dessus de l'ourlet, de bouquets séparés, de bluets en laine; le bleu se confondait à la lumière avec le vert des feuilles et perdait son éclat. Les manches étaient longues, en tulle (tricot de Berlin), et par dessus, des sur-manches en organdi, aux bords desquelles étaient brodés des bouquets tout petits, semblables à ceux du bas. Si on eût choisi pour cette broderie des couleurs différentes, la robe eût été ravissante. La coiffure était un bandeau avec une couronne de bluets naturels placée sur le front et faisant deux tours avec une autre natte élevée, placée derrière la tête.

Pl. No 21. Coiffure.— Fleurs.— Robes de gros de naples garnie de blonde,

M O Д Ы.

У насъ была весьма дождливая погода, любезная сестра. Мы на оборотъ улипкамъ, выполняющимъ на дождь, пряпались въ своихъ раковинахъ, то есть въ госпипныхъ, концертныхъ залахъ и шеатрахъ. Благодаря этой непогодѣ, шоржество г-жи *Lise Farrenc*, въ *Музыкальной Гимназии*, въ концертѣ *Гуммелл*, было величественнѣе, сопровождаемое многочисленнѣйшими рукоплесканьями; памъ и сямъ прелестныя собранія, составившіяся изъ урвавшихся оспапковъ деревень и замковъ: памъ шанцовали подъ фортепiano, между шѣмъ какъ пожилыя дамы съ наслажденіемъ находили опяшь партію для виспа, оставленнаго съ зимы. Для этихъ вечеровъ въ большомъ употребленіи кисей или органди, вышитыя. Платье изъ розоваго органди, вышитое несученымъ шелкомъ, было весьма замѣтно. Рубецъ былъ шириною въ пол-фута. Сверху гирланда изъ маргаритокъ, вышитая чернымъ шелкомъ, которая раздѣляясь въ срединѣ юбки, возвышалась съуживаясь до верху. Клетчатый поясъ, розовый съ чернымъ, схваченный пряжкой агашовою. Кресль à la *Jeannette*; лешы въ волосахъ наподобіе пояса. Платье изъ весьма прозрачной кисей, вышитое все мелкимъ горошкомъ, надѣто было на голубомъ гроденаплевомъ платьѣ; лифъ Греческой, перехваченъ голубымъ баншомъ, безъ длинныхъ концовъ; голубой поясъ съ длинными концами. Рукава коропкіе и длинные перчатки изъ Русской кожи. Прическа à la *Ninon*, безъ украшеній. — Платье, которое должно было прелестно быть упромъ, при вечерѣ не имѣло вида, было изъ бѣлаго органди, вышитое сверхъ рубца отдѣльными букетами изъ васильковъ шерстью; голубой цвѣшъ при свѣчахъ сливался съ зелѣнымъ цвѣшомъ лисшьевъ и перьямъ свой блескъ. Рукава были длинные пюлевые (изъ Берлинскаго трико), а сверху надрукавчики изъ органди, вышитые по краю маленькими букетами, наподобіе нижнихъ. Если бы для этого платья употребили разные цвѣша, то платье было бы прелестно. Волосы спереди были гладкіе; гирланда изъ настоящихъ васильковъ положена была по лбу и обернуша въ два раза, съ широкою косою сзади головы.
(*Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.*)

Карп. No 21. Прическа.—Цвѣшы.—Гродѣ-наплевыйя платья, обшитыя блондой.

№ 21^я Номер. Трудъ въ П. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 59.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей,

СРЕДА, Іюля 24 дня 1855 года.

Дѣвица юная не знала,
Живаго щасія полна,
Что такъ доврчиво она
Одной отравой въ немъ дышала;
Что сей пріветный въперокъ,
Её ласкающій такъ нѣжно,
Грозы погибельной пророкъ;
Что вдругъ дохнетъ она мигчежно,
И міръ въ глазахъ ея запомнитъ...

Е. Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАЗНОЩИКЪ ГАЗЕТЪ И ВѢДОМОСТЕЙ.

Это должность честная, независимая, до-
вольно лёгкая и приносящая порядочныя
выгоды.

Редакція каждой газеты и журнала имѣетъ
своихъ собственныхъ разнощиковъ. Имъ про-
изводится опредѣленное жалованье, или пла-
тился съ экземпляра. Жалованье ихъ отъ
30-ти до 40-ка рублей въ мѣсяцъ; но они,
разнося напр: *Свѣд. Пгелу*, вмѣстѣ съ нею
разносятъ и *Русскій Инвалидъ* и *Сына Оте-
чества*, и *Коммерческую газету* и *Друга здра-
вія*. Вотъ какъ это дѣлается. Они вспаютъ
въ 4 часа — и спѣшатъ каждый въ особую
пипографію, гдѣ одинъ получаетъ щѣпомъ
извѣстное число нововыходящихъ книжекъ
одного журнала, другой листковъ газеты,
претій листковъ вѣдомостей. Попомъ всѣ
они рысью обѣгаютъ пракири, госпинни-

цы, харчевни, кондитерскія, сходятся съ
поварищами въ извѣстномъ мѣстѣ, обмѣни-
ваются своимъ умственнымъ поваромъ, рас-
ходятся въ противоположныя часпи горо-
да, забрасываютъ книжки и листки подпи-
щикамъ, къ полудню заходятъ на свои квар-
тиры, обѣдаютъ на скорую руку — и опять
пускаются въ дорогу. Къ 4-мъ часамъ ихъ
должность кончена: они возвращаются до-
мой, опдыхаютъ, занимаютъ чѣмъ хотятъ,
идутъ куда хотятъ. Въ военное время ча-
сто случалось имъ разносить поупру ну-
меръ *Русскаго Инвалида*, а послѣ обѣда Извѣ-
стія о военныхъ дѣйствіяхъ, въ особенныхъ
прибавленіяхъ печатаемыя. Тогда, думаю,
не разъ они ходя наѣдались и споя высы-
пались.

Кромѣ жалованья, исправный разнощикъ (*)
въ Новый годъ и въ Свѣпное Воскресенье

(*) То есть шакой, который напивается пьянъ только
вечеромъ, спитъ не больше двѣнадцати часовъ въ суш-

получаетъ отъ своихъ подписчиковъ маленькой денежный подарокъ. Эти четвертачки и гривенники, слившись въ одну массу, составляютъ отъ 70-ти до 150 рублей въ одинъ праздникъ. Такъ, что годовой доходъ распоропнаго разнощика, не увеличивая, можно оцѣнить въ 600 рублей.

Издатели дорожатъ хорошими разнощиками, изъ коихъ многіе состоятъ въ сей должности съ 1812 года, незабвеннаго не по однимъ военнымъ подвигамъ, но и потому, что въ печеніе онаго спрасть къ политическимъ новостямъ у насъ на Руси усомѣрилась, что началось изданіе *Русскаго Инвалида*, П. П. *Лезаровиусова*, положившимъ основаніе нынѣшнему тринадцати-миліонному Инвалидному капиталу, и *Сына Отечества*, составившаго извѣстность Н. И. *Грега*, патриарха теперешней нашей журналистики.

Изъ какого состоянія эти Меркуріи? Это пестрая смѣсь всѣхъ званій и состояній. Есть опставные уланы, гусары, гренадеры, мапросы; есть мѣщане, фабричные, дячки, пономари, подъячіе, обанкрутившіеся купцы, даже солдачки, мѣщанки.

Не думайте, однакожъ, что эти важные люди, приносящіе одному чинъ, другому ленгу, третъему опредѣленіе къ мѣсту, наживаютъ достатокъ: почти никогда. Жены ихъ оживляютъ заграничную торговлю, выпивая въ день чашекъ по шести кофе, а сами они, какъ усердные патриоты, поддерживаютъ финансы и послѣдній грошь опносятъ въ кабакъ. Русскіе не научились еще у Нѣмцовъ беречь денежку про чѣрный день.

А. Кораблинскій.

МАСТЕРСКИ ВЫПУТАЛСЯ.

Полковникъ С—ъ горячій спорщикъ. Иногда, не могши опровергнуть своего противника, онъ бросался въ парадоксы, осыпалъ его пышными фразами и, смѣшавъ неожиданными слѣдствіями, изъ нихъ выводимыми, сбивалъ его съ мѣста сраженія.

ки, и не выдираешь картинъ изъ модныхъ журналовъ.—В.

Однажды, во время Турецкой войны, множество офицеровъ было приглашено графомъ Р*** на вечеръ. Свобода и веселость были душою этаго военного общества. С—ъ, по обыкновенію, сѣвъ въ уголку, окруженный сослуживцами, началъ громоздить парадоксы на парадоксы. Разсуждали о свойствахъ людей. Никто изъ спорившихъ не примѣнилъ, какъ графъ Р*** подошелъ къ нимъ. С—ъ заключилъ свои сужденія слѣдующими словами: «Изъ этаго и выходитъ, любезные друзья, что люди бываютъ двухъ классовъ: или дураки, или плуты!»—Въ эту минуту графъ потрепалъ полковника по плечу: полковникъ быстро оглянулся.—Хорошо, батюшка! Ну, а къ которому же классу вы меня причисляете?—спросилъ у него графъ. Полковникъ улыбнулся.—«Думаю, ваше сіятельство, что вы дуракомъ бытъ незахотите;» отвѣчалъ онъ не смѣшавшись. — Вы правы, — сказалъ графъ, ласково улыбаясь: вы совершенно правы!—

НАКЛАДНЫЕ УСЫ.

Одинъ франтъ пришелъ въ Парижскую респорацію Rocher de Cancale и велѣлъ подать себѣ обѣдъ, послѣ котораго дошло дѣло до расплаты. «Извините, madame,» сказалъ франтъ хозяйкѣ трактира: «я забылъ свой кошелѣкъ дома, и не могу теперъ заплашить вамъ за обѣдъ.—И такъ позвольте мнѣ опправиться домой за деньгами; а я между тѣмъ оставлю вамъ драгоценный закладъ, который дороже сотни вашихъ обѣдовъ.» Съ этимъ словомъ онъ вручилъ трактирщицѣ запечатанный пакетъ.—Должникъ долгое время не возвращался, и хозяйка, прерожима любопытствомъ, рѣшилась распечатать пакетъ.—Что же она нашла въ бумагахъ?—накладные усы!!

СРЕДСТВО СОХРАНИТЬ ЧЕСТЬ СВОЕГО ИМЕНИ.

Одинъ трактирщикъ написалъ на черной доскѣ имя своего гостя, который часто у него обѣдалъ на мѣлокъ, и никогда не плащилъ по щѣпу. «Помилуй, мусье Вурстъ, ты меня выпавляешь на посмѣяніе публикѣ!»—сказалъ

госпъ.—Если вамъ, *mein herr*, неприятно видѣть имя свое на черной доскѣ, то пожалуйста вашъ плащъ, которымъ я прикрою вашу фамилію!—

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЕДИНОКЪ.

(*Ouverture.*)

3.

Ярко свѣпилъ мѣсяцъ сквозь открытое окно въ большую комнату. Дамскія работы лежали на столѣ подлѣ букета ясиновъ, которые наполняли комнату ароматнымъ запахомъ; свѣтъ луны бросалъ длинную тѣнь отъ ленты лежащей шупъ гитары. Молодой человекъ ходилъ по комнатѣ. Дѣвушка со вздохомъ подошла къ окну.

— Какъ свѣтелъ сегодня мѣсяцъ.... поглядите, *Бенно!*—

Онъ подошелъ къ ней.

— Думаетъ ли *Карль* обо мнѣ?—спросила она,—и слеза скатилась съ темной ресницы и упала на работу, какъ роса на розу.

«Будьте увѣрены, *Викторина*, что онъ любитъ васъ болѣе всего!»

— Правда ли это, *Бенно?*—

«Онъ поржесивенно поклялся мнѣ въ помь.»

— О, расскажите мнѣ, какъ это было!—просила *Викторина*, упирая капившіяся слѣзы.—Вы не повѣрите, какъ я люблю его, какъ мнѣ приятно говорить о немъ. Но что съ вами, *Бенно*, вы вздыхаете?—

«Это невольно; я думалъ о *Зельмъ.*»

— О, какъ мнѣ жаль васъ, *Бенно!*—съ чувствомъ сказала *Викторина*, протягивая ему руку.—Согласитесь однакожь, это не хорошо, что онъ уже чептыре мѣсяца не пишетъ, а я пишу къ нему всякую недѣлю. Ахъ! ему и не надо писать длинныхъ писемъ, пусть только пишетъ, что онъ любитъ меня. Я ужъ буду щасплива; ничего больше не пребую. Знаю, что у него есть занятія, кото-

рыя отнимаютъ у него все время, но хотя разъ, *Бенно*, онъ могъ бы написать ко мнѣ.—

«Онъ вѣрно болѣнъ.»

— Знаете что, *Бенно*. Мы поѣдемъ на воды въ *N.*; туда только три часа ѣзды. Вы должны ѣхать съ нами; мы возьмемъ съ собою *маменьку*. О, какъ онъ будетъ радъ; мы напишемъ, что нѣкто желаетъ его видѣть въ *K.*...; онъ пріѣдетъ и увидитъ насъ!—

Она поспѣшно выбѣжала изъ комнаты.

Бенно подошелъ къ открытому окну; онъ нагнулся на работу, поцѣловалъ мѣсто, омоченное ея слезами, и горячія капли брызнули изъ глазъ его. Онъ смотрѣлъ изъ окна въ садъ. Вдалекѣ, между зеленою полей, серебрилась полоса; это была та рѣчка, по которой онъ нѣкогда катался съ *Карломъ*. Легкій шуманъ спускался на поля; крестьяне возвращались съ работы; въ отдаленныхъ деревняхъ слышенъ былъ звонъ вечерняго колокола, радостный лай собакъ, шумъ экипажей, вдушихъ по ближнему укапу, и звонъ колокольчиковъ возвращающихся спадъ.

«О жизнь! какъ ты хороша, какъ несказанно хороша! Ахъ, если бы она любила меня, эта кропкая, невинная дѣвушка, какъ она любитъ отсутствующаго друга, я бы не помѣнялся ни съ какимъ милонщикомъ, ни съ какимъ вельможею! А онъ... если онъ забылъ еѣ.... если онъ растерзаетъ сердце этаго прелестнаго существа!... Но нѣтъ, онъ поклялся мнѣ, я имѣю его честное слово; онъ не можетъ нарушить его, и ежели бы могъ!... Клянусь всемогущимъ Богомъ, я опмспилъ бы за неѣ ужасно!»

— Ёдемъ, ёдемъ!—радостно вскричала *Викторина*, вбѣгая въ комнату: мапушка согласна. Не правда ли, любезный *Бенно*, что вы ёдете съ нами?—

«Гоповъ, сударыня.»

— О, это прекрасно!—продолжала она прыгая по комнатѣ: какъ онъ обрадуется!—

«Чрезвычайно,» сказалъ *Бенно* дрожащимъ голосомъ, и оспавилъ комнату.

Черезъ нѣсколько дней они поѣхали.

4.

Въ городъ — опшравленъ былъ нарочный. Прошло нѣсколько дней, и не получали опвѣща... Однажды, послѣ обѣда, *Бенно* прогуливался по городу, какъ человекъ, шедшій опъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, вынимая изъ кармана плапокъ, выронилъ записку. *Бенно* поднялъ её, и только что хотѣлъ опдать незнакомцу, какъ увидѣлъ, что рука была ему знакома. Онъ развернулъ записку: она была опъ *Карла*; *Бенно* прочиталъ:

«Я нахожу графиню всякой день плѣнительнѣе; это божественная женщина, и я никогда не забуду, что обязанъ тебѣ эпимъ знакомствомъ. Какая разница между ею и тою *Викториной*, о которой я случайно тебѣ рассказывалъ; у неё я долженъ былъ выманивать ласковый взглядъ, а графиня — вся огонь, вся любовь. Щастіе, которымъ наслаждаешься — ничто; то, котораго ожидаешь — божественно. Я теперь очень весело провожу время; только *Викторина* надѣваетъ мнѣ своими письмами; я не знаю, что опвѣчать ей... Я никогда не любилъ её... Теперь я опяшь получилъ опъ неё письмо изъ К... Это было бы несосно, если-бъ она прѣехала мѣшать моему блаженству. Сдѣлай одолженіе справься, прѣехала ли въ — баронесса *В.* — и опвѣчай мнѣ поскорѣе, чпобы я могъ взять свои мѣры.

Твой

Карль.»

Судорожно смялъ *Бенно* записку въ рукѣ, и съ шрудомъ удержался за дерево, чпобы не упасть. Долго не могъ онъ припши въ себя. Наконецъ поспѣшно пошелъ домой.

5.

Человекъ, ѣхавшій верхомъ, оспановился у дома, сошелъ съ лошади, и постучался. Лакей опворилъ.

— А, господинъ фонъ *Ф.*, какъ мой баринъ будешь радъ. —

«Гдѣ онъ?»

— Сегодня маскарадъ у графини *В.*..., тамъ вы его найдете. —

«Въ какомъ онъ костюмѣ?»

— Въ Испанскомъ, — при красныя пера на голубомъ, вышпномъ золотомъ берепѣ. —

Бенно опдалъ лакею свою лошадь, и спѣшилъ уйши.

У графини *В.* всѣ комнапы были освѣщены; звуки веселой музыки слышны были на улицѣ. Толпа народа пѣснилась около дома, и смотрѣла въ зеркальныя окна. Испанецъ въ блестящей одеждѣ, споялъ съ Амазонкой подлѣ колонны. Они разговаривали, и онъ часпо съ жаромъ цѣловалъ ея руку.

«Точно ли вы меня любите, баронъ?» спросила дама.

— Такъ испинно, какъ вѣрю въ Бога. —

«*Викторина,*» прошепталъ вблизи голосъ.

Испанецъ вздрогнулъ, и замѣпилъ черное домино, которое непримѣпно подошло къ разговаривающимъ.

— Маска, кто вы? — спросилъ Испанецъ.

Группа другихъ масокъ разлучила ихъ. Всѣ спѣшили къ ужину. Испанецъ и Амазонка сняли маски; это были *Карль* и *графиня*. Заиграли; шупъ *Карль* вспалъ, и провозгласилъ здоровье графини; она краснѣя благодарила его; онъ въ воспоргѣ воскликнулъ:

— Графиня, я люблю васъ! —

«Подлецъ!» сказалъ громкій голосъ. Всѣ оглянулись; домино приподнялъ маску. *Карль* узналъ *Бенно* и, пораженный стыдомъ, упалъ на спуль.

6.

Прошло нѣсколько дней, *Викторина* была въ своей комнапѣ. Она плакала

— Все еще нѣпъ опвѣща! — говорила она. О, какъ это меня мучить, я пакъ люблю его! Чего я не выперпѣла за него, когда сеспра моя была еще не за мужемъ, и я думала, что онъ любитъ её! Теперь я знаю, что онъ любитъ меня, а онъ пакъ холоденъ, пакъ чуждъ... Да гдѣ же *Бенно*? цѣлый день его не видно... —

Она позвонила. Вошелъ лакей.

— Гдѣ г-нъ фонъ Ф...? —

«Онъ вышелъ очень рано, далъ мнѣ ключъ отъ своей комнапы, и приказалъ опдать его вамъ, ежели онъ до обѣда не возвратится.»

— Мнѣ? —

«Да, можешь бытъ онъ оставилъ вамъ записку.»

— Такъ пойдѣмъ же въ его комнапу. —

Оба вошли въ комнапу *Бенно*. Испуганная *Викторина* останоилась у дверей. Закрытый сундукъ споялъ посреди комнапы. Со спрахомъ подошла она къ сполу; на немъ лежала кипа бумагъ, на верхнемъ листкѣ было написано: *Мой Дневникъ*. Послѣдній листокъ былъ весь исписанъ; число было прошедшаго вечера. Она прочитала:

«Пробило двѣнадцать... Небо усѣяно звѣздами и воздухъ такъ чистъ, что я слышу звонъ колокола на опдаленной башнѣ. — Когда я одинъ шелъ сегодня по улицѣ, то встрѣпилъ еѣ; въ обращеніи ея со мною было что-то необыкновенное! Когда мы подошли къ дому, она просила меня войти въ него... Но грудь моя была такъ полна, что я долженъ былъ опять выпити на чистый воздухъ. Насилу могъ я произнести: *прости*; уста мои дрожали, я судорожно списнулъ зубы, мнѣ казалось, что грудь моя раздирается... Я поцѣловалъ ея руку... она пошла на верхъ... Я дошелъ до мосту, останоился опять на помѣ самомъ мѣстѣ, на которое приходилъ такъ часто, и смотрѣлъ въ мечтаніяхъ на окно ея; звѣзды блиспали на темно-синемъ небѣ, опсвѣчиваясь въ волнахъ; рѣка текла тихо, и уносила съ собою мои слѣзы... Все прошедшее лежало передо мною. Это та же рѣка, по которой однажды казался я съ *Карломъ* далеко отсюда, та самая рѣка, на которой мы обѣщали другъ другу вѣчную дружбу!.. Я содрогаясь при мысли объ убійствѣ. Жизнь человѣка... Боже, какъ это ужасно! и на кого долженъ я направить пистолепъ? На друга, котораго не перестаю любить... О *Карль*, зачѣмъ измѣнилъ ты своему слову? Зачѣмъ оставилъ ты *Викторину*? — Ты долженъ въ этомъ раскаяться!...»

Лихорадочно билось сердце *Викторины*; мучительное предчувствіе овладѣло ею... *Бенно!* вскричала она, и упала безъ памяти.

7.

Въ небольшомъ сосновомъ лѣсу молча прохаживались два человѣка. Одинъ изъ нихъ снялъ съ себя верхнюю одежду, другой пробовалъ курокъ пистолета; казалось, они кого-то ожидали. Кругомъ все было тихо, только по временамъ раздавался въ густотѣ лѣса попоръ дровосѣка. Вдругъ послышались приближающіеся шаги; оба прислушивались; одинъ прикрылъ пистолепъ плащемъ. Еще два молодыхъ человѣка подошли къ нимъ. Молча раздѣлся одинъ; поварищъ его говорилъ съ однимъ изъ ожидавшихъ.

«Сколько шаговъ?»

— Шестъ! —

Говорящій тихо опмѣрлялъ шестъ шаговъ. Оба пропивника, безъ фраковъ, взялись за пистолеты и спали цѣлится... Вдругъ одинъ изъ нихъ бросилъ оружіе, подошелъ къ другому и крѣпко прижалъ его къ груди своей.

«Нѣтъ, *Карль*,» говорилъ онъ: «ради Бога, мы такъ не разспанемся! Ты знаешь, какъ я люблю тебя...»

— Ты еще меня любишь, меня, подлеца?— опвѣчалъ *Карль*, и помные глаза его заблспали... Ежели ты меня еще любишь, такъ за чѣмъ же мы спрѣляемся? —

«За тѣмъ, что я поклялся опмспитъ за *Викторину*. Хочу сдержать свое слово.»

— Ну, такъ спрѣляй же! —

«Нѣтъ, прежде проспимся! Я все еще люблю тебя, но я долженъ сдержать свое слово.» Оба пропивника обнялись. «*Карль*, любишь ли ты еще меня?»

— Клянусь Богомъ, предъ Котораго можешь бытъ чрезъ минулу предспану, я люблю и почитаю тебя, и если пуля твоя пролетитъ мимо, а моя убьетъ тебя, я самъ прекращу печальную жизнь свою!—Онъ прижалъ *Бенно* къ груди своей.

«Прощай, *Карль*... Ну, щипайше!» Секунданты тихо между собою говорили; они

о чемъ-то разсуждали. Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

«Вы любите другъ друга, и каждый изъ васъ почиталъ бы несчастіемъ быть убійцею другаго... Помочь этому я знаю одинъ способъ.»

— Говорите! — прервалъ его *Карль* въ судорожномъ движеніи.

«Случай рѣшите, спрѣляйте съ завязанными глазами; мы поставимъ васъ въ прехъ шагахъ одного отъ другаго, и при послѣдней командѣ вы оба вдругъ выстрѣлите. Пусть судьба рѣшитъ кому умереть!»

Дуэлисты молчали. Наконецъ *Бенно* сказалъ:

«Согласенъ ли ты?»

— Согласенъ. —

Секунданты завязали имъ глаза.—Они оба останутся живы,—прошепталъ одинъ изъ нихъ другому, и поставилъ противниковъ другъ къ другу спиной.

Послѣдній знакъ поданъ. Движимые однимъ чувствомъ, оба разомъ обернулись. Выстрѣлы раздались, и противники пали бездыханны.

Ал. М—ва.

(Изъ *Berliner Figaro.*)

ХАРАКТЕРЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

Французы спранныя нація! Подверженные всѣмъ родамъ сумасбродства, они соединяютъ всѣ противоположности, и въ нихъ самая рыцарская храбрость очень часто сопровождается жалкимъ малодушіемъ невольника.—Французъ легко предается опчаянію въ минути несчастія, но успокоится на первомъ блестящемъ праздникѣ, а веселая, остроумная пѣсня, совершенно упѣшитъ его.—Въ народныхъ волненіяхъ, онъ не знаетъ предѣловъ, и земля дрожитъ отъ буйства его; но въ тоже самое время онъ смѣется, и, кажется, шутя льетъ кровь свою.—Преданный нѣгѣ и избалованный роскошью, онъ сноситъ недостатки перпѣливо и не унываетъ въ бѣдности.—Онъ не терпитъ презрѣнія и не проситъ его никому, но

самъ распочаешь его другимъ съ удивительною щедростію. Мощный великанъ и вмѣстѣ милый ребенокъ — онъ удивляетъ соображеніями плановъ своихъ; — но въпреносъ его разрушаетъ ихъ въ одну минути.—Онъ жаждетъ славы, довольства, независимости—и принимаетъ оковы рабства. Словомъ, онъ рожденъ наслаждаться всѣмъ, кромѣ поспояннаго щастія, и можетъ приобрести все—кромѣ здраваго разсудка.

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ.

Вальтеръ-Скоттъ безпрестанно исправляетъ и дополняетъ прекрасные романы свои; послѣднія спроки предисловія его къ полному изданію его твореній такъ прогашельны, что нельзя читать ихъ безъ какой-то невольной грусти и сердечнаго умиленія.— Вотъ онъ:

«Спарикамъ позволяется говорить много, потому, что по порядку природы имъ уже недолго говорить оспаются. Вотъ причина, побудившая меня при послѣднемъ изданіи полныхъ моихъ сочиненій, присоединить къ оному сколько я могъ подробныя свѣдѣнія, касательно матеріаловъ, коими я руководствовался.—Очень вѣроятно, что я не успѣю уже ни исправить, ни даже перечислять романовъ моихъ!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕСНА.

Весна! и солнце заиграло
Въ прозрачныхъ Майскихъ небесахъ;
Все жизнью въ полѣ задышало
И оживилось въ лѣсахъ.

Пойдемъ, въ часъ упренной, *Мальвина*,
Смотрѣшь весеннюю красу —
Какъ улыбаются долина,
Какъ пшашки празднуютъ въ лѣсу.
Поздравимъ юную природу
Съ вновь возрожденнымъ бытіемъ;
Она изъ смерти въ жизнь, въ свободу,
Зовется солнечнымъ лучемъ.

О благошворное свѣшило ,
 Какой скрѣпишь рай въ твоихъ лучахъ!
 Какая жизненная сила
 Лепится съ нами въ мерный прахъ!
 Смори, *Мальвина*, возрожденье
 Ты въ каждой правкѣ видишь вновь ;
 Здѣсь жизни каждое явленье
 Благошвѣствуетъ намъ любовь —
 Любовь Творца міровъ несмысленныхъ.
 Она является вездѣ,
 И въ самыхъ мошкахъ непримѣнныхъ,
 И въ необъятнѣйшей звѣздѣ.
 Мой другъ! шволя краса и младость,
 Улыбка, вздохъ, огонь въ крови,
 И сердца бой, и жизни сладость —
 Есть также даръ благой любви.
 Смори, какъ здѣсь роспокъ опшпрыснулъ
 Опъ оживленнаго пенька!
 Чу! соловей, какъ громко свиснулъ
 И шрелью стихъ въ глуши лѣска.
 Какъ пшашки радостно щебечуть,
 Свивая гнѣзда средь вѣшвей!
 Какъ волны солнцемъ ярко блещуть
 И шепчешъ сладостно ручей!
 Какую роскошь навѣваетъ
 Весенній рѣзвый вѣтерокъ!
 Какъ весело въ лугу порхаешъ
 Въ цвѣтѣхъ влюбленный мотылькѣ!
 Какую жизнью благодатной
 Природа вся оживлена,
 И эта жизнь душъ понятна —
 Душа любовью создана.
Мальвина! другъ мой, милый, нѣжный!
 Вотъ Божій міръ передъ тобою,
 Диковиный и безмятежный,
 Съ своею райской красою!
 Взгляни на міръ сердечнымъ окомъ ,
 Забывъ и шумъ и суепу ,
 И въ созерцаніи высокомъ
 Небесъ увидишь красоту.
 Весенней жизнью игралъ ,
 Природа шайну скажетъ намъ —
 Какъ достигашъ изъ смерти рай ,
 Парить изъ шлѣни къ небесамъ.
 Но я замолкну—сердца шрепешъ

Въ тебѣ Божешвенный пророкъ,
 Опъ объяснишь мой слабый лепешъ ,
 Мой недосказанный урокъ.
 Вотъ холмъ, увѣчанный цвѣтами,
 Чело взнесъ къ горней высотѣ!
 Опъ, какъ алтарь подъ небесами,
 Сшопишь въ священной красотѣ!
 Пойдемъ, и тамъ благодаренье
 Творцу міровъ мы воздадимъ ,
 За эпю жизнь, за наслажденье,
 За то, что нами Опъ любимъ.
 Затихъ ручья прибрежный ропотъ ;
 Въ кустахъ не свищешъ соловей;
 Не слышенъ въ рошѣ лиспьевъ шопотъ;
 Смолкъ пшичекъ хоръ въ шѣни вѣшвей;
 Не зыблешся древесъ вершина
 Полетомъ рѣзвымъ вѣтерка:
 Повергнись ницъ, мой другъ *Мальвина*,
 Надъ нами Вышняго рука!
 Природа миръ не нарушаетъ ,
 Когда ея благій Творецъ
 Мольбѣ шайншвенной внимаешъ
 Любовью дышущихъ сердець.

Ш А Р А Д А .

Мой *первый* слогъ—не я, *последній* слогъ не вы,
 Не ты, не онъ, не мы и не они—смѣкайте!
 А *цѣлое* мое у самой головы:
 Отгадайте !

Въ No .58-мъ, помѣщенная шарада значить: *Олень*.

M O D E S .

J'ai remarqué qu'en France, où le meilleur goût s'étend partout, les femmes de la société ont presque généralement le bon esprit de ne pas adopter une mode *sans exclusion*. Rien en effet n'est plus ridicule que cette manie d'être *à la mode* au détriment de sa figure et de sa tournure. Dans ce moment, par exemple, on fait les chapeaux plus grands qu'on ne les fesait cet hiver; or, une petite femme avec un grand chapeau a l'air d'être placée sous un *four de campagne*; elle est totalement écrasée. Tout doit être relatif, et c'est pour cela que les habiles modistes savent coiffer chaque femme *à l'air de la personne*. De là la diversité

des formes, des couleurs, que l'on remarque dans les magasins de modes. C'est un exemple que devraient bien suivre les modistes de province, qui s'attachent en général trop à la lettre morte, et coiffent une femme de haute taille comme une de petite. On fait beaucoup de robes drapées, mais on en voit aussi de forme carrée, montant jusqu'à la naissance du cou. Ces robes sont très agréables pour l'été, en ce qu'elles dispensent de porter des fichus. Un ruban noué autour du cou, avec ces robes, est très gracieux. J'ai vu des manches à la *Françoise de Foix*, à cinq poignets, en jaconas blanc. Les poignets, larges d'un doigt, étaient brodés. Les bouffans allaient en diminuant jusqu'au poignet. Le bas de cette robe était garni de trois bouillons de mousseline, séparés par des bandes brodées comme les poignets des manches; dans chaque bouillon était passé un ruban rose dont les deux bouts sortaient sur le côté et formait un gros nœud. Le chapeau qui allait avec cette toilette portait le cachet de bon goût. Il était en paille de riz, avec une grande plume aux bouts rosés; sous la passe, de la blonde, au milieu seulement; et de chaque côté, du ruban foulard blanc pareil à celui du chapeau. On ne garnit les dessous des chapeaux sur le côté que pour les personnes qui se coiffent en bandeau ou portent un seul tire-bouchon. Du moment qu'on a les cheveux frisés en masses un peu épaisses, il faut éviter d'y ajouter des fleurs ou autres ornemens; alors on garnit le front, entre chaque touffe de cheveux.

La belle fête de Tivoli a été gâtée par la pluie mardi dernier; c'est dommage, car on commençait à prendre volontiers le chemin de la rue de Clichy, et l'on gravissait courageusement sa pente un peu raide en pensant au dédommagement de la peine. Mais tout passe dans la vie: les fleurs, les femmes, l'amour, tout a un terme; espérons que le mauvais temps fera bientôt de même. Dans tous les cas, ma chère *Nancy*, il est une chose qui résistera à la loi commune... c'est ma vive tendresse pour vous.—*Sarah*.

М О Д Ы.

Я замѣтила, что во Франціи, гдѣ лучший вкусъ распространяется вездѣ, дамы вообще не принимаютъ моды безъ исключенія. Ничего въ самомъ дѣлѣ нѣтъ смѣшнѣе спрашивать быль по модѣ, не думая о лицѣ и осанкѣ. Теперь, напримѣръ, дѣ-

лають шляпы больше, нежели зимою, и потому маленькая женщина въ большой шляпѣ кажется быль подъ коплемъ; она совершенно раздавлена. Все должно быть опносноительно; по этому-то искусныя модистки и умѣютъ каждую женщину убраться къ лицу. Отъ того разнообразіе формъ, цвѣтовъ, которые видны въ модныхъ магазинахъ. Этому примѣру должны бы были слѣдовать модистки въ провинціяхъ, которыя вообще привязываются къ буквѣ, и убираютъ однимъ образомъ высокую и маленькую женщину. Много дѣлають драпированныхъ лифовъ; также видны съ четвероугольною вырѣзкою, вышиною до начала шеи. Эти платья весьма прилпны для льта, потому что съ ними можно не надѣвать косыночекъ. Ленга, завязанная около шеи, весьма щеголевато. Я видѣла рукава à la *Françoise de Foix*, изъ бѣлаго жаконета, съ пятью перехватами. Обшивки были шириною въ палецъ, вышитыя. Буфы до кисти все уменьшались. Низъ платья отдѣланъ премо кисейными буфами; они раздѣлены были вышитыми полосками, какъ на рукавахъ, въ каждую буфу продернута была розовая ленга; концы, выпущенные на боку, составляли бантъ. Шляпка, надѣтая съ этимъ нарядомъ, имѣла отпечатокъ хорошаго вкуса. Она была бѣлая бастовая, отдѣлана большимъ перомъ, съ розовыми концами; подъ полемъ блонда только въ срединѣ, а по сторонамъ бѣлыя фуларовыя ленты, такія же какъ на шляпѣ. Низъ шляпъ отдѣлываютъ на одну сторону, для тѣхъ только, кто носитъ гладкіе волосы спереди или по одному локону. Какъ скоро волосы завивы довольно густо, то надо избѣгать цвѣтовъ и другихъ украшеній; тогда отдѣлываютъ надъ лбомъ между кустиками волосъ.

Прекрасный праздникъ въ Тиволи испорченъ былъ дождемъ въ прошедшій вторникъ; это жалко, потому что охотно брали направление по дорогѣ въ улицу *Clichy*, и бодро взбирались на крупую горку, помышляя о вознагражденіи за трудъ. Но все преходяще въ жизни: цвѣты, женщины, любовь, все имѣетъ конецъ; будемъ надѣяться, что и дурная погода будетъ также его имѣть. Во всякомъ случаѣ, милая *Nancy*, есть нѣчто, что противустанетъ обыкновеннымъ законамъ... Это моя живѣйшая нѣжность къ тебѣ.—*Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 60.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 27 дня 1855 года.

Игрушка щастья и судьбины,
Съ дурнымъ посредственнымъ смѣсь,
Кусокъ одушевленной глины,
Оставь свою смѣшную спѣсь!
Почпо владыкой ты себя Природы спавишь?
Сегодня гордою пятой
Ты землю презирая давишь,
Но завтра будешь самъ давить землею шой.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СВИДАНІЕ СЪ ЛЕДИ СТАНГОПЪ.

(Изъ воспоминаній о Востокъ—Ламартина.)

Леди Эсвиръ Стангопъ, племянница Питта, по смерти своего дяди, оставила Англію и пустилась путешествовать по Европѣ. Юная, прекрасная и богатая, она встрѣчала вездѣ пріемъ, приличный ея званію, богатству, уму и красотѣ, но не смотря на это, поспоянно отказывалась соединить судьбу свою съ судьбою достойнѣйшихъ изъ своихъ обожателей, и проживъ нѣсколько лѣтъ въ главнѣйшихъ столицахъ Европы, отправилась съ большою свитою въ Константинополь. Причина этого переселенія осталась неизвѣстною. Одни приписывали его смерти молодого Англійскаго генерала, убитаго въ то время въ Испаніи, и оставившаго глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ леди Эсвири; другіе проекпой склонности къ приключеніямъ,

которую заставляла предполагать въ ней предприимчивый и мужеспвенный ея характеръ. Какъ бы то ни было, но она пустилась въ путь, провела нѣсколько лѣтъ въ Константинополь, и потомъ отправилась въ Сирію на одномъ Англійскомъ кораблѣ, на который перевезена была большая часть ея сокровища и драгоценностей.

Буря застигла корабль въ заливѣ Макрійскомъ, у береговъ Караманіи, прошивъ островъ Родоса; судно село на мѣль въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Оно разбилось и волны поглопили всѣ сокровища леди Стангопъ; она сама едва избежала отъ смерти, и была принесена водою на обломкѣ судна къ небольшому пустому острову, гдѣ пробыла двадцать четыре часа безъ пищи и пособія; наконецъ, рыбаки изъ Марморицы, собиравшіе оспапки корабля, нашли её и проводили въ Родосъ, гдѣ она объявила о себѣ Англійскому консулу. Это бѣдственное происшествіе

не охладило ея рѣшимости. Она переѣхала въ Мальпу, опшуда въ Англию; собрала оспальное свое имущество, продала часпъ своихъ владѣній, нагрузила впорое судно сокровищами и подарками для земель, которыя памѣрена была посѣпить, и опправила въ путь.

Послѣ бродячей жизни во всѣхъ воспочныхъ спранахъ, леди *Эсфирь Стангопъ* поселилась наконецъ въ убѣжищѣ почти неприступномъ, на одной изъ Ливанскихъ горъ, близъ Саида, древняго Сидона. Паша Сень-Жанъ д'Акрскій, *Абдала-Паша*, исполненный къ ней особеннымъ уваженіемъ и преданностию, успунилъ ей развалины монастыря и деревишку Джиунъ, населенную Друзами. Она поспроила тамъ нѣсколько домовъ, обведенныхъ оградою, подобною укрѣпленіямъ среднихъ вѣковъ, и развела прелестный садъ, по Турецкому обычаю, съ плодами и цвѣтами, съ бесѣдками изъ виноградныхъ лозъ, съ кіосками, украшенными рѣзными и живописными арабесками, и съ мраморными посреди ихъ водометами. Тамъ леди *Стангопъ* жила нѣсколько лѣтъ въ совершенно воспочной роскоши, окруженная множествомъ Европейскихъ и Арабскихъ драгомановъ и черныхъ невольниковъ, и постоянно сохраняя дружественныя и даже политическія сношенія съ Порпою, *Абдала-Пашею*, эмиромъ *Беширомъ*, повелителемъ Ливана, и особенно съ Арабскими шейками пустынь Сиріи и Багдада.

Скоро ея богатство, тогда еще значительное, уменьшилось опъ разспройства дѣлъ ея, которое было слѣдствиемъ ея опъѣзда изъ отечества, и она принуждена была довольствоваться придцатью или сорока тысячами франковъ дохода, которыхъ достанетъ еще въ томъ краю для такога рода жизни, какой вела леди *Стангопъ*. Между тѣмъ люди, сопутствовавшіе ей изъ Европы, померли или разѣхались; дружба Арабовъ, которую должно поддерживать безпреспанными подарками и подаеніемъ, охладѣла; сношенія сдѣлались рѣже, и леди *Эсфирь* осталась въ совершенномъ одиночествѣ, въ которомъ я и нашель её. Но шупъ

вполнѣ обнаружилась вся сила и пвердоспъ ея геройскаго характера: она не подумала возвратиться назадъ; ни однажды не пожалѣла о свѣтѣ и о прошедшемъ; не успрашила ни одиночества, ни бѣдствія, ни предстоявшей старости и забвенія людей, и осталась одна тамъ, гдѣ она и теперь, безъ книгъ, безъ журналовъ, безъ писемъ изъ Европы, безъ друзей, даже безъ преданныхъ служителей, съ одними черными невольницами и дѣтьми ихъ, и немногими Арабскими крестьянами, которые обрабатываютъ садъ ея, смотрящъ за лошадьми и охраняющъ ея личную безопасность. Въ краю томъ господствуетъ общее мнѣніе, которое подпверждающъ и собственныя мои съ нею сношенія, что сверхъ-естественная сила души и рѣшимоспъ ея происпекающъ не сполько опъ ея характера, сколько опъ воспорженныхъ религіозныхъ понятій, въ которыхъ Европейскій *иллюминизмъ* смѣшанъ съ нѣкоторыми воспочными повѣрjami и особливо съ чудесами аспрологіи. Какъ-бы то ни было, но леди *Стангопъ* прославила свое имя на Воспокъ и служилъ предметомъ большаго изумленія для Европы. Бывъ такъ близко опъ неѣ, я захопѣлъ её видѣть; склонноспъ ея къ уединенію и размышленію была такъ согласна съ моими собственными понятіями, что я обрадовался случаю повѣрить то, въ чемъ, можетъ быть, мы сходствовали между собою. . . . . Мы опправились въ чептыре часа; со мною были докторъ *Леонарди*, г. *Парсеваль*, одинъ слуга и провожатый; всѣ мы ѣхали верхомъ. Въ разспойніи на полчаса ѣзды опъ Бейрупа, мы проѣхали чрезъ великолѣпный сосновый лѣсъ, насаженный эмиромъ *Факардиномъ* на возвышенномъ мысу, видъ съ котораго проспирается вправо на бурное Сирійское море, а влѣво на роскошную долину Ливанскую; видъ восхищительный, соединяющій въ себѣ богатства западной распительности: виноградъ, фиговое и шелковичное дерева и пирамидальный пополь съ высокими, спройными спеблями воспочныхъ пальмъ, которыхъ широкіе лиспья, какъ перья шлема, раскидывались въспромъ на темной лазури небосклона. За

нѣсколько шаговъ далѣе опшуда, възжаешь въ какую-то степь, покрытую краснымъ пескомъ, который набросанъ огромными волнами, зыблущимися подобно волнамъ океана. Вечеръ былъ довольно прохладный, и вътеръ пакъ бороздилъ, переливалъ ихъ, какъ переливаетъ и гонитъ онъ волны морскія. Зрѣлище это было ново и печально, какъ вслушленіе настоящей и обширной пустыни, которую мнѣ скоро надлежало проходить. Никакого слѣда людей или живопныхъ не видно было на этой волнующейся равнинѣ, и только ревъ волнъ съ одной стороны и свѣплыя вершины Ливанскихъ горъ съ другой указывали намъ наше направленіе. Скоро мы опыскали родъ тропинки или дороги, усянной огромными кусками угловатыхъ камней. Дорога эта, идущая по берегу моря до самаго Египта, привела насъ къ развалившемуся домику, оспапкамъ старой укрѣпленной башни, въ которомъ мы провели темные часы ночи, лежа на рогажахъ изъ проспника и завернувшись въ плащи. Лишь только взошла луна, мы снова сѣли на коней.

То была одна изъ тѣхъ ночей, когда небо сіяетъ звѣздами, когда въ ээирной высотѣ царствуетъ совершенная тишина и ясность, но когда вокругъ насъ природа какъ будто спонетъ и изнемогаетъ въ мучительныхъ судорогахъ. Пустынный видъ страны еще болѣе способствовалъ этому тягоспному впечатлѣнію. Съ наступленіемъ вечера, мы оставили позади прекрасныя тѣнистыя оплогоспи и зеленѣющія долины Ливана. Вблизи опъ насъ возвышались обнаженные холмы, усянные свѣрха до низу черными, бѣдыми и стрыми камнями, оспапками бывшихъ землетрясеній. На право и на лѣво море, съ упра взволнованное бурей, капило грозные валы свои, которые разбиваясь о берегъ, орошали своею вздымающеюся пѣною пещаную полосу, по которой лежалъ путь нашъ, и обливая за каждымъ разомъ ноги лошадей нашихъ, грозили увлечь насъ самихъ. Луна, яркая какъ зимнее солнце, доспапочно озаряла море своими лучами, чшобы показать намъ его свирѣность, но не довольно освѣщала дорогу, по кото-

рой мы ѣхали, чшобы успокоить насъ на щѣтъ ея безопасности. Скоро зарево пожара слилось на вершинѣ Ливанскихъ горъ съ бѣловатымъ упреннымъ туманомъ, и озарило всю эту карпину какимъ-то ложнымъ и блѣднымъ свѣпомъ, который былъ ни день, ни ночь, ни сіяніе одного, ни ясность другой; часъ, тяжелый для взора и мысли; борьба двухъ пропивныхъ началъ, которой печальные примѣры часто предспапляетъ природа, и которую еще чаще вспрѣчаемъ мы въ собственномъ сердцѣ.

Въ семь часовъ утра, когда зной солнца былъ уже довольно ощупителенъ, мы оставили Саидъ, древній Сидонъ, который выдается въ волнахъ, какъ доспославное воспоминаніе миновавшагося владычества, и спали взбираться на мѣловые, обнаженные холмы, которые постоянно и незамѣпно возвышались, вели насъ къ убѣжищу, бывшему цѣлію нашей поѣздки. Каждый холмъ, на который мы взбирались, открывалъ намъ за собою другой, болѣе возвышенный; горы соединялись съ горами, какъ кольца пѣсной цѣпи, оставляя въ промежуткахъ глубокіе сухіе овраги, усянные сѣрватыми обломками скаль. Горы эти вовсе лишены признаковъ распительности. Это одни скелеты холмовъ, издревле испоченные водами и въпрами. Я не ожидалъ вспрѣпить тамъ жилища женщины, которая объѣхала свѣпъ, и могла избирать себѣ мѣсто въ цѣдой вселенной. Наконецъ, съ вершины одного изъ этихъ утесовъ, взоры мои обратились на глубокую и широкую долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, болѣе величественными, но не менѣе безплодными. Посреди ея, подобно основанію огромной башни, возвышалась гора Джіунъ, состоявшая изъ купы кругловатыхъ скаль, которые, сѣживаясь съ приближеніемъ къ своей вершинѣ, образовали наконецъ площадку въ нѣсколько сотъ поазовъ шириною, покрытую прекрасною, свѣжею и цвѣпущею зеленью. Бѣлая спѣна, прикрытая кіоскомъ на одномъ изъ угловъ ея, окружала эту зеленую кущу. То было жилище леги *Стангопъ*. Мы приблизились къ нему въ самый полдень. Жилище это не походило на то, чшбъ называюпъ домомъ въ

Европѣ, ни даже на по, что́ извѣстно подѣ эпимъ названіемъ на Воспокъ; оно предспа-вляло спранные и безпорядочное собраніе десяти или двѣнадцати домиковъ, изъ ко-прыхъ въ каждомъ было не болѣе одной или двухъ комнатъ въ нижнемъ ярусѣ, безъ оконъ, и раздѣленныхъ между собою небольшоими дворами или садиками; собраніе, видомъ со-вершено походившее на пѣ убогіе мона-спыри, которые встрѣчаются на высокихъ горахъ въ Италіи и Испаніи и принадле-жатъ нищенствующимъ духовнымъ брап-спвамъ.

По всегдашнему своему обыкновенію, леди *Стангопъ* не принимала до трехъ или чепы-рехъ часовъ по полудни. Каждому изъ насъ опвели родъ узкой и темной кельи, безъ мебели. Намъ подали завтракъ, и мы полегли на диванъ, въ ожиданіи пробужденія невидимой владѣтельница романическаго прію-па. Я заснулъ; въ три часа постучались у дверей моей комнаты, и объявили мнѣ, что леди ожидаетъ меня. Я прошелъ черезъ дворъ, черезъ садъ, сквозной кіоскъ, два или три темныхъ коридора, и наконецъ ма-ленькій Негръ, лѣтъ шести или осьми, ввелъ меня въ кабинетъ леди *Эсвири*.

Тамъ было такъ темно, что я съ пру-домъ различилъ благородныя, кропкія, вели-чеспвенныя черты особы, которая въ вос-точномъ костюмѣ, встала съ дивана и по-дошла, протягивая мнѣ руку. По виду, леди *Эсвири* около пятидесяти лѣтъ, но черты лица ея принадлежатъ къ числу пѣхъ, ко-пторыя не измѣняются съ годами; свѣжестъ, краска, миловидностъ, проходятъ вмѣстѣ съ молодостью; но когда красота заключается въ самой формѣ, въ правильности очертапій, въ достоинствѣ, величеспвенности, въ мы-сли лица мужскаго или женскаго, то красо-па измѣняется въ различныя эпохи жизни, но не проходитъ совершенно. Такова красо-па леди *Стангопъ*. На головѣ у ней былъ бѣлый шюрбанъ, на лбу шерспіаная повязка алаго цвѣта, спускавшаяся по споронамъ до самыхъ плечъ. Длинная, желпал Кашемиро-вая шаль, широкое Турецкое платье изъ бѣ-лой шелковой матеріи, съ висащими рукава-

ми, одѣвали спанъ ея, въ простыхъ и вели-чавыхъ складкахъ; а чрезъ опверспіе, оста-вавшееся въ эпои верхней одеждѣ на груди ея, видно было другое платье изъ песпрой Персидской пкани, которое доходило до шеи и заспегивалось жемчужнымъ сирафомъ. Турецкіе полусапожки изъ желпаго сафьяна, вышпаго шелкомъ, дополняли ея прекрас-ный восточный нарядъ, копорый она носила съ такою ловкостію и свободою, какъ будто бы опъ юности не знала другой одежды.

«Вы предприняли далекій путь, чтобы увидѣть опшельницу,» сказала она мнѣ: «спл-лости просимъ; я принимаю очень немно-гихъ иноземцовъ, не болѣе одного или двухъ въ годъ; но ваше письмо мнѣ понравилось, и я желала узнать челоуѣка, копорый, спакже какъ я, любитъ Бога, природу и уединеніе. Припомъ же, не знаю, что-то увѣряло ме-ня, что мы родились подѣ пріязненными планетами, и взаимно будемъ довольны эпою встрѣчею. Съ удовольспвіемъ вижу, что предчувспвіе меня не обмануло; черты ва-ши, даже одпнъ шумъ вашихъ шаговъ, когда вы шли по коридору, довольно ознакомили меня съ вами, чтобы не заспавишь раскла-ваться въ желаніи васъ видѣть. Сядимъ и поговоримъ. Мы можемъ уже щипаться друзьями.»

Ночь прошла такимъ образомъ въ разго-ворахъ, въ копорыхъ леди *Эсвири* свободно и непринужденно касалась всѣхъ предметовъ, какіе въ подобныхъ случаяхъ доставляетъ и уничтожаетъ одно слово. Я чувспвовала, что каждая спруна ея возвышеннаго и швер-даго ума издавала звукъ чистый, полный и сплнный, исключая, можетъ быть, спруны метафизической, которая опъ излишняго напряженія и уединенія, звучала фальшиво или слишкомъ высоко для понятій смерпаго. Я распался съ нею съ искреннимъ со-жалѣніемъ, копорое обязательно изъвила мнѣ и она съ своей спороны.

«Не прощаюсь съ вами;» сказала она мнѣ: «спы часто будемъ видѣться во время эпоаго спранспцованія, и еще чаще во время дру-

гихъ спранспивованій, которыхъ вы еще и не предполагаете. Подите успокоиться, и помните, что у васъ осмался другъ въ пущыняхъ Ливана.»

Она пропаянула мнѣ руку; я приложилъ свою къ сердцу, по обычаю Арабовъ, и мы распались.

Ил. Г—въ.

МЕРТВЕЦЪ - ПРОРОКЪ.

Герцогъ *Букингамъ*, достигшій до высочайшей степени славы и могущества, при всемъ умѣ своемъ и шокоспи, не умѣлъ однако избѣжать ненависти народной и зависти вельможъ, сихъ двухъ камней преткновенія для всѣхъ любимцовъ двора. За нѣсколько мѣсяцовъ до смерти его, одинъ старый дворянинъ, по имени Вильгельмъ *Паркеръ*, старинный другъ герцоговой фамилии, но жившій уже нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, въ отдаленіи отъ двора и дѣлъ общественныхъ,—сидя однажды въ своемъ кабинетѣ, среди бѣлаго дня, и будучи совершенно здоровъ тѣломъ и душою, увидѣлъ вдругъ передъ собою сира Георга *Виллерса*, отца герцога *Букингама*, дано уже умершаго. Въ первую минуту явленія, *Паркеръ* не хотѣлъ вѣривъ глазамъ своимъ, и думалъ, что волненіе въ крови его было причиною сего спраннаго призрака. Но какъ же удивился онъ — когда вславъ съ кресель, услышалъ голосъ своего друга, который просилъ его оспановиться. — Г-нъ *Паркеръ*, вы меня узнали, — сказала привидѣніе. — Я знаю, что вы любите меня и любите сына моего *Георга*. Ради Бога, спасите эшаго безумца отъ погибели, къ которой онъ добровольно спремился. Побѣжайте къ нему и скажите отъ меня, что если онъ не перемѣнитъ плановъ своихъ и поведенія, то ужаснѣйшее наказаніе гопово постигнущъ его въ самомъ коропкомъ времени, и скорѣе, можетъ быть, чѣмъ онъ думаетъ. — *Паркеръ*, немного опомнившись отъ перваго удивленія, не смѣлъ совершенно опказатъ другу въ просьбѣ его, но спарался опдѣлаться отъ исполненія оной всѣми опговорками, какія только здравый разумъ могъ внушить ему. Мерпвецъ опровергнулъ

ихъ всѣ — и заспавя *Паркера* поржественно поклясъя, что порученіе его будетъ выполнено — исчезъ какъ дымъ.

Оспавшихъ одинъ, *Паркеръ* размышлялъ о прудносныхъ своего предпріянія. Его лѣта, характеръ герцога, спранность даннаго ему порученія, — все заспавляло его боясь насмѣшки отъ *Букингама*, и названія спараго враля. — Такимъ образомъ онъ долго колебался, не зная на что рѣшиться, какъ вдругъ опять явился мерпвецъ, и на сей разъ уже съ угрозами пребоавъ исполненія просьбы своей. — Спрахъ побѣдилъ всѣ сомнѣнія *Паркера*, и онъ, посовѣтовавшись съ нѣкопорыми друзьями, рѣшился, для пользы герцога, привести къ концу сіе чудное и невѣрояпное произшествіе.

Букингамъ выслушалъ *Паркера* нимало не обидясь его сообщеніемъ, но пакъ какъ слушають человека не въ полномъ умѣ, уважая болѣзнь его и спарость лѣтъ. Обиженный *Паркеръ* возвращался къ себѣ, но лишь только вошелъ въ кабинетъ свой, какъ опять увидѣлъ тѣнь *Виллерса*. — Иди — сказалъ мерпвецъ спрашнымъ голосомъ, вынувъ изъ подъ савана обнаженный мечъ: иди, и скажи не благодарному сыну моему, что ты видѣлъ орудіе его смерти, и чтобъ безразсудный не спалъ опять обвинявъ тебя въ безуміи, по перескажи ему пайну, которую я тебѣ опкрою, и которая извѣстна одному ему. — Тупъ *Паркеръ* узналъ отъ привидѣнія одинъ изъ самыхъ сокровенныхъ плановъ *Букингама*, и ободренный симъ неоспоримымъ доказательствомъ истины, поспѣшилъ ко двору. Герцогъ сначала изумился, что *Паркеръ* зналъ пайну, сокрытую отъ цѣлой Англій, но по нѣкопоромъ размышленіи, вдругъ принялъ веселый и безпечный видъ, и съ колкою умѣшкою совѣпывалъ пророку скорѣе найпши искуснаго докпора, который бы взялся полечить мозгъ его. — Нѣсколько недѣль сряду забавлялся онъ надъ спарикомъ, называя его духовидцомъ. — «Я молю Небо о вашемъ благополучіи,» опвѣчалъ всегда *Паркеръ* печальнымъ голосомъ: «дай Богъ, чтобъ съ вами ничего не случилось.» — Въ концѣ мѣсяца герцогъ *Букингамъ* былъ убитъ *Фельтономъ*.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ АНГЛІЙСКИМЪ ОФИЦЕРОМЪ ВЪ СИЦИЛИИ.

Вопь что случилось со мною въ 1802 году, въ бытность Англійскихъ войскъ въ Сициліи. Я былъ тогда молодъ, беззаботенъ и охотникъ до удовольствій; характеръ мой не образовался еще въ школь опыта, годовъ, походовъ и спранствованій. Мнѣ было не болѣе 22 лѣтъ: чипапели позволятъ мнѣ набросить покровъ на нѣкоторыя обстоятельство моего приключенія.

5-го Февраля, въ день св. *Агаты*, есть обыкновеніе освѣщать городъ Капану и его окрестности. Блистательная ярмарка, которая начинается ввечеру, привлекаетъ множество гуляющихъ и покупателей. Повсюду встрѣчаются пышные огни, жирандоли, цвѣтныя спекла, хоры музыки подъ тѣнію деревьевъ, свѣчи, запыленные предъ образомъ Мадоны, аббаты, крестьяне, и молодые женщины, прогуливающіяся въ сумракъ. Ярмарка эта отличаетъ между прочимъ слѣдующимъ спраннымъ обычаемъ. Женщины всѣхъ званій, старыя и молодыя, дурныя и пригожія, нахлобучиваютъ на глаза капишонъ корошенькаго плаща, какой они обыкновенно носятъ, и спараясь измѣняютъ голосъ, тщательно скрывая свои лица, собираютъ дань съ кармановъ всѣхъ знакомыхъ имъ мужчинъ, которыхъ онѣ встрѣчаютъ и останавливаютъ на дорогѣ. Никто и ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ отказыватъ въ *ярмарочномъ подавнн*, какъ обыкновенно называютъ эту спранныю подавь. Спарики и скуные спараютъ убѣгать ночнаго праздника св. *Агаты*; мужья его болятся, а любовники дожидаются съ нетерпѣніемъ и хитро имъ пользуются.

Я только что прѣхалъ въ Сицилію, и все не зналъ объ этомъ обыкновеніи, когда впервые увидѣлъ веселый и блистательный праздникъ св. *Агаты*. Я оставилъ на кварширъ свой кошелекъ, впрочемъ не очень шуго набитый; эполешы мои и блестящее шитье мундира сверкали при свѣтѣ множества огней, какъ вдругъ двѣ женщины въ своихъ капишонахъ, схвативъ меня одна за

лѣвую, а другая за правую руку, потребовали подавнн въ имя св. *Агаты*. Мнѣ спало стыдно за самого себя. Осанка и поступь незнакомокъ показывали ловкость, благородство и даже богатство. Въ карманѣ у меня не было ни одного *данаро*; что мнѣ оставалось дѣлать? Я пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ въ свое оправданіе, и какъ умѣлъ, спараясь объяснилъ имъ по Италіански, что я не останусь у нихъ въ долгу долѣе запырашняго упра. Слушая меня, онѣ смѣялись, но оставались неумолимыми. Онѣ никакъ не соглашались на отсрочку, и наконецъ одна изъ нихъ сказала: «Если онъ упрямится, такъ пусть же будетъ нашимъ плѣнникомъ!»

Плѣнъ этотъ крайне изумилъ, но не испугалъ меня, и я позволилъ двумъ Сициліанкамъ вести меня сквозь толпу гуляющихъ, покупателей, музыкантовъ и танцующихъ. Пройдя такимъ образомъ всю ярмарку, мы остановились наконецъ предъ открытою коляскою, и онѣ заставили меня войти въ нее. Конечно, я бы могъ споривать у нихъ право на мою свободу, но я и не подумалъ объ этомъ. Коляска помчалась и спутницы мои, проворно накинувъ мнѣ на глаза шарфъ, снятый у себя съ шеи одною изъ нихъ, лишили меня возможности видѣть дорогу, по которой мы ѣхали. Сопропвливаясь почипалъ я безразсуднымъ, а обнаружилъ боязнь или недовѣрчивость, было бы еще глупѣе. Руки, меня удерживавшія, были нѣжны, какъ апласть, а голоса, которые такъ самовластно обвиняли меня, сладко звучали въ моихъ ушахъ. Я рѣшился предоставить себя на ихъ произволь, не зналъ, къ чему поведетъ это похищеніе, и опасаясь только одного военнаго ареста за самовольную оплучку.

Наконецъ коляска остановилась; меня изъ нее выпустили; но не прежде сняли съ глазъ моихъ повязку, какъ войдя въ великолѣпную залу, которая блистала множествомъ огней и въ которой пригтовленъ былъ ужинъ. «Вопь ваша пемница,» сказала мнѣ одна изъ незнакомокъ: «вы останетесь въ ней до пѣть поръ, пока не вознаградите насъ за прежній свой поступокъ.» Понянно, что я безъ

пруды на это согласился, и въ продолженіе двухъ недѣль, которыя промчались какъ мигъ, я не выходилъ изъ эпихъ *Армидинныхъ* черпоговъ. Пріятный разговоръ, искусства, неприпворная веселость, хорошее вино, памъ было всё, всё, кромъ свободы. Наконецъ въ одно утро, управитель дома вошелъ ко мнѣ въ комнапу, когда я еще спалъ, завязалъ мнѣ глаза, помогъ одѣться, вручилъ мнѣ два перспня, которые до сихъ поръ еще у меня сохранились, и потомъ отвезъ меня къ самымъ воротамъ города Капаны. Я скоро нашелъ дорогу къ той части города, гдѣ расположенъ былъ нашъ полкъ, и когда явился туда, то всего страннѣе показалось мнѣ, что послѣ празднои и пріятнои жизни, какую велъ я во всё продолженіе моего отсутствія изъ города, поварищи, увидѣвъ меня, удивились моему блѣдному, истощенному и болѣзненному виду.—Они были твердо увѣрены, что я попалъ въ руки къ разбойникамъ, которые взяли за меня выкупъ, испомивъ меня голодомъ, а вѣрный рассказъ о моемъ приключеніи сочли они сказкою, выдуманною мною на досугъ. Въ теченіе прехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Капанѣ, я употребилъ всё силы, чтобы отыскавъ въ окрестностяхъ слѣды моихъ невѣдомыхъ побѣдителейницъ, но всё мои старанія остались напрасными.

СТРАСТЬ КЪ ТАБАКУ И ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ МЯСУ.

Въ Гаваннѣ табакъ составляетъ одинъ изъ самыхъ необходимыхъ предметовъ. Тамощный житель скорее согласится переносить голодъ, нежели обходиться безъ табаку. Это одно изъ главнѣйшихъ пуземныхъ произведеній; прежде оно подвергнуто было той же монополіи, какая существуетъ для него въ Испаніи; но жители острова Кубы получили наконецъ позволеніе обрабатывать и вывозить его, изъ плашежа пошлины по 30 піаспровъ съ *табакуро*, и по 6 піаспровъ съ тысячи сигаръ. Потребленіе табаку въ этой странѣ чрезвычайно: священники, монахи, монахини, молодыя дѣвицы, мальчики и дѣвочки, черные и бѣлые, всё курятъ, и курятъ вездѣ, по улицамъ, на балахъ, въ

церквахъ, монастыряхъ. Красавицы и щеголихи курятъ не меньше гусаръ, хотя и съ болѣшею ловкостію. Въ Копъ-Фермѣ эта страсть къ табаку еще сильнѣе. Въ Меридѣ, Юрапумѣ, театральныя залы не покрыты и всё зрители курятъ. Тамъ показалось бы крайне неприличнымъ, если бы кто явился въ театръ, не имѣя сигары во рту. Негрипанка никуда не выходитъ безъ сигары во рту, за ухомъ, или даже въ волосахъ. Съ сигарою въ рукахъ можно остановиться перваго встрѣчнаго на улицѣ, хотя бы то былъ первокласный Испанскій грандъ, и сказать ему: *candela*; онъ тотчасъ вынимаетъ изъ рта сигару и подаетъ её; повстрѣчавшійся закуриваетъ отъ неё свою, и отходитъ съ легкимъ поклономъ.

— Недавно привезено было въ Лондонъ нѣсколько уроженцовъ дикихъ племенъ Съверной Америки. Одинъ изъ нихъ, довольно пожилой, рассказывалъ дурнымъ Французскимъ языкомъ, что нѣкогда онъ знавалъ въ Канадѣ епископа Квебекскаго. «Не можетъ быть!» возразилъ ему кто-то: «епископъ этотъ погибъ, злодѣйски умерщвленный вашими племенами.»—Говорю вамъ, что я зналъ его;—отвѣчалъ дикарь: я ѣлъ его мясо.—

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ч Е Т В Е Р Г Ъ.

(Пѣсн.)

Судьба и люди какъ нечисто
 Меня общипываютъ хопята:
 Для всехъ въ году дней слишкомъ шркса,
 А мнѣ лишь съ чѣмъ-то 50.

*

Судьба и люди надошли;
 На свой всё мѣряютъ аршинъ:
 Щитаютъ всё семь дней въ недѣль,
 А мнѣ въ недѣль день одинъ.

*

Судьбѣ и людямъ неугодно;
 Что-бъ я здѣсь былъ похожъ на всѣхъ;
 Всѣ каждый день живутъ свободно,
 А я живу—въ одинъ *четвергъ*.

*

Но мой четвергъ, какъ понедельникъ,
Спавовишся не добрымъ днемъ;
И скоро буду я опшельникъ,
Проспясь, какъ съ жизнью, съ четвергомъ.
N. N.

Нарва,
1853.

LOGOGRIPHE.

Invisible moteur de toute la nature,
Soutien miraculeux de toute créature,
Je pénètre à l'abri d'une éternelle loi,
Partout, où Dieu seul peut entrer avec moi;
Si l'on croit d'un savant la recherche exercée,
C'est moi qui suis la vie, et l'âme et la pensée!
Héritage sacré des prêtres d'Anubis,
C'est moi qui présidais aux mystères d'Isis.
Quand l'univers païen adorait les oracles,
C'était moi qui de Delphé enfantais les miracles;
Car je puis, lui versant un prestige divin,
Révérer l'avenir aux regards d'un devin,
Rassembler du présent les phases dispersées
Et le porter vivant dans les choses passées.
C'est moi qui, confondant le meilleur médecin,
Touche du doigt le mal qui grossit dans ton sein;
Que dis-je? des pays je franchis la distance,
Où l'on ne pourrait être, étendant la présence;
L'homme vole dans l'air, et plus prompt que
l'autan,
Ira lire à Stamboul les secrets du Sultan.
C'est moi dont le rapport soudain et sympathique
Mouille de pleurs les yeux de la vierge pudique,
Lorsqu'à ses sens surpris vient tout-à-coup s'offrir
L'homme que mon pouvoir la condamne à chérir.
C'est moi qui, vers le pôle, en sa course éternelle,
Guide des matelots le plus noble instrument:
J'endors, pour l'accabler, une épouse infidelle,
Et je livre au mari les bonheurs d'un amant.
Si tu veux, aussi fort que le souverain maître,

Dans un précipité décomposer mon être,
Lecteur, tu trouveras ce qui porte les fleurs;
Ce qu'on aime à revoir quand viennent les malheurs;
Le but qu'en ses travaux tout homme se propose;
Ce qui vaut la parole, ou l'aide quand on cause;
Ce qu'il faut qu'un acteur soit pour toucher et
plaire;
L'homme supérieur à l'erreur populaire;
Ce qui respire en nous; cet occulte pouvoir,
Charmant quand il est blanc, affreux quand il est noir;
Ce que craint une femme; une sottise habitude;
L'asile où les beaux arts font leur première étude;
Deux êtres habitans de l'empire des cieux;
Un animal adroit, malin, capricieux;
Ce qu'étaient les trois Rois; un beau mois de l'année;
La parure d'hiver, de blancheur couronnée;
Une bête indocile, au rauque et dur accent;
Ce que tous nos auteurs possèdent à présent;
Ce qui bien apprêté fait gloire à la cuisine;
Une ville de Naples et de Corse voisine;
Un métal de l'argent fort modeste rival;
Un fleuve chansonné qui filtre en Portugal;
Une ville de France; un général d'Espagne;
Une essence immortelle; un fleuve d'Allemagne;
Ce que devient un mois douze fois répété;
Un beau tissu de soie, avec art apprêté;
Ce qu'il faut éloigner quand le plaisir arrive;
Une mer d'amateur, qui s'encaisse en sa rive;
Ce que jette un héros au héros ennemi;
Ce que doit en tout temps pour nous être un ami;
Ce qu'au milieu des champs trouve un peintre
avec joie;
Ce qui sombre un vaisseau, s'il se brise ou se ploie,
Enfin sur l'Océan si tu vas t'engager;
Ce qui t'affranchira des suites du danger,
Et pour dire le mot qui ramène au rivage,
L'état où je me trouve au bout de cet ouvrage.

Въ No 59 мѣ, помѣщенная шарада значить: *Въ-я.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 61.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Іюля 31 дня 1835 года.

О люди! всё похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечешь;
Васъ непрестанно змій зовешъ
Къ себѣ, къ шамисивенному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АНГЛИЧАНИНЪ ВЪ РЕСТОРАЦІИ ПЕРИГОРА.

Въ то время, когда маленькой горошикъ былъ еще рѣдкостью (не знаю впрочемъ, бываетъ ли онъ когда рѣдкимъ въ Парижѣ), или лучше сказать, мѣсяца два назадъ, случилось мнѣ обѣдать въ кофейномъ домѣ *Перигора*; я былъ одинъ и потому тѣмъ не охотно, хотя самая дорогія и вкусныя блюда, казалось, собрались со всѣхъ концовъ свѣта, чпюбъ угодить прихотливому моему апетиту; и дainties *Шевста*, *Вери* и *Перигора*, всѣ рѣкы земли и моря вселенной, разспавили передо мною лучшіе дары свои.

Но увы, я былъ одинъ!—На моемъ мѣстѣ, какойнибудь децупатъ, Англичанинъ или записной обжора, забывъ свое *одинокество*, спросилъ бы порцію *на двоихъ*; но какъ я не имѣю щастія быть ни децупатомъ, ни Англичаниномъ, ни обжорою, и не шерплю бѣсѣдовавъ съ глазу на глазъ съ похлѣбкою и

бифспексомъ, хотя бы ихъ достало *на троихъ* по повпорю, что обѣдалъ очень дурно, попому что былъ одинъ. Знаете ли для чего актеры, художники, арписсты, децупаты и офицеры національной гвардіи еженедѣльно собираются обѣдать вмѣстѣ? Для того, что вокругъ роскошнаго стола мнѣнія обнаруживаются съ бѣльшею искренностію, чувства и мысли сближаются скорѣе, песни, ревности, нежели въ душевой залѣ, или около кафедры какогонибудь впиетиватаго рипора. *Души узвлеленной горестію нужны уединеніе и тишина*; говоритъ гдѣ-то *Бальзакъ*.—Согласенъ. Но признаюсь, уединеніе въ рестораціи, посреди песпрой толпы всякаго народа; пишина при говорѣ тысячи смѣшанныхъ голосовъ, при жужжаніи около васъ разныхъ опдѣльныхъ разговоровъ, несносны, особенно для того, чья душа не узвлелена и желудокъ не пущъ.

Сколько разъ, во время уединенныхъ обѣдовъ моихъ, случалось мнѣ завидовать добродушному мѣщанину, смиренному обипапелю

предмѣстія Марѣ, который каждое воскресенье опшправляется въ Пале-Рояль, заказавъ семейный обѣдъ у *Галавана*. Тамъ, за два франка съ персоны, подадутъ ему супъ, хлѣба вдоволь, чепыре любыхъ соуса, десертъ и полъ-бутылки вина. Трактирный слуга бѣгаетъ, суешится, кричитъ: *здесь сударь—и пропадаетъ. Сей часъ сударь, сію минутоу,—и заспавляетъ ждасть два часа.* Между тѣмъ, мѣщанинъ беретъ особую комнапу—располагается въ ней какъ дома—и садится за столъ съ женою и дѣтьми, работницей и нянькою. На что ему госпей, онъ весель и безъ нихъ, слѣдовательно обѣдаетъ съ добрымъ апепитомъ.

Но возвратимся въ ресторацію, гдѣ за два мѣсяца предъ симъ, желудокъ мой варилъ такъ прудно мое уединеніе, посреди множества лицъ, изъ коихъ большая часть были мнѣ совсѣмъ не понупру. Скоро однако замѣнилъ я въ числѣ ихъ одно, на которомъ глаза мои остановились съ удовольствіемъ, потому что оно представляло необыкновенную игру физиогноміи, хопя игра сія на ту минутоу происходила единственно опъ движенія челюстей. То былъ Англичанинъ. Три различныя выраженія быспро смѣнились одно за другимъ на добромъ лицѣ его, и я, наблюдая за нимъ, понялъ, что онъ уже опѣлъ супъ, бѣстексъ и жаркое. Но подавали чепвертое блюдо, и я спарался угадасть шайное побужденіе его души, какъ вдругъ милордъ избавилъ меня опъ пруда, закричавъ изо всей силы практирщику: Эй! мальчикъ,—горошку!—

Лишь только хопѣлъ я схватить бѣглое выраженіе лица его въ сію минутоу, какъ блюдо горошку исчезло передъ нимъ—какъ небывало.

—Мальчикъ, соусу съ горошкомъ!—закричалъ оплть заморской сосѣдъ мой.

Еще!!! прошепталъ я съ удивленіемъ.—Взглянулъ—но—горошку уже неспало.

—Мальчикъ, горошку!—

«Я осмѣлюсь замѣнить вамъ, милоспивый государь,» сказалъ слуга: «что блюдо горошку стоить пять франковъ.»—Сказавъ сіе, онъ

недовѣрчиво посмопрѣлъ на плохую одежду прожорливаго госпя, и мнѣ показалось, что не безъ причины напомнилъ ему о цѣнѣ блюдъ своихъ.

Мальчикъ,—соусу съ горошкомъ!—опвѣчалъ вдуно съ испинно Брипанскимъ хладнокровіемъ.

На сей разъ анпр-актъ былъ довольно продолжителенъ и я ждалъ *новой пьесы*.—Какое же было мое удивленіе, когда голосъ Брипанца еще повелительнѣе прежняго закричалъ:

—Мальчикъ, соусу съ горошкомъ!—

«Милоспивый государь, вы вѣрно не дослышали, когда я замѣнилъ вамъ, что...»

—Мальчикъ, соусу съ горошкомъ!—

Такимъ образомъ чепвертая и пятая порціи принесены, спспавлены и съдены, уже безъ всякаго замѣчанія практирщика,—и я думаю, что если бы мальчикъ осмѣлился еще разъ *замѣнить*: то упрямый Англичанинъ спросилъ бы шеспую порцію гороху.—Къ щаспію его желудка, послѣднее слово осталось за нимъ,—самолюбіе его успокоилось и онъ спросилъ карпу.—По щѣпу оказалось шеспъ франковъ, не включая шупъ горошку, который одинъ споилъ 25 франковъ. Пробѣжавъ карпу, онъ смьялъ еѣ въ рукахъ, вспалъ, подошелъ къ конпоркѣ и, не говоря ни слова, положилъ на неѣ деньги. Пригорюнясь въ углу, у конпорки споелъ знакомый намъ мальчикъ и, казалось, говорилъ глазами: *не забудьте и меня!* Краснощекій Брипанецъ взглянулъ на него и сказалъ, выходя изъ комнапы:

—Мальчикъ! я далъ бы тебѣ пять франковъ, если бы ты не надоѣлъ мнѣ своими глупыми замѣчаніями.

ЗАМАНЧИВЫЯ НАЗВАНІЯ.

Кто не читалъ насмѣшливой поэмы *Донъ-Жуанъ*, и не восхищался очаровательною картиною *Гауде*, на которой *Байронъ* сосредоточилъ споль сильный инпересъ, что кажется, будто вездѣ долженъ былъ уснѣхъ во вдохновеніяхъ, раждаемыхъ памятью о ней?

—Вопъ на! Какъ бы не пакъ!—возразилъ крестьянинъ. — Здѣшніе-по разбѣжались, а мы спережемъ пѣхъ, которые еще не ушли, чпобъ и они птягу не дали. —

«Какъ!» вскричалъ *Рихардъ*: «зѣмокъ пусть! Но развѣ леди *Салозби* изъ него выѣхала?»

—Леди *Салозби* въ эту ночь захворала; къ утру ей спало полегче, а среди дня её пакъ опять схватило, чпо она черезъ два часа умерла. —

«Что ты говоришь? Да полно правда ли это?»

—А какъ же не правда, когда я самъ её видѣлъ? лежишь такая спрашная, чпо ужестъ беретъ; вся посинѣла, глаза выкапнулись, а по пѣду всё черныя пятна съ желчиною. —

«Боже! Не чума ли это?» невольно вскричалъ *Рихардъ*.

—Да таки пакъ есть!—опвѣчалъ крестьянинъ. —Часа съ два послѣ, захворали въ зѣмкѣ еще три лакея, одинъ изъ нихъ умеръ черезъ часъ, и сдѣлался такой же спрашной, какъ миледи; вопъ всё другіе, глядя на это, пакъ перепужались, чпо давай Богъ ноги! да я, къ щасцію, не звалъ и скорѣ побѣжалъ сказать въ деревнѣ, чпобы ихъ нишо не пускалъ къ себѣ на дворъ, а по пожалуй они бы и насъ всѣхъ заразили. Теперь ные изъ нашихъ пустились за ними въ погоно, а другіе караулятъ, чпобъ оспальные не разбѣжались изъ зѣмка. —

Сіе ужасное извѣстіе, которое *Рихардъ*, пакъ сказавъ, вырвалъ по клочкамъ изъ устъ крестьянина, поразило его какъ громовымъ ударомъ. Спрахъ его усиливался, но недоумѣніе не прекращалось. Гдѣ же *Шарлота*, думалъ онъ: спаслась ли она съ другими, или оспалась въ зѣмкѣ? Въ первомъ случаѣ, гдѣ искать её? Если же она въ Лондонѣ, то какъ узнать её убѣжище?... Но чпо! если нещасная пришла въ домъ мой, и нашла его пустымъ?... И *Рихардъ* готовъ уже былъ бѣжать въ Лондонъ, какъ вдругъ мысль, чпо *Шарлота* могла быть заперта въ зѣмкѣ, одна, безъ помощи; окруженная всеми ужасами неизбежной смерти, перемѣнила его намрѣніе—

и онъ рѣшился проникнуть въ Гренгаузъ, спасти её, или по крайней мѣрѣ умереть вмѣстѣ съ нею... Но если я уже не найду её памъ? вскричалъ онъ по нѣкоторомъ размышленіи; если самага меня запрутъ съ умершими и зараженными; между пѣмъ какъ *Шарлота*, скипаясь изъ мѣста въ мѣсто, будетъ искать меня повсюду? — Чпо, если *Ральфъ*, ненавистный *Ральфъ*, узнавъ о ея побѣгѣ, найдетъ её и похититъ?... При семъ новомъ, несноснѣйшемъ сомнѣніи, кровь застывала въ жилахъ *Рихарда* и неизъяснимое бѣшенство почпи лишало его разсудка.

Нещасный *Рихардъ* перзался, и сердце сильно билось въ груди его; вдругъ въ лѣсу раздался женской голосъ, прознесшій его имя; голосъ сей выражалъ спраданіе, поску,—онъ прогалъ и раздиралъ душу; по былъ голосъ *Шарлоты*! — *Рихардъ* узналъ его, и вырвавшись у окружающихъ его поселянъ, перескочилъ черезъ ровъ, и бросился въ ограду смерти.

Онъ побѣжалъ прямо къ зѣмку—и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ входа встрѣпилъ *Шарлоту*. — *Рихардъ*! —закричала она, бросясь въ его объятія—и рыданія и слѣзы прервали слова ея. Но первое волненіе радости прошло, и ужасъ заступилъ его мѣсто.

—О *Рихардъ*, убѣжимъ!—убѣжимъ отсюда скорѣ;—говорила она, пренеща отъ спраха; и, безразсудный, упоенный мнущнымъ блаженствомъ, опвѣчалъ забывая всё: «Убѣжимъ, милая *Шарлота*, тебя ожидаетъ мамъ моя.»

—Твоя мамъ, *Рихардъ*? Твоя мамъ!... О Боже, благодарю Тебя! у меня есть приспанище! —

Они подошли ко рву—и опять свѣтъ луны блеснулъ на осприхъ копій, и пробудилъ замолчавшій спрахъ въ душѣ *Рихарда*. Но шаги ихъ были услышаны и имъ или уже на встрѣчу, чпобы не допустить выпти изъ зѣмка. *Рихардъ* хотѣлъ говорить—ему опвѣчали угрозами; просилъ, заклиналъ—ему не внимали. «Сжалъсь надъ нею,—кричалъ онъ: ей только четырнадцать лѣтъ! Она ребенокъ; прекрасный, невинный ребенокъ! Неужели вы пакъ жестоки, чпо осу-

ждаете её умереть?— Припомъ, я теперь только былъ съ вами, спало нѣтъ опасности! Пустите же насъ опсюда, и опспоронитесь; когда мы пройдемъ мимо васъ, — вамъ ничего не сдѣлается. За оградю оспалась лошадь моя,—мы сдемъ на неё и попчасъ укачемъ во весь опоръ, только позволите намъ выпши!»

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликали со всѣхъ споронъ: и не думайте объ этомъ; если вы пошевельнетесь только,—мы убьемъ васъ на мѣспѣ! —

«Но, чпобы убить насъ,» продолжалъ *Рихардъ*: «вамъ надбно подойши къ намъ, сдѣдовашельно . . . .»

— Онъ правъ, — сказалъ одинъ изъ крепспянь, попъ самый, которъ прежде говорилъ съ нимъ: но возьмемъ ружья, тогда мы можемъ убить ихъ издали; а прежде лучше ихъ прогнали опсюда вопъ эшимъ. При сихъ словахъ онъ поднялъ камень и бросилъ его въ *Шарлоту*, коей бѣлая одежда могла служить имъ цѣлью. Въ одну минупу всѣ камни мостовой засвиспали надъ ея головою, и она лишилась чувспва. *Рихардъ* взялъ её на руки, перенесъ черезъ ровъ и положилъ на каменную скамью. Онъ спарался привести её въ память, и кликалъ попихоньку; *Шарлота* не отвѣчала и лежала какъ мертвая, прижавъ крѣпко руки свои ко лбу. *Рихардъ* опнялъ ихъ опъ головы ея и спалъ опяшь звать её. Черезъ нѣсколько времени она очнулась.

— Умереть! — проговорила она вдругъ пропяжнымъ и унылымъ голосомъ: умереть! о, нѣтъ! нѣтъ! . . . *Рихардъ!* спаси меня, спаси меня, — я не хочу умереть! —

«Ты не умрешь, *Шарлота*, я спасу тебя; можешь быть у садовой спѣны нѣтъ караула, мы передземъ черезъ неё и убѣжимъ. Пойдемъ луда скорѣ! — Но ты молчишь опяшь;—ты мнѣ не отвѣчаешь!—*Шарлота!* *Шарлота!* . . . . О, говори! отвѣчай мнѣ! . . . Или ты уже не любишь меня?»

— Умереть! — повспорила *Шарлота*, — и вдругъ тяжкя рыданя; препенъ всѣхъ членовъ и ужасное мерзане и шоска, обнару-

жили смерпельную боязнь ея. *Рихардъ* изумился; онъ полагалъ въ ней душу сильную, спворенную презираеть смерть и бѣдспвля жизни, и видѣлъ, напропивъ, сколь она была слаба въ минупу опасности, и какъ легко предавалась опчальню. Но опасность — но смерть, которая её угрожала, похишивъ уже сполько жерпвъ въ глазахъ ея, не предспавлялась тогда въ обыкновенномъ ея видѣ; нѣтъ, она лвила весь ужасъ мгновеннаго разрушеня; всѣ опврапшпельныя сдѣдспвля онаго, и юная душа *Шарлоты* не могла не содрогнуться.—Смерть не еспъ только прекращене жизни нашей;—человѣкъ ищепъ въ ней врага; онъ ждетъ борьбы, съ возможноспю побѣды, и никто, не смотря на самую испыпанную неустрашимость свою, не можетъ быть равнодушнымъ къ роду смерти ему предназначенной. Спраждушій жестпкою болѣзню спосипъ мѹку шерпѣливо, попому что надѣется выдержать бой, и оспашься побѣдипелемъ; но, когда внезапный, спрашный, неумолимый недугъ, предъ коимъ безспльны и юность, и искусство, и самая воля человѣка, не знающая ни въ чемъ препоны; — когда сей таинспвенный исполнитель небснаго правосудя, подобно молни, въ одно мгновение ока поражаетъ намъ подобныхъ, и когда одинъ только часъ, измѣренный несперпимыми спраданяями, едва достапочень, чпобъ ознакомить ихъ съ мыслю о смерти, тогда не только нѣжное сердце чепырнацатилѣшняго ребенка, но самая пвердая душа, окрѣпчавшая уже въ горькихъ опысахъ жизни, не въ силахъ выдержать сего ужаснаго и неизъяснимаго зрѣлица.

Рихардъ спарался успокоить *Шарлоту*, но крики ея не утихали; наконецъ, мало по малу, силы ея испощились, она переспала рыдать и, казалось, начинала слушать, чпю онъ говорилъ ей; но едва онъ начиналъ надѣяться, чпю успѣлъ наконецъ угговорить её, какъ она вдругъ прижалась къ нему и, какъ будто пробуждалась опъ глубокаго сна, сказала едва вняшнымъ голосомъ: холодно! . . . какъ я озябла, *Рихардъ!* —

Чпю ему было дѣлать. Ночь была морозная; это было въ Генварѣ. Плащъ его оспал-

ся на сѣдлѣ; слова *Шарлоты* его сразили... Онъ говорилъ ей о надеждахъ своихъ, о средспвахъ къ побѣгу, о любви своей, а она отвѣчала пошло, что ей холодно!

«Ну, пакъ пойдемъ въ замокъ;» сказалъ онъ: «тамъ можетъ быть есть огонь.»

Шарлота опполкнула его опъ себя, вскричавъ: въ замокъ! въ замокъ!... Попомъ помолчала и тихо примолвила: умереть!...

Рихардъ не понялъ её; ему пришло на мысль, что она боялася показаться въ замкѣ вмѣстѣ съ нимъ.

«Не спрашисиь ничего,» сказалъ онъ ей: «у меня есть шпага, и никто не дерзнетъ оскорбить тебя. Пойдемъ, *Шарлота*, пойдемъ въ замокъ!»

Но *Шарлота* вскочила и опрометью бросилась къ большой дорогѣ; — онъ побѣжалъ за нею и схватилъ её; но она, спараясь съ сердцемъ вырваться изъ рукъ его, закричала часовымъ:

— Помогите!... убейте меня... я не хочу умереть.... убейте меня!...—

Жестокіе не отвѣчали, но раздался выстрѣлъ, и пуля пролетѣла мимо *Рихарда*. Онъ опять схватилъ *Шарлоту* въ свои объятія и понесъ назадъ; но онъ начиналъ изнемогать опъ усталости; холодъ ироникалъ во всѣ члены его, и невольный страхъ наполнялъ его душу; эпомъ страхъ, казалось, приспалъ къ нему опъ *Шарлоты*. Что причиною ужаснаго ея положенія? думалъ онъ; какихъ происшествій была она свидѣтельница? Но что дѣлается со мною? Не ужели во внутренности моей уже свирѣпствуетъ зараза?—Ахъ, что будетъ со мною, опкуда ждашь помощи?—Что будетъ съ *Шарлотой*, когда она останется одна въ семъ жилищѣ смерти?... Тутъ вдругъ понялъ онъ, что ему оставалось прибѣгнуть къ послѣднему и рѣшительному средству. *Шарлота* лежала на его плечѣ, полумертвая опъ страха и холода; онъ собралъ силы, взялъ её на руки, и пошелъ къ замку.—Подойдя къ оному, онъ оспановился и закричалъ, чпобы ктонибудь вышелъ къ нимъ оппуда. *Шарлота* вдругъ очнулась, приподняла голову и

посмотрѣла на него неподвижными и безумными глазами.—Онъ закричалъ громче—она разсмѣялась какимъ то спрашнымъ, задушеннымъ смѣхомъ, — и *Рихардъ* съ горести подумалъ, что уже сумасшествіе овладѣло несчастною. Онъ закричалъ еще громче—но никто не отвѣчалъ ему.

Тогда онъ угадалъ всё: *Шарлоту* върояпно оставили въ замкѣ одну, или лучше сказать, тамъ всѣ померли, кромѣ её. Въ опчаяніи, въ бѣшенствѣ, проведъ онъ рукою по лбу, чувствуя, что мысль оставляла его; потомъ крѣпко сжалъ голову свою руками, какъ будто силась удержатъ въ ней оппакъ здраваго разсудка. Однакожъ онъ мало по малу успокоился и взглянулъ на *Шарлоту*. Лицо бѣдной дѣвушки не выражало въ эту минуцу ни страха, ни негодованія, ни горькой насмѣшки; оно было спокойно, но ужасало въ спокойствіи своемъ. *Рихардъ* не перялъ бодрости; онъ вооружилъ душу свою пропивъ ополчившагося на него бѣдствія, и надѣялся, что успеетъ еще уйи съ *Шарлотой*. Надобно было имѣть много духу, чпобы надѣяться въ его положеніи.

Рихардъ обѣжалъ глазами печальный фасадъ замка; никакой признакъ жизни не оживлялъ унылыхъ стѣнъ его внутри и снаружи: вездѣ одно молчаніе и мракъ гроба. Но съ пропивуположной части зданія, въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа, по временамъ являлся и исчезалъ какой-то свѣтъ, подобный послѣднему угасающему свѣту разсудка, въ челоѣкѣ борящимся со смертію. *Рихардъ* заключилъ, что онъ происходилъ опъ огня, плѣющагося въ каминѣ, и рѣшился войти въ замокъ; но онъ не зналъ входа; *Шарлота* не въ состояніи была провести его; она едва держалась на ногахъ; да и самъ онъ изнуренъ былъ голодомъ и усталостию. Онъ чувствовалъ, что если бы сила его и доспало дойи до подѣзда, то онъ совершенно былъ бы не въ состояніи ходитъ по неизвѣстнымъ лѣстницамъ и темнымъ переходамъ, и опыскивать комнату, гдѣ свѣпился огонь. *Шарлота* была въ совершенномъ изнеможеніи; онъ посадилъ её на камень, сказалъ о своемъ намѣреніи, уго-

варивалъ её не пугаясь и подождать его путь, пока онъ сходитъ за огнемъ въ замокъ. *Шарлота* кивнула головою въ знакъ согласія; онъ крѣпко сжалъ руку ея и пошелъ.

Но лишь онъ опошелъ шаговъ съ десять опъ *Шарлоты*, какъ она вспала и пихо пошла къ дорогѣ. *Рихардъ* воропился, догналъ её, и она на сей разъ безъ сопротивленія пришла на прежнее мѣсто. Онъ упалъ къ ногамъ ея, на колѣнахъ просилъ, заклиналъ выслушать его, понять его слова и надѣяться; — онъ обнялъ её, прижалъ уста свои къ ея устамъ и спарался вывести её изъ того оцѣпененія, которое ею овладѣло. Наконецъ ему показалось, что она начала приходиться въ себя; онъ держалъ её за руку и хопѣлъ было иппи, но она примѣпя его движеніе, вспала, пошла, и опять поворопила къ большой дорогѣ.—Казалось, что непобѣдимая сила влекла её туда.

О, если бы взошло солнце, и глазамъ *Рихарда* представилось всё то, чему она была свидѣтельницею! Тогда понялъ бы онъ непреоборимое ея влеченіе бѣжать ужасовъ, потрясшихъ всю душу ея и смупившихъ ея разсудокъ; понялъ бы, для чего она съ такимъ упорствомъ пропивилась иппи съ нимъ въ замокъ и спаралась убѣжать, лишь только представлялся къ тому случай.

Рихардъ былъ въ опчаяніи; не зналъ, что дѣлать, онъ смопрѣлъ на свѣтъ въ окнѣ, копорый, казалось, начиналъ уменьшаться, и на неподвижную *Шарлоту*, копорая дрожа опъ спужи, прижалась къ груди его и пихо сказала ему: мнѣ холодно, поидемъ опсуда! —

Тысячи пропивныхъ идей смѣнялись въ головѣ *Рихарда*, и онъ перялся въ недоумѣніи. То хопѣлъ онъ прорыпъ потаенный ходъ подъ копорой нибудь изъ спѣнъ звѣринца, то драпьясь съ креспьянами, по убить себя и *Шарлоту*. Наконецъ, одна опчаянная мысль закипѣла въ головѣ его: зажечь замокъ и, пользуясь пожаромъ и общимъ смяпненіемъ, перелѣзть черезъ спѣну и сплсти *Шарлоту* и себя. Онъ предался ей со всѣмъ жаромъ воспламененнаго воображенія, забывъ о преспупленіи и о эшафонѣ, къ кое-

му оно неминуемо влекло его. Безразсудный, покушался на то уже не изъ меспи, ни даже въ надеждѣ на вѣрное спасеніе, но единственно для того, чтобы перейпи двѣ сажени проспранства, за коимъ ожидала его бездна новыхъ и неизбѣжныхъ опасностей.

(Опопганіе въ слѣд. листкѣ.)

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Недавно, одинъ Авибонскій жипель, во Франціи, оспавилъ послѣ смерти своей завѣщаніе, въ копоромъ заключается между прочимъ слѣдующая спаяпя: «Завѣщаю тому изъ нашихъ креспьянъ или земледѣльцовъ, у копорого будетъ наиболѣ живыхъ дѣпей, и если припомъ отецъ, будучи Каполическаго исповѣданія, родился въ Авибонскомъ округѣ и поспоянно проживалъ въ немъ, держа себя своими трудами,—ежегодный пенсіонъ въ двѣспи ливровъ; копорый будетъ выдаваемъ ему сполна въ первый день года, въ продолженіе шеспи лѣтъ сряду, срока, dospапочнаго для приведенія его семейства въ возможность обойтись безъ эшаго пособія; по прошествіи же шеспи лѣтъ, упомянутый пенсіонъ долженъ быть обращенъ на спаконъ же срокъ въ пользу другаго бѣднаго земледѣльца, обремененнаго многочисленнѣшимъ семействомъ; копорый, подобно первому, послѣ назначеннаго срока, переспанетъ пользоваться симъ правомъ и передаетъ его преспьему на условіяхъ, установленныхъ для перваго получаателя, и спакъ далѣе чрезъ каждыя шеспи лѣтъ. При назначеніи сего пособія, должно быть принимаемо въ соображеніе только число дѣпей законныхъ; незамужнія вдовы и дѣти ихъ имѣютъ, въ подобномъ случаѣ, право на полученіе установленного пенсіона въ продолженіе шеспи лѣтъ, щипая со дня, въ копорый началъ имъ пользоваться отецъ семейства; въ случаѣ спора между двѣхъ семействъ, обремененныхъ одинаковымъ числомъ дѣпей, должно быть предпочипаемо то, въ копоромъ будетъ наиболѣ дѣпей малолѣпныхъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ БАТЮШКОВА.

Аполлонъ Бельведерскій выше описанія *Винкельманова*; эпо на мраморъ,—богъ! Всѣ копія эпой безцѣнной статуи слабы: и поэтъ, кто не видалъ сего чуда искусства, не можетъ имѣть о немъ понятія; чшобъ восхищаться имъ, не надобно имѣть глубокія свѣдѣнія въ искусствахъ: надобно чувствоваться! Спранное дѣло! Я видѣлъ проспыхъ солдатъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на *Аполлона*;—такова сила генія!

*

Неаполь.... Какая земля! Вѣрше, она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ испорію, природу и поэзію; для того даже, кто жаждетъ къ грубымъ, чувственнымъ наслажденіямъ, земля сія—рай земной.

*

Неаполь.... Умъ, пребующій пищи въ наслоящемъ, умъ дѣяпелный, здѣсь скоро завянетъ и погибнетъ. Сердце, живущее дружбой, замретъ. Общество бесплодно, пусто. Найдете дома такіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ; но живоспи, любезности Французской, не пребуите. Едва, едва найдешъ человека, съ копорымъ обмѣняешь мысли. Опъ Европы мы отдѣлены морями и спѣною Кипайскою. Госпожа *Сталь* сказала справедливо, что въ Террагинѣ кончипся Европа.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М Е Ч Т А Н І Е.

Волга, съ шумною волною,
Всѣ мечты ны унеси,
Съ сердца, полного поскою,
Все бывое испреби!

Волга, я неблагодарный,
Чѣмъ шебъ-бъ я заплашилъ?
Я бы съ радостью, коварный,
Ошь береговъ своихъ опшлмлъ.

На земль отчизны милой,
Я-бъ Творца благословилъ!
Край чужой, душъ пошмой,
И все горе позабылъ.

Сладко мнѣ соединенье
Съ милой родиной моею;
Умолю-ль я Провидѣнье,
Умереть въ спранѣ швоей?

П. Уваровъ.

Астрахань.

15-го Мая 1835 года.

О М О Н И М Ъ.

Слиша изъ серебра, огромнѣ спакапа,
Во мнѣ покаловъ пары шри;
Я внѣ съ узорами спаривнаго чекана
И позодочена ввупри;
Я съ вензелями,
Я и съ гербами.

Когда-жъ я изъ пряпья искусствомъ создаа,
Во мнѣ почпи пашъ сошь листовъ бумаги.
У человека я шагаю чрезъ овраги
И обжожу весь Свѣтъ,
Въ грязи и на песокъ свой ошавляю слѣдъ.

Въ No 60-мъ, помѣщенный логгрифъ значипъ: *Magnétisme*, въ космъ заключается: *tige, ami, gain, geste, gîte, malin, mine, sage, sein, magie, âge, manie, estaminet, ange, saint, singe, mages, mai, neige, âne, génie, mets, Génes, étain, Tige, Nimes, Mina, âme, Mein, an, satin, mines, étang, gant, aimé, site, mât, aimant и mat.*

ОБЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ МОДЪ.

Pl. No 22. Capote de gros de Naples et chapeau de paille de suisse.—Robes de mousseline.—Canezous de mousseline brodée.

Карш. No 22. Гро-дѣ-Наплевый капотъ и соломённая шляпка.—Кисейныя плашья.—Канзу изъ вышпшой кисей.

№ 99^a Мунис. Типо. К^о П. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
П Я Т Ы Й   Г О Д Ъ .
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 62.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 3 дня 1835 года.

Когда изъ гвардіи, иные ошь двора
Въ Москву на время пріѣзжали:
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА ТРУПА.

(*Окончаніе*).

Между тѣмъ наступала глубокая ночь и *Шарлота* плакала какъ дитя, повторяя: мнѣ холодно, уйдемъ отсюда, я озлбла!

Рихардъ не могъ ни веспи еѣ съ собою, ни неспи на рукахъ, ни оставишь одну на свободѣ.—Подумавъ, онъ снялъ съ себя шелковый шарфъ свой, подвелъ еѣ къ дереву, и крѣпко привязалъ къ нему. *Шарлота* почувспвовавъ себя связанною, начала бишься, кричащъ и спугащъся лбомъ о дерево, царапая о вѣтви руки свои, которыя она силмлась высвободити. Жалоспъ заставила было *Рихарда* воропитишься и опвзавъ еѣ,—но онъ опомнился и побѣжалъ омиъ неѣ опромешью.

Приближаясь къ замку, онъ слышалъ вопли бѣдной *Шарлоты*, и чпобы скорѣе опъ нихъ удалишься, удвоилъ бѣгъ свой, говоря *самому себѣ*, чпо одно желаніе спаспи еѣ, заставляло его поступишь въ нею съ такою жестоко-

спію. Крикъ ея умножался, но онъ бѣжалъ скорѣе, скорѣе, и наконецъ достигъ до главнаго входа, не слыша уже болѣе ничего. Тогда неизъяснимая поска овладѣла душею его, и сердце его обмилось кровію. Чпо значило, чпо *Шарлота* замолчала? Не умерла ли она, или кпо нибудь не пришелъ ли на ея вопли? Чпо же ему дѣлать?—воропишься?—бѣжащъ къ ней? или прежде, во чпо бы по ни спало, пріискащъ ей убѣжище?—*Рихардъ* остановился въ размышленіи, и эпа минуша внутренней борьбы была для него одна изъ тѣхъ ужасныхъ минушь, которыя заключаюпъ въ себѣ цѣлый годъ нестерпимаго спраданія. Подумавъ нѣсколько, онъ рѣшился наконецъ опыскащъ ту комнату, изъ которой видѣнъ былъ огонь.

Обнаживъ шпагу, *Рихардъ* идетъ во внутренность зданія, и входитъ въ огромныя сѣни, гдѣ темнота была такъ велика, чпо онъ принужденъ былъ ощупывать шпагою предметы. Вдругъ нога его спомкнулась о чпо-то твердое, чего онъ не могъ осязавъ прежде шпагою, которую несъ передъ собою не опуская; эпо была первая ступень

лѣспницы, которая вѣроятно веда въ комнату, изъ коей свѣспился огонь. Онъ идетъ по ней, подымается выше, выше, и опять оспанавливается.—Шпага уперлась о какое-то пѣло, занявшее массою своею цѣлую ступень; онъ пробуеетъ его шпагою, но не можетъ угадать ни свойства, ни величины его; наноситъ нѣсколько ударовъ, но они не опадаютъ; наклоняется — прогаеетъ — и что жъ? Это былъ человѣческій пруть, брошенный поперегъ лѣспницы. *Рихардъ* чуть усполяетъ на ногахъ. Посреди мрака, его окружающаго, блеснули чьи-то яркіе глаза, раздались какіе-то пляжкіе глухіе споны! — О, какъ радостно было бы для него въ сію минуту слышать даже раздрающіе вопли *Шарлоты!* Какъ сладостенъ показался бы голосъ суди, читающій смертный приговоръ его — или самое объявленіе близкой казни изъ устъ гнуснаго палача! — Но нѣтъ! вездѣ одинъ мракъ — одна тишина и страшное молчаніе!

Рихардъ былъ однако одаренъ отъ природы тою твердою неуспрашимостію, которая успутивъ на минуту внезапности, мгновенно возвращается опять, — и подобно стали, принимаетъ прежнюю свою упругость. — Оправясь отъ перваго невольнаго смущенія, онъ продолжаетъ всходить по страшнѣйшей лѣспницѣ, и достигаетъ до перваго этажа, гдѣ находитъ всѣ двери распоренными настежь. Пройдя нѣсколько комнатъ, озаренныхъ тѣмъ пусклымъ и неопредѣленнымъ мерцаніемъ, который въ глухую полночь скользитъ сквозь густоту мрака, онъ идетъ чрезъ длинныя галереи, гдѣ шаги его глухо опадаютъ, какъ спукъ молота на крышкѣ пустаго гроба. Наконецъ вдали, сквозь щель запоренной двери, показался едва примѣпный свѣспъ; *Рихардъ* бросается туда, разламываетъ дверь, и видитъ обширную залу, въ концѣ коей возвышается огромный каминъ, гдѣ догораютъ остатки почти уже погасшаго уголья.

Войдя въ комнату, *Рихардъ* окинулъ еѣ глазами, и при слабѣмъ свѣспѣ камина, примѣпилъ великолѣпное убранство ея. — Тамъ и сямъ разспавлены были богатыя кресла; по угламъ стояли высокіе шкапы изъ доро-

гаго дерева, съ блестящими бронзовыми выкладками, а у спѣны, на небольшомъ возвышеніи, пышная кровать съ длинными шпифными занавѣсами, висѣвшими отъ потолка, и позолоченнымъ балдахинѣмъ.

Рихардъ подошелъ къ камину и искалъ около него нѣсколько оставшихся дровъ, но тщетно. Последняя искра догравшаго огня дрожала на полу-испльвшемъ поленьѣ; но она могла погаснуть въ ту же минуту, и *Рихардъ* боялся остаться опять въ совершенной темнотѣ, и потерявъ последнюю надежду. Возлѣ него стоялъ прекрасно выпоченный дубовый столѣкъ; онъ пытался разломать его, но не имѣя на то довольно силы, взялъ и положилъ въ каминъ на угли. Потомъ нашелъ онъ пряслицу, разломалъ еѣ, сорвалъ одну изъ гардинъ, схватилъ нѣсколько плащевъ, разложенныхъ по стульямъ, и все вмѣстѣ бросилъ туда же. Но пламя, потерявшее уже рьяность свою, трудно разгоралось. — *Рихардъ* нагнулся къ камину, спалъ раздувать огонь, но всѣ струды его были тщетны.

Рихардъ остановился и съ горестію спросилъ самого себя, не напрасно ли онъ испощалъ всѣ силы свои, тогда какъ все около его казалось вспавало на его погибель? — Но твердость души его вспоржествовала и въ семъ случаѣ. — Не предаваясь малодушному опчальнію, онъ собираетъ нѣсколько горячихъ угольевъ, раздуваетъ ихъ опять съ какимъ-то дикимъ оспервѣненіемъ, и наконецъ успваетъ произвести небольшой огонь. Не медля бросаетъ онъ туда доску шелковой матеріи. О радость! она горитъ — и съ нею разгарается надежда въ сердцѣ *Рихарда*. Ободренный, почти воскресшій, онъ бросаетъ въ каминъ все, что попадаетъ ему на глаза, и пламя вспыхнуло, заблестало и скоро озарило всю комнату яркимъ свѣспомъ. *Рихардъ* думаетъ только о томъ, чтобы подержать огонь, столь трудно имъ добытый.

Примѣпивъ, что шелковая матерія загоралась скорѣе всего, онъ идетъ къ кровати, срываетъ занавѣсъ, покрывало, и — видитъ окостенѣлый пруть!... Онъ задрожалъ... Въ семъ ужасномъ жилищѣ смерть вспрѣ-

чалась на каждомъ шагу, и наполняла даже самый воздухъ! Въ ярости, въ изступленіи, онъ клянется побѣдить всѣ препятствія, и довершивъ начатое,—клянется спасти *Шарлоту*, привести её въ эту комнату, опогрѣть у огня, отдаливъ опъ глазъ ея всѣ отвратительныя слѣдствія разрушенія, и назавтра успокоить, окруживъ её своимъ попеченіемъ, своею любовью и засавивъ её жить вопреки ея самой, вопреки смерти и проклятія небеснаго, обрушившагося на домъ сей. Я такъ хочу—и такъ будетъ!—вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, и при сихъ словахъ, схватилъ пруть, и хотѣлъ выбросить его изъ комнаты.

О ужасъ! Лишь только дотронулся онъ руками до сего холоднаго, оцѣпенѣлаго пѣла, какъ вдругъ оно запрепело! Лицо задергалось, вѣки спали попеременно открываться и закрываться, какъ будто искавъ и боясь свѣта; — губы зашевелились, длинные волосы рассыпались по плечамъ; красные, полные крови глаза, спрашно завертѣлись въ кругахъ своихъ, и вдругъ ужасный пруть приподнялся, хотя ни одинъ вздохъ, никакой спонъ, не оказали въ немъ присутствія жизни.

Наконецъ поднялась рука — изсохшая, состарѣвшаяся, и кисть ея схватила плечо *Рихарда*.—Вцѣпясь въ него ногтями, она съ непонятною силою шатила его, и *Рихардъ*, безчувственный, окаменѣлый, невольно уступалъ сему спрашному влеченію.—Вдругъ голова прупа сближается съ его головою; *Рихардъ* вглядывается—узнаетъ—вскрикиваетъ, и въ безпамятствѣ бросается вопъ изъ комнаты.—Онъ узналъ леди *Саловби*, мать *Ральфову*!

Не думая ни о чемъ, кромѣ спрашнаго прупа, имъ видѣннаго, кромѣ этой руки, которал шинула его съ такою судорожною силою,—*Рихардъ* лепѣлъ черезъ залы, комнаты, лѣсницы, дворы, не помня, что *Шарлота* умирала безъ помощи. Въ спрахъ, въ сумасшесствіи, онъ бѣжитъ къ большой дорогъ, гдѣ ожидаетъ его вѣрная смерть; но онъ забылъ всё;—онъ бѣжитъ не смотря по сторонамъ, бѣжитъ не оглядываясь.

Уже онъ достигъ цѣвника, опдѣлявшаго замокъ опъ парка, при входѣ котораго оставилъ *Шарлоту*; уже находился опъ неё въ равномъ распояніи съ замкомъ, какъ вдругъ сполкнулся съ кѣмъ-то—и опспунилъ назадъ при его приближеніи.

—А! наконецъ это *Рихардъ*!—раздался знакомый голосъ.

«А! наконецъ это *Ральфъ*!» отвѣчалъ грозный голосъ *Рихарда*.

И оба оспановились,—оба вскрикнули опъ радости,—оба выхватили шпаги.

Ральфъ только что прѣхалъ въ Гретгаузъ, получа извѣстіе о томъ, что пать происходило, и узналъ, что кто-то входилъ въ замокъ и вышелъ оптуда съ молодою дѣвушкою.—Презирая опасностію не менѣ какъ и соперникъ его, онъ вошелъ въ ограду, и намѣревался иппи во внутренностъ зданія, когда встрѣтился съ *Рихардомъ*.

Дикіе крики ихъ, ярость, съ которою они выхватили шпаги свои, все засавляло полагать, что они въ одно мгновение ока бросятся другъ на друга и изрубятъ одинъ другаго въ куски.

Однакожь нѣтъ! Сии непримиримые и смерпельные враги, изъ коихъ каждый полагалъ цѣлью жизни своей погибель другаго, слишкомъ дорого цѣнили адское наслажденіе мести, чтобы потчасъ и безъ всякаго размышленія умертвить другъ друга. Нѣтъ, въ рѣшительный часъ мценія, они медлили, какъ медлилъ невѣста, которая предъ произнесеніемъ поржесственной клятвы, ищелъ минушнаго уединенія; какъ преслушникъ, посвящающій размышленію послѣднія минушы жизни;—какъ всѣ тѣ, кои приспунаютъ къ важному дѣлу или ожидають какого нибудь великаго событія. *Ральфъ* и *Рихардъ* не колебались въ намѣреніи своемъ; они рѣшились, но оспались на минушу въ бездѣйствіи, дабы болѣе упиться ненавистію, и заранѣе вкусить всё блаженство будущей побѣды.

Заключенные такъ сказавъ въ одной пемницѣ, и бывъ совершенно во власни одинъ другаго, они знали, что всюду найдутъ другъ друга, и потому презирали ненужною

поспѣшностію. Молча, спокойно споялъ врагъ прошивъ врага, и оба, казалось, наслаждались взаимнымъ присуществіемъ. Спусти нѣсколь-ко минулъ они заговорили.

— Наконецъ!!! — сказалъ *Ральфъ* съ адскою радостию.

«Да, наконецъ!!!» отвѣчалъ *Рихардъ* такимъ же голосомъ.

И оба замолчали, продолжая опять сморщивъ другъ на друга.—*Ральфъ* споялъ положи одну ногу на другую, и съ видомъ совершенной безпечности опирался на шпагу.—Знаешь ли, *Рихардъ*, новость?—сказалъ онъ наконецъ спокойнымъ, равнодушнымъ голосомъ, дабы пѣмъ болѣе еще усилить жестокость словъ своихъ.—Знаешь ли ты, что пвоя мать перемѣнила мѣсто свиданія, по бою ей назначенное, и не будетъ уже ждаться тебя на поворотѣ большой дороги, вправо отъ замка?—

«Нѣтъ, я эшаго не знаю;» отвѣчалъ *Рихардъ* съ такимъ же холоднымъ и презрительнымъ видомъ: «но скажи, куда я долженъ явиться, и я не премину быть тамъ.— Ты знаешь, *Ральфъ*, что я никогда не опаздываю на мѣсто свиданія, хотя бы оно было подъ Тибурнскою висѣлицею.»

—Вѣрю!—О! на это свиданіе ты придешь непременно, и я укажу тебѣ дорогу,—сказалъ *Ральфъ* разспановочно, чтобы придать пѣмъ болѣе вѣса словамъ своимъ.

«Гдѣ же назначено это свиданіе, *Ральфъ*?» спросилъ *Рихардъ*, предвидя отвѣтъ. «И я вѣрю тебѣ; вѣрю, что ты укажешь мнѣ дорогу, и даже,» прибавилъ онъ уже менѣе спокойнымъ голосомъ: «будешь тамъ прежде меня.»

Минушное молчаніе послѣдовало за симиъ. *Рихардъ* думалъ о словахъ *Ральфа*, припоминалъ разныя ужасныя предвѣщанія, и слеза капнула изъ глазъ его. Онъ посмопирѣлъ на *Ральфа* и продолжалъ:

«Знаешь ли также и то, что касается до тебя, *Ральфъ*?»

—Знаю,—отвѣчалъ *Ральфъ* хладнокровно.

«А! такъ ты знаешь, что я вошелъ вчера въ замокъ, и что меня ты ведѣлъ умерщ-

вить?» продолжалъ *Рихардъ* съ злобною усмѣшкою.

—Знаю,—спокойно возразилъ *Салозби*.

«Но знаешь ли, что я видѣлъ тамъ *Шарлоту*, предметъ любви пвоеей, цѣль всѣхъ пвоихъ надеждъ, жизнь пвоей жизни?...» сказалъ *Рихардъ*, говоря медленно и какъ будто вонзая каждое слово въ сердце *Ральфа*.

—Знаю,—отвѣчалъ онъ съ удивительнымъ самообладаніемъ.

«Но знаешь ли ты, что та, которая плапипъ за любовь пвою презрѣніемъ и ненавистію, бросилась въ мои объятія и принадлежитъ пеперь мнѣ, не только душою, но всѣмъ существомъ своимъ?» вскричалъ *Рихардъ* съ испусленіемъ злобы и адской радости.

—Лжешь! лжешь! — закричалъ *Ральфъ* поблѣднѣвъ и дрожа отъ ярости.

«Знаешь ли, что она ждетъ меня, чтобы уйши отсюда вмѣстѣ со мною?... Что когда эпопъ кинжалъ пронзилъ пвое сердце, мы удалимся, *Ральфъ*, и будемъ жить; а прупъ пвой останется здѣсь на сѣденіе хищнымъ звѣрямъ и плошоднымъ ппичамъ?»

—Гдѣ бы она не ждала тебя,—возразилъ *Ральфъ*, поблѣдивъ опять самого себя и съ улыбкою поднявъ вверхъ шпагу:—всѣ она спойпъ за эшимъ кинжаломъ—и эпопъ кинжалъ для тебя неприступная ограда!—

«Подожди!» сказалъ *Рихардъ* съ презрѣніемъ, сдѣлавъ рукою знакъ, чтобы онъ имѣлъ терпѣніе и опуслилъ шпагу. «Подожди одну минуту!»

—Подожду! — возразилъ *Ральфъ*, подражая голосу его и движенію.—Ты не знаешь еще, что пвоя мать проклала тебя на смерпномъ одрѣ своемъ, и поручила мнѣ сообщить тебѣ послѣднее свое прощаніе. Оно вошь здѣсь, подъ моею одеждою;—оно лежитъ на груди моей.—

«Я прочту его,» отвѣчалъ *Рихардъ*. «Но ты конечно не знаешь, что тебя обманули, когда ты шелъ сюда, и не сказали, что пвоя мать жива и тебя ожидаетъ?»

—Какъ!—вскричалъ *Ральфъ*: я увижу её!—

Въ сію минушу спранный свѣтъ озарилъ мѣсто, гдѣ находились враги. Надобно знать, что цвѣтникъ, опдѣлявшій замкъ отъ лѣса, пресѣкался алеєю, которая вела туда и сюда. Такимъ образомъ, что *Рихардъ*, пришедшій изъ замка, стоялъ къ нему спиною, а *Ральфъ* лицомъ, слѣдовательно онъ первый увидѣлъ огонь, ярко свѣтившійся во всѣхъ окнахъ.

— Это пожаръ!—невольно вскричалъ онъ.

«Да;» отвѣчалъ *Рихардъ*, посмопрѣвъ въ ту сторону и узнавъ комнату, въ которой онъ расположилъ каминъ. «Это пожаръ; и пвоя мапъ лежишь безсильная и недвижимая въ комнату, которая загорѣлась.»

Ральфъ запрепепалъ отъ бѣшенства, и собравъ силы, хопѣлъ броситься на *Рихарда*.

— Пуспи, пуспи!—закричалъ онъ ему.

«Не пройдешь!» отвѣчалъ *Рихардъ*.

Ральфъ подбѣжалъ къ нему; но вдругъ раздались въ лѣсу пронзительные вопли, и онъ оспановился. «Огня! огня!» кричалъ кто-то раздрающимъ голосомъ.

«Огня! или я умираю!»

— Ты меня обмануль; мапъ моя здѣсь, она зоветъ меня! слышишь ли?—сказалъ *Ральфъ*.

«Нѣтъ, это голосъ *Шарлоты*; она ждетъ меня. Пуспи, пуспи!»

— Не пройдешь!—отвѣчалъ *Ральфъ* въ свою очередь.

«Но мапъ пвоя умираетъ,» сказалъ *Рихардъ*: «видишь ли?»

— Твоя невѣспа умираетъ, слышишь ли?—возразилъ *Ральфъ*.

«Что-жь, идешь ли ты?» спросилъ одинъ.

— А ты идешь ли?—спросилъ другой.

Оба могли бѣжать и спаспи ихъ, но оспавались на мѣстѣ; наконецъ они сразились, съ изспупленіемъ бѣшенства, съ яростію глубокой ненависти, но безъ слѣдой запальчивости, со всѣмъ благоразуміемъ, со всею хипросстію опытныхъ враговъ, обладающихъ

искусствомъ вредить сопернику и отводить удары, имъ наносимые.

Уже пожаръ распространялся, и окна залы, гдѣ прежде загорѣлось, посыпались въ дребезги... Вдругъ кровавое зарево, освѣщавшее всѣ предметы, озарило новую, ужасную картину. — Изъ комнаты замка вырвалось спрашное привидѣніе и съ воемъ кинулось на терасу, между тѣмъ, какъ внѣ онаго, при входѣ въ обширный звѣринецъ, молодая женщина, привязанная къ дереву, билась изо всей силы, чтобы отъ него опрваться и наполнила воздухъ пронзительными воплями.

— Подожди, мапушка!—закричалъ *Ральфъ*, нанося тяжелый ударъ сопернику.

«Подожди, *Шарлота!*» кричалъ *Рихардъ*, плапая за ударъ равнымъ за ударомъ.

И оба, уже раненные, опспутили назадъ, и при ослѣпительномъ свѣтѣ пожара смопрѣли другъ на друга, скрежеща зубами и пожирая взглядомъ одинъ другаго.

«Пожаръ усиливается!» сказалъ *Рихардъ*: «слышишь ли вопли мапери?»

— *Шарлота* ждетъ тебя! — возразилъ *Ральфъ*: слышишь ли спенанія пвоей невѣспы? —

Они сразились опять, съ бѣльшею рѣшимостію, съ бѣльшимъ бѣшенствомъ.—Шпаги пересѣкаясь, спрашно блиспали при свѣтѣ зарева, между тѣмъ какъ вопли несчастной мапери *Ральфа* и вопли бѣдной *Шарлоты* не умолкали. Наконецъ, кровь хлынула ручьями, и враги, обагренные ею и покрытые ранами, спѣшили уже пеперь убить одинъ другаго.

Они не говорили ни слова, но спенали отъ ярости. Мало по малу силы ихъ испощились, удары ослабѣли, и руки едва уже наносили новыя раны, но души ихъ все еще пылали мщеніемъ. На другой споронѣ сей ужасной картины являлась та же постешенность. Вопли леди *Саловби* упили и смѣнились глухими спонами,—а изъ груди *Шарлоты* вырвались однѣ слабыя рыданія. Наконецъ *Ральфъ* заверпѣлся на одномъ мѣстѣ, и палъ мерпвый. *Рихардъ* захохоталъ смѣхомъ шоржеспва и радости, но въ ту же мину-

пу самъ упалъ безъ жизни въ кровь свою, смѣшанную съ кровью соперника. — Въ это самое время, леди *Салюзи*, наспигнутая пламенемъ, покатилась съ терасы въ огненное жерло, — и *Шарлота*, несчастная *Шарлота*, всё ещё привязанная къ дереву, которое изгрызла она зубами, склонилась до половины къ землѣ, подобно переломившемуся спелбю цвѣтка, и охладѣла вѣчнымъ хладомъ смерти. — Всё зашихло въ замкѣ и его окрестностяхъ: одинъ пожаръ царствовалъ тамъ всю ночь, посреди всеобщаго молчанія.

Одинъ онъ въ тишинѣ ночной распроспраивалъ по темному небу кровавый опсвѣтъ свой, и эхо далеко разносило гулъ кипящаго его жерла. Жители селенія собрались вокругъ замка, забывъ о спражѣ, спсавленной ими за спѣнами его. — Она была не нужна. — Никто не вышелъ изъ ограды.

Долго спустя послѣ сего, два путешественника посѣтили однажды печальныя стѣны Греггауза, куда съ тѣхъ поръ никто уже не входилъ. — У одного изъ древнихъ дубовъ звѣринца нашли они изсохшій скелетъ молодой женщины, — а въ алеѣ, ведущей къ подъѣзду замка, смершныя, обезображенные останки двухъ человекъ, содѣлавшіеся уже добычею хищныхъ врановъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ СЪ БАЛА.

Г-жа *T** была одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ цѣломъ Парижѣ. Большіе голубые глаза, черные волосы, улыбка, опъ которой пришелъ бы въ восторгъ самый упрямый ненавистникъ женщинъ, и множество другихъ природныхъ средствъ плѣнять и правились, заснаивали её до безумія любить праздники, балы, гулянья, наряды, цвѣты, алмазы и всё прочія обольстительныя пособія женской красоты и щеславія. И въ самомъ дѣлѣ, одинъ только сильный припадокъ мигрени или холодной разсудительности могъ побудить её отказатьсь опъ удовольствія торжесествовать въ гостиныхъ. Въ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ вечеровъ, когда сильнѣе господствуетъ охота къ свѣтскимъ забавамъ, случилось, что ни мигрень, ни раз-

судительность не охладили въ г-жѣ *T** готовности веселиться, и что по какому-то особенному расположенію, ей вздумалось побывать на всѣхъ прехъ балахъ, на которые приглашали её въ помѣ вечеръ. Единственное затрудненіе состояло въ томъ, какъ обмануть бдительность мужа, по мнѣнію котораго для двадцатипятилетней женщины доспаочно было одного рода удовольствій, и который по этому не соглашался ѣхать на всѣ при бала. Такимъ образомъ, чтобы достигнуть цѣли, по неволѣ должно было прибѣгнуть къ хитростямъ, не совсѣмъ позволительнымъ. Послѣ долгаго размышленія, самымъ благоразумнымъ изъ нихъ признано было возвратиться съ перваго бала вмѣстѣ съ брызгливцемъ-мужемъ, и дождавшись, чтобы онъ укуталъ голову плапкомъ, съ нѣжностью поцѣловать его въ лобъ и пожелать пріятнаго сна; помомъ съспь украдкою въ наёмную карету, и ѣхать на второй балъ, гдѣ назначено было свиданіе съ одною пріятельницею.

Всѣ мѣры, принятыя къ исполненію этого плана, были совершенно успѣшны; даже слуги не могли подозрѣвать хитрости, потому что, для избѣжанія непріятной доверенности, заранѣе поручено было незнакомому комиссіонеру нанять карету, которая съ двухъ часовъ ночи должна была ждать у воротъ дома г-жи *T**.

Платье изъ розоваго газа, драпированное блондами, которыя придерживались алмазными аграфами; гирланда изъ розъ, блѣдныхъ и шуманныхъ, какъ будто бы онѣ были подернуты упреннею рососою, и тѣмъ еще болѣе согласовавшихся съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, которому онѣ служили украшеніемъ; на лбу, сверхъ этихъ розъ, бриліантовое перо, которое сверкало между черными локонами и горделиво колебалось опъ легкихъ движеній головы: вопъ костюмъ, выбранный г-жею *T** для этой возмущительной ночи, и составлявшій такое очаровательное цѣлое; что г-нъ *T**, послѣ короткаго присутствія на балѣ, не могъ устоять противъ желанія подойти къ женѣ своей и сказать ей тихонько, съ необыкновенною нѣжностью

во взорахъ: «Какъ ты мила, мой ангелъ, и какъ я боюсь, что тебѣ опчальные прыгуны не дадутъ отдохнуть и измучатъ тебя.»

Выпреница не хотѣла оцѣнить эпою нѣжной внимательности, и если она не воспривилась предположенію ѣхать домой; если мужъ ея, изумленный такою неожиданнымъ покорностию, былъ обрадованъ ею въ душѣ; если, съ рѣдкою заботливостию, г-жа Т* сама занялась приготовленіемъ почнаго шуа-лета своего мужа, и уходя изъ его комнаты, безъ досады слышала, какъ онъ благодарилъ Бога за свое щастіе;—по все это сдѣлано потому только, что въ глубинѣ ея сердца скрывалась радостная тайна.

И тайна эта разрѣшилась, когда ямская карета быстро помчала г-жу Т* на балъ, гдѣ падѣялась она встрѣпить свою пріятельницу. Какимъ блистательнымъ, какимъ веселымъ и одушевленнымъ показался ей эпошъ праздникъ въ сравненіи съ предшествовавшимъ! Какъ искренно находила она и музыку его сладкогласнѣе, и разговоры занимательнѣе, и наряды прекраснѣе тѣхъ, которые она видѣла на первомъ балѣ! Какое непритворное удовольствіе просвѣчивало въ прелестныхъ глазахъ ея, оживляло ея очаровательную улыбку и выражалось во всѣхъ чертахъ ея! Но отъ чего одна и та же причина раждала столь различныя ощущенія? Отъ чего такая радость, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, которыя незадолго находила она столь упомпительными и скучными?—И разрѣшеніе эпой задачи не заключается ли въ прихоти эпой женщины, которая, принимаясь за стаканъ съ водою, жалѣла, что ей не запрещали его выпить, отъ чего вода казалась ей безвкусною?

Но когда и претій балъ пришелъ къ концу, и когда г-жа Т*, по какому-то инстинкту, который никогда не обманываетъ женщинъ въ подобныхъ случаяхъ, почувствовала, что время ѣхать, что нарядъ ея терлеть свою свѣжесть и блескъ прекрасныхъ глазъ тускнѣетъ; когда она почувствовала, что успа ея, поблекшій отъ усталости, лишается того влажнаго румянца, отъ котораго они казались столь прекрасными, и пылъ зампѣваетъ лоскъ черныхъ волосъ ея,—

погда она безъ сожалѣнія оставила балъ; по въ ту же пору впервые почувствовала неосторожность своего присупствія, тамъ, гдѣ она могла бытъ замѣчена нѣкоторыми изъ своихъ знакомыхъ. Скоро мысль эта развилась передъ нею со всеми своими послѣдствіями; ея упомненное воображеніе не противупоставляло никакого оправданія тому безпокойству, которое овладѣло ею, и она почти съ угрызеніями въ сердцѣ бросилась въ карету, ожидавшую её у подъѣзда.

Тревожное состояніе духа было причиною, что не прежде, какъ минулъ черезъ десять послѣ отъѣзда, замѣтила она подлѣ себя, въ противуположномъ углу кареты, молодого человека пріятной наружности и щегольски одѣтаго.

Тутъ разомъ представилась ей опасность ея положенія. Трещащая при мысли о легкомысленности своего поступка, испуганнымъ и вмѣстѣ спрогпмъ голосомъ сказала она: «За чѣмъ вы здѣсь, сударь? Какая дерзость!...»

— Согласенъ, — возразилъ незнакомецъ съ удивительно самоувѣренностию: большая дерзость, большое желаніе успѣха, но вмѣстѣ рѣдкая смѣлость предпріятія и важная выгода въ случаѣ удачи.—

«Эпо ужасно!...» продолжала г-жа Т* со страхомъ: «Сдѣлайте милость, оставьте меня, выйдите, я васъ прошу объ эпомъ, я вамъ приказываю... Я позову людей моихъ.»

— Эпо будетъ бесполезно, сударыня, — хладнокровно отвѣчалъ смѣлый незнакомецъ: вашихъ людей замѣняютъ мои, и они васъ не послушаются.—

«Гдѣ же я? Какая низость!» вскричала г-жа Т*, и слезы брызнули изъ глазъ ея: «О, какъ жестоко я наказана!»

— Да, сударыня, эпо правда, вы будете наказаны за то, что въ продолженіе цѣлой ночи были такъ любезны, прекрасны и очаровательны, безъ согласія вашего мужа. Однакожь онъ эпого не узнаетъ; онъ спитъ теперь сномъ праведника, въ полной увѣренности, что и вы также почиваете изволисте. Что касается до васъ, то вамъ вовсе нечего пугаться; увѣрю васъ, что вы можете положиться на мою скромность; но вы знаете,

сударыня, что всякая вина должна быть наказана: Этого требуетъ справедливость.—

Выслушавъ эти слова, насмѣшливо сказанная, г-жа Т* почла себя безвозвратно погибшею, и опчаялась даже въ сопраданіи своего презрѣннаго похитителя. Дрожая отъ страха и обливаясь слезами, она готова была кинуться къ ногамъ его, но онъ обнявъ руками спящую ея, снова посадилъ подлѣ себя, и вперивъ въ неё взоръ, которому свѣтъ фонаря придавалъ выраженіе еще болѣе лукавое, сказалъ съ особенною кропостію:

— Боже мой! почему вы боитесь меня, сударыня? Я также, какъ и другіе, очарованъ вашими прелестями и желалъ бы заслужить вашу благосклонность; но упопрещивъ для обладанія ими подлыя средства, въ копорыхъ вы меня подозреваете, было бы несогласно съ моими правилами. Прощу васъ, сударыня, не думать обо мнѣ такъ дурно и вѣрить, что я вошелъ сюда вовсе не съ тѣмъ, чтобы нанести какое нибудь оскорбленіе вашей добродѣтели. —

«О! теперь понимаю васъ, сударь; я догадываюсь, что мужъ мой просилъ васъ имѣть надзоръ надъ моими поступками, и по этому вы...»

— Остановитесь, сударыня; не унижайте достоинства человека мыслію, что всякой легко принимаетъ на себя постыдную должность презрѣннаго соглядатая! Я не шпионъ, сударыня. —

«Скажите же мнѣ, ради Бога, за чѣмъ вы здѣсь? Сжалось надо мною! Чего вы хотите? Кто вы?...»

— Я воръ, сударыня. —

Отъ этихъ словъ несчастная едва не лишилась чувствъ; но хладнокровный соседъ ея вынулъ изъ кармана прекрасную скляночку спирту — и проливъ воли заставилъ её прийти въ себя.

— Не тревожьтесь напрасно, — сказалъ онъ нѣжнымъ и убѣдительнымъ голосомъ: все это кончится безъ всякой опасности для васъ, безъ шума и огласки для меня. Черезъ нѣ-

сколько минувъ эта карета привезетъ васъ домой, между тѣмъ я приспущу къ цѣли, которая меня привела сюда. Позвольте мнѣ во первыхъ снять это бриліантовое перо, въ копоромъ вовсе не имѣю нужды такіе прекрасные волосы, какъ ваши. Теперь этими маленькими ножницами я оспорожно срѣжу съ вашего платья алмазные аграфы, не прорѣзавъ вашихъ блондъ. Если вы замѣните эти камни букетами цвѣтовъ, то вамъ еще можно будетъ надѣть это платье въ субботу на балъ къ посланнику, и я надѣюсь васъ тамъ видѣть также прекрасною, какъ вы были сегодня. —

Говоря это, злодѣй обрѣзывалъ, снималъ и пряпалъ одинъ за другимъ бриліанты, копорые были на г-жѣ Т*, и эта невѣроятная наглость до того поразила её, что она не произнесла ни одного слова, не сдѣлала ни одного движенія въ свою защиту. Наконецъ карета остановилась у крыльца ея дома; лакей отворилъ дверцы. Воръ вышелъ напередъ, щщательно укутавъ её шубою, чтобы предохранить отъ холода; попомъ онъ подаль ей руку, позвонилъ, но услышавъ шаги на лѣстницѣ, учтиво поклонился г-жѣ Т* и съѣлъ въ свою карету, которая черезъ минуву скрылась изъ вида.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Д Н О З Е М Ц Ы .

(Александреву.)

Въ пустынь чахой и далѣкой
Въ душѣ съ заботою о споронѣ родной,
Брѣлъ тихо пушникъ одинокой,
Вдругъ встрѣтился ему другой,
Пришлецъ изъ родины такъ горячо любимой;
Ихъ души поняли привѣтъ земли родимой,
Воспоминаніемъ святой,
И пушники съ слезами, такъ какъ братья,
Другъ другу кинулись въ объятья.

М. Демидовъ.

Въ No 61-мъ, помѣщенный омонимъ значить: Стопа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 63.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 7 ДНЯ 1835 ГОДА.

Въ спаканѣ Альциндоръ свой образъ зря на днѣ,
Любовію къ нему такъ какъ Нарциссъ стараетъ;
Однако же умнѣй его онъ поступаетъ:
Вопервыхъ, не въ водѣ онъ смотрится, въ винѣ;
А вовторыхъ, своей любви тѣмъ угождаетъ,
Что милый образъ свой въ децъ по сту разъ глотаетъ.

П. Суляроковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛУИЗА.

(Повѣсть.)

Луиза была сирота и въ шестнадцать лѣтъ плѣняла красотою всѣхъ, кпо еѣ видѣлъ. Большіе темные глаза ея, опушенные длинными рѣсницами, сіяли непорочностію; тонкій станъ былъ гибокъ какъ вѣтвь, спроенъ какъ пальма; пріятный голосъ нѣженъ, какъ бѣмля ея щеки. *Луиза* была весела и проспосердечна; каждое слово ея отзывалось добропою, и никогда мысль о будущихъ горестяхъ не омрачала яснѣй души ея. — Все богатство *Луизы* состояло въ молодости, красотѣ, невинности и любви. Она любила, но любила тихо, безъ изступленія, безъ ревности, безъ слѣзъ. Женихомъ ея былъ двоюродный братъ ея *Карль*, съ которымъ она по воскресеньямъ прогуливалась рука въ руку, опираясь на него съ улыбкою, шутя и говоря ему нѣжности; а *Карль* гордился и восхищался своею *Луизою*. Вечеру

возвращались они домой, и тогда *Анна*, мать *Карлова*, и тѣтка *Луизы* въ запуски принимались бранить ихъ за долгую прогулку. Но мало по малу брань утихла и всѣ усаживались въ кружокъ разсказывать другъ другу были и небылицы.

Карль долженъ былъ явиться на конскрипцію, и по сей причинѣ опложили ихъ свадьбу. Но *Марѳа* частію загадывала о немъ въ карты, и онѣ предсказывали ей всегда хорошее. Когда исполнился ему двадцать одинъ годъ, всё семейство отправилось въ городъ. *Луиза* была немного безпокойна, но надѣялась на Бога, Который во всемъ благословилъ еѣ. Въ поспѣ день она молилась долѣ обыкновеннаго, прося Отца небснаго быть покровителемъ ея друга.

Карль пошелъ въ Префектуру, и обѣ стороны ждали его возвращенія безъ страха и надежды. *Луиза* подходила къ окну, возвращалась на свое мѣсто, и опять подходила къ окошку, высовываясь, чтобы посмотреть на улицу. Наконецъ она увидѣла вдали челоуѣ-

ка, который шелъ такъ тихо, что она не смѣла закричать: вопль оный. Дрожь оный холода, съела она возлѣ *Анны*, и когда наконецъ вошелъ *Карль*, не смѣла ничего спросить у него.—Онъ блѣденъ какъ смерть, спало нечего спрашивать, подумала она, обняла *Анну* и опустила голову ей на руку. Всѣ молчали, *Луиза* плакала не шевелясь, не опирая слѣзь, которыя текли ручьями по лицу ея. *Марва* и *Анна* сдѣлались бѣлы какъ снѣгъ.— «Я погибъ!» вымолвилъ наконецъ *Карль*. Никто не отвѣчалъ ему. «Мы скоро выспуаемъ;» продолжалъ оный. Тупъ *Луиза* громко зарыдала. «*Луиза, Луиза!* я возвращусь, не правда ли?» вскричалъ юноша, и *Луиза* взглянула на него молча, какъ бы хотя сказать да.— «О, говори *Луиза*, скажи, что ты будешь ждать бѣднаго солдата!» *Луиза* подошла къ солдату, наклонилась къ лицу его, и шептала ему на ухо, между тѣмъ какъ оный одною рукою обнялъ её, а другою закрывалъ себѣ глаза. Оба плакали тихо—но горько, очень горько! Мать не сказала ни слова, встала, пошла домой, слегла, и когда сынъ ея распался съ нею, она была при смерти.

Луиза проводила *Карла* за городъ; но прежде того они оба посѣпили мѣста, гдѣ съ самаго младенчества протекала жизнь ихъ: дугъ, садикъ и уголокъ поля, гдѣ стояло густое каштановое дерево, изъ наклоненной вѣтви коего они сдѣлали себѣ стулъ, и просиживали тупъ по цѣлымъ вечерамъ, веселые, щасливые,—не предвидя бѣды, которая ихъ ожидала. Когда отошли они съ милою оный города, *Карль* сказалъ *Луизѣ*: «Не далеко ли? пора намъ проститься, *Луиза!*»—«О, нѣтъ еще,—отвѣчала она.—«Пора,» возразилъ оный; «сприпомъ мнѣ легче будетъ, когда я останусь одинъ.» *Луиза* остановилась, заплакала, и спряпала голову на груди конскрипта.— «*Луиза, Луиза!* клянись, что дождешься меня;» говорилъ оный.—«Дождусь, дождусь,—вѣкъ буду ждать,—и при сихъ словахъ сердце ея разорвалось пополамъ и, казалось, душа разлучилась съ тѣломъ. *Карль* обнялъ её, всхлипывая, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но воропился; потомъ сказавъ вдругъ: нѣтъ, надо уйи—побѣжалъ опроретью.

Луиза упала оный горести на земь, и когда оный былъ уже далеко, кричала изо всей силы, чтобы воропиль его; но видя, что оный не идетъ, что уже не слышитъ её, встала, оправилась и пошла на вспрѣчу многихъ годовъ печали.

Съ того дня никто не видалъ улыбки на лицѣ ея; румянецъ ея пропалъ; глаза означились синими кругами, потому что слѣзы въ нихъ не сосыхали, и она по цѣлымъ вечерамъ прятала въ молчаніи между *Анною* и тѣпкою. *Карль* между тѣмъ провелъ уже цѣлый годъ на службѣ; сначала было ему очень грустно, но сердце мужчины не то, что женское; однакожь оный совѣспился, что такъ скоро могъ забыть печаль свою, и въ извиненіе говорилъ самому себѣ: ну что жъ? вѣдь надобно же быть расудипельну. Я все люблю *Луизу* и она безпрестанно у меня въ глазахъ и сердце съ хорошенкиимъ личкомъ своимъ, милою улыбкою, бѣлыми зубами и алыми щѣчками. Но о чемъ же сокрушаюсь? Черезъ пянь лѣтъ я возвращусь домой, найду, что она всё также хороша и молода, какъ была, и женюсь на ней. Припомъ, развѣ черезъ полгода не будетъ оппуска?

Прошло шестъ мѣсяцовъ, и *Карль* брелъ въ село свое, напѣвая веселую пѣсню. Это было въ воскресенье, и вся деревня была на улицѣ, всѣ брали его за руку, поздравляли и называли красивымъ солдатомъ. Оный спросилъ о здоровьѣ домашнихъ своихъ, оный которыхъ давно не имѣлъ извѣстія.—Всѣ здравствуютъ, слава Богу,—отвѣчали ему, и оный однимъ прыжкомъ очутился возлѣ матери. Старушка читала Евангеліе съ сестрою своею,—но услыша шаги, взглянула, закричала и бросилась на шею сына, покрывая его поцѣлуями. «А гдѣ *Луиза?*» спросилъ *Карль* громкимъ и веселымъ голосомъ.—*Луиза, Луиза!*—кричала *Марва*: пои сюда скорѣе.—*Луиза* не шла; она видѣла *Карла*, но спряпалась за дверь, закрывъ лицо руками. *Карль* примѣпилъ полу ея пламя, побѣжалъ и обнялъ её съ горячностію. Тупъ она печально подняла голову, и руки у *Карла* опустили. Бѣдная дѣвушка, только что выздоровѣла оный оспы. Примѣпивъ движеніе друга своего, она ска-

зала ему съ душевнымъ волненіемъ: *Ахъ, Карлъ! я очень перемѣнилась! Я спала дурна!*—*Карлъ* не отвѣчалъ; внезапно спъ лишаетъ насъ способностей лгать въ первую минуту смущенія. Я дурна, но всё люблю тебѣ,—продолжала *Луиза*. «*Я тебя люблю,*» вымолвилъ *Карлъ*, спохватившись, но не смѣя уже смотрѣть на неё. Скоро однакожь спалъ онъ довольно ласковъ и внимателенъ; но ужъ это было не то, и одна доброта сердца, а не любовь, заставляла его быть нѣжнымъ съ *Луизою*. Она, съ тонкою смѣрливостію женщины, тотчасъ примѣтила перемѣну его обхожденія и рѣшилась объяснитьсь. — Къ чему вы припворяетесь?—сказала она ему: вы меня не обманете, я вижу, что вамъ невозможно любить меня.—*Карлъ* хотѣлъ было отвѣчать, но она, зажавъ ему ротъ рукою, продолжала: Ни слова, *Карлъ*, ради Бога, ни слова! если въ васъ есть жалость къ моимъ спраданіямъ. Прошу васъ, будьте просто моимъ милымъ брапомъ; я одна спану любить васъ по прежнему. — Проговоря сіе, она пошла приготовить праздничный обѣдъ въ честь гостю, и во все продолженіе онаго, занималась имъ какъ нѣжная сеспра, предупреждала его желанія, и даже улыбаясь съ видомъ радости. *Карлъ* сидѣлъ грустный и задумчивый. Слова *Луизы* его опечалили; щещно мать и пѣтка приспавали къ нему съ распросами; солдатская веселость его исчезла, и видъ *Луизы*, нѣкогда споль прелестной, но теперь дурной и съ красными пятнами по лицу, приводилъ его въ опчальніе.

Черезъ нѣсколько недѣль *Карлъ* успокоился, посѣтилъ прежнихъ друзей и спалъ повеселѣе; но *Луиза* его убѣгала и плакала потихоньку въ маленькой горенкѣ своей, гдѣ дѣлые дни занималась работою. Ахъ! онъ уже не искалъ её глазами, не гулялъ съ нею по полю, и называлъ просто милою, доброю сеспрою!

Скоро онъ возвратился въ полкъ, и *Луиза* на сей разъ его не проводила. Правда, прощаясь, онъ поцѣловалъ её; но какая разница! Она долго слѣдовала за нимъ глазами, и когда уже не могла болѣе его видѣть, то горько

заплакала. Надежда, радости жизни, всё исчезло для неё!—всё, кромѣ вѣры, и она, спавъ на колѣни, усердно молилась за *Карла* и за себя; но болѣе еще за *Карла*. Молитва ея была теперь пламенная, нежели въ щасливые дни ея молодости; обезображенная и горестная, она отъ всей души просила у Творца щастія и здоровья *Карлу*.

Въ послѣдствіи времени обѣ пѣтки ея умерли, и она, оставшись круглою сиротою, приучила бѣдное сердце свое къ покорности и перпѣнію. Молитва, тихое размышленіе, любовь къ Богу, попеченіе о нещасныхъ,—вошь мръ, который она создала себѣ и въ коемъ жила, удалясь отъ свѣта. Если жъ иногда, въ прекрасный весенній вечеръ, смущенное сердце ея увлекалось порывами прежней любви и душа тосковала о утраченныхъ дняхъ блаженства, тогда мысль о Небѣ, гдѣ упоженный спрадалецъ обрѣтетъ награду за земной крестъ свой, облегчала ея горесть—и она засыпала спокойно.

Однажды принесли ей письмо, коего почеркъ былъ ей незнакомъ. Она распечатала его съ препеномъ и прочла, что *Карлъ* лежитъ въ гошпиталѣ смертельно раненный. Немедленно достала она денегъ и отправилась въ дорогу. Она пріѣхала въ А. поздно, и тотчасъ пошла въ больницу. Солнце уже село; длинныя тѣни расплалились по заламъ; шаги посѣпителя слышѣе отдавались въ мрачныхъ коридорахъ, и споны спраждущихъ, повторяемые эхомъ, вселяли въ душу неизьяснимое уныніе. Смотритель гошпитала и сѣспры милосердія молча проходили мимо *Луизы*, и она съ ужасомъ видѣла ряды кроватей, совершенно одинакихъ, на коихъ томилась подобныя ей существа и ожидали смерти. Она спросила *Карла Д. рядоваго 15 бригады*, и ей велѣли искать его подъ Но 3. *Луиза* обходила залу почти въ безпамятствѣ; ноги ея подгибались, холодный потъ спруился по блѣдному лицу, лихорадочный препенъ пробѣгалъ по костямъ и глазамъ ея—и она едва могла различать предметы;—но силы душевныя её не покидали, и она, ободря сама себя, шла далѣе, далѣе, и вдругъ остановилась, какъ окаменѣлая. Предъ нею, почти

бездыханный, лежалъ несчастный *Карлъ* съ повязкою на головѣ. Это былъ онъ! *Луиза* узнала его по губамъ и чернымъ волосамъ его, но еще болѣе по ужасному прелепанію своего сердца. Спавъ на колѣни, она тихо взяла руку его и оросила её слезами. *Карлъ* пошевелился, и она, наклонясь къ нему, прошептала: *Карлъ*, это я; это сестра твоя, *Карлъ!*—Я буду ходить за тобою!—Она говорила ему ты, какъ въ старину, во время взаимной любви ихъ, потому что онъ былъ теперь несчастливъ. Услыша голосъ *Луизы*, *Карлъ* привспалъ, но опять упалъ на подушку, прозвися ея имя. *Луиза* взяла со столика лекарство — и оспорожно поднесла къ уснамъ больного.

Скоро испыталъ онъ, какъ сладко имѣть друга, коего вся жизнь принадлежитъ намъ: съ появленіемъ *Луизы* въ госпиталь, все перемѣнилось вокругъ его, и онъ уже ни въ чемъ не перпѣлъ недосыпка. *Луиза* не покидала его ни днемъ, ни ночью, и щипала себя награжденною за всё, когда *Карлъ* ласково смотрѣлъ на неё. — Онъ благословлялъ её, слыша пріятный ея голосъ; съ безпечностію ребенка предался ея попеченію — и тихо дремалъ, ледянный ея нѣжною заботливостію. *Луиза* ходила за нимъ съ пою неусыпною дѣятельностію, съ пою ангельскою доброшою и кроткимъ самоотверженіемъ, которыми свойственны однимъ только женщинамъ.

Черезъ нѣсколько недѣль *Карлъ* оправился; *Луиза* знала, что голова его была прострѣлена и лицо изрублено палашемъ, но она о томъ нимало не заботилась, потому что любила въ немъ не одну наружность, напротивъ, онъ былъ ей теперь еще милѣе прежняго, и она невольно думала, глядя на обезображенное лицо его: можетъ быть я не покажусь ему дурною, и онъ опять будетъ любить меня по старому. Не дивитесь мечтамъ бѣдной *Луизы*, — она такъ много выпрадала, что довольно было самаго слабаго луча, чтобы освѣтитъ всю жизнь ея.

Въ одно утро *Карлъ*, снявшій уже повязки, ждалъ *Луизу*, чтобы вмѣстѣ съ нею выйти изъ больницы и возвратиться на родину, какъ вдругъ на концѣ галереи яви-

лась молодая дѣвушка высокаго росту, стройная, гибкая, съ блестящими глазами и очаровательною улыбкою. Это была *Луиза*. — Время почти совершенно изгладило слѣды оспы на лицѣ ея; прежняя бѣлизна ея возвратилась, и черные, какъ бархатъ, волосы оплѣняли милое лицо, на коемъ выражалась вся прекрасная душа ея. *Карлъ* изумился; онъ узналъ *Луизу*, но вспомнилъ о ранахъ своихъ и впалъ въ грустную задумчивость.

— *Карлъ*, милый *Карлъ*, — сказала *Луиза* съ нѣжностію: развѣ ты не узнаешь меня? — «Нѣтъ;» отвѣчалъ онъ печально: «ты теперь слишкомъ хороша для меня.» *Луиза* задрожала отъ радости; оперлась на плечо *Карла*, и тихо прижала его къ груди своей. «*Луиза, Луиза;*» говорилъ онъ: «развѣ ты можешь еще любить меня?» — Мнѣ тебя не любить, не любить моего жениха? — отвѣчала она, цѣлуя рубецъ на щекѣ его; о *Карлъ!* я всё тебя люблю; я обѣщалась ждать тебя и — дождалась. — *Карлъ* плакалъ отъ восторга и благодарности, и наконецъ оба они оспавили больницу. — Дорогою *Луиза* тихо молилась Творцу, не забывая въ радости Того, Чье милосердіе облегчало горестъ ея и спасло отъ отчаянія.

ТАБАКЕРКА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одна молодая вдова пріѣхала по дѣламъ своимъ въ Брюссель и оспановилась въ лучшей изъ гостиницъ города. Она обѣдала за общимъ столомъ и проводила большую часть вечера въ общей залѣ. Г-жа *Дорваль* принадлежала къ числу нѣхъ женщинъ, которыхъ обожаютъ всѣ мужчины, и которыхъ не терпятъ другія особы ихъ пола. Одни превозносили её, какъ прекраснѣйшую и привлекательнѣйшую изъ женщинъ, другія не хотѣли признавать въ ней ничего достойнаго вниманія. Какъ бы то ни было, но скоро она успѣла предупредить въ свою пользу людей самыхъ равнодушныхъ. Она была небольшого роста, но полный и спройный станъ ея могъ бы служить образцомъ пріятности. Черты лица ея не имѣли той холодной правильности, которая составляетъ красоту въ глазахъ

записныхъ цѣнителей, но свѣжестъ лица и разнообразное выраженіе взоровъ, въ которыхъ отражались всѣ ея душевныя ощущенія, дѣлали её столь же опасною, какъ и плѣнительною для всякаго, одареннаго чувствительнымъ сердцемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ пого, какъ поселилась она въ гостиницѣ, остановился тамъ же одинъ иностранецъ, котораго мы назовемъ *Мильбурномъ*. Онъ также, какъ и другіе, былъ очарованъ прелестію молодой вдовы. Чуждый обычаямъ края, и видя, что она обѣдаетъ за общимъ столомъ, онъ счелъ позволительнымъ не наблюдать въ разговорахъ съ нею строгихъ приличій, и обратился къ ней съ привѣтствіями, на которыя она отвѣчала очень скромно и умно. Хотя противоположность поступковъ г-жи *Дорваль* съ ея положеніемъ нѣсколько и удерживала *Мильбура*, однакожь онъ отважился предложить ей ѣхать съ нимъ въ театръ. Но отвѣтъ ея на это предложеніе доказалъ, какъ оно казалось ей оскорбительнымъ.—Хорошо, сударыня!—сказалъ *Мильбурнъ*, вынимая изъ кармана прекрасную табакерку: очень хорошо! Но если такъ, то не угодно ли понюхать табаку?—

«Я не нюхаю, сударь,» отвѣчала г-жа *Дорваль*, съ досадою отвернувъ свою хорошенькую головку.

—Тѣмъ хуже, сударыня, тѣмъ хуже для васъ. Опъ эпаго вы лишаетесь одного изъ величайшихъ удовольствій въ жизни. Я испыталъ все, что называютъ въ свѣтѣ наслажденіемъ. И что же? за однимъ удовольствіемъ слѣдовало пресыщеніе, за другимъ раскаяніе. Наконецъ я вспомнилъ, что когда-то въ припадкѣ несносной хандры, я вдругъ почувствовалъ облегченіе, едва только понюхавъ табаку, которымъ поцопчивалъ меня сосѣдъ мой. Съ тѣхъ поръ я обзавелся табакеркою и сдѣлался самымъ опчаяннымъ табачникомъ. Этому уже пять лѣтъ, и во все это время я ни разу не испыталъ той жестокой болѣзни, которой всѣ мы болѣе или менѣе подвержены. Узнайте же на опытъ силу моего лекарства, сударыня: понюхайте табаку!—

«Благодарю васъ, милоспивый государь;» сухо отвѣчала г-жа *Дорваль*: «мнѣ вовсе неизвѣсна та болѣзнь, о которой вы говорите, а если бы когда нибудь я и подверглась ей, то есть другія, болѣе разсудительныя и болѣе дѣйствительныя средства, чѣмъ опъ неѣ избавишься.»

— Назовите мнѣ ихъ, сударыня; назовите, сдѣлайте милость.—

«Чтеніе, размышленіе, благотворительность, удовольствія общественныя.»

— Ахъ, сударыня! я прибѣгала ко всѣмъ этимъ средствамъ. Опъ чтенія меня одолеваетъ сонъ; размышленіе производитъ во мнѣ мигрень; благотворительность, это правда, доставляетъ очень пріятное занятіе, но нельзя же дѣлать добро съ утра до вечера. Что же касается до удовольствій общественныхъ, то одни мои знакомые меня обманывали, другіе надо мною смѣялись, и по этому я не очень расположенъ въ пользу общества. Теперь вы видите, сударыня, что мнѣ остается только одинъ табакъ. Извольте же понюхать.—

Г-жа *Дорваль* до того разсердилась за эту непростительную, по ея мнѣнію, невѣжливость, что поспѣшъ вспала и хотѣла выпити.

— Ахъ, сударыня,—сказалъ *Мильбурнъ*, спараясь удержатъ её: вы на меня гнѣваетесь?—

«Я не сержусь, сударь;» отвѣчала вдова, высвобождая у него свою руку.

— По этому вы меня прощаете?—

«Да,» возразила она пономъ, въ которомъ замѣтно было неудовольствіе.

— Ну такъ, чѣмбы доказать это, понюхайте табаку!—

При этихъ словахъ, терпѣніе совершенно оставило г-жу *Дорваль*, и она заплакала. Всѣ мушоны, бывшіе свидѣтелями эпаго происшествія, обступили вдову и *Мильбура*, и одинъ изъ нихъ, графъ *С**, гордо спросилъ иностранца, кто далъ ему право оскорблять даму, не подавшую съ своей стороны никакого къ тому повода. *Мильбурнъ* разгорячился и отвѣчалъ пономъ угрозы, до того испугавшимъ г-жу *Дорваль*, что желая преду-

предить возникающую ссору, она поспѣшила объявить, что все случившееся ни мало её не оскорбляетъ. Оба пропивника были слишкомъ раздражены, чтобы такъ легко согласиться на миръ; но присутствіе г-жи *Дорваль* заставило ихъ скрыть свою досаду, для того только, чтобы исполнить её, когда вдова выйдетъ изъ комнаты. Ссора ихъ зашла наконецъ такъ далеко, что они назначили на слѣдующее утро поединокъ. Такимъ образомъ, за то, что дама не захопѣла понюхать пабаку, два человѣка, въ полномъ умѣ, готовились убить другъ друга, безразсудно жертвуя и собственною жизнію.

Быть можетъ, они оба раскаявались, но по мечтательнымъ законамъ чести, послѣ сдѣланнаго и принятаго вызова, всякое раскаяніе было бесполезно. *Мильбурнъ*, возвратясь къ себѣ, написалъ нѣсколько писемъ и сталъ ходить по комнатѣ, размышляя о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ предстоявшаго поединка.

Сильный запахъ дыма вывелъ его изъ задумчивости. Онъ отворилъ дверь и увидѣлъ, что пламя обхватило большую часть гостиницы. Онъ поспѣшилъ поднять тревогу, и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ жившіе въ домѣ поропились укрыться отъ опасности. *Мильбурнъ* сбѣжалъ съ лѣспницы, и нашелъ почти всѣхъ на улицѣ пропивъ горящей гостиницы. Увидѣвъ графа, онъ подошелъ къ нему, чтобы узнать о г-жѣ *Дорваль*. Напрасно искали её въ толпѣ; её не было между вышедшими изъ дома.

«Боже мой!» вскричалъ хозяинъ: «она погибла; посмотрите . . . ея комната вся въ огнѣ. . .»

— Лѣспницу! — кричалъ *Мильбурнъ*: дайте скорѣе лѣспницу! —

«У насъ нѣтъ лѣспницы, да если бы мы и могли найти её, это бы ни къ чему не послужило; вы погибнете сами, и не успѣете спасти г-жу *Дорваль*.»

— По крайней мѣрѣ попытаюсь, — отвѣчалъ *Мильбурнъ*, и въ то же время вырвался изъ рукъ графа, который видя, что онъ бѣжитъ на вѣрную гибель, сидѣлъ удерживать его.

— Несчастный, онъ погибъ, вскричали испуганные зрители, увидя, что *Мильбурнъ* отважно бросился въ пламя. «Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчалъ графъ: «Провидѣніе не допуститъ его до этаго.» Тутъ онъ вспомнилъ, что по упру видѣлъ лѣспницу, лежащую недалеко отъ гостиницы; онъ бросился искать её, и чрезъ нѣсколько минутъ лѣспница была приспавлена къ окну, въ копоромъ показался *Мильбурнъ*, несшій на рукахъ г-жу *Дорваль*, полумертвую отъ испуга.

— Слава Богу! — воскликнулъ онъ, поживъ на землю свою драгоценную ношу.

«Слава Богу!» повторили зрители, и радость заспунила мѣсто ужаса, овладѣвшаго ими при видѣ, какъ обрушился потолокъ той комнаты, копорую они оставили за четверть часа.

Мильбурнъ нашелъ г-жу *Дорваль* лежащею безъ чувствъ въ постели; онъ обвернулъ её въ одеяло, чтобы предохранить отъ прикосновенія огня, но самъ жестоко пострадалъ отъ его дѣйствія. Оставивъ её на печеніе женщины, онъ вмѣстѣ съ графомъ отправился искать для неё убѣжища. Они нашли его вблизи гостиницы, и возвратясь, перенесли г-жу *Дорваль* въ новое жилище. Опомнившись, она попросила своего избавителя посѣпить её на другой день; онъ обѣщалъ исполнить ея волю, и вышелъ вмѣстѣ съ графомъ. Съ эсихъ поръ вражда ихъ уступила мѣсто взаимному уваженію и дружбѣ.

На слѣдующее утро, *Мильбурнъ* не забылъ явиться къ прекрасной вдовѣ, которая увидя его, подошла къ нему, и пожавъ ему руку своею хорошенькою ручкою, сказала: «Избавитель мой! чѣмъ могу я доказать вамъ свою признательность? Какъ мнѣ благодарить васъ?»

— Благодарить меня? А вошь, понюхайте пабаку, — отвѣчалъ *Мильбурнъ* съ притворною веселостію, которая худо скрывала его душевное волненіе. Разумѣется, что на этотъ разъ предложеніе его не было отвергнуто. — Какъ вамъ кажется эпотъ пабакъ; не правда-ли, что превосходный? —

«Да, прекрасный!» отвѣчала г-жа *Дорваль*, чихая.

—Я это зналъ,—сказалъ *Мильбурнъ* съ порожествующимъ видомъ: я зналъ, что вы будете опять него въ воспоргъ, какъ только понюхаете разъ, другой. Но это пабакъ посредственный; у меня есть нѣсколько другихъ, опличныхъ сорповъ; я принесу вамъ ихъ на пробу.—

Г-жа *Дорваль*, безъ сомнѣнiя, была-бы рада избавишься опять этого способа изъясненiя благодарности, но могла-ли она отказать своему избавителю?

Трудно опредѣлить, какъ далеко простерла бы она въ этомъ случаѣ свою признательность; но чрезъ нѣсколько дней, *Мильбурнъ* съ удивленiемъ замѣнилъ, что страсть его къ пабаку успушила мѣсто другой склонности, и что прекрасные глазки г-жи *Дорваль* наводили на него какое-то безпокойство и возбуждали неизвѣстное дополь ощущенiе, котораго не могло испребить и самое неумѣренное употребленiе его любимаго снадобья. Однажды, сидя подлѣ ней, онъ впалъ въ такую разсѣянность, что пабакерка, которую онъ держалъ открытою, выпала у него изъ рукъ и покапилась по полу.—«Ахъ, какое несчастiе!» сказала г-жа *Дорваль*; подавалъ ему пабакерку: «вы рассыпали свой пабакъ».—Ничего,—опвѣчалъ *Мильбурнъ*, взявъ ее за руку: ничего; пабакъ, это правда, вещь очень хорошая, но онъ не можетъ быть всеобщимъ лекарствомъ и не вымечиваетъ отъ всѣхъ болѣзней.—«Право! Давно-ли вы сдѣлали это открытiе?»

—Только сего дня. Я нюхалъ впрое больше обыкновеннаго, чтобъ изгнать вашъ образъ изъ моего воображенiя, и никакъ не могъ успѣть въ этомъ. Теперь вижу, что для того, чтобы кончить это удовлетворительнымъ образомъ, мнѣ надобно или убѣгать васъ, или на васъ жениться. Скажите же, что мнѣ оспаешся дѣлать? —

«Конечно, убѣгать меня;» опвѣчала г-жа *Дорваль*. Но что значатъ слова, когда взоры высказываютъ пропивное. *Мильбурнъ* захопѣлъ лучше вѣрить языку взоровъ, и онъ не ошибся. Онъ возобновилъ свои убѣжденiя, и они увѣнчались успѣхомъ. *Мильбурнъ* былъ богатъ, немного спраненъ, но съ благородною, возвышенною душою. Г-жа *Дорваль* была жен-

щина добродѣтельная, хорошаго происхожденiя, но за то бѣдна. Словомъ, препятствiя къ ихъ соединенiю, котораго они оба желали, никакого не было,—и чрезъ два года, *Мильбурнъ* былъ уже щасливимъ опцомъ двухъ малютокъ, которыхъ нѣжныя ласки и любовь прелестной жены такъ прiятно занимали его время, что пабакерка, какъ увѣряютъ, была опложена въ сторону, къ числу другихъ ненужныхъ вещей.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

АНТЛОГИЧЕСКIЯ СТИХОТВОРЕНIЯ.

1.

Щастiе и несчастiе.

Время насъ измѣняетъ. Въ несчастьи мы робки бываемъ,

Собственнымъ силамъ не смѣя доврившись слѣпо;
А въ щастьи, напропивъ, успѣхъ заложникомъ служимъ успѣха:

Подобно ловца пламенишь успѣшная ловля!

2.

Развалины.

Грустно смотрѣшь на развалины древнихъ чертоговъ;

Неволью будятся думы, черныя, грустныя думы!

Но сердцу тяжель при взглядѣ на груды развалинъ
Некончанныхъ зданiй, прудовъ еще несвершенныхъ,

Такъ въ первыхъ мы видимъ законъ непреложный природы:

Жизнь и цвѣспи и къ гробу помалу склоняются:
Въ другихъ—сожалѣемъ о надеждахъ погибшихъ!...

3.

О пѣвецъ! сладки мнѣ пѣсни твои: они пробуждаютъ

Мечпы о минувшихъ радостныхъ дняхъ,

О вѣкъ златомъ, о пѣхъ временахъ, когда челоуки не знали

Корысти холодной души: слѣдуя сердца влеченю,
Любили другъ друга, какъ братья—и были щасливы.

Л. Якубовичъ.

M O D E S.

Savez-vous bien, *my dear sir*, que vous êtes un terrible paresseux, et que si j'avais le moindre fiél dans l'ame, je vous ferais attendre aussi long-temps de mes nouvelles que vous me faites attendre les vôtres; mais je suis *good fellow*, et me voilà le premier à vous demander ce qui advient de *notre cité enfumée*? Vous êtes dans l'éclat de la *season*, vous volez de plaisirs en plaisirs, de *routs* en *routs*, et l'amitié perd son droit au milieu de tout cela. Ici, mon cher, les distractions sont moins futiles, je vous assure; et, tant politique que particulier, l'aspect des choses est grave. Aussi me sens-je peu en humeur de dire des folies, et pour tenir le milieu entre le triste et le gai, je vais vous parler mode, sujet que nous autres *dandies* traitons sérieusement et qui nous a peut être fait oublier souvent une séance à la chambre des communes ou un rendez-vous d'amour.

On a, comme bien vous pensez, totalement laissé de côté les robes de chambre de brocards à fleurs, si courtisées cet hiver; on les fait maintenant en cachemirienne ou foulard de laine, doublées de soie légère de couleur tranchante avec le dessus. Il y en a dont les manches, justes au bras, en ont de larges et ouvertes par-dessus; on les nomme *pelisses turques*. Avec cela un immense pantalon plissé en *flanelle anglaise sèche*, ponceau, bleu-clair ou blanc; cette dernière couleur est la *ne plus ultra* de l'élégance. Pour coiffure, une toque à la *Louis XI*, de tragique mémoire. Pour sortir à midi, les redingotes courtes (mais un peu moins qu'au commencement du printemps), bleues vertes, mêlées ou marron; collet et revers pareils; plus de poches sur le côté: on n'en voit que sur les habits de chasse ou de cheval. La redingote boutonnée, moins les deux derniers boutons d'en haut. En général, on ne met point ou peu de gilets sous ces redingotes. La cravate de fantaisie en jaconas, à carreaux ou mille raies; point de dessins à fleurs, c'est d'un commun achevé. Les pantalons sont étroits avec mesure. On les porte le matin en étoffes de laine croisées, à carreaux vert-foncé et blanc, bleu-foncé et blanc; voilà les deux seules couleurs distinguées.

M O Д Ы.

Знаешь ли ты, *my dear sir*, что ты ужасный лживецъ, и если бы у меня хоть нѣсколько бы-

ло желчи въ сердцѣ, я столь же долго бы заспавилъ тебя ждаль извѣстiя, сколько я дожидаюсь отъ тебя; но я *good fellow*, и первый у тебя спрашиваю, что дѣлается въ нашей копченной сполнцей? У васъ теперь время года въ полномъ блескѣ; вы лепаете отъ удовольствiя къ удовольствiю, изъ раута въ рауть, и посреди всего эшаго дружба перяетъ свои права. Здѣсь, мой другъ, увѣряю тебя, развлеченiя не такъ бездѣльны, и, какъ въ полипическихъ дѣлахъ, такъ и въ частныхъ, наружный видъ вещей важенъ; и потому не чувствую себя въ расположенiи говорить пустяки, а чтобъ удержавъ средину между печальнымъ и веселымъ, я буду говорить тебѣ о модѣ, предметѣ, о которомъ мы *деиди* разсуждаемъ не шуточно, и кошорый насъ часто можетъ быть заставлялъ забывать засѣданiе въ Палацѣ депушатовъ или любовное свиданiе.

Шлафроки изъ парчи съ цвѣтами, бывшiе въ шаконъ употребленiи зимою, какъ можемъ вообразить, совершенно оставлены; ихъ дѣлаютъ теперь изъ кашемириеня или изъ шерстянаго фулара, подложенные легкою шелковою матерiею, цвѣта рѣзко-отдѣляющагося отъ верха. Есть шлафроки съ рукавами въ обтяжку, а сверху другiе, широкiе, разрѣзанные сверху; ихъ называютъ Турецкими шубами; съ эими огромные панталоны съ складками изъ *сухой Англiйской флатели*, пунцоваго, свѣтло-голубаго или бѣлаго цвѣта; сей послѣднiй цвѣтъ есть *ne plus ultra* щегольства. Для головы, шокъ *Людовика XI*, печальной памяти. Для упра въ употребленiи короткiе сюрпуки (но не такъ короткiе, какъ сначала весны), голубые, зеленые или каштановаго цвѣта; верошникъ и отворолы такiе же; кармановъ на бокахъ болѣе не дѣлаютъ: они видны только на платьяхъ для охоты или верховой ѣзды. Сюрпукъ застегивается, кромѣ двухъ верхнихъ пуговиць. Вообще, жилетовъ подъ эи сюрпуки не надѣваютъ или весьма рѣдко. Галстухи прихотливые изъ жаконета клетчатаго или съ мелкими полосками; нисколько узоровъ съ цвѣтами, эпо слишкомъ обыкновенно. Панталоны носятъ узкiе, но не чрезъ мѣру. Для упра дѣлаютъ изъ кипорныхъ шерстяныхъ матерiй, клѣтки темно-зеленыя съ бѣлымъ, и темно-голубыя съ бѣлымъ; вопъ шолько два цвѣта отличныхъ.

(Продолженiе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 64.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 10 ДНЯ 1835 ГОДА.

Съ повязкой на глазахъ за шалости Оемида!—
Ужъ наказаніе! ужъ подлинно обида!
Когда вамъ хочется проказницу унять,
Такъ руки ей связать.

Жуковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ИДЕАЛЬ БАНКИРА.

Банкиръ встаетъ въ полдень; опъ двухъ часовъ до четырехъ зѣваетъ на биржѣ, въ шесть обѣдаетъ въ какой нибудь рестораціи за двадцать франковъ съ персоны, и потомъ проводитъ вечеръ въ театръ, на балъ или въ публичномъ саду. Банкиръ есть существо самое полезнѣйшее для общества!

Банкиръ есть новѣйшее олицетвореніе эгоизма; у него нѣтъ семьи, нѣтъ друзей, нѣтъ опечесова;—онъ имѣлъ однако стараго родспвенника, съ которымъ поступилъ какъ поступаетъ съ людьми г-нъ Т. . . ., то есть уморилъ съ голоду, въ непопленномъ чуланѣ на чердакѣ шестнаго этажа,—и нѣкопторыя сосрадапельныя души того кварпала, гдѣ жилъ бѣднякъ, собрали по поди-скѣ небольшую сумму на его похороны,— между тѣмъ банкиръ занимаетъ великолѣпныя палаты, въ которыхъ онъ окружилъ себя всѣми прихотями упопченной роскоши и высокаго образованія.—Но у банкира нѣтъ сердца, а на мѣстѣ его лежитъ мепалъ.—

Въ немъ не бывало души и совѣсть спряпана въ порпфель.

Банкиръ пренебрегаетъ лицемѣремъ и нагло хвастаетъ своими пороками. Онъ съ безспыдною дерзостію смѣется надъ предразсудками нѣкоторыхъ добрыхъ людей, опспавшихъ опъ своего вѣка и еще сохранившихъ чувство стыда. Онъ знаетъ и понимаетъ одни деньги; чпобъ имѣть ихъ, охотно поступилъ съ ближнимъ своимъ, пакъ какъ-бы не желалъ, чпобъ съ нимъ поступали. Это его правило; чпо же касаетъ до добродѣтели, честности, любви къ опечеству: то онъ щипаетъ ихъ пустыми словами, не заключающими въ себѣ никакого смысла.—Этотъ поваръ на биржу не привозилъ!

Банкиръ играетъ навѣрное, когда спавилтъ карту свою на повышение или пониженіе курса; чпо называетъ онъ *работою*, и если-бъ курсъ не существовалъ: то онъ бы избобрлъ его.—Курсъ для него спекуляція; выигравъ, онъ прячетъ деньги въ шкапулку; проигравъ, плапшитъ, или скрывается—для него все равно.—Безъ всякаго зазрвнія совѣсти пуспилъ онъ кредиторовъ своихъ по міру,—потому чпо это принято и вещь самад обык-

новенная; припомъ онъ можетъ обанкру-
питься, когда дѣло дойдетъ до расплаты,
и тѣмъ не сдѣлаешь никакого подрыва кре-
диту своему, — у него есть ревностныя
защитники. Нищій, укравшій ломоть хлѣ-
ба для утоленія голода, ссылается на га-
леры — но банкиръ!... Какое сравненіе!
банкиръ воруетъ миліоны, и благоден-
ствуешь.

Банкиръ изобрѣтаетъ вѣспи, которыя
мгновенно расходятся по городу, и всѣ ма-
ленькія ежечасныя лжи, называемыя бирже-
выми новостями. У него нѣтъ недостатка
въ вѣрныхъ испочникахъ.— Онъ напримѣръ
знаетъ: «это опъ одной изъ самыхъ важ-
ныхъ особъ въ государствѣ,— одно сообщилъ
ему мшиспръ, о другомъ пишушь изъ чу-
жихъ краевъ, потому что онъ въ перепискѣ
со всѣми иностранными дворами и пр.
и пр.» Словомъ, у него всегда въ запасѣ ка-
кая нибудь депеша, на первый представляю-
щійся случай. Вечеру на балѣ, онъ съ
таинственнымъ видомъ, сообщаетъ вамъ о
письмѣ, будто бы полученномъ имъ изъ Кон-
стантинополя,—но которое въ самомъ дѣлѣ
сочинено по утру имъ самимъ. — Что ну-
жды? — Главное дѣло для него поддержать
на шу минупу кредитъ свой, и если курсъ
поднялся на пятьдесятъ *сотыхъ*, то онъ до-
стигъ своей цѣли, и доволенъ. — Каждый
день онъ лжетъ, и каждый день находить
людей, которые вѣрятъ ему. Банкиръ рев-
ностно ищетъ милости въ телеграфѣ, не-
усыпно подсперегая тайны его. Онъ готовъ
заплатить 50,000 франковъ, если будетъ увѣ-
ренъ, что выручитъ на нихъ 500,000. За то
онъ знаетъ за сушки впередъ всѣ телегра-
фическія новости; но эти новости онъ бе-
режетъ про себя, и ни за что въ свѣтъ не
разгласитъ по городу. Его благоразумнымъ
совѣтамъ одолженъ телеграфъ нынѣшнимъ
своимъ усовершенствованіемъ. Прежде онъ
съ просту сообщалъ всѣ извѣстія, по мѣрѣ,
какъ они къ нему доходили. — Нынѣ, бла-
годаря банкиру, выдуманы разные благовид-
ные предлоги къ оспановкамъ; напримѣръ:
облака, на совершенно-ясномъ небѣ, густой
шуманъ при чистомъ воздухѣ, и такъ далье.
Сверхъ того, изобрѣтательный умъ банки-

ра выдумалъ такъ называемую *депешу*; *пре-*
рванную телмотою ноги; то есть такую, въ
коей конецъ совершенно прошивурѣчипъ
началу, и написанное вечеромъ никакъ не
согласно съ тѣмъ, о чемъ сообщалось по
утру. — Посредствомъ сего удивительнаго
открытія, повышение или понижение курса
совершается по желанію банкира, и способ-
ствуешь личнымъ его выгодамъ.

Банкиръ заботился о здоровьѣ всѣхъ ко-
ронованныхъ Главъ въ Европѣ, по мѣрѣ
вліянія ихъ на денежные государственныхъ
обороты. На сей единственный предметъ
обращена его чувствительность, и физиче-
ское состояніе важныхъ особъ, для него де-
нежный паричъ. Онъ продалъ на сроки, на по-
дагру короля Голландскаго, — выкупилъ на
припадокъ сумасшествія Англійскаго коро-
ля, и если потерялъ на рѣшительной смерти
Испанскаго, то перехваченная имъ деле-
ша о кончинѣ Австрійскаго Императора
вдвое вознаградила его потерю.—Сверхъ по-
го, у него въ карманѣ пребогатая спекуля-
ція, на первую болѣзнь, могущую приклю-
читься королю Французовъ.

Банкиръ не думаетъ о націи, объ опечен-
ствѣ. Онъ до того кричалъ въ камерахъ о
необходимости, во что бы то ни спало, удер-
жать мѣрную систему, что достигъ цѣли
своей. Какая ему нужда до достоинства
Франціи, если только денежный курсъ не
упадаетъ? Онъ купилъ себѣ часть въ кре-
дитивахъ Россіи, въ кредитивахъ Амери-
ки; словомъ, во всѣхъ денежныхъ претен-
зіяхъ, выкопанныхъ нашими дипломами;—
и кричитъ, чтобы Франція, безъ всякаго
разсмотрѣнія, платила долги Соединен-
нымъ Штатамъ и всѣмъ государствамъ,
которымъ правится наше золото. Онъ въ
состояніи призвать непріятеля въ нѣдра
Франціи, и отданъ Парижъ, если можетъ
предвидѣть въ томъ свою выгоду. Онъ бла-
гословитъ нашествіе казаковъ, въ надеждѣ,
что Россія займетъ у него деньги.

Банкиръ управляетъ биржею, а биржа
управляетъ государствомъ; опъ того-то
такъ и хорошо идутъ дѣла во Франціи! —

Банкиръ Нѣмецъ, Голландецъ, Швейцарецъ, Саксонецъ, что угодно, но только не Французъ,—что однако ни чуть не мѣшаетъ ему быть перомъ; депутапомъ, министромъ, отправлять многія государственныя должности, получать огромныя жалованья отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ мѣстъ, и пѣмъ усугублять нещѣпные миліоны свои, споль *гестно* прибрѣтенные. Доспигнувъ преклонныхъ лѣтъ, Банкиръ удаляется на покой въ богатыя помѣстья свои, и намъ передраживаетъ успарьлыхъ вельможъ прежняго Двора; то есть, онъ ходитъ каждый день къ обѣднѣ, поетъ молебны, часто исповѣдывается, раздаетъ просѣиры нищимъ, и наконецъ умираетъ, оставя по себѣ память праведника. Въ заключеніе прибавимъ, что Банкиръ былъ, какъ говорится въ свѣтѣ, человекъ порядочный, и умеръ бы нищимъ, если бы прожилъ вѣкъ свой, какъ человекъ честный.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТОРГУЮЩІЙ ВОЛОСАМИ.

Въ щегольской и ярко освѣщенной лавкѣ славнаго парикмахера *Августа*, любопытные были свидѣтелями грустной и прогательной сцены, весьма рѣдкой въ мѣстахъ, посвященныхъ волосной промышленности.

Молодая дѣвица, задыхаясь отъ усталости и заливаясь слезами, вбѣжала въ богатоубранную контору власочесателя, прямо къ бюро изъ лимоннаго дерева и, развязавъ свои волосы, запопила бѣлоснѣжныя свои плечики черными волнами волосъ, доспигавшихъ до пяты ея.

Самъ *Августъ* разинулъ ротъ: его удивляла и скорая походка дѣвицы и великолѣпныя косы, на полъ передъ нимъ спруившіяся.

«Прелестные волосы!» сказалъ онъ съ хлодною учтивостью: «что вамъ угодно будетъ приказать мнѣ?»

—Я ихъ продаю;—опвѣчала дѣвица, усиливаясь удержатъ слѣзы: хопите ли купить?—

Парикмахеръ оставилъ бюро—и подошелъ къ дѣвицѣ, желая съ нею спорговаться.—«Это зависитъ отъ цѣны, какую вамъ угодно будетъ за нихъ потребовать. Признаюсь, ваши волосы чрезвычайно хороши, но теперь перестаютъ носить косы; длинныя локоны также выходятъ изъ моды; наша торговля отчасу спановится хуже. Не смотря на то, если вы согласны уступитъ ихъ за 30 франковъ: по можете сей же часъ получить деньги.»

Всѣми членами запрепетаала бѣдняжка, и закрыла волосами лицо, чтобъ не видали слѣзь ея.

Въ это время вошелъ въ лавку, изъ ближайшей комнаты, человекъ небольшого росту, не молодой и не старыи, одѣтый чисто, но не слишкомъ франповато, а такъ, какъ прилично порядочному человеку хорошаго общества и тона.

Его физіономія съ перваго взгляда показывала, что онъ не сорока-алмышникъ, не барышникъ. Онъ бросилъ на спыдливую красотку взглядъ опеческаго благоволенія; замѣтно было искреннее въ ней участіе во всѣхъ его чертахъ, которыя лѣтъ за двадцать передъ пѣмъ должны были производить пріятное впечатлѣніе.

«Не огорчайтесь, милое дитя,» сказалъ онъ ей, взявъ еѣ добродушно за руку: «предложеніемъ здѣшняго хозяина, (которому онъ украдкой кивнулъ головою); онъ очень честно ведетъ мелочной торгъ—и очень радъ прибрѣсть пятьдесятъ франковъ прибыли для покрытія расходовъ по лавкѣ. Но онъ не въ состояніи дѣлать значительныхъ покупокъ. Я торгую оптомъ во Франціи и въ чужихъ краяхъ, и отправляю волосы даже въ Америку. То, что для него невозможно, очень легко для меня. Я заплачу вамъ 100 франковъ за ваши прелестныя волосы. Впрочемъ, я опступлюсь, если *Августъ* дастъ больше. Прощу только васъ замѣпить. . . .»

—Согласна на ваше предложеніе;—вскричала дѣвица. Извольте рѣзать мои волосы, которые мнѣ ни на что не надобны!—Она опять закрыла лицо рукой, а другою гледи-

ла свои черныя косы. Парикмахеръ вынулъ ножницы и хотѣлъ уже присушить къ экзекуціи.

«Погодите, эти волосы были въ небрежности;» замѣнилъ покупатель парикмахеру, помолчавъ немного и съ примѣтнымъ замѣшательствомъ: «они сухи, безъ лоску—и находясь въ жалкомъ состояніи.»

Молодая красавица испугалась; она воображала, что купецъ отступается.

«Не опасайтесь ничего, сударыня!» почтительно сказалъ онъ, улыбаясь и спѣша её успокоить. «Честный купецъ дорожитъ своимъ словомъ. Напроривъ, онъ васъ зависитъ получить вышую цѣну.» Дѣвица спросила у него взоромъ, какъ это сдѣлать?

«Сей часъ объясню вамъ. Волосамъ нужна тщательность, которой одни собственные ихъ соки не могутъ доставить въ потребномъ количествѣ, особливо, когда волосы такъ длинны, какъ ваши. Для сохраненія ихъ мягкости, гибкости и лоску, необходимо помазать ихъ благовонною помадою и мыть нарочно для того придуманнымъ ароматнымъ мыломъ. Ваши волосы сдѣлаются грубы и начнутъ сѣться, если ихъ теперь сръзать. Но цѣна ихъ учетверится, если подождать немножко — и одобритъ средствами, мнѣ извѣстными. И такъ я, съ вашего позволенія, заплачу вамъ сей часъ половину условленной цѣны; остальную же половину черезъ недѣлю, которую вы употребите на улучшение вашихъ волосъ, такъ, какъ я научу васъ. Вы будете такъ снисходительны, что пожалуете мнѣ свой адресъ, или лучше позвольте мнѣ проводить васъ на вашу квартиру. Мои лѣта и покупка даютъ мнѣ право надѣяться, что вы примете мое предложеніе. Вы согласны?»

Разумѣется, что дѣвица согласилась. Пожилой купецъ приказалъ хозяину-парикмахеру подать себѣ распительныхъ и умягчающихъ волосы водъ, помады и благовоннаго масла, завернулъ въ платокъ и вышелъ съ нею изъ лавки. Черезъ полчаса красавица остановилась передъ скромнымъ домомъ въ Бургонской улицѣ.

Дорогою веселые разговоры и понѣ благоволенія купца плѣнили сердце юной дѣвицы, которая была доверчива, какъ всѣ бывають въ ея лѣта. Деньги, въ коихъ, какъ казалось, она крайне нуждалась, жала она въ своихъ миленькихъ пальчикахъ; чувствуя ихъ въ рукѣ, развеселилась и сдѣлалась словоохотною. Когда добрый спарикъ началъ съ нею прощаться, доброе дѣяніе упростило его отдохнуть немножко у ея маперы.

Всходя на 80 ступенекъ крупной лѣстницы въ 5 этажъ, дѣвица просила своего сѣдаго кавалера не упоминавъ ничего о волосахъ,

«Очень радъ исполнилъ вашу волю;» вскричалъ купецъ, опшѣняя сію пошлую рѣчь испинною чувствительностью: «очень радъ! я васъ понимаю — и не проговорюся. Если даже надобно будетъ выдумать маленькую сказку на щепъ пятидесяти франковъ, которые у васъ въ рукѣ, я беру это на себя. Занимаясь 30 лѣтъ торговлею, я научился обманывать не краснѣя, и вамъ не удастся перелгать меня!»

Легко понять, что нашъ купецъ не ожидалъ видѣть пышныхъ комнатъ; однако-жь бѣдность ихъ жилища пѣжко поразила и грустно удивила его.

На простой деревянной кровати безъ занавѣсовъ лежала пожилая дама; она привстала и съѣла на ней, увидя дочь, вошедшую съ поспороннимъ мущиною. Болѣзнь и нищета не могли помрачить благородныя черты лица ея, исполненнаго радушія и скромности. Господь съ перваго взгляда угадалъ, что подъ эпою бѣдною кровлею таится знаменное и благовоспитанное семейство. И онъ пошчасъ перемѣнилъ простое обращеніе въ почтительную вѣжливость, которая сдѣлала бы честь человѣку, поставленному гораздо въ высшемъ сословіи общества.

Робкая дѣвица ожидала, что ея покупатель придумаетъ что нибудь въ оправданіе новаго ея знакомства и пятидесяти франковъ, ея принесенныхъ. Вообразите же ея смущеніе, когда маленькой злой спаричокъ началъ съ жаромъ рассказывать ея маперы отъ начала до конца все происшествіе.

Тогда вы бы увидѣли, какъ больная крѣпко сжала худощавыми руками свою добродѣтельную дочь, цѣловала её съ восторгомъ, со слезами, и благодарила Господа Бога за то, что онъ послалъ ей, больной горькой спарухъ, Ангела-упѣшителя.

Добрый четверть часа прошла во взаимныхъ увѣреніяхъ и лобзаніяхъ; мать и дочь совсѣмъ позабыли о купцѣ. Наконецъ спаруха опомнилась — и извинялась передъ нимъ, какъ могла.

«Вы понимаете,» сказалъ онъ ей: «что польза прогапельной сцены, которой я былъ свидѣтелемъ, я отказываюсь опъ покутки волосъ.»

Юная дѣвица запрепепала.

«Вы оставите у себя данна мною деньги, сударыня!» продолжалъ онъ: «какъ взятыя вами у меня займы. Вы получили прекрасное воспитаніе, я въ этомъ увѣренъ, и имѣете способы жить честными, благородными трудами. Надобно только найти вамъ занятія. Расскажите мнѣ, что вы имѣете? Вы вѣрно владеете какимъ нибудь припнымъ паланомъ?»

— Моя дочь оплочно рисуешь, — сказала спаруха съ этимъ гордымъ видомъ, который споль приличенъ мапери, когда она хвалишь дитя свое.

«Плохое средство!» замѣнилъ гость, надменно оптопыря нижнюю губу: «рисуютъ для препровожденія времени; а намъ нужно извлечь изъ эпаго пользу.»

— Я рисую красками; — возразила красавица: Я ученица *Ватлета*. —

«Не имѣю чести знать г. *Ватлета*; но если вы въ самомъ дѣлѣ искусны въ живописи, я доспану вамъ работу на домъ. . . И, знаете ли, что мнѣ пришло въ голову? Я очень коротко знакомъ съ г. *Карле*, содержателемъ фарфоровой фабрики. Если вы не спыдились унизиться и сдѣлаться простою ремесленницею: то я сего дня же поговорю о васъ съ г. *Карлетомъ*. Рисуя цѣлны и сельскіе виды, вы можете доставать при и даже чепыре франка въ день; но замѣчу вамъ, что

мой пріятель знапокъ, и припомъ испыпанной честности: вы можете на него положитьсь. Угодно ли эпо вамъ? Завпра же принесу опвѣсть.»

— Великодушный человекъ! — вскричала больная, у которой глаза блистали благодарностью — Я вамъ буду обязана больше, нежели жизнию, если вы доставите вѣрный хлѣбъ моему милому дитяпи.

«Позвольте же мнѣ узнать вашу фамилію;» сказалъ гость: «мое имя *Дюмонъ*; оно не знаю, но его уважаютъ, — и я надѣюсь, что мои будущіе друзья съ удовольствіемъ спанутъ произносить его.»

— Бѣдная графиня *д'Аманвиллеръ*, которая безъ васъ умерла бы можетъ съ голода и холода, осыпаетъ васъ маперьскими благословеніями. —

«А *Женни* приноситъ сердечную признательность нѣжной дочери;» проговорило сквозь зубъ прелесное пвореніе, уронивъ горячую слезу на руку *Дюмона*. Добрый старичокъ не обнаружилъ при разставаньи неловкости дурно воспитаннаго человекъ.

Покойный мужъ графини *д'Аманвиллеръ* служилъ гвардіи офицеромъ при король *Лудовикъ XVIII*, и умеръ въ 1828 году, обремененный долгами. Вдова получала по 2 тысячи франковъ пенсіи до Іюльскаго переворота, который разорилъ её пакже, какъ многое множество другихъ семействъ. Въ печеніе прехъ лѣтъ получила она опъ казны въ пособіе два раза по 50-ти франковъ. И то еще приходила полиція её свидѣльствовать, производила повальный обыскъ, распрашивала и переспрашивала о ея соспаніи и пведении.

Первые годы они существовали своими трудами; скоро здоровье госпожи *д'Аманвиллеръ* разспроилось опъ безпрестаннаго бѣднія и лишений. Она занемогла; игла ея дочери не успѣвала выработывать денегъ на хлѣбъ насущный. Тогда-то, распродавъ все, даже самое необходимое, *Женни* рѣшилась продать свои волосы — сокровище и упѣшеніе ея жалкой мапери.

Дюмонъ приобрѣлъ на другой день, какъ общалъ. *Карле* общалъ давать имъ работу: *Дюмонъ* принесъ съ собою полдюжины бѣлыхъ фарфоровыхъ чашекъ, которыя надлежало расписать гирландами, по приложенному образчику. Дѣвица *д'Аманвиллеръ* дѣйствительно имѣла талантъ живописи, и взяла заказъ съ увѣренностью, которая ручалась за успѣхъ ея покровителью. Между тѣмъ, онъ заставилъ графиню-мать принять небольшую сумму денегъ, будто бы на покупку красокъ.

Какого почтенія достоинъ эпопѣ г. *Дюмонъ*. Его состояніе было не велико; онъ былъ холостъ, пожилыхъ лѣтъ, но очень свѣжъ; онъ накопилъ столько, что оставя шоргъ, могъ жить въ довольствѣ, не дозволяя себѣ мотовскихъ издержекъ. У него были собственныя свои понятія о будущей жизни. Онъ вѣровалъ, что Господь Богъ держитъ щѣтную книгу, въ которую записываются доходы, расходы и долги каждаго, также какъ добрыя и злыя дѣла, — и старался скромными благодѣяніями уравновѣшивать маленькіе грѣхи, неразлучные съ человѣческими слабостями.

Послѣ того, ежедневно, въ продолженіе двухъ недѣль, нашъ купецъ постоянно проводилъ по часу и по два вечеромъ у новыхъ своихъ друзей, снабженныхъ уже всеми вещами, въ хозяйствѣ необходимыми. Чувство, сладчайшее благотворенія, управляло *Дюмономъ* при нѣжныхъ попеченіяхъ о сихъ двухъ дамахъ.

Съ другой стороны, графиня *д'Аманвиллеръ* и дочь ея ощущали въ сердцѣ живѣйшую благодарность къ своему покровителю. Особенный, собственно его, способъ выражаться, забавлялъ и занималъ ихъ. Бесѣда съ нимъ дѣлалась ихъ единственнымъ наслажденіемъ; его прихода ожидали съ нетерпѣніемъ.

Однажды *Дюмонъ* зашелъ къ нимъ по утру, пропивъ своего обыкновенія, и принесъ имъ добрыя вѣсти. Онъ нашелъ имъ работу гораздо выгоднѣе и, сверхъ того, черезъ своихъ друзей исходатайствовалъ для нихъ у королевы денежное пособіе, въ два раза превышающее сумму, которою онъ ссудилъ ихъ.

Къ несчастію его, *Женни* не случилось дома; она понесла чашки къ г. *Карле*.

Спаринная пословица говоритъ, что *нѣщастіе къ челу нибудь пригодно*. При изъясненіи дружеской радости, у *Дюмона* вырвалось нѣсколько словъ, обнаружившихъ графинѣ *д'Аманвиллеръ* сердечное расположеніе его къ ея дочери, и дававшихъ поводъ ожидать, что онъ предложитъ ей свою руку.

Надмѣнность никогда не была порокомъ госпожи *д'Аманвиллеръ*; однакожь справедливая разборчивость руководствовала ею тамъ, гдѣ дѣло шло о чести ея фамиліи. Она склонилась разговоръ на другой предметъ, но сама себѣ общалась зрѣло обдумать эпопѣ важный предметъ, и посоветоваться съ *Женни*, расположеніе которой долженствовало быть принято болѣе всего въ уваженіе.

Рѣшеніе сего маленькаго семейнаго совѣта было, какъ нельзя больше, благоприятно г. *Дюмону*. Навѣстя ихъ въ топъ же вечеръ, онъ прочелъ доброе расположеніе къ себѣ обѣихъ хозяекъ. Черезъ мѣсяць купецъ получилъ руку прекрасной *Женни*.

Спѣшимъ объявить здѣсь, что богатство не принимало ни малѣйшаго участія въ благорасположеніи къ нему дамъ нашихъ. Онъ былъ обезпеченъ, и золотая посредственность, которую общалъ спарушкѣ нареченный зять ихъ, предпочитали они пышности, купленной на щѣпъ сердца. Скромная дѣвица вѣчно стыдилась бы людей и себя, вышедъ за миліонщика, котораго бы не любила.

Напроставъ того, *Дюмонъ*, подъ волосами съ просьбою сохранилъ черты привлекательный, глаза его блистали умомъ и добротою. Простота безъ изысканности въ одеждѣ располагала въ его пользу. Рѣдко пожилые мужчины умѣютъ быть столь услужливы, предупредительны и держать себя столь просто и благородно.

Прибавимъ, что умъ г. *Дюмона* пылкій, отъ природы возвышенъ былъ какою-то образованностью, полученною имъ въ школѣ опыта, и что онъ одаренъ былъ чувствомъ

приличіа, замѣнявшимъ у него обращеніе съ людьми свѣтскими.

Молодая дѣвица искренне привязалась къ нему всѣмъ сердцемъ за то, что сердце *Дюмона* разгадало его чувства и взяло на себя въ его лѣта составить щастіе *Женни*.

На другой день дамы согласились переселились въ домъ господина *Дюмона*, въ которомъ онъ былъ одинъ и хозяиномъ и посполальцомъ. Здоровье спарушки - графини дозволило ей выѣзжать, — и за день до свадьбы все приготовлено къ переезду.

Дюмонъ пріѣхалъ за ними въ пышномъ ландо, въ которое усѣлись съ невинною радостію обѣ дамы, уже давно отвыкшія отъ кареты.

Экипажъ остановился у подъезда великолѣпныхъ черпоговъ, надъ фронтономъ коихъ увидѣли онъ, на черной мраморной доскѣ, гербъ и, золотыми буквами написанное, одно изъ знаменитѣйшихъ именъ Имперіи. Разряженная жена швейцара подошла къ каретѣ, низко присѣла, поднесла имъ огромный букетъ цвѣтовъ и привѣтствовала ихъ: ваша свѣтлость, г. герцогъ и г-жа герцогиня, позвольте мнѣ принести вамъ мое всенижайшее поздравленіе.

— Герцогъ! — вскричала графиня *д'Аманвиллеръ*, трепеща всѣми членами.

«Точно такъ, графиня! герцогъ *Т...* Этомъ шишуль ношу я за побѣду при...»

— А ваша торговля? — шепнула, наклонясь къ нему, смущенная *Женни*.

«Этого торговлею,» отвѣчалъ смѣючись герцогъ и прижимая опечески къ сердцу свою милую невѣсту: «нажилъ я безцѣнное сокровище; теперь брошу еѣ — и куплю недвижимое имѣніе.»

МЫСЛИ КАРАМЗИНА.

Жизнь — есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику; всё другое есть шелуха, не включаю и моихъ помовъ.

*

Чѣмъ болѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея.

*

Спраستي должны не щасливить, а разработорывають душу.

*

Сухой, холодной, но умной *Юль*, въ мину-пу невольнаго живаго чувства написалъ: *douce paix de l'âme résignée aux ordres de la Providence!* — Даже *Спиноза* говоритъ о необходимости любви къ Вышнему, для нашего благоденствія.

*

Мало разницы между *мелочными* и, такъ называемыми, *важными* занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте что, и какъ можете, только любите добро, а что есть добро, спрашивайте у совѣсти.

*

Хочу быть самымъ *простымъ* человекомъ, хочу любить какъ можно болѣе; не мечтаю даже о *возрожденіи* нравственномъ; будемъ въ *середе* немного лучше пого, какъ мы были во *вторникъ* и — довольно для насъ, лѣтнихъ.

*

Для насъ, Русскихъ съ душою, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ: все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, нѣтъ человека. Съ сими понятіями, въроянно, и закрою глаза для здѣшняго Свѣта, pour voir plus clair.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДУБЪ.

(Апологъ.)

Могучій дубъ лежишь въ пыли,
Ни крѣпость не спасла, ни сила;
Нашла гроза, вмигъ молнія сразила!
Урокъ, вамъ, сильные земли.

E N I G M E.

Mon origine est fort obscure :
 Je suis né, cher lecteur, dans les champs, dans les bois.
 Je dois aux soins de l'art ma façon, ma parure,
 Et j'exerce divers emplois.
 Unique et dernier bien de l'extrême indigence,
 Emblème heureux de la puissance
 Et du devoir des pasteurs et des rois;
 A la cour, au barreau récompense honorable,
 Attribut d'un dieu de la fable;
 Chez les Romains je divisais le ciel,
 Lorsqu'ils en tiraient un présage;
 De l'oiseau prisonnier j'adoucis l'esclavage :
 Je sers dans tous les arts, je suis universel.
 On me redoute haut; habillé, j'épouvante.
 Les prodiges nombreux dont Israël se vante,
 Après Dieu, ne sont dus qu'à moi.
 Dans ses marches religieuses,
 J'offre aux yeux du chrétien les images pompeuses
 Des objets sacrés de sa foi.
 Selon ma figure et ma taille
 Je soulage l'infirme, ou livre des combats;
 Sur des traiteaux j'amuse la racaille
 Ou, sous un plus beau nom, je régis des états.
 Je fus ton jouet dans l'enfance,
 Je te guide, je te défens.
 Enfin, je suis pour tes vieux ans
 Une seconde Providence.

M O D E S.

Le soir, à la promenade, l'habit noir, vers ou bleu; le pantalon blanc, nankin ou d'étoffes claires en draps de coton, prenant les genoux et la hanche: ces pantalons, que l'on pourrait confondre, attendu leur ressemblance avec de plus communs, doivent se relever d'un double passe-poil de ganse de soie ou d'une bande piquée avec soin. La fureur des boutons de métal ciselé est passée; on les a remplacés par ceux plus simples en soie unie. Les gilets en piqué anglais sont en grande vogue; les dessins les plus distingués sont à raies petites et moyennes, violet sur blanc,

forme châle, à un rang de boutons. On en voit quelques-uns en soieries grises à petits carreaux, forme croisée. La forme des chapeaux varie assez selon le goût de son *propriétaire*; en cela nous imitons les femmes qui se coiffent, disent-elles, à l'air de leur figure; cependant les bords relevés ou tout-à-fait plats et unis, sans le moindre ourlet, ont quelque succès; mais, comme je vous le dis, cette partie de la toilette est plutôt personnelle que soumise à une règle générale.

Pl. No 23. Habit à collet de velours. — Gilet de soie égyptienne. — Pantalon de satin de laine. — Rédingote doublée en reps broche. — Gilet en Valenciennne. — Pantalon de fil d'écosse.

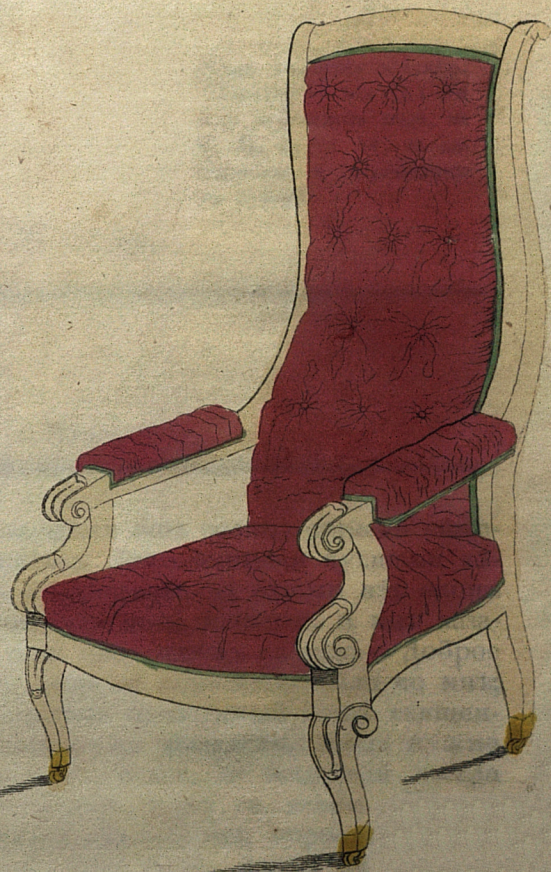
M O Д Ы.

Вечеромъ, на прогулкахъ, черные фраки, зеленые или синие; панталоны бѣлые, нанковыя или свѣтлыхъ цвѣтовъ бумажнаго сукна, схваченныя около коленъ и вершлуговъ: эти панталоны, которыя можно принять, по сходству ихъ, за самыя обыкновенныя, должны опличаться двойною выпушкою шелковаго шнурка или полоскою, пришитою со щцаніемъ. Спрасъ къ мешаллическимъ чеканенымъ пуговицамъ совершенно прошла; ихъ замѣнили простѣйшими, гладкими шелковыми. Жилеты изъ Англійскаго пике въ большомъ употребленіи: оплчтвйшій узоръ, мелкія или среднія полоски, фиолетовыя по бѣлому, форма шалью, съ однимъ рядомъ пуговицъ. Нѣкоторыя жилеты видны изъ сѣрыхъ шелковыхъ матерій съ мелкими клѣпками. Форма шляпъ довольно измѣняется, сообразуясь вкусу ихъ владѣтелей; въ этомъ мы подражаемъ женщинамъ, которыя убираютъ голову, какъ говорятъ, принаравливаясь къ лицу; впрочемъ завернутыя поля, или совсѣмъ плоскія и гладкія, безъ малѣйшаго рубца, имѣютъ нѣкоторый успѣхъ; но какъ я говорю тебѣ, это опдѣленіе наряда больше частно, нежели подлежащъ общимъ правиламъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

Карп. No 23. Фракъ съ бархатнымъ воротникомъ. — Шелковый Египетскій жилетъ. — Панталоны изъ шерстянаго атласа. — Реденготъ, поддоженный репсомъ broche. — Жилетъ по Валансьенски. — Панталоны изъ Шотландскихъ шпокъ.

Кресла Пумера.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 65.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 14 дня 1855 года.

Люби всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вѣшнія полямъ.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖЕСКАЯ УСЛУГА.

Уже было за половину Юля, и хопя дав-но пробило шесть часовъ вечера, но жаръ всё еще не уменьшался, и я не могъ рѣшиться встать съ постели, на которую бросилъ изнуренный зноемъ, и скинувъ съ себя фракъ, жилетъ и галспухъ. Я находился въ помѣ спраннымъ полуснѣ, который смѣшивая идеи въ головѣ нашей, не погружаетъ однако насъ въ совершенное безпамятство и даетъ видѣть окружающіе насъ предметы въ какомъ-то шускомъ, неопредѣленномъ свѣпѣ. Такимъ образомъ сквозь полусомкну-тыя рѣсницы мои, мелькало мнѣ голубое небо и бѣлыя облака, по коимъ двигались призраки, созданные моимъ воображеніемъ, согласно съ пріятными или печальными мыс-лями, попеременно занимавшими оно. Я думалъ о домѣ родимельскомъ, оставленномъ мною за три года предъ симъ, гдѣ первая молодость моя пропекла среди тихихъ се-мейныхъ удовольствій, и мысленно переносился въ красивую сподовую комнату, одна

костей, защищенная отъ солнца сѣрыми став-нями, освѣнялась благовонными кустами ка-прифоли и клематиса;—у одного изъ оконъ сполла пряслица моей матери, и мнѣ каза-лось, что сама она сидитъ за нею.— Доброе и спокойное лицо еѣ обращено было ко мнѣ; а возлѣ неѣ сидѣлъ почтенный нашъ священ-никъ, за которымъ посылали, когда нужно было побранить меня, но который всегда умѣлъ примирить меня со всѣми. Черезъ залу пробѣгали двѣ веселыя, хорошенькія дѣ-вочки, свѣжія какъ розы, коихъ оставилъ я дѣльми, но теперь онѣ уже выросли и го-повились быть нѣжными супругами и доб-рыми матерями. Воспоминаніе рисовало мнѣ всё, даже большой столъ изъ чернаго дубо-ваго дерева, и старый комодъ съ позолопою, на коемъ сполла высокая Японская ваза, всегда наполненная цвѣтами. Скоро одна-кожъ пріятныя картины сіи смѣнились дру-гими, менѣ мирными, менѣ привлекатель-ными, и передо мной мелькнули послѣдніе три года жизни моей, проведенной въ шуму веселостей, безъ удовольствія, въ чаду на-слаждений, безъ одного щасливаго дня—

жизни, коей пагубныя заблужденія извинялись можешь быть только молодостию лѣтъ моихъ, и въ коей я пребывалъ опчета у самаго себя, чувствуя, что при года могли быть употреблены мною иначе. Наконецъ, по долгомъ, долгомъ размышленіи, чего со мною до того еще не случилось, я привсталъ, опряхнулъ влажные, нѣсколько развѣсившіеся отъ жару волосы мои, и пожавъ себя лобъ съ нѣкоторымъ нервнымъ уныніемъ, произнесъ ту необходимую жалобу, которая всегда является на языкъ двадцатилѣтняго молодого человѣка въ мрачныя минуны его апохондріи; — по еспь, я сказалъ самому себѣ: «я бѣденъ и меня никто не любитъ!» —

Никто, значить въ семь случаевъ, что мы не нравимся ни одной молодой женщинѣ, стоящей исканій нашихъ. — Въ то время мнѣ уже наскучили красотки модныхъ магазиновъ, коихъ надобно возить по Воскресеньямъ за городъ, и угощать въ сельскихъ прачширахъ — и которыя со слезами говорятъ вамъ, что вы перестали любить ихъ, потому что не купили имъ пояска или пары перчатокъ. Любовь такого рода была уже для меня не нова, и потому я пренебрегалъ ею, — но мнѣ хотѣлось имѣть связь благородную, возвышенную, съ какою нибудь свѣтской красавицей, облеченной въ шелковую, или прозрачную какъ дымъ, одежду, съ длинными широкими рукавами, которыя бы падали на грудь мою, когда во время вечерней прогулки рука ея опиралась бы на мою руку. Я искалъ какого нибудь помнаго, блѣднаго личика, ослѣненного длинными душистыми локонами, вмѣстопѣтъхъ мѣщанскихъ, полныхъ и здоровыхъ лицъ, которыя не худѣютъ отъ слѣзъ и не теряютъ подлага румянца своего отъ сердечныхъ печалей. Словомъ, я жаждалъ спраши мрачной, испущенной, и мечталъ о ней, смотря изъ окна на верхи деревъ въ Люксамбургскомъ саду и вдыхая въ себя ароматическія испаренія розъ и ясиновъ, кои зефиръ, — единственная вещь, которую въ Парижѣ можно имѣть безъ плапы, — со всѣхъ сторонъ приносилъ мнѣ. Однакожь не смотря на романтическую грусть мою и жалобы

на одиночество, я скоро спалъ опять засыпая, и думаю, что совсемъ уснулъ бы, если бы вдругъ дверь моя не отворилась съ шумомъ.

Боясь увидѣть *Алинду*, пришедшую упрекать меня въ измѣнѣ, послѣ моей двухъ-недѣльной къ ней спраспи, я лежалъ не шевелясь, и ни мало не поропился узнать кто пришелъ ко мнѣ.

Но глухой и погребальный голосъ *Ринвалл* заставилъ меня повернуться и взглянуть на него. Онъ былъ блѣденъ, какъ человекъ отъ природы блѣдный, какъ смерть, хотя обыкновенно онъ былъ красенъ какъ свекла, — волосы его, всегда довольно распаранные, спояли теперь дыбомъ.

«*Альбертъ*, проснись и выслушай меня;» сказалъ онъ.

Я вспалъ, проперъ глаза, и посмопрѣвъ на него, испугался, между тѣмъ какъ онъ бросился — не на диванъ и не въ кресла, а на единственный стулъ, который стоялъ у меня въ комнатѣ.

— *Амедей*, вскричалъ я, что съ побою? опецъ пвой, мапъ . . . сеспры . . . или — самъ ты болѣнъ, что ли? —

«Никто не болѣнъ;» отвѣчалъ онъ, качая головою: «но я нещасливъ — я съ ума схожу отъ любви!!!»

При сихъ словахъ, произнесенныхъ голосомъ самымъ прагическимъ, овладѣлъ мною потъ бѣшенный, непреодолимый, безжалостный смѣхъ, который иногда вопреки разсудку находить на насъ, и которого мы не въ силахъ удерживать, хотя бы отъ того зависла жизнь наша. Правду сказать, бѣдный *Амедей* былъ смѣшонъ до крайности. Спрашныя его жалобы выходили изъ ужаснаго и почти беззубаго рта; улыбка опчаянія кривляла толстыя губы, и весь онъ совершенно походилъ въ ту минушу на пеленка, съ коимъ мы въ школѣ еще сравнивали его.

Сѣро-зелѣные глаза *Амедея* устремились на мои съ горестию, и я, пришедъ въ себя, пропаянулъ ему руку, какъ бы прося извиненія.

«Тебѣ можно смѣяться,» сказалъ онъ: «по-тому что ты не знаешь, что такое любовь; но я несчастный, — я потерялъ сонъ; цѣлую недѣлю не ѣмъ и не пью, и вся жизнь моя зависить отъ одного взгляда, отъ одного слова женщины.»

Тупъ я, боясь, чтобы опять не расхопашься, скорѣе прервалъ его.

— Да скажи, какъ это случилось, и чѣмъ я могу служить тебѣ? — сказалъ я.

«О, ты можешь спасти меня, и оказать мнѣ дружескую услугу, если захочешь. Слушай!» Я придвинулся; но изъ предосторожности положилъ голову на подушку, чтобы въ случаѣ смѣха закрыть ею себѣ ротъ.

«Недѣли двѣ тому назадъ,» началъ *Ринваль* печальнымъ голосомъ: «я былъ въ гимназійскомъ театрѣ. Выборъ пьесъ совершенно согласовался въ прошъ вечеръ съ своимъ душой пылкихъ, чувствительныхъ, подобныхъ моей. — Играли *Читательницу*, *Отца Семейства*, и я плакалъ какъ шеленокъ.» Самъ чортъ внушилъ ему это сравненіе, подумалъ я.

«Во время антракта,» продолжалъ *Амедей*: «я нечаянно посмотрѣлъ на ложи, и въ одной изъ нихъ увидѣлъ прелестнѣйшее въ свѣтѣ созданіе. Хочешь ли, чтобы я тебѣ опи-салъ его?»

— Конечно. —

«Вообрази себѣ блестящіе черные глаза, нѣжное, немного блѣдное лицо, маленькія дѣтскія ручки, держація зрительную трубку, и ты повѣришь, что я безпрестанно смотрѣлъ въ ложу. Незнакомка замѣтила это и отодвинулась, но глаза мои, въ кои на ту минуту перешла вся моя душа, слѣ-довали за нею.»

Мнѣ пришло на мысль, что красавица должна была имѣть жалкое мнѣніе о душѣ блѣ-днаго *Амедея*.

«Спектакль кончился,» продолжалъ *Рин-валь*: «я знакомка вышла съ другою женщи-ною. Я побѣжалъ за ними, и проходя мимо ложи, увидѣлъ тамъ забытую трубку, схва-тилъ её и опрометью бросился опять догна-вать ихъ; но толпа насъ разлучила, и я до-

бѣжалъ тогда только, когда красавица съла въ наемную карету и дверцы зашвортились. Однако-жъ я ни мало этимъ не смѣшался, и не теряя времени, спалъ на заляпки!»

— Bravo! —

«Карета поѣхала и скоро остановилась у крыльца порядочнаго дома. — Дорогою я размыслилъ, что если опдамъ трубку топ-часъ, то меня поблагодаряшь, и только! — и потому рѣшился оставить это до завтраго; дамы вышли изъ кареты не замѣтя меня, а я на другой день упромъ явился опять у воротъ дома и осторожно выпрашивалъ у привратницы, кто тамъ живетъ. — Ахъ, это должны быть г-жи *Дервье*, — сказала она. — По-диде въ прешій этажъ, тамъ на дверяхъ увидиде дощечку, на которой написано ихъ имя. —

«Я бѣгу въ верхъ, звоню въ колокольчикъ, маленькая дѣвочка отворяетъ, и я вхожу въ масперскую цвѣточницу.»

— Вотъ-те-на! —

«Прелестная незнакомка сидѣла посреди розъ и лилій; но узнавъ меня, покраснѣла, поблѣднѣла и бросилась вонъ изъ комнаты. Тѣмка ея ввела меня въ гостиную, гдѣ я опдалъ ей трубку. Меня посадили, благода-рили, — завязался разговоръ, я сказалъ кто я, и — подивись неслыханному моему щастію! тѣмка моей побѣдительницы уступаетъ мнѣ въ наймы одну изъ своихъ комнатъ, въ ко-торую я завтра переѣзжаю, хотя она хо-дитъ по 60 франковъ въ мѣсяць...»

— Глубокая тактика! —

«Я даже намѣренъ плащать имъ и за споль. Тѣмка осыпаетъ меня ласками — но *Анаиса*.... О! я знаю, что ты не любишь эпаго имени, съ тѣхъ поръ какъ малюшка...»

— Оставимъ это! —

«*Анаиса* не удостоиваетъ меня даже взгля-домъ, хотя я всячески стараюсь угождать ей; — ношу новѣйшіе романы, и она читаетъ ихъ съ жадностію; но только заговорю о чувствахъ своихъ, то она начинаетъ зѣ-вать; лишь рука моя коснетъ ея руки, она отдернетъ её съ сердцемъ; если же я взгля-

ну на неё съ нѣжностію, то она съ прудомъ удерживаетъ насмѣшливую улыбку.»

— А шѣпка? —

«О! шѣпка напропивъ того безпрестанно ободряетъ меня взорами; бранитъ, что я грущу, и говоритъ, что молодой человекъ долженъ быть веселъ и опваженъ на всё.»

— Ай! ай! — А что, она не дурна еще? —

«Ахъ, право не знаю! Я не вижу никого и ничего, кромѣ *Анаисы*.»

— Но чего же ты хочешь отъ меня? —

«А вотъ послушай! ты знаешь, что я отъ природы застынчивъ; мнѣ надобно, чтобы кто нибудь помогъ мнѣ. Познакомься съ ними; я тебя введу къ нимъ въ домъ, и ты будешь говорить съ нею за меня, — я прошу у тебя этой дружеской услуги; — знаю, что у тебя свои дѣла, и на каждый день новыя любовныя интриги; — но никто не внушаетъ мнѣ такой довѣренности, какъ ты, потому что ты благороденъ и не въ состояніи обмануть меня. Сверхъ того я долженъ сказать тебѣ, что я намѣренъ жениться на *Анаисѣ*.»

— Какъ? — да развѣ ты забылъ, что ты сговоренъ съ пивоею родственницею? Какъ же ты опдѣлаешься отъ неё? —

«Да ужъ право не знаю какъ; пѣмъ больше, что она влюблена въ меня по уши.»

Я опворопился, чтобы опять не засмѣяться.

«Пойдемъ же теперь шуда,» сказалъ *Амедей*. Я вспалъ какъ будто не хотя, медленно повязалъ галстухъ, но внутренно охотно отдалъ бы послѣдніе десять франковъ своихъ, составлявшихъ всю мою казну на оспапокъ мѣсяца, чтобы скорѣе увидѣть жестокую красавицу моего пріятеля. — Сперва шли мы довольно скоро; но вдругъ онъ оспановилъ, и положила руку на сердце, сказалъ съ глубокимъ чувствомъ: «*Альбертъ!* я обожаю *Анаису*, но хочу быть благоразуменъ, и если она не хочетъ, или не можетъ любить меня, то уѣду немедленно изъ Парижа. Завтра я узнаю свою участь.»

Мы вошли, и я увидѣлъ *Анаису*. Предеспное личико её дышало кокетствомъ и сладоспраспиемъ, — оно поразило меня. На лицѣ шѣпки написаны были всѣ пятьдесятъ лѣтъ, съ нѣкоторыми оспапками бывалой красопы. — Глаза её казалось хотѣли съѣсть меня, и она увѣряла, что я какъ двѣ капли воды походилъ на *Поля*, актѣра гимназіейской прудпы, и я замѣнилъ, что театръ эпотъ былъ въ особенной чести у шѣпки и племянницы. *Амедей* пренепалъ предъ повелительницею своею, и отъ того казался еще некрасивѣе. Онъ полкнулъ меня къ ней, а самъ завелъ рѣчь съ шѣпкою, между пѣмъ какъ я началъ разговоръ съ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, и потомъ послепенно свелъ его на любовь вообще. Женщины всѣ сильны по эпой части, и я узналъ, что къ нещаспію бѣднаго *Ринвалля*, *Анаиса* уже успѣла прочитать всѣ романы, въ коихъ спрасп сія описана самыми ясными, самыми вѣрными и разпшельными красками.

Она занималась опдѣльваніемъ модной шляпки, къ коей пришпиливала букетцы изъ померанцовыхъ цвѣтковъ. Припомнивъ нѣчто изъ пѣсенъ *Беранже*, она взглянула на меня съ улыбкою; но умоляющій взоръ *Ринвалля* напомнилъ мнѣ о моемъ обѣщаніи, и я осмѣлился сказать безъ обиняковъ нѣсколько словъ о спраспи его. *Анаиса* вдругъ такъ мило надулась, что сдѣлалась отъ того еще очаровательнѣе.

«Но онъ умираетъ отъ любви къ вамъ;» сказалъ я съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— А я терпѣть его не могу, — прошенчала она.

«Я долженъ ему сказать эпо.»

— Ахъ нѣтъ! шѣпушка запретила мнѣ открывать эпо, потому что онъ нанимаешь у насъ комнату, которая полгода спояла пустая. —

«Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами наединѣ.»

Она опворопилась; но въ печеніе общаго разговора нашла способъ мимоходомъ дапъ мнѣ знать, что завтра она будепъ въ спектакль. *Амедей* потчасъ предложилъ ей руку свою, чтобы проводить её шуда; а не

предложилъ ничего, но былъ увѣренъ, что *Анаиса* не пойдетъ въ театръ.

«Ну, что она сказала тебѣ?» спросилъ *Ринваль*, провожая меня домой.

— Ты общалъ мнѣ быть благоразумнымъ, *Амедей*. —

«Правда! пора взяться за умъ; вопъ при дня какъ я ничего не ѣлъ, и чувствую жаръ и лихорадку.»

— Ты узнаешь участь свою завтра. *Анаиса* съ чувствомъ сказала мнѣ, что будешь говорить со мною о тебѣ; но послушай, я берусь хлопотать о тебѣ не иначе, какъ съ уговоромъ, что если она любитъ тебя и желаетъ быть твоею. . . . —

«Ахъ! тогда я буду блаженнѣйшій человекъ въ мірѣ!»

— Хорошо! Но если она тебя не любитъ? въ такомъ случаѣ общаешься ли ты не распроивая выгодной для тебя партіи съ твоею невѣстою? —

«Общаю больше; общаю уѣхать, потому, что не ручаюсь за мое опчальнѣ. Я буду ждать тебя завтра на почтовомъ дворѣ и приду туда въ пять часовъ утра. Но гдѣ же увидишься ты съ *Анаисою*?»

— Объ этомъ не безпокойся. —

И на другой день въ 7 часовъ вечера я былъ у *Анаисы*, которую нашелъ одну. Въ первую четверть часа я говорилъ за друга моего со всѣмъ жаромъ ревнистаго наперсника; во вторую — я говорилъ о самомъ себѣ.

— Я иду за мужъ, — сказала она съ грустною задумчивостію; — на мнѣ женился пѣлушкинъ родственникъ, который придалъ тѣмъ годами спарѣ меня.

«И такъ нѣтъ надежды! — и такъ надобно бѣжать отъ васъ!» сказалъ я прагическимъ голосомъ опчальнаго любовника. — «Другъ мой и я сегодня же оставимъ Парижъ, чтобы не быть свидѣтелями щаслія соперника.»

Тутъ двѣ или три слезы покапались по ея щекамъ, и упали на гирланду померанцовыхъ цвѣтковъ, которую она доканчивала.

«А, это къ сватѣбѣ!» вскричалъ я съ нѣкоторымъ опчальнѣмъ.

Гирланда упала изъ рукъ *Анаисы*, и я поднялъ её. . . . .

«*Анаиса!* г-нъ *Ринваль* спрашиваетъ, не приходилъ ли кто сей часъ къ нему, — да какова твоя мигрень?» — закричала пѣпка сквозь запертую дверь.

— Г-нъ *Альбертъ* входилъ на минуточку сюда, — отвѣчала *Анаиса* дрожащимъ голосомъ.

На разсвѣтѣ я опломилъ нѣсколько вѣтвочекъ отъ гирланды, которая всё еще лежала на полу. «Я отдамъ ихъ отъ тебя *Амедею*,» сказалъ я съ усмѣшкою. Она опустила глаза, а я ушелъ тихонько изъ дому.

Я нашелъ бѣднаго *Амедела* на почтовомъ дворѣ, возлѣ одного изъ дилижансовъ. — Ну что? . . . — сказалъ онъ подбѣжавъ ко мнѣ.

«Она помолвлена за другаго;» отвѣчалъ я, подавая ему вѣтви померанцовыхъ цвѣтковъ: «и прислала тебѣ это на память.» — Онъ зарыдалъ и сдѣлался безобразенъ.

— Я получилъ вчера письмо отъ бапюшки, — проговорилъ онъ наконецъ: онъ грозилъ мнѣ гнѣвомъ своимъ, если я не женюсь на моей родственницѣ. Но всё равно! если бы не ты, то я опдалъ бы всё, что имѣю, пѣпкѣ *Анаисиной*. —

«Пожалуй не отдавай ничего, и не распроивай сосполнѣя твоего для женщины, которая. . . .» Поцѣлуй *Анаисы* горѣли еще на губахъ моихъ, и я замолчалъ.

— Милый, добрый *Альбертъ!* — вскричалъ *Амедей*, схвативъ вѣроломную руку мою.

«Поѣзжай, поѣзжай!» возразилъ я съ чувствомъ искреннаго раскаянѣя, и онъ уѣхалъ.

Два мѣсяца послѣ сего двѣ сватѣбы совершены были почти въ одно время. Наканунѣ замужества *Анаисы*, я положилъ на каминъ ключъ отъ ея спальни, и оставилъ её занятною приговореніемъ брачнаго наряда. Гирланда и букетъ померанцовыхъ цвѣтковъ лежали на комодѣ; я тихонько взялъ ихъ, пославъ издали нѣжный поцѣлуй этой слабой и легкомысленной женщиной, кото-

рая съ такою вѣпреностію оцщспливла
меня.

Амедей ждалъ меня на свою сватьбу.—Упѣ-
шилась ли *Анаиса*?—спросилъ онъ меня рас-
проганнымъ голосомъ. Въ эпомъ челоуѣкъ
грубая и безобразная наружность скрывала
нѣжное и постоянное сердце.

— Какое несчастіе!—вскричала входя се-
спра невѣсты;—вообразите! сей часъ ѣдутъ
въ церковь, а ни гирланда, ни букетъ еще
не принесены.—

Амедей съ грустью посмотрѣлъ на небо;
но я открьвъ картонъ, гдѣ лежала моя шля-
па, съ торжествомъ вынулъ изъ него *Анаисы*
цвѣты.

Дѣвочка вспрыгнула отъ радости и по-
пщила меня къ невѣстѣ, въ которой я на-
шелъ полную, красивую бѣлокурую дѣвуш-
ку, бѣлую и прямую какъ лилія. Рѣнная
кровь быстро обращалась въ крѣпкихъ ея
жилахъ; голубые глаза, розовыя щеки и алмы
губки ея дышали юнымъ здоровьемъ.

— Надобно, чтобы онъ прикололъ ей бу-
кетъ,—закричали со всѣхъ споронъ.

«Да, да, да!» повторилъ *Амедей*, хлопая въ
ладоши.

Невѣста съла; я надѣлъ ей на голову гир-
ланду,—и хопѣлъ, пользуясь правомъ своимъ,
взявъ поцѣлуй. Дѣвушка съ приличною скром-
ностію отвернулась, въ это время свадебное
ея покрывало прикрьмо до половины насть
обоихъ—и не знаю, какъ это случилось, но
губы мои нечаянно дотронулись до губъ ея,
и глаза ея вспрѣпились съ моими.

—Добрый *Альбертъ*!—сказалъ *Амедей*, сжавъ
мою руку:—ты всегда и вездѣ готовъ ока-
зать мнѣ дружескую услугу.—

Десять мѣсяцовъ спустя послѣ сего, я кре-
спилъ у *Ринвалл* перваго сына его.

СТІХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ***

(Писано въ 1817-мъ году.)

Забуду-ль время то, когда, безпечный, я
Отъ жизни ждалъ еще обѣтовъ исполненья?

Забуду ли вашъ умъ, любезность обращенья?
Забуду ли потъ домъ, гдѣ молодость моя

Нашла споль много снхожденья?...
Нѣтъ, нѣтъ, я не забылъ, сколь щасливъ былъ
я памъ;

Но въ доказательство хочу представить вамъ
Хоть коротко, но откровенно,
Картину моего погдашняго жипья,
Въ надеждѣ несомнѣнной,
Что не осердитесь за то вы на меня.

«Близъ роци и ручья

Есть домикъ собщвенный укрьшься отъ не-
настья;

Есть добрые, готовые друзья

Во мнѣ принявъ всегда участье;

Присупствіемъ своимъ мое украсилъ щасье,
Когда-бъ оно пришло.

Желаніе пришло

Искать его въ домахъ, гдѣ вкуса упонченье,
И спѣсь и блескъ живутъ въ обширномъ помѣщенъ;

Средь тѣхъ, что ловко такъ оспрятъ

Спрѣлу насмѣшки, и рукою

Непренешной друзей и недруговъ разяптъ;

Друзей, довѣрчивыхъ душою;

Средь тѣхъ, которые съ усмѣшкою сухой,

Съ бродящимъ на устахъ куплетомъ....

Зимою холодны и лѣтомъ

И водяптъ скуку за собой;

Среди дворянъ торговыхъ,

Досужихъ вѣсповщицъ,

Во всякую игру играющихъ дѣвицъ;

Спарушекъ добренькихъ, ошдашь для, васъ го-
повыхъ

Свое послѣднее—подъ дорогой закладъ.

И былъ оспавилъ радъ

И умный полъ, и полъ прекрасный...
И знапный людъ и первокласный...
И тѣхъ, которыхъ главный трудъ

Въ семъ свѣтѣ состоялъ—родилъся;

И тѣхъ, которые, чтобъ имъ не оступилъсь,

Изъ оспорожности—ползуть...
Чувствительныхъ, виномъ согрѣпныхъ...
И слугъ въ господъ переодѣпныхъ;
И тѣхъ, которые съ проэктами зашѣй—
Для пользы своихъ, а не короны...
Глупцовъ за умниковъ служащихъ легионы,
И мрачный кругъ ханжей.

И тѣхъ, которые, чтобъ имъ не оступилъсь,

Изъ оспорожности—ползуть...
Чувствительныхъ, виномъ согрѣпныхъ...
И слугъ въ господъ переодѣпныхъ;
И тѣхъ, которые съ проэктами зашѣй—
Для пользы своихъ, а не короны...
Глупцовъ за умниковъ служащихъ легионы,
И мрачный кругъ ханжей.

И тѣхъ, которые, чтобъ имъ не оступилъсь,

Изъ оспорожности—ползуть...
Чувствительныхъ, виномъ согрѣпныхъ...
И слугъ въ господъ переодѣпныхъ;
И тѣхъ, которые съ проэктами зашѣй—
Для пользы своихъ, а не короны...
Глупцовъ за умниковъ служащихъ легионы,
И мрачный кругъ ханжей.

И тѣхъ, которые съ проэктами зашѣй—
Для пользы своихъ, а не короны...
Глупцовъ за умниковъ служащихъ легионы,
И мрачный кругъ ханжей.

И тѣхъ, которые съ проэктами зашѣй—
Для пользы своихъ, а не короны...
Глупцовъ за умниковъ служащихъ легионы,
И мрачный кругъ ханжей.

И тѣхъ, которые съ проэктами зашѣй—
Для пользы своихъ, а не короны...
Глупцовъ за умниковъ служащихъ легионы,
И мрачный кругъ ханжей.

И мрачный кругъ ханжей.

Свѣшпильникъ опыта пространство освѣщаетъ,
Гдѣ долго въ слѣдъ огнямъ предашельскимъ бродилъ—
И мною модный свѣшъ оставельный мнѣ милъ,
Лишь тѣмъ, что онъ тебѣ напоминаеть.
Но ты сама скрываешься въ тѣни
Хранишельной дубравы,
Гдѣ липы высоки, гдѣ дубы величавы.
Въ уединеніи твои проходятъ дни.
Вѣнокъ изъ пуберозъ, сплетенный
Моей препещущей рукой—
Украшитель ли когда алтарь уединенный,
Изъ дерна значаго воздвигнутый побой
И тѣнямъ милыхъ посвященный?
Алтарь, близъ коего побой насаждена
Межъ незабудками лилея,
Заботливо водой ручья воспоена.
Приду, благоговѣя,
Предъ жершвенникъ вздохнушь о скрывшихся
друзьяхъ,

И скорбь пролишь въ слезахъ—
Надъ урной дорогою.
Лишь осень блѣдная ковры твоихъ луговъ
Начнешъ топтать безжалостной спокою,
И обрывать завѣсы у лѣсовъ
Холодною рукою:
Твой давний другъ съ тобою посѣшишь
Воспоминанія алтарь для насъ священный;
Онъ вздохъ отъ сердца посвяшишь—
Лилея, хладомъ пораженной...
Такъ почто какъ она,
Ты скажешь тупъ движеньемъ глазъ печальнымъ:
Подруга нѣжная моя обречена
Была судьбой—морозамъ раннимъ.
И вопъ чего-то ждешъ съ замѣшною поскою:
И тѣни милыхъ намъ насъ окружають собой,
Оставляють свой черпогъ надъ звѣздный и огромной,
Сойдутъ въ призывный часъ
На голосъ жалобный сеспры единокровной
Утѣшишь насъ!
Тогда въ слѣдъ за побой ищи ты знакъ подашь,
Разкажешь мнѣ предъ камелькомъ свѣшпильнымъ
Черпы изъ жизни ихъ—и быстрошпы придашь
Часамъ невидимо леплящимъ.
И я забуду уныватьъ:
Прогулки, размышленья...

(Въ присутствіи своемъ вслухъ буду размышлять).
И часто, часто чпенѣе.
Свѣшпильники вѣковъ
Во мракъ заблужденья!
Вы будете для насъ предметъ благословенья!
И за порывы вдохновенья
Отъ Феба признанныхъ пѣвцовъ,
И за утѣшныя о щастіи мечтанья,
Твои, о добрый другъ людей!
Лилейныхъ персей воздыханья
И слѣзы голубыхъ очей.
Твой, дружба! взоръ—дней темныхъ прояснитель!
Твой голосъ—онъ больной души цѣлитель!
Когда же, споль давно неслышимый, прольешь
Мнѣ въ сердце облегченье?
Когда свиданья день блеснетъ?
Когда въ спруяхъ Днѣпра приду испишь забвенья
Печалей и заботъ?

Лихачевъ.

Въ No 64-мъ, помѣщеннага загадка значить: *Báton.*

К Р И Т И К А.

Спелло или голубые бѣсы. *Повѣсти, рассказанныя больному Чернымъ докторомъ. Сочиненіе графа Альфреда дѣ Виньи. Съ Французскаго. Двѣ части. 1835.*

Въ одномъ Русскомъ журналѣ уже успѣли превознести до девятого неба эти повѣсти, и нельзя не согласиться, что Черный докторъ, рассказывающій ихъ своему больному, масперъ рассказывать. Но что онъ переведены легко и гисто, съ эшимъ мы не согласны.

Въ переводѣ не видно знанія ни Русскаго языка, ни Французскаго; это очень не прудно доказать: сподитъ только сравнить переводъ съ подлинникомъ, и потчасъ самъ господинъ прелагатель произнесетъ свой приговоръ.

Особенно бросается это въ глаза на тѣхъ спраницахъ, на которыхъ авторъ описываетъ артиллерію, канонеровъ и приготошленіе къ пальбѣ; на примѣръ:

Онъ взялъ свѣтильню изъ пушки и сталъ забавлятья ею, зажигая свою трубку. (Часпъ II, стр. 152.)

Карусельная площадь обставлялась батальонами, собиравшимися толпами предъ Тюльери, съ соблюденіемъ надлежащей дисциплины. (Ч. II, стр. 153.)

Генріо бѣсился. Я раздроблю швой черепъ, какъ дыню, если ты не спанешь меня слушаться. О! какъ бы не пакъ, возразилъ офицеръ, показывая ему конецъ *польла*. (Частъ II, стр. 156.)

Аршиллерійское помѣло; это орудіе называется *банникомъ*, господинъ переводчикъ и господинъ рецензентъ-хвалищель.

Онъ бѣгалъ съ права на лѣво и запутывалъ ноги своей лошади въ лафетахъ. (Частъ II, стр. 156.)

Любопытно бы это видѣть! Это что-то въ родъ *Лемана!!!*

Блеро куриль, и держа въ рукѣ *свѣтильню*, опѣвчалъ: *свѣга моя* погасла! (Ч. II, стр. 163.)

Это было довольно, чпобы начать ссору съ Генріо. Разсерженные канонеры напали на его лошадь, коломили её кулаками, *польлами* (!!!), и несчастный генераль, покрытый грязью, *вскидываемый* своимъ *бѣгуномъ*, какъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, былъ занесенъ къ Лувру. (Ч. II, стр. 164.)

Видно, что юный сотрудникъ, писавшій сію рецензію, споль же искусенъ въ аршиллерійскомъ дѣлѣ, какъ самъ хозяинъ его, *бросавшій* нѣкогда въ Данцигъ на мѣсто бомбъ — *мортиры!!!*

Изданіе въ самомъ дѣлѣ прелестно.

А. Кораблинскій.

MODES,

La faux du temps, ici il faudrait dire de l'été, a passé en *Vandale* sur un grand nombre de visages: la barbe, les favoris, voire même les moustaches, sont plus que *décimés*; on n'en voit plus que quelques-unes qui se montrent de loin en loin, comme ces *baliveaux* que la hache du bucheron a respectés et qui semblent dire: «Il y a encore du feuillage,» comme certains mentons: «Il y a encore des barbes...» Je fréquente les ateliers de Humann, dont le nom va deve-

nir européen par les nombreux succès dont il se couvre. En effet, jamais main plus habile ne s'exerça à créer et perfectionner toutes les nuances de la *fashion* et ne porta l'art du tailleur à un plus haut point de perfection. En retournant à Londres, je lui conserverai ma pratique. Que dira mon tailleur de Bond-Street?... Comme je ne lui dois rien, il prendra son parti comme il voudra... Je n'en ai pas toujours dit autant... Ah! ce maudit tailleur m'a souvent réveillé le matin au milieu de bien jolis rêves!... Arrière, *fantômes effrayans* que dans ce pays-ci on appelle *bonnets blancs*!

Encore un peu plus, et, oubliant le ton solennel du commencement de cette lettre, j'allais me relancer dans mon rôle de *clever*. Donc, pour être conséquent avec moi-même, il faut vous dire *gravement*: *good by*.—*Edward*.

М О Д Ы.

Коса времени, надо бы сказать лѣпа, прошла Вандальски чрезъ большую часть лицъ: бороды, бакенбарды, даже усы, убавлены больше нежели въ деслягую долю; видны только нѣкоторыя, кои показываются изрѣдка, какъ подростки, пощаженные попоромъ дровосѣка, будто говорящіе: «Есть еще листья!» Такъ и нѣкоторыя подборки говорящъ: «есть еще бороды.» Я посѣщаю рабочія *Гюмана*, котораго имя сдѣлается Европейскимъ по многочисленнымъ его успѣхамъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда искуснѣйшая рука не была употреблена для сосавленія и усовершенствованія всѣхъ оппѣнковъ моды и не доводила искусство портнаго до высшей степени совершенства. По возвращеніи въ Лондонъ, все онъ будешь работать на меня. Что скажете мой портной въ Bond-Street?... Какъ я ему ничего не долженъ, то онъ можетъ располагаться какъ хочеть... Я не всегда пакъ говорилъ... Ахъ! этошь проклятый портной часто будилъ меня по ушрашь, и прерывалъ самые пріянные сны!... Прочь ужасныя привидѣнія, называемыя здѣсь бѣлыми чепцами.

Еще немного, и, забывъ торжественное начало эшаго письма, я было олящъ принялся за свою роль *clever*. И пакъ, чпобъ сообразоваться съ самимъ собою, надо сказать *важно*: *good by*.—*Эдуардъ*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 66.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
сплаткою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 17 дня 1855 года.

Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль.

Грибодовъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

СЛѢДСТВІЕ ГОНЕНІЯ НА МѢСТОИМѢНІЕ СЕЙ.

Въ одинъ ясный воскресный вечеръ минувшаго Юля, когда на полянляомъ Пешербургскомъ небѣ не сѣрлось ни одного облачка, не чернѣло ни одной пучки, зашелъ я къ своему земляку, Платону Ивановичу *Спаскому*, съ намѣреніемъ заманить эшаго домосѣда на Крестовскій оспровъ. Онъ послѣ обѣда нѣжился еще на постелѣ за перегородкой; но очень мнѣ обрадовался, накинулъ Бухарскій шлафрокъ и, выскоча изъ своего будуара, крѣпко пожалъ мнѣ руку, открьлъ окно въ палисадникъ, гдѣ едва, едва зѣленѣли двѣ чахлыя берёзы, черемуха и рябина, пододвинулъ кресла и усадилъ меня. Черезъ пять-шесть минушъ, онъ велѣлъ подать мнѣ и себѣ прубки. Ихъ принѣсъ незнакомый мнѣ слуга, котораго хозяинъ послалъ купить бупылку бѣлаго пива. «У тебя новый камердинеръ: гдѣ же твой вѣрный, сѣдой *Антимъ Прокофьигъ?*»—Я согналъ эшаго спараго хрыча со двора;—отвѣчалъ мнѣ *Платонъ Ивановичъ* съ примѣшною досадою. «Не уже ли онъ началъ пьянспивовать?»—О нѣтъ! Онъ въ рошъ не беретъ ничего хмѣльнаго.—«Что-жь... нечиспъ на руку?»— Напропивъ, разсыпъ здѣсь по полу золопо; онъ до него не допро-

непся.—«Грубъ?»—О нѣтъ, хуже эшаго.—«Право, не придумаю.»—Я бы вѣкъ съ нимъ не распался,—вздохнувъ сказалъ *Платонъ Ивановичъ*: онъ нянчилъ меня въ колыбели, служилъ вѣрой и правдой моему покойному родителю, сломалъ со мною всѣ походы, берегъ, какъ роднаго сына, когда я былъ раненъ подъ Оспроленкою. И съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ 1831 года, перешелъ я въ спатскую службу, я не могъ имѣ нахвалиться: все приберѣпъ, перечинилъ, перечиспилъ... Если-бъ не эшопъ гнусный порокъ!—«Да скажи же мнѣ, чѣмъ онъ провинился?» *Платонъ Ивановичъ* вспалъ съ своего мѣспа, подошелъ къ двери, осмопрѣлъ, не подслушиваетъ ли его кпо, припворилъ крѣпко дверь, и сказалъ мнѣ почпи шопомъ: Бездѣльникъ оспрашилъ, безъ ножа зарѣзалъ меня. На эшихъ дняхъ я былъ именникъ, у меня собрались пріапели; народъ дѣловой, грамошной. Пробило 8 часовъ, я закричалъ: *Прокофьигъ!* поспавъ самоваръ.—*Сей* часъ, сударь!—отвѣчалъ мнѣ эшопъ разбойникъ. Всѣ гости захохотали, услыша пакое неблагоприсстойное мѣспоимѣніе; я чупъ устоялъ на ногахъ, и совсѣмъ поперядся. Если-бъ не братъ *Сократъ Ивановичъ* поддержалъ меня: по, право, не знаю, пере-

жилъ ли бы я такой позоръ. На другое утро я вытолкалъ его за ворота — и запретилъ на глаза мнѣ показываться. Старый бездѣльникъ! оппустишь при порядочныхъ людяхъ такое слово! Да знаешь ли онъ, что высокопочтеннѣйшій баронъ *Брамбеусъ* въ Юльской книжкѣ *Библиотеки для чтенія*, при разборѣ Европейски-знаменитаго сочиненія о Калмыкахъ г. *Филатъева*, уподобляетъ это проклятое мѣстоимѣнiе лошадиному навозу, которымъ хохлы въ Таврической и Херсонской губерніяхъ, за недоспадкою дровъ, топчуть печи? —

Мой *Платонъ Ивановичъ* часть опъ часу горячился все болѣе и болѣе; показалась пѣна у рта, глаза засверкали: онъ взбѣсился. Большаго пруда и времени спойло мнѣ его успокоить, упѣшить. Я удачно привелъ ему нѣсколько стиховъ изъ *Дмитріева* и *Крылова*, нѣсколько періодовъ изъ *Карамзина* и *Жуковского*. Видя, что волны гнѣва его начинали утихать, я увелъ его къ Симіоновскому мосту. Мы наняли элботъ — и пустились внизъ по мапушкѣ по Невѣ рѣкѣ. Вечерняя прохлада щастливо довершила то, что я такъ удачно началъ. Землякъ мой сдѣлался веселъ, шутилъ. Мы съ нимъ опорожили бутылку Соперну въ памошнемъ пирактирѣ — и ворошились домой въ два часа за полночь.

Этимъ *сѣ* не кончилось! Черезъ недѣлю послѣ перваго приключенія, завернулъ я опять къ моему доброму, но слишкомъ раздражительному земляку. Я нашелъ у него опять новаго служителя. *Платонъ Ивановичъ* уже не сталъ дожидаться моихъ вопросовъ. Онъ самъ радъ былъ случаю перелить въ грудь мою свое негодованіе, навьючить на меня половину бремени его угнепавашаго. — «Дорогой землякъ!» возопилъ онъ жалкимъ голосомъ, обнимал меня: «ты видишь во мнѣ жертву невѣжества Петербургскихъ слугъ. Въ послѣдній разъ ты видѣлъ моего камердинера?» — Мнѣ показался онъ очень порядочнымъ; — замѣтилъ я: одѣтъ опрятно, ловокъ, проворенъ, учпивъ. . . . — «И имѣешь самые хорошіе апесташы;» перервалъ меня мой хозяинъ, у котораго вся

внутренность кипѣла. «Я повѣрилъ эшимъ панегирикамъ, принялъ его къ себѣ, не порговавшись съ нимъ о жалованьи. Почти мѣсяцъ служилъ онъ исправно; не за что было побранишь его; не къ чему было придрапаться. Я радъ былъ, что мнѣ попалось такое сокровище, послѣ старика *Антипа*, котораго я опослалъ на покой въ Сызранскую свою деревню и положилъ по полутора ста рублей въ годъ пенсіи. И что же? Совсѣмъ неожиданно открылось, что онъ неотѣсанный болванъ, деревенщина. Предспавъ себѣ; вчера пришедъ объѣдать домой изъ своего департаментна, я спросилъ у него: не приносилъ ли поршной моего мундирнаго фрака? — Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ эшопъ дуралей: онъ не приходилъ поемнѣю, дорогой землякъ, когда ударило меня по ушамъ ненавистное слово *сего*. Развѣ не могъ онъ сказать: *нынѣ*, *этого* дня, *нынѣшній* день? Само собою разумѣется, что я потчасъ съ нимъ расчѣлся, опдалъ ему билетъ и распрощался. Желательно, чтобы всѣ порядочные люди поступали такъ спрого съ своими лакеями;» прибавилъ *Платонъ Ивановичъ* въ видѣ поученія: «погда бы эни неучи забыли грубый языкъ свой и заговорили бы по человѣчески. Прилично ли разумному существу употреблять слова *сей* и *оный*?» — Такъ разглагольствовалъ мой землякъ, а я между тѣмъ схватилъ шляпу — и потихоньку, потихоньку, на цыпочкахъ подкрался къ двери — и шыгнулъ въ неѣ.

А. Кораблинскій.

Село Рыбацкое.
8 Августа, 1835.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ:
СТЕЛЛО ИЛИ ГОЛУБЫЕ БѢСЫ (*).

1.

Домъ Робеспьера.

Никто не могъ бы подуматъ, чтобы временщикъ Франціи жилъ въ помѣ самомъ сѣ-

(*). Мы уже сказали, что сіи *Повѣсти* рассказаны болѣе поному: *Черныиъ докторомъ*: краснорѣчиво и заниматѣль-

ромъ домъ, въ который я вошелъ: развѣ одно только опустѣніе могло бы заставить предположить это. Домъ очень проспѣнкой, сколько мнѣ помнится, издавна занимаемый Парламентскимъ экс-адвокатомъ, принадлежалъ споляру *Дюпле*. Всѣ спавши въ этомъ домъ, съ самаго верху и до самаго низу, были закрыты; ворота заперты. Ни голоса не было въ немъ слышно: онъ казался слѣпымъ и пѣмымъ.

Группы женщинъ, разговаривавшихъ передъ дверьми, какъ всегда это бываетъ въ Парижѣ во время смяненій, показывали другъ другу издали на этопъ домъ и перешепывались на ухо. По временамъ дверь отворялась для пропуска жандарма, санкюлота, или шпіона (часто женскаго пола). Тогда группы расходились и болшуньи поспѣшно удалялись по домамъ. Кареты дѣлали полукругъ и проѣзжали шагомъ мимо воротъ. На мостовой была накинута солома. Можно было подумать, что тамъ свирѣпствуетъ чума.

Какъ только положилъ я руку на молотокъ, дверь отворилась и приврапникъ подбѣжалъ въ искугъ, опасаясь, чтобы молотокъ не ударилъ слишкомъ сильно. Онъ опять заперъ дверь медленно и съ оспорожностію. Я спросилъ его потчасъ, не приходилъ ли такой-то спарикъ, описывалъ г. *Шенге* какъ можно лучше. Съ проворствомъ комедіанта лицо приврапника спало неподвижно какъ мраморъ: онъ сдѣлалъ головою отрицательный знакъ.

— Я не видалъ такого спарика, — отвѣчалъ онъ.

Я настаивалъ, говорилъ ему: вспомните хорошенько всѣхъ, которые приходили сюда нынче по утру. — Я понуждалъ его, спрашивалъ, ворочалъ во всѣ стороны.

— Я не видалъ его. —

Вотъ все, что я отъ него могъ добыть. Оборванный мальчикъ спряпался позади

него и забавлялся, кидая камешки на шелковые чулки мои. Я узналъ въ немъ того самаго, который былъ уже разъ ко мнѣ посланъ. Я пошелъ къ неподкупному геловтыку по лѣспницѣ довольно темной. Ключи торчали въ замкахъ всѣхъ дверей; въ комнатахъ никого не было: въ четвертой только сидѣли два Негра и два секретаря, которые безпрестанно писали, не поднимая головы. Проходя, я посмотрѣлъ на ихъ сполы. Тамъ лежали ужасные списки именъ: это подкосило мои ноги, какъ видъ крови и спукъ пележекъ.

Я былъ введенъ въ молчаніи, по ковру также молчаливому, хотя очень испертому.

Комната была освѣщена слабымъ и печальнымъ свѣтомъ. Она выходила на дворъ, и длинныя темнозелѣные занавѣсы еще болѣе ослабляли свѣтъ, и скрывали спѣны. Одинъ только опблескъ отъ спѣны, находившейся на дворъ, въ которую ударяло солнце, освѣщала эту пространную комнату. На креслѣ, обитомъ зелѣной кожею, передъ большимъ бюро изъ краснаго дерева, мой больной сидѣлъ, держа въ одной рукѣ Англійской журналъ, а другой мѣшала серебряной ложечкой сахаръ въ чашкѣ съ ромашкой.

Вы можете очень хорошо предспавить себя *Робеспьера*. Есть очень много бюрократовъ на него похожихъ; физиогномія его, не выражавшая никакого величія характера, несколько не могла бы привести васъ въ волненіе своимъ присутствіемъ. Ему было тридцать пять лѣтъ; лицо его казалось сплюсненнымъ между лбомъ и подбородкомъ, какъ будто двѣ руки хотѣли насильно ихъ сблизить у носа. Это лицо было блѣдно, какъ бумага, тускло и какъ будто бы сдѣлано изъ гипса: оспа оставила на немъ глубокіе слѣды. Въ немъ не было замѣтно ни капли крови. Глаза его, крошечные, спемные, никогда не смотрѣли прямо, и отъ безпрестаннаго непріятнаго прищуриванія казались еще меньше, когда случалось, что зелѣные очки не совѣтъ ихъ закрывали. Ротъ его сжимался наискось отъ насмѣшливой ужимки, которая подала г-ну *Мирабо* случай къ сравненію его съ *кошкой*, пившей *уксусъ*. Волосы его были причесаны по модѣ и очень

но. По фамиціи разскащика можно уже догадаться, что эти повѣсти не розовыя. *Первая* часть переведена хорошо; *вторая* хуже; замѣтна споропливость, небрежность. Переводчикъ спѣшилъ къ концу — и не хотѣлъ ни справляться съ словарями, ни совѣтоваться съ людьми, разумѣющимися языки Французскій и Россійскій. — В.

пщательно. Пальцы, плечи, шея, безпрестанно сжимались и пряслись опъ судорогъ. Онъ былъ уже одѣтъ, и я никогда не заставалъ его въ negligé: въ эпотъ же день, коричневое плащье, цвѣтшюй жилетъ, жабо, бѣлые шелковые чулки, башмаки съ пряжками, дѣлали его щеголемъ.

Онъ вспалъ съ обыкновенною учпивостию, и подошелъ ко мнѣ на два шага, снявъ зелѣные очки, копорые съ важностию положилъ на столъ. Онъ поклонился мнѣ, какъ челоувѣкъ большаго свѣпа, опяшь сѣлъ и пропянулъ ко мнѣ руку.

Я взялъ её не такъ какъ у друга, но какъ у больнаго, и, отворотивъ на ней манжеты, пощупалъ пульсъ.

«Лихорадка,» сказалъ я.

— Не можетъ бытъ, — отвѣчалъ онъ, вспалъ съ досадою и, кусая губы, два раза прошелся по комнащѣ пвердыми и скорыми шагами, пощирая себѣ руки; потомъ сказалъ: ба! и сѣлъ.

— Садитесь здѣсь, гражданинъ, и выслушайте, что я вамъ скажу. Не спранно ли эпо? —

При каждомъ словѣ онъ посмащривалъ на меня сверхъ зелѣныхъ очковъ.

— Не забавно ли? что вы объ эпотъ думаете? Эпотъ крошечный герцогъ Йоркскій бранитъ меня въ своихъ сочиненяхъ! —

Онъ ударилъ рукою по Англійской газетѣ съ длинными колоннами.

Эпо припворный гнѣвъ, сказалъ я самъ себѣ; пооспережемся же.

— Тираны, — продолжалъ онъ хриплымъ, понкимъ голосомъ: тираны не могутъ никакъ перщить свободу: эпо унизительно для челоувѣчества. Посмощрите на эпо выражение, повпоряемое на каждой спраницѣ. Какая запальчивость! —

И онъ бросилъ ко мнѣ газету.

— Видите ли, — продолжалъ онъ, указывая пальцемъ опмѣченное мѣсто: видите ли: *Robespierre's army, Robespierre's troops!* Какъ будто у меня есть армя! Какъ будто я король! какъ будто Франця называется *Робеспьеромъ!* какъ будто все выходитъ опъ меня и опносится ко мнѣ! *Войска Робеспьеровъ!* Какая несправедливость! какая клеветаша! г-мъ! —

Робеспьеръ взялъ чашку съ ромашкою и поднялъ зелѣные очки, чпобы рассмотреть меня изъ подъ нихъ.

— Надѣюсь, что здѣсь никто не употребилъ бы такихъ выражений? Вы никогда ихъ не слышали? такъ ли? — Говорятъ ли эпо на улицахъ? Нѣтъ! Самъ *Питтъ* дикпуеетъ эпо обидное для меня мнѣне! — Кто называетъ меня дикпаторомъ Франци? Противники революци, прежне Дантонисты и Герберисты, копорые оспаются еще при Конвенщѣ; бездѣльники въ родѣ Лермины, котораго я вызову въ судъ; лакеи *Георга Англійскаго*; заговорщики, копорые хопящъ привеспи меня въ ненависъ у народа, потому, что имъ извѣсна непорочность моей гражданской жизни, и что я ежедневно обличаю ихъ пороки; Берресы, Капилины, копорые безпрестанно нападаютъ на республиканское правление, подобно *Делулену, Ронсену* и *Шолету*. — Эпи нечеспвые живописны такъ наглы, что хопящъ надѣщъ на меня корону! И для чего все эпо? Для того, чпобы она потчасъ же упала вмѣщъ съ ихъ головою? Не уже ли здѣсь должно повиноваться припворнымъ республиканцамъ, воращъ, копорые изъ моихъ добродѣтелей дѣлаютъ преспуления. — Полтора мѣсяца, какъ я болѣнъ — эпо вамъ извѣсно — и болѣе не показываюсь въ Комитетъ общеспвеннаго благосостоянн. Гдѣ-жъ моя дикпатура? Чорщъ возьми! Общеспво, которое слѣдитъ всѣ мои поступки, видитъ её повсюду: я слишкомъ несносенъ своею осмощрительноспю. Эпо общеспво началось съ той самой минушы, какъ родилось новое Правительспво; оно собираетъ къ себѣ всѣхъ мошенниковъ и злодѣевъ, и осмѣлилось даже распусщить слухъ по улицамъ, что я ареспованъ. Убипщ — такъ! но ареспованъ? Этого со мной не будетъ. — Эпо общеспво разгласило всякаго рода нелъпости: будто *Сен-Жюстъ* хопщъ спасти *Аристократю*, потому, что онъ благороднаго происхожденн. — Гѣфу! что за дѣло до его рода, если онъ живетъ и умираетъ съ хорошими правилами? Не онъ ли предложилъ и перевелъ декретъ объ изгнани экс-дворянъ, объявилъ ихъ непримиримыми врагами революци? Эпо общеспво хо-

пѣло обратиться въ насмѣшку празднество Верховнаго Существова и исторію *Катерины Ососъ*. Это общество меня одного обвиняетъ въ смерти всѣхъ погибшихъ, воскрешаетъ всѣ лукавства Бриссоменовъ: то, что я произнесъ въ день торжества, гораздо, гораздо превосходнѣе всей учености *Шюмета* и *Фуше*: не такъ ли?—

Я сдѣлалъ знакъ головою; онъ продолжалъ: — Мнѣ хочется сперечь съ могилами ихъ нечесливое изрѣченіе, что смерть есть сонъ, а написать: *смерть есть начало безсмертія*.—

Въ этихъ фразахъ увидѣлъ я прелюдію будущей рѣчи: онъ пробовалъ на мнѣ ея аккорды, по примѣру многихъ знакомыхъ мнѣ ораторовъ.

Онъ улыбнулся съ самодовольствіемъ и выпилъ свою чашку: поставилъ её на бюро, съ видомъ оратора въ судилищѣ, и какъ я не отвѣчалъ на его мысль, то онъ возвратился къ ней другою дорогою, потому что непременно надлежало отвѣчать ему и льстить.

— Знаю, гражданинъ, что вы со мною согласны, хотя заняты совсѣмъ другимъ; но васъ не въ чѣмъ укорять, это уже много значить. Я покрайней мѣрѣ увѣренъ, что вамъ меньше, нежели мнѣ, понравился бы военный деспотизмъ, и если меня не послушаютъ, то вы его увидите; онъ приметъ бразды революціи, ежели я опущу ихъ, и низпровергнетъ униженное представительное правленіе.»

«Это мнѣ кажется весьма справедливымъ, гражданинъ. Дѣйствительно, предсказаніе ваше истинно.»

Онъ опять улыбнулся по кошечьи.

— Вамъ еще бы больше понравился мой деспотизмъ во мнѣ самомъ, а въ томъ увѣренъ? г-мъ?—

Я отвѣчалъ съ такою же ужимкою!... Э!... но!... со всею неопредѣлимельностію; какая можетъ заключаться въ этихъ неопредѣленныхъ словахъ.

— Это былъ бы, — продолжалъ онъ, деспотизмъ гражданина, человека вамъ подобнаго, который достигъ бы его путемъ добродѣтели; и боялся бы одного дыханія отъ не-

числаго сосѣдства коварныхъ людей, водворяющихся между искренними друзьями челоѣчества. —

Онъ ласкалъ языкомъ и губами эту красивенькую фразу, какъ сладкій медъ.

«У васъ,» сказалъ я: «теперь гораздо меньше сосѣдей, не правда ли? Вамъ не мѣшаютъ?»

Онъ закусилъ себѣ губы и навелъ зеленые очки на глаза, чтобы скрыть свой взглядъ.

— Съ нѣкотораго времени, я живу въ уединеніи, — отвѣчалъ онъ: но отъ эпаго меня не менѣ клеветуютъ. —

Говоря это, онъ взялъ карандашъ и черкнулъ что-то на бумагѣ. Пять дней спустя послѣ того, я узналъ, что эта бумага была гильоппинный списокъ, въ который онъ вписалъ мое имя.

Онъ улыбнулся и прислонился назадъ спиною.

— Ахъ! да, клеветуютъ, — продолжалъ онъ: потому что, говоря безъ шутокъ, я люблю только равенство, какъ вамъ это извѣстно, и вы должны это видѣть по негодованію, которое возбуждаютъ во мнѣ эти бумаги, выпускаемыя изъ арсеналовъ пирана. —

Онъ согнулъ и смялъ, съ прагматическимъ видомъ, большіе Англійскіе журналы; но я замѣтилъ, что онъ не хотѣлъ ихъ рвать.

«Ахъ! *Максимиліанъ*» сказалъ я самъ себѣ: «ты прочтешь ихъ много разъ наединѣ и съ жаромъ поцѣлуешь эти великолѣпныя и волшебныя для тебя слова: *Войска Робеспьеровъ!*»

Послѣ всей этой комедіи, онъ вспалъ и пошелъ по комнатамъ, повертывая судорожно свои пальцы, плечи и шею.

Я вспалъ и пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Мнѣ хотѣлось бы вамъ дать прочесть кое-что, и поговорить съ вами объ эпомъ, прежде нежели спану говорить о своемъ здоровьи. Это проэктъ *Сен-Жюста*. Вамъ извѣстна моя дружба съ авторомъ. Я ожидаю его нынче къ себѣ, и мы будемъ разсуждать объ эпомъ дѣлѣ. Онъ долженъ теперь быть въ Парижѣ, — прибавилъ онъ, вынимая свои часы: я это узнаю. Сядьте и прочтите это. Я сей часъ возвращусь.

Онъ далъ мнѣ полспую пепрадь, написанную скорою рукою, и поспѣшно вышелъ,

какъ будто хотѣлъ бѣжать отъ меня. Я держалъ пепрадь, но смотрѣлъ на дверь, въ которую онъ вышелъ и размышлялъ объ эпомъ челоуѣкъ. Я давно былъ знакомъ съ нимъ: въ тотъ день я увидѣлъ его въ спранномъ безпокойствѣ. Онъ хотѣлъ что-то предпринять, или боялся какого-то предпріятія. Я разглядѣлъ въ той комнатѣ, которую онъ проходилъ, лица тайныхъ агентовъ, которыхъ часто видалъ за собою (ибо они меня преслѣдовали) и замѣнилъ шумъ отъ шаговъ, какъ будто людей безпрестанно ходившихъ то сверху внизъ, то снизу вверхъ. Голоса были очень тихи. Я попробовалъ подслушать, но напрасно, и долженъ былъ опказаться отъ своего намѣренія. Признаюсь, я болѣе боялся, чѣмъ былъ увѣренъ въ своей безопасности. Я хотѣлъ выпйти изъ комнаты, черезъ которую пришелъ; но по ошибкѣ ли, или по предосторожности, дверь за мною заперли; я былъ заключенъ.

Когда дѣло рѣшено, тогда я о немъ больше не думаю. Я сълъ и спалъ пробѣгая черновую пепрадь, съ которою *Робеспьеръ* оставилъ меня наединѣ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СУДЕБНЫЙ ПОЕДИНОКЪ ВЪ 1455 ГОДУ.

Въ средніе вѣка, каждый иностранецъ, преслѣдуемый за смертоубійство, находилъ всегда вѣрное убѣжище въ Валансень, гдѣ по выполненіи нѣкоторыхъ приказныхъ формъ, онъ пользовался совершенною свободою—и покровительствомъ города. Но если кто нибудь доказывалъ въ судѣ, что смертоубійство было совершено съ нпранствомъ и измѣнически, въ такомъ случаѣ обвиняемый обязанъ былъ драться съ обвинителемъ щипами и дубиною, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ упадалъ мертвый. Сіе варварское обыкновеніе, коего начало намъ неизвѣстно, и которое жители Валансени щипали однимъ изъ первыхъ преимуществъ своихъ, подало въ 1455 году поводъ къ спранному поединку, заслуживающему подробное описаніе.

Магюетъ Кокель убилъ въ Турнеѣ *Филиппа Гардена*, за то, что сей послѣдній не

опдалъ за него дочери своей; по совершеніи преспусленія *Магюетъ* бѣжалъ въ Валансень, и тамъ жилъ нѣсколько времени спокойно, какъ вдругъ пріѣхалъ въ городъ нѣкто *Якотель Плувье*, родственникъ убишаго *Гардена*, опыскалъ *Кокель*, и сказалъ ему: «Измѣнникъ! ты безчестнымъ образомъ убилъ родственника моего! но препещи, злодѣй, и знай, что я скоро опмщу тебѣ за смерть его!» Выслушавъ сіе, *Кокель* немедленно пошелъ въ судъ и объявилъ, что *Якотель* грозился его убить. — Судьи призвавъ *Якотеля*, замѣтили ему, что онъ возсавалъ противъ правъ и преимуществъ города Валансени, и совѣтовали умѣрить дерзость рчей своихъ. «Милостивые государи!» сказалъ *Якотель* королевскому судѣ и присяжнымъ: «я повпоряю здѣсь съ клятвою, что почно *Магюетъ Кокель* изранилъ и убилъ родственника моего измѣнически, — безъ всякой достаточной къ тому причины.» — Смотри же, помни слова свои, — возразилъ судья: потому, что если ты не поддержишь ихъ на дѣлѣ противъ *Магюета*, то мы для защищенія свободы нашей и права убѣжища, подвергнемъ тебя всей строгости законовъ нашихъ. — За снмъ ввели *Магюета Кокель*, и *Якотель* въ знакъ вызова бросилъ ему перчатку; послѣ чего оба соперника опведены были въ особыя темницы, и къ каждому изъ нихъ приставленъ былъ *Британецъ*, долженствовавшій учить ихъ сражаться щипомъ и дубиною.

Слухъ о семъ поединкѣ дошелъ до *Филиппа Доброга*, герцога Бургундскаго, который не хотѣлъ позволить его, не узнавъ сперва, почему жители Валансени присвоивали себѣ право поощрять сраженія такого роду; но вѣроятно опвѣтъ, полученный имъ, былъ удовлетворителенъ, потому что графъ *Шароле*, сынъ *Филиппа Доброга*, написалъ судьямъ, чтобы они опложили поединокъ до пріѣзда герцога, который хотѣлъ видѣть его.

Наконецъ, послѣ многихъ препятствій и оплагательствъ, сей спрашный и ужасный поединокъ назначенъ 20 Мая 1455 года, и герцогъ съ сыномъ и многочисленною свипою, пріѣхалъ въ Валансень, чтобы присутствовать на ономъ.

Мѣстомъ сраженія избранъ былъ городской рынокъ, который окружили тройною оградой, и раздѣлили на три половины. Первое опѣленіе, назначенное для битвы, усыпано было пескомъ и оставалось покаместъ пусто. Во второмъ помѣстились судьи, подъячіе, старшины, и многія почепныя особы.—Въ претѣмъ рыцари, конюхи ихъ, именитые граждане, мѣщане и прочіе люди всякаго званія; — а три городскіе присяжные полка растянуты были по укрѣпленію, защищавшему Рапушу. Для свободнаго же прохода бойцевъ проведена была особая дорога, отъ дома городского головы, до самаго мѣста сраженія.

Въ 9 часовъ утра враги спояли уже во внутренности ограды. Волосы ихъ были выбриты и на обоихъ были надѣты толстыя канифасовыя фуфайки, плотно спянутыя на пѣль. *Якотель*, какъ зачинщикъ, вошелъ первый, съ *Британцель* своимъ, несшимъ его щипъ. При входѣ, онъ нѣсколько разъ перекрестился и съѣлъ на одинъ изъ приготовленныхъ для нихъ спульевъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ. Вскорѣ за нимъ явился и *Маюеть Кокель*, который спавъ на колъпа, перекрестился и поцѣловалъ землю, на срединѣ и по четыремъ угламъ мѣста сраженія; послѣ чего также съѣлъ на черный спуль. Черезъ нѣсколько минулъ оба взяли щипы свои, въ три фуша длиною, заоспренные по концамъ и сдѣланные изъ ивы, съ вытѣсненными на нихъ крестами и серебрянымъ гербомъ. Дубины были изъ дубоваго дерева, также заоспренные съ обѣихъ сторонъ — и имѣли въ длину каждая по три фуша.

Когда оба бойца были уже совсемъ готовы, тогда главный судья пришелъ принятии присягу ихъ.—*Якотель* взялъ Евангеліе, приложился, и положи на него правую руку, клялся, что мщеніе его справедливо. *Маюеть* исполнилъ тотъ же обрядъ, но присовокупилъ, что *Якотель* злой и негодный лжецъ. При сихъ словахъ онъ однако вдругъ измѣнился въ лицѣ и спалъ ужасно блѣденъ.—Послѣ сего, ихъ съ ногъ до головы облили масломъ, дабы каждый изъ нихъ не могъ схватить другаго, и потомъ принесли двѣ

серебряныя чашки съ завпракомъ; назначенный для того смопринель опѣдалъ его сперва самъ, показывая пѣмъ, что они не имѣли причины опасаться порчи или оправы въ кушаньѣ.

Наконецъ, старшина *Мельхиоръ Гарденъ* подошелъ ко входу ограды и бросилъ перчатку *Якотелю*, сказавъ громко при разѣ: *Дьялйте должность вашу*. Въ самую ту минуу оба врага выступили другъ противъ друга; *Маюеть* бросилъ горсть песку въ глаза своего противника, и, ударивъ его дубиною, прошибъ ему голову. *Якотель*, ни мало не смѣшавшись, кинулся на *Маюета*, вырвалъ у него щипъ, и однимъ ударомъ повалилъ его на землю. *Маюеть* вскочилъ, но упалъ опять, и тогда оспервѣнившійся *Якотель* началъ сыпать въ глаза его песокъ, грызъ ему уши, и билъ его по лицу кулаками. *Филлипъ Добрый*, который смопрѣлъ на сіе ужасное и отвратительное зрѣлище изъ оконъ *Мельхиорова* дома, гдѣ онъ оспановился, жалился надъ произительными воплями *Маюета Кокеля*, и послалъ чиновника спросить у главнаго судьи, нельзя ли спасти несчастнаго и даровать ему жизнь; но судья никакъ не согласился на то, представляя невозможность нарушить преимущество и обычай города Валансьены. Между тѣмъ *Якотель* продолжалъ варварски пиранишь противника своего; онъ рвалъ кожу его зубами и ногтями, и болсъ, чтобы изступленные крики его не пронули народъ, начавшій уже роптать, сыпалъ ему въ ротъ кучи песку — и прижалъ голову его плотно къ землѣ; при чемъ однако жъ *Маюеть* успѣлъ откусить ему палець, и тогда оспервѣнившійся *Якотель*, переломивъ ему руку и хребетъ, началъ топтать его ногами и кричать: «Сдайся же измѣнникъ, убійца! признайся въ преступленіи своемъ; сознайся наконецъ, что ты побѣжденъ и что убилъ родственника моего, какъ подлый измѣнникъ!»—Признаюсь!—сказалъ тихо *Маюеть*. «Нѣтъ, говори громче, злодѣй! говори такъ, чтобы все могли тебя слышать!»—Виноватъ! виноватъ!—закричалъ несчастный; и обративъ къ дому, гдѣ былъ герцогъ.—Государь! возоимъ! онъ,—я служилъ вамъ на войнѣ про-

пивъ жипелей Гаида! даруйте мнѣ жизнь! — О Государь! спасите меня! — Ради Бога, прошу васъ! — Сердце добраго герцога раздиралось опъ жалости, и онъ послалъ опящъ просить судью, просить эпога человека, или по крайней мѣрѣ дозволить погребсти тѣло его въ освященной землѣ; — но судья рѣшительно отказалъ во всемъ, говоря, что должно было выполнитъ законъ въ точности. Наконецъ *Якотель* нанесъ сопернику своему четыре смертельные удара въ голову, — выпацилъ тѣло его за ноги вонъ изъ ограды. Всѣ думали, что *Магюетъ* уже умеръ, но онъ вдругъ очнулся и спросилъ священника. Кармелипскій монахъ принялъ его исповѣдь, и онъ яснымъ и внятнымъ голосомъ прочишалъ покаянную и опходную молибву, выпилъ нѣсколько рюмокъ вина, просилъ *Якотелю Плувге* смерть свою — и попомъ испустилъ духъ.

Въ самое эпо время королевскій судья, войдя въ судейскую камеру, произнесъ смерпный приговоръ побѣжденному, присуждая его бытъ повѣшену и удавлену, какъ смерпоубійцѣ. Приговоръ сей немедленно былъ обнародованъ и приведенъ въ исполненіе. Палачъ взялъ мертвое тѣло *Магюета Кокелл* и попацилъ его на рогожъ къ висѣлицѣ.

Послѣ сего, *Якотель Плувге*, пришедши въ судъ, спросилъ судью: *Хорошо ли онъ исполнилъ свою должность?* — Хорошо, — опѣчалъ судья: теперь иди съ миромъ куда хочешь, и будь спокоенъ, попому что никто не спанептъ превожитъ тебя по эпому дѣлу. — *Якотель* опсправился опшуда въ Рапушу, гдѣ нашель *Матвѣя Клартона*, *Британца* своего, и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ церковь Свяпыхъ Богоматери, по прозванію Великія, гдѣ оптѣли они благодарный молебень, и сдѣлали значущее подаяніе. По выполненіи сего набожнаго дѣла, они воропились въ Рапушу, гдѣ *Якотель* снялъ съ себя воинспвенную одежду и надѣлъ обыкновенное плащье. При семъ случаѣ *Сосъ Роленъ*, одинъ изъ именпыхъ гражданъ, далъ ему кварспиру въ

домъ своемъ, и нѣсколько дней сряду угощаль его.

Что-же касается до щиповъ, дубинъ и спульвевъ, на коихъ сидѣли пропивники, по все эпо опнесено было на время въ домовую церковь градскаго головы, а попомъ поспавлено въ судейской камерѣ, за креслами главнаго судьи. Въ позднѣйшія же времена перенесли вещи сіи въ палату, гдѣ производились пыпки надъ преспупниками, и гдѣ *Симонъ Лебукиъ* еще видѣлъ ихъ въ свое время.

Герцогъ Бургундскій во всю жизнь свою не могъ проспитъ себѣ, что былъ свидѣтелемъ зрѣлища споль ужаснаго, и съ тѣхъ поръ старался о уничпоженіи варварскаго преимущеспва жипелей Валансъеня. — Дѣйспвительно, судебные поединки въ скоромъ времени совершенно прекратились въ его владѣніяхъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ***

Повѣрьте, милый мой *Макаръ*,

Что васъ душевно уважаю, —

Мои спихи, мой слабый даръ —

Ну словомъ, всё вамъ предлагаю.

Лишь дружбу предложитъ боюсь,

За тѣмъ, что эшимъ всё изгажу;

Когда я съ вами подружусь,

Съ разсудкомъ вѣрно ужъ разлажу.

Е. III — ий.

Ш А Р А Д А.

Въ боспонъ играючи, по сдачѣ карпъ, когда

Нѣтъ королей и нѣтъ тузовъ: тогда

Игрокъ вздыхаючи мой *первый* слогъ вамъ скажеть.

А на *второй* морякъ съ улыбокю укажеть.

Безъ *цѣлаго* ни жипъ, ни вѣхашъ въ даль неможно:

Вамъ не дадутъ и подорожной!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 67.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 21 дня 1855 года.

Комедіей своей Клеонъ
Всѣхъ насъ заставилъ горько плакать!
За это гнѣваеися онъ:
Шумишь, ворчишь; но что пустое, братъ, калякать,
Не лучше-ль насъ простить?
Мы предъ побой въ винѣ смиренно признаемъ.
Теперь трагедію ты долженъ сочинить,
И вѣрь, что мы въ твою угодношь посягнемъ.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ИЗЪ ФИНЛЯНДІИ
КЪ БРАТУ И. Е. ГРЕНУ (*).

*Мои геросъ, — Финская церковь, — Хуссъ-
Нъли, — два анекдота, изображающіе нравы
Финновъ.*

Всего чаще въ Свѣтѣ не сбываются на-
дежды наши: мы думаемъ, что скоро достиг-
немъ предмета нашихъ желаній, однако же
часто въ одинъ мигъ все разрушается, и мы
опять на прежнемъ пути обманчивой жизни
нашей. Такъ и со мною случилось, любезный
братъ; я обѣщалъ тебѣ на дняхъ возвра-
титься въ Пепербургъ, но обсполительства
перемѣнились и я долженъ по видимому про-
жить въ Финляндіи еще долго. Ты просишь
меня сообщить тебѣ описаніе *Мои геросъ*,
увеселительнаго загороднаго сада барона Ни-

колай. Изволь; описаніе мое будетъ небога-
то, за то вѣрно.

На каменистомъ берегу Финскаго залива,
въ двухъ верстахъ отъ Выборга по Фри-
дрихсгамской дорогѣ, на правой сторонѣ,
среди густаго сосноваго лѣса стоитъ живо-
писное помѣстье барона *Николай*. Дикое,
прелестное мѣстоположеніе даетъ ему видъ
самый очаровательный. Здѣсь природа въ
геніальныхъ произведеніяхъ своихъ выспа-
вила всѣ идеалы совершенства; искусство
рукъ человѣческихъ едва прикасалось ко-
гдѣ и потому почти незамѣтно. Взойдя на воз-
вышенный холмъ, ты видишь съ одной сто-
роны спокойныя воды Финскаго залива, по
которымъ корабли, оживленные промышлен-
ностію, спѣшатъ въ Россію, Швецію, Фин-
ляндію. Нѣсколько мелкихъ острововъ раз-
бросано въ прилпномъ безпорядкѣ и, какъ
почки, чернѣются маяки гавани Спиральзун-
да. Съ другой стороны обширныя горы кам-
ней образовали площадку, на которой ви-

(*) Первое было помѣщено въ 55 № Литт. Прибав. 1834.

дѣнь сельскій домикъ опца нынѣшняго владѣльца. Здѣсь старый баронъ *Николай* въ часы досуга любилъ заниматься поэзіею, и нерѣдко благодѣшительная рука его опирала здѣсь слѣзы бѣдности. На право, за каменною оградою, цвѣтущая долина и на ней разсыпанное спадо. Пастушья свирѣль напѣваетъ унылыя пѣсни безпечнаго Финна, и сквозь деревъ мелькаютъ небольшіе домики Выборгскаго фюршпата. Карпина испинно очаровательная!

Суровый край: его красамъ,

Пугаяся, дивящся взоры;

На горы каменныя тамъ

Поверглись каменныя горы;

Синья, всходящъ до небесъ

Ихъ своенравныя громады;

На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,

Съ нихъ бурно льются водопады....

Баратынскій.

Вопъ стихи нашего Финскаго поэта: они вѣрно изображаютъ карпину Финляндіи и *Mon repos*.—Во внутренности сада: густыя алеи, прелестныя цвѣтники, оранжереи съ рѣдкими распѣніями Востока — переносятъ зрителья неожиданно подъ экваторъ, въ Индію. Флора здѣшняя столь богата и разнообразна, что изумленный взоръ не знаетъ на чемъ остановиться.—Недалеко отъ берега есть островокъ, на которомъ построена маленькая крѣпостца. Тамъ покоится съ миромъ прахъ опца нынѣшняго владѣльца. Три уединенныя сосны осѣняютъ его надгробный памятникъ. Здѣсь любитъ распѣвать свѣрный соловей. Меня увѣряли, что *Баратынскій* часто посѣщалъ садъ сей и здѣсь обдумывалъ свою *Эду*. Въ *именной роцъ*, на одной изъ вѣковыхъ сосенъ, я видѣлъ также фамиліи двухъ знаменитыхъ писателей нашихъ: *Д. В. Давыдова* и *К. Н. Батюшкова*.—Оспавляя до слѣдующаго письма описаніе сего сада, я только скажу, что помѣстье барона *Николай* есть единственная дача въ свѣрномъ краю Европы; соотвѣтую каждому путешествуящему по Финляндіи взглянуть на прелестное *Mon repos*.

Въ Воскресенье 26-го Августа—я зашелъ въ Финскую церковь. Старинное, готической архитектуры зданіе сіе имѣетъ видъ чепвероугольника и построено Финнами еще за долго до основанія Выборга. Стѣны, сложенные изъ огромныхъ дикихъ камней и слипыхъ свинцомъ, не боясь руки времени и устоявъ многіе вѣки.—Почтенный спарецъ, пробсѣ Финскихъ церквей, *Пенцелиусъ*, говорилъ проповѣдь: *о смиреніи*. Народъ слушалъ его съ испинною набожностію, и я замѣтилъ, что многіе плакали. Я сѣлъ въ задній уголъ церкви и перенесся мысленно въ лучшій, идеальный міръ; забылъ все земное и, *тамъ*, въ небесномъ, искалъ оправды для измученной нещастіями души моей. Долго, долго я сидѣлъ въ задумчивости; звонъ колокола и шумъ народа, выходящаго изъ церкви, возвратилъ меня опять на землю: и лучшія, прекрасныя мечты мои исчезли какъ сонъ.

Вечеромъ я поѣхалъ съ *Е. А. П.* на Финскомъ челнокѣ въ Хуссъ-Нѣми, (лѣпный островъ). Челнокъ бѣжалъ быстро, такъ что въ чепверть часа проѣхали мы чепыре версты и очутились на острову. Привязавъ нашу лодку къ кустарнику, мы вышли на берегъ. Два, при домика, вокругъ которыхъ сушились рыбачьи сѣпи, и больше ничего! На порогѣ одного дома сидѣлъ почтенный, лѣтъ семидесяти, старикъ; вперивъ глаза свои на синія воды залива, онъ казался искалъ въ нихъ чего-то. Усмотрѣвъ насъ, онъ вспалъ и почтительно поклонился, прося посѣпить его жилище. Во внутренности хижины мы нашли опрятность и чистоту; двѣ молодыя дѣвушки, хорошенькія собою, занимались шитьемъ; въ углу сидѣла старуха, мать ихъ, лѣтъ пятидесяти. Я сѣлъ на лавку у окна, съ котораго видъ очаровательный: солнце величественно догорало на западъ и послѣдніе лучи его отражались въ тихо-спрующемся заливѣ; уединенныя берѣзы и вѣковыя сосны своею глубокою мрачностію и царственныимъ величіемъ наводили на душу мою что-то неизъяснимое, небесное! Слеза навернулась на глазахъ моихъ, и эта слеза, непонятная холодному эгоизму, была слезою чистаго, невыразимаго удовольствія.

Ahi! null'altro che piauto al mondo dura!

Petrarque.

Ахъ! въ свѣтъ нѣтъ ничего поспѣяниѣе и пріятнѣе сжѣтъ!

Petrarca.

Мы рвали и ѣли ароматическую *малуру* (сѣверная малина, распушая въ одной полько Финляндіи) и, побродивъ по острову, возвратились въ девяти часовъ въ Выборгъ. — Въ общей залѣ пражпиря сеньора *Мотъте* собрались нѣсколько офицеровъ, и здѣсь я подслушалъ два анекдота, изображающіе нравы и обычаи Финновъ. Вотъ они:

— Опець мой, — говорилъ одинъ молодой офицеръ: былъ заживочный паспортъ одной деревни. Крестьяне любили и почипали его. Однажды, это было въ Воскресенье, онъ сидѣлъ за споломъ съ своимъ семействомъ и обѣдалъ. Входитъ пожилыхъ лѣтъ крестьянинъ, поклонился почпипательно опцу моему и, взглянувъ на салапъ, который мы тогда ѣли, поспѣшно вышелъ вонъ. Опець мой приказалъ его воропипть, и онъ вошелъ снова съ поклономъ. «За чѣмъ ты такъ поспѣшно вышелъ, *Томасъ?* спросилъ опець мой крестьянина, и что тебѣ надо?» — *Эй митте!* (ничего), отвѣчалъ крестьянинъ: мой хопѣлъ попросипть у васъ клѣба, но мой видипть, что вы самъ кушай праву! —

— Другой крестьянинъ Сентъ-Михельской губерніи, возвращаясь изъ одной дальней деревни домой, нашелъ на дорогѣ золотые часы, вѣроятно поперянные проѣзжимъ. Думая, что это какая ни естъ незначиущая вещь, онъ не разсмапривая положилъ ихъ въ карманъ. Пріѣхавъ домой, онъ показалъ находку свою женѣ, которал взявъ часы въ руки и услышавъ біеніе маятника, поспѣшно бросила на споль: *синъ исту пергалла!* (здѣсь сидипть дьяволъ!) проворчала она сквозъ зубы. Мужикъ приложилъ часы къ уху и съ испугомъ бросилъ ихъ на полъ, попомъ схвативъ попоръ, разбилъ ихъ въ дребезги. —

Справедливы ли эти анекдоты, не ручаюсь, но я слышалъ ихъ опъ такихъ людей, на вѣрность которыхъ положипться можно. — Прощай, любезный братъ! Слѣдующее писъ-

мо получишь пы опъ меня въ Воскресенье 30-го Августа.

Александръ Грень.

Выборгъ.

27-го Августа 1853.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ: СТЕЛЛО ИЛИ ГОЛУБЫЕ БѢСЫ.

(*Окончаніе.*)

2.

Законодатель.

Это было, сударь, не иное что, какъ поспановленія неизмѣнныя, вѣчныя, которыхъ хопѣли дашь Франціи, и щцапельно изгопвленныя для неѣ *Сен-Жюстомъ*, гражданиномъ двадцати шести лѣтъ.

Сначала я прочелъ съ разсѣяніемъ, попомъ мысли бросились мнѣ въ глаза, и я изумился пому, что видѣлъ.

О откровенный пиранъ! о проспосердечный палачъ! вскричалъ я невольню, какой ты прелестный ребенокъ! откуда ты прекрасный паспушокъ, не изъ Аркадіи ли? Съ какихъ скалъ спускаются пвой козочки?

Говоря такимъ образомъ, я началъ чипапъ:

«Дѣти предоспаваются природѣ.

«Дѣти одѣваются въ полопниное платье во всякое время года.

«Дѣти кушуютъ всѣ вмѣстѣ и пипаются полько плодами, овощами и молочнымъ.

«Мущины, прожившіе до шестидесяти лѣтъ безукоризненно, будутъ носипть бѣлый шарфъ.

«Мущина и женщина, любящіе другъ друга, спановаятся супругами.

«Если у нихъ нѣтъ дѣшей, по они мѣгутъ не объявлять о своей связи.

«Всякой мущина, на двадцать второмъ году опъ роду, обязанъ объявипть во храмъ, кто у него друзья.

«Друзья: будутъ носипть другъ по другѣ прауръ.

«Друзья роуютъ другъ другу могилу.

«Друзья становятся въ сраженіяхъ другъ подлѣ друга.

«Тотъ, который скажетъ, что не вѣришь дружбѣ, или у кого нѣтъ друзей, осуждается на изгнаніе.

«Мущина, уличенный въ неблагодарности, подвергается такому же наказанію.

(Какая эмиграція! подумалъ я.)

«Если мущина совершитъ преступленіе, друзья его подвергаются изгнанію.

«Убійцы носятъ черное платье во всю свою жизнь, и повинны смерти, если снимутъ это платье.»

Сердце невинное и кропкое, вскричалъ я мысленно, мы неблагодарны, обвиняя себя! Твои помысленія чисты, какъ розинка на розовомъ лиспочкѣ, а мы жалуемся на себя за нѣсколько фуръ, наполненныхъ людьми, которыхъ ты ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ отсылаешь подлѣ ножъ. А ты ихъ не видишь, не допрогиваешься до нихъ, добрый юноша! Ты пишешь только ихъ имена на бумагѣ! — еще менѣе того, смотришь на списокъ и подписываешь! и еще менѣе того, — не читаешь его, а только подписываешь!

Послѣ этого я долго и много смѣялся, смѣялся отъ души, пробѣгая эти послановленія, называемыя Республиканскими, которыми вы можете прочесть, если вамъ будетъ угодно, эти законы золотого вѣка, къ коимъ жестокой святоша хотѣлъ приневолить нашъ мѣдный вѣкъ; воображаю себя платье дѣпское, въ которое онъ хотѣлъ одѣть эту великую и бодрую націю, а чтобы такъ нарядить её, для этого онъ рубилъ всѣмъ головы и руки.

Прочтите это, и вы согласитесь со мною, что этою юноша былъ очень жалокъ, ибо глупость самое величайшее изъ несчастій.

Ахъ! есть глупости мрачныя, важныя, которыхъ не доводятъ людей ни до какого сумазброднаго разговора, не выскупаютъ за кругъ тона общепринятаго, оспавляютъ зрѣніе числымъ, свободнымъ и вѣрнымъ во всемъ. Эти глупости, холодныя, положительныя и обдуманныя, пакъ хорошо поддѣлы-

ваются подлѣ здравый смыслъ, что трудно различить ихъ отъ него; онѣ усмрашаютъ и внушаютъ почтеніе; ихъ трудно открыть, и хотя ихъ маска непроницаема, однако же онѣ существуютъ.

Что же нужно, чтобы произвели эти глупости? Ничтожная переменна въ положеніи мечпачеля очень, очень молодого.

Возмите, на удачу, изъ школы какогонибудь великаго юношу восемнадцати или девятнадцати лѣтъ, занятаго своими Спартакцами, Римлянами, разведенными въ спарринныхъ фразахъ, гордаго своимъ званіемъ древнихъ и новыхъ Правъ; знающаго наслояцій свѣтъ и его обычаи только по своимъ поварищамъ и ихъ нравамъ; гнѣвающагося на проѣзжающія кареты, въ которыхъ онъ не ѣздитъ; презирающаго женщинъ, потому что знаетъ только самыхъ подлыхъ; смѣшивающаго слабости нѣжной, образованной любви съ низкимъ распутствомъ бродяжничества; судящаго о всемъ шлѣ по одному члену, обо всемъ полѣ по одному существу, и спарающагося сославить въ головѣ своей какойнибудь универсальный синтезисъ, могущій сдѣлать изъ него глубокомысленнаго мудреца на всю жизнь; возьмите его въ эту минуту, и подарите ему гильошину, сказавъ:

— Вотъ инструментъ, дружокъ, посредствомъ котораго ты заславишь повиновать себя всю націю; спиши только здѣсь попянуть, а павъ прижасть. Это очень просто. —

Подумавъ немного, онъ возьметъ одной рукой школьную бумагу, а другой игрушку, и, увидѣвъ, что его въ самомъ дѣлѣ боялся, начнетъ тянуть и прижимать пружину до пѣхъ поръ, пока его не раздавятъ со всей его машиной.

И едва ли его можно назвать злымъ человекомъ. Нѣтъ, если строго судить, онъ будетъ даже человекомъ добродѣтельнымъ. Ему сполько разъ случалось читать въ превосходныхъ книгахъ: *справедливая строгость, спасительное убійство, да погибнетъ скорѣе вселенная, нежели принятое правило!* и въ особенностяхъ: *добродѣтель, огищающая пролитіе крови; мысль чудовищная, исчадіе страха.*

Право, онъ вѣришь въ свою добродѣтель, вѣришь въ себя, и безпреспанно повпоря самому себѣ: *Justum et tenacem propositi virum*, доходитъ до того состоянія, въ которомъ не чувствуютъ болѣе горестей ближняго, принимаетъ это безчувствіе за величіе и мужество, и..... приводитъ въ исполненіе....

Все несчастіе будетъ состоятъ въ поворотѣ колеса Фортуны, которая подняла его слишкомъ высоко, и слишкомъ рано дала ему пагубнѣйшую изъ всѣхъ вещей: *Власть*.

СУДЕБНАЯ РАСПРАВА.

По части женскихъ нарядовъ.

Въ прежніе времена мѣщанки, то есть средній классъ гражданокъ во Франціи, не пользовались еще свободою носить пѣ платья и уборы, на кои однѣ знатныя женщины имѣли исключительное право. Въ противномъ случаѣ, конфискація въ казну нарядовъ, купленныхъ украдкою, спрогая пеня, и даже самая тюрьма, щипались легкимъ наказаніемъ, за дерзкое кокетство женщины, нарушившей положеніе законовъ.

Нынѣ, когда время, сей безприсрастный уравнитель всѣхъ неровностей, изгладило съ прочими преимуществами нашими всякое оплчіе въ одеждѣ женщинъ, нынѣ, жена послѣдняго лавочника можетъ, наравнѣ съ самою чопорною придворною дамою, одѣваться, если хочетъ въ шелковыя шкани и носить драгоценныя каменья — та и другая подвластны одному только закону — Моды, не знающему различія состояній; но въ старину было иначе; и мы думаемъ, что любопытно изыскашь, на чемъ основывалось поспранное узаконеніе, въ силу коего, какъ говорится въ приказномъ слогѣ, женщины средняго сословія лишены были права носить одинакую одежду съ женами знатныхъ вельможъ.

Безъ сомнѣнія, ни одна изъ нашихъ чипательницъ, принадлежащихъ къ классу щегодеватыхъ и хорошенькихъ мѣщаночекъ, не прочтетъ сихъ постановленій безъ горести; и если она истинная дщерь *Еввы*, по

вѣрно скажетъ самой себѣ: «если бы по несчастію я родилась въ эти варварскіе времена, то вопреки запрещенію — то есть именно для него, нарочно бы ничего другаго не носила, кромѣ самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ матерій; и такимъ образомъ, презирая собственную опасность и спокойствіе, подавала бы собою примѣръ своевольства (разумѣется въ одеждѣ только) всѣмъ молодымъ женщинамъ моего вѣка.» Вопль повпореніе вѣчной исторіи о запрещенномъ плодѣ!

Самое давнее постановленіе о нарядахъ обнародовано *Филиппомъ Красивымъ* въ 1294 году. Онымъ не только запрещалось мѣщанкамъ носить шелковыя шкани, но въ немъ даже упоминалось и о *шаллахъ*. Мы выпишемъ здѣсь спашью сію опѣ слова до слова.—«Ни одна мѣщанка не смѣетъ надѣть *шали*; ни одна изъ нихъ не можетъ носить черевьяго мѣху, горноспал, золота, серебра — и украшать головы своей діадемою.» Согласитесь послѣ эпюга, что въ 1294 году, бѣдныя мѣщанки должны были играть жалкую ролю на балѣ и въ публичныхъ собраніяхъ!

Со всѣмъ тѣмъ кажется, что постановленіе сіе было не въ точности выполняемо, потому что *Лудовикъ XI*, возспавая пропивъ роскоши, заразившей всѣ сословія съ царствованій *Карла VI* и *Карла VII*, издалъ узаконеніе еще спрожайшее прежняго, въ коемъ сказано: «слѣдствіемъ пагубнаго поповорства правительствва было то, что мужчины и женщины спали носить тонкое сукно, золотую и серебряную парчу, шелковыя или шерстяныя матеріи, не взирая на породу свою, до спашокъ, и ничтожность званія ихъ.»

Лудовикъ XI былъ, по словамъ историковъ, государь опмѣнно *бережливый*. Онъ любилъ деньги, и потому приказалъ конфисковать въ казну всѣ запрещенныя одежды и непозволенныя галантерейныя вещи, налагая на проспупившихся пеню до 60 ливровъ Парижской монеты; и такимъ образомъ, кокетство и ослушаніе молодыхъ мѣщанокъ, доставляли государству довольно значущій доходъ; а чтобы никто не могъ опговорить-ся незнаніемъ закона, то король велѣлъ объя-

вишь, что выйдутъ образцы и выкройки платья, которое каждый обязанъ былъ носить по своему званію.

Постановленіе *Карла IX*, по сему же предмету обнародованное въ 1560 году, опмѣнно любопытно по своей строгости; вошь оно: «Женщины, послѣ перваго года супружества, не должны носить на головѣ никакихъ золотыхъ украшеній; въ первый же годъ, дозволяются золотыя цѣпи, ожерелья и браслеты, но безъ эмали. Въ противномъ случаѣ пресупившая законъ платитъ въ казну 200 Парижскихъ ливровъ.»

Занеимѣніемъ историческихъ документовъ, мы постараемся изяснить чистопельницамъ нашимъ смыслъ страннаго сего узаконенія по догадкѣ.—Вѣроятно, что *Карль IX*, запрещая замужнимъ молодымъ женщинамъ носить золотыя уборы, хотѣлъ дать симъ знать: 1-е, что женщина, снявшая съ себя вѣнецъ дѣвическій, первое и прекраснѣйшее украшеніе пола ея, уже лишается права украшать голову свою золотомъ, симъ чистымъ мепалломъ, служащимъ эмблемою невинности и цѣломудрія.—2-е, что супруга и мать семейства, не должна уже занимать спудаломъ, а думать единственно о домашнихъ своихъ обязанностяхъ. 3-е, что устарѣлыя кокепки смѣшны, когда, сохраняя спрасъ къ блестящимъ нарядамъ, онѣ украшаютъ посѣдѣвшіе волосы свои золотою діадемою.

Впрочемъ, какое бы ни было намѣреніе *Карла IX*, но мы можемъ почти безошибочно сказать, что въ его царствованіе вѣрно ни одна молодая дѣвушка не одѣвалась къ вѣнцу безъ сердечной горести, воображая со вздохомъ, что нарядъ, вынимаемый ею изъ шкапудки, скоро возвратится въ неѣ опять, и увы! навсегда.

Симъ же самымъ постановленіемъ не позволяется слугамъ, носящимъ ливрею, носить шелковую матерію даже на подкладкѣ. Въ противномъ же случаѣ они подвергаются пени, започенію въ пюрюму и конфискаціи всѣхъ ихъ пожитковъ. Мы не знаемъ, какъ погдашніе слуги приняли законъ сей, но въ

нашъ просвѣщенный вѣкъ онѣ вѣрно произвели бы ропотъ и негодованіе, потому что въ лакейскихъ нашихъ существуетъ такая же любовь къ привилегіямъ, какъ и въ господиныхъ.

Самое послѣднее постановленіе объ одеждѣ обнародовано въ 1581 году, королемъ *Генри-хомъ III*; но оно уже не такъ строго, какъ прежнія. Имъ дозволялось женамъ президентовъ, рекетмейстеровъ, совѣтниковъ, сприччихъ, и другихъ людей низкаго происхожденія, но занимающихъ государспвенныя должности (если только жены ихъ рождены отъ благородныхъ родителей), носить: головныя повязки, ожерелья изъ дорогихъ камней, жемчугъ, брилліантовые перспни, золотыя кольца съ эмалію и безъ эмали, цѣпи, браслеты, и украшать позолоченными бляхами чѣпки и молишвенники.

Со временъ *Лудовиковъ XIII* и *XIV*, роскошь возрасла до такой степени, что не смотря на законы о ней, пришедшія въ совершенный упадокъ, мѣщанки сравнялись во всемъ съ придворными дамами. Вошь нѣчто изъ записокъ того времени (въ царств. *Лудов. XIII*), писанныхъ вѣроятно подъ вліяніемъ какой нибудь знашной особы:

«Жалко видѣть бѣдныхъ мѣщанокъ, на примѣръ вдову какого нибудь прокурора, или жену полубогатившагося поргаша, которыя гоняются за знапью, и подражаютъ въ нарядахъ знашнымъ женщинамъ. Онѣ совершенно походятъ на глупыхъ обезьянъ, или на жеманныхъ служанокъ, важно расхаживающихъ по улицамъ въ старомъ платьѣ и поношенномъ уборѣ госпожъ своихъ. Невозможно смотрѣть на нихъ безъ смѣху.»

Мы согласны, что описаніе сіе можетъ быть нѣсколько увеличено, — но за истину его ручаемся. Въ противномъ случаѣ, съ чего бы взялъ *Мольеръ* сюжетъ прекрасной комедіи своей: *Мпщанки во дворянствѣ?*—Что касается до проснаго народа, то есть *герни*, то о ней въ постановленіяхъ совсмѣ не упоминается, вѣроятно потому, что ей никогда не приходило въ голову подражать знашнымъ въ одеждѣ и убранствѣхъ.

МЫСЛИ КАРАМЗИНА.

Не путь, такъ въ другомъ мѣспѣ най-
дется дѣятельность полезная. Чѣмъ менѣе
другіе пребуютъ опъ насъ, пѣмъ болѣе мы
пребуемъ еѣ опъ себя, какъ сущесва нрав-
спвенныя.

*

Слабые живупъ долѣе, опъ пого, что
берегутся.

*

Истинно ученые презираюпъ и хвалу и
брань невѣждъ.

*

Способъ — быпъ щаспливымъ въ жизни,
еспъ: быпъ полезнымъ Свѣпу и въ особен-
ности Опечеспу.

*

Чѣмъ мы ближе къ старости, пѣмъ болѣе
любимъ спарину, пѣмъ краснорѣчивѣе бесѣ-
дуемъ съ нею, видя далѣе вздъ, нежели впе-
рѣдъ.

*

Зрѣйте, укрѣпляйтесь чувспвомъ, копо-
рое выше разума, хопя и любезнаго въ лю-
безныхъ: оно еспъ душа души; свѣпипъ и
грѣспъ въ самую глубокую осень жизни.

*

Пишите, спихами ли, прозою-ль, полько
съ чувспвомъ: всё будепъ ново и сильно.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛУНА И ПУТНИКИ.

(Басня.)

*Посвящается его сіятельству графу Николаю
Семеновичу Мордвинову.*

Въ глуши лѣсной,

Успалыхъ пушниковъ заспигнулъ мракъ ночной.

Вопъ шагъ за шагъ они, все далъ, понемногу,

И потеряли ужъ дорогу.

И шма и дѣбрь!—Вѣшвами хлещепъ лѣсъ.

Куда ипши? и слѣдъ исчезъ;

Не гляепъ звѣздочка изъ тучи;

Шумипъ опъ вихря дубъ могучій.

Ипши-ль назадъ, ипши-ль впередъ?

Раздумье пушниковъ беретъ,

И души спрахъ превожипъ.

Какъ знапъ?—быпъ можепъ,

На нихъ иль звѣрь, иль хищникъ нападепъ.

Призывный крикъ къ знакомымъ не дойдепъ,

И имъ никпо ужъ не поможепъ.

Друзья, родные, ждапъ—пождапъ,

А милыхъ больше не выдапъ;

Съ поской объ нихъ вспомянупъ,

И въ неизвѣспности свой вѣкъ помипься спанупъ.

Тупъ пушники взвели взоръ къ мрачнымъ небесамъ,

И Вездѣсущее молили Провидѣнье:

«Склонися милосердемъ къ намъ!

Въ Тебъ одномъ спасенье!

Зведи на высопу

Благошворящее свѣпипо,

Разгнавъ ночную темноту,

Чтобы оно—намъ путь открыло!»

Услышавъ голосъ ихъ:

Между деревъ густыхъ

Въ опраду пушникамъ свѣпъ мѣсяца разлился,

Туманный небосклонъ сіянемъ озарился;

Чѣмъ выше мѣсяцъ восходилъ,

Тѣмъ онъ блистательнѣй свѣпилъ!

И вскорѣ пушникамъ открылъ

Въ надежный имъ пріюпъ знакомую дорогу.

Благодаренье Богу!

Чѣмъ выше званіемъ почтенъ здѣсь другъ людей,
Тѣмъ добродѣтелью сіяепъ онъ свѣплѣй.—

Е. Амиановъ.

ENIGME.

Je suis sorti des bois, et suis fait pour la gloire;

Au milieu des combats je montre ma valeur:

Animé par un souffle, avec mon conducteur,

Tout pesant que je suis, je vole à la victoire.

Въ No 66-мъ, помѣщенная шарада значипъ: *Пас-портъ.*

MODES.

Je trouve qu'Edward est devenu un *grand écrivain*,
ma chère sœur. Comment! lui qui se faisait prier pen-

даут six mois pour écrire à nos vieux oncles du *Hampshire* (dont il doit hériter) une petite lettre, le voilà qui, une fois par mois, se met en correspondance avec ses amis de Londres! Décidément c'est un *homme du progrès* que notre cher frère. Je lui en faisais mon compliment hier à une matinée musicale où il m'avait accompagnée. C'était à Neuilly, dans une charmante maison sur le bord de la Seine. Les fenêtres du salon de musique donnent sur la rivière. Les murs sont en peinture blanche avec des arabesques or, ombrés de bleu; les stores des croisées en taffetas blanc à peintures gothiques et frangées de bleu. Des divans à la *Turque* garnissent entièrement le salon, hors la partie où est placé un magnifique piano de Pleyel, en bois des îles incrusté d'ébène. Le piano était tenu par *M. S... K...*, un des meilleurs pianistes de Paris, et qui voulut bien, avec toute la bonhomie allemande, accompagner les chanteuses après nous avoir fait entendre de délicieuses variations de sa composition. Deux femmes charmantes firent succéder à ce beau morceau un duo de *la Somnambula*. L'une d'elles avait une robe en organdi blanc. Au-dessus de l'ourlet, une broderie en laine verte formant une guirlande de feuilles de chêne avec ses glands. Une ceinture verte, terminée par deux glands, pendait devant. Les manches longues, terminées aux poignets par un ruban vert formant un petit nœud; le corsage à la grecque, avec un nœud vert au milieu de la poitrine; les cheveux tressés derrière et devant avec des rubans vert. — L'autre dame avait une robe de taffetas très léger, *rose effeuillée*, glacé de blanc, forme croisée, garnie d'un haut volant pareil à la robe; des manches courtes à un seul sabot venant jusqu'aux coudes, et des mitaines de blonde noire. Dans les cheveux, un bouquet d'aiguilles roses naturels. Ces deux costumes étaient d'une fraîcheur admirable. Après elles vinrent d'autres chanteuses dont les toilettes étaient également jolies. Quelques femmes étaient en chapeaux de crêpe, de paille de riz, en vaporeuses capotes d'étoffe *dona Maria* ou en blonde.

Pl. No 24. Coiffures à la Ninon. — Rédingotte en gros de Naples broché. — Dessous en gros de Naples. — Ameublement.

М О Д Ы.

Я нахожу, что Эдуардъ сдѣлался большимъ писателемъ, любезная сестра. Какъ онъ, котораго

надо бывало просить въ продолженіи шести мѣсяцовъ написать небольшое письмо къ старымъ нашимъ дядямъ въ Hampshire, (послѣ которыхъ онъ долженъ получить наслѣдство), и теперь, разъ въ мѣсяць, переписывается съ своими Лондонскими друзьями. Ръшительно, любезный братъ нашъ человекъ на все способный. Я поздравляла его съ этимъ на одномъ музыкальномъ вечерѣ, гдѣ мы были вмѣстѣ. Это было въ Neuilly, въ прелестномъ домѣ на берегу Сены. Окны музыкальной залы выходили на рѣку. Стѣны росписаны бѣлою краскою съ золотыми арабесками, опѣненными голубымъ цвѣтомъ; споры изъ бѣлой шафши, съ гошическою живописью и голубою бахрамою. Турецкіе диваны идутъ вокругъ всей комнаты, кромѣ мѣста, занимаемаго великолѣпнымъ фортепіано Плейеля, изъ оспровскаго дерева, выклееннаго чернымъ. На фортепіано игралъ *M. S... K...*, одинъ изъ лучшихъ пианистовъ въ Парижѣ, которій охотно, съ полнымъ Германскимъ просподушіемъ, аккомпанировалъ пѣвицъ, проигравши намъ восхищительныя варіаціи своего сочиненія. Двѣ прелестныя женщины послѣ того пропѣли дуэтъ изъ *Женщины лунатикъ*. На одной изъ нихъ было платье изъ бѣлаго органди, сверхъ рубца вышша была зелѣною шерстью дубовая гирланда съ желудями; длинный зелѣный поясъ, на концахъ желуди. Рукава длинныя, оканчивающіеся у кистей зелѣною ленточкою, составляющею маленькую бантикъ; лифъ Греческій, съ зелѣнымъ бантомъ въ среднѣ груди; волосы заплетены сзади и спереди съ зелѣными лентами. На другой дамѣ было платье изъ весьма легкой шафши, цвѣта *rose effeuillée*, съ бѣлымъ опливомъ; лифъ съ косыми полами, оборка такая же, какъ платье; рукава короткіе, съ одной манжеткой, длиною до локтей, и черныя блондовые митены; въ волосахъ букетъ наспоящихъ розовыхъ гвоздикъ. Эти два наряда были удивительно *свѣжи*. Послѣ нихъ смѣнялись другія пѣвицы, также въ весьма красивыхъ нарядахъ. Нѣкоторыя дамы были въ креповыхъ шляпкахъ, басповыхъ, въ тонкихъ, какъ пуманъ, капошахъ изъ *dona Maria*, или блонды.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

Карш. No 24. Прическа à la Ninon. — Реденгоцъ изъ гродѣнапля. — Подкладка гродѣнаплева. — Мѣбель.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 68.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Августа 24 дня 1835 года.

Гдѣ всемогущіе владыки,
Опустошилили земли?
Ихъ повелительные лики
Смирись въ гробовой пыли!
И міръ надменныхъ забывашь!
И время съ ихъ гробовъ спираешь
Послѣдній шипуль ихъ и съѣдь,
Слова ничтожныя: ихъ нтъ!

Жуковский.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИВА ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ КРОАССЕ.

(Повѣсть.)

Недавно съ опмѣннымъ успѣхомъ играны были на прехъ лучшихъ Парижскихъ театрахъ (въ *Пале-Рояль*, *Варіетѣ* и *Водевиль-ноль*) при новые водевиля, подъ названіемъ: *Золотой Крестъ* или *Ива въ окрестностяхъ Кроассе*. Другія при піесы того же содержанія гоповягся къ представленію на *Большой* и *Колигеской Операхъ* и на театрѣ *Драматическихъ Шалостей*, (*Folies Dramatiques*); какъ пѣ, такъ и другія взяты изъ прекрасной новости *Морица Сент-Агѣ*, которая напечатана въ послѣднемъ *Собраніи Повѣстей*, и которую мы, желая угодить читателямъ нашимъ, намѣрены помѣстить здѣсь, какъ произведение, достойное вниманія, по щеголеватости слога, тонкому остроумію и драматической занимательности.

Сей часъ узнаете, м. г., почему, въ печеніе двадцати лѣтъ, по еспѣ съ исхода 1812 года, я каждый вечеръ прихожу курить трубку свою подъ эпою ивою.

Воспитанный спарымъ дядею, священникомъ сосѣдней деревни, я вошелъ также въ духовное званіе, и благодаря оному, былъ избавленъ отъ конскрипціи. Но скоро дядя мой умеръ, и не оставилъ мнѣ ничего, потому что, отдавъ бѣднымъ до послѣдней копейки, онъ по добротѣ души своей забылъ, что лишалъ племянника своего дневнаго пропитанія. И пакъ въ 20 лѣтъ оспался я въ міръ сиротою, — съ бѣдноспію, которая унижаетъ насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, — съ образованіемъ, которое вселяетъ въ душу чувство собственного достоинства и благородной гордости. Тяготясь званіемъ моимъ, я колебался въ выборѣ другаго состоянія, и не рѣшаясь ни на что, изнывалъ въ нищетѣ и бездѣйствіи. — Такимъ образомъ, полный самонадѣянія и робости, я состав-

ляль блестящіе планы въ будущемъ, не имѣя сапоговъ на ногахъ своихъ; думаль о богатствѣ, нуждаясь въ необходимомъ, и мечпаль о успѣхахъ въ обществѣ, тогда какъ не смѣль никому смотрѣть въ лицо.—Словомъ, я находился въ помъ крипическомъ положеніи, въ коемъ мы гошповы опдаемся первому, кто захочеть овладѣть нами; съ бездѣльникомъ дѣлаемь бездѣльниками,—съ чеспнымъ челоѣкомъ добрыми и порядочными людьми.—Всѣ зависитъ отъ вепрѣчи и щастія, и сія рѣшительная минута заключаетъ въ себѣ можетъ быть всю послѣдующую жизнь неопытнаго юноши.

И такъ, занимаясь пустыми мечтами воображенія, я не радѣль о наспоащемъ, и часто приходилъ сюда созидать новые воздушные замки на развалинахъ вчерашнихъ, и мѣняль прежніа надежды, на другія споль же несбыточныя. Вы знаете, что дорога сюда идетъ черезъ лѣсъ, который воиъ тамъ опускаетъ зеленые холмы, примыкающіе къ полуразвалившейся стѣнѣ, чрезъ которую я перелезалъ.—Вы не повѣрите, съ какимъ невыразимымъ чувствомъ нѣги и душевнаго спокойствія пробираясь я по излучистымъ пропикамъ косогора и спускался въ эту мирную и безмолвную долину, окруженную лѣсомъ,—открывающуюся одною спороною на глубокой оврагъ, надъ коимъ виситъ она на подобіе терасы. Смотрите!—Высокая колокольня Кроассе, какъ бы выросшая въ сей пропасти;—лодки рыбаковъ, скользящія по зеркальнымъ водамъ Сены,—густые, зеленѣющіеся вязы соедѣнныхъ роць,—бѣлыя облака дыму, подымающіеся изъ многочисленныхъ горниль, гдѣ готовится известь,—далѣе безконечная алея, ведущая къ замку Монморанси, и за нимъ мрачный, обширный Дезессарскій паркъ;—всѣ сіе не представляетъ ли взору вашему картину обворожительную въ цѣломъ, восхижительную въ подробностяхъ?—Смотрите, какъ всѣ отдѣльныя, мѣлочныя частіи ея составляютъ каждая особую картину, прелестную въ своемъ родѣ, и потомъ всѣ это вмѣстѣ сливаются въ общую гармонию разнообразія движенія—жизни!—Я восхищалея, но скоро изобрѣль новое, хотя нѣсколько странное, средство

умножить мои наслажденія. Наскучивъ слишкомъ обыкновеннымъ удовольствіемъ лежать подъ прохладною тѣнью эпой высокой ивы, которая кажется нарочно спойтъ въ концѣ долины, чпобы давать убѣжище спраннику, я вздумаль забраться на огромныя вѣтви ея; и тамъ, качаясь по вѣпру въ пространствахъ воздуха, парилъ какъ гордый орель надъ долиною. Не было ни малѣйшей опасности для меня упасть или быть замѣчену прохожими, потому что вы видите какъ надежны сучья эпой ивы и какъ густа зелень ихъ. Увѣряю васъ, что они могли бы укрыть и поддержать самага угрюмаго и тяжелаго философа.

Однажды вечеромъ сидѣль я въ новомъ убѣжищѣ своемъ и любовался красою наспувавшей уже ночи. Луна тихо подымалась на небосклонъ и неизмѣримыя пустыни эфира болѣе и болѣе перлились въ необъятномъ опдаленіи. Во мракѣ лѣсовъ завываль вѣтеръ, и разноголосый, невнятный говоръ его, беспіро пронесившійся мимо меня, по приносилъ, по увлекалъ съ собою пыщачи неясныхъ идей, которые мелькали въ головѣ моей. По временамъ визжалъ флюгеръ на церковной колокольнѣ, и на волнахъ Сены ходилъ неопредѣленный гулъ далекихъ голосовъ, изъ коего изрѣдка вырывался рѣзкій призывъ свистка или охриплый спонъ якорной веревки.—Наконецъ мало по малу всё замолкло; природа дремала, и я уснулъ на деревѣ, какъ вдругъ подъ нимъ что-то зашевелилось,—я проснулся. Женскій голосъ, прерываемый рыданіями, тихо выговорилъ:

— Въ послѣдній разъ! —

Потомъ раздался нѣжный, пламенный поцѣлуй, и голосъ мужчины произнесъ:

«О Луиза! не унывай!»

—Нѣтъ, нѣтъ, не въ послѣдній разъ! я не хочу эпаго, слышите ли вы? не хочу!—слабо, но рѣшительно сказала молоденькая дѣвочка.

Съ несказаннымъ любопытствомъ спотрѣль я внизъ сквозь сучья ивы, и при свѣтѣ мѣсяца увидѣль подъ нею молодого челоѣка въ одеждѣ ремесленника, съ ленпами

на шляпѣ, къ коей пришпиленъ былъ нумеръ. Онъ поддерживалъ молодую дѣвушку, которая плакала на груди его, и держалъ руку другой, вѣроятно той самой, которая говорила: *я не хочу этого*.—Все объяснилось. Молодой человекъ былъ конскриптъ, прощавшійся съ невѣстою.

Прощаніе горькое въ тѣ ужасныя времена!

«Бѣдная *Христина!*» сказалъ солдатъ съ грустною улыбкою: «я избаловалъ тебя, милая сестра; но теперь не могу сдѣлать по своему. Не моя воля!»

—Послушай, братецъ! развѣ ты не отецъ семейства? развѣ ты не жена?—ты воспитывалъ меня, ты женихъ *Луизы*,—не все ли это равно?—А *Луиза* молчитъ и умѣетъ только плакать!... да говори же *Луиза*.... О Боже мой! Боже мой!

И маленькая упрямецъ, которая при свѣтѣ луны казалась мнѣ прелестною, начала также плакать. Слѣзы одна за другою капались по свѣжимъ щекамъ ея, и она подергивала плечиками, верпясь во всѣ спороны, какъ дѣлаютъ своенравныя и избалованныя дѣти, когда не даютъ имъ любимой игрушки.

—*Христина!*— сказала *Луиза* всхлипывая: ты неблагоприятна.— Не правда ли, *Евгеній*, что она неблагоприятна?—

«Бѣдненькі!» произнесъ тихо *Евгеній*, прижимая обѣихъ ихъ къ сердцу.

—*Луиза!*— вскричала вдругъ пылкая дѣвочка: докажи, что въ тебѣ есть душа! Если онъ насъ не слушаетъ и не хочетъ оспаться, то смотри! видишь ли ты эту каменоломню? она высока!... пойдемъ!—

И вѣтъ себя схватила она *Луизу* за руку—и пошла за собою.

—Подожди!— сказала *Луиза*: когда его не будешь съ нами.—

«Да замолчите ли вы наконецъ, сумасшедшія?» воскричалъ *Евгеній*. «Послушай дурочка, я иду драться за Францію, за васъ, за тебя, *Луиза* моя!—Я опилчусь, получу крестъ, чинъ офицера; что-жъ будешь со мною, если возвращаюсь черезъ 8 лѣтъ сюда,

не найду ни милой *Луизы*, ни милой сестры моей? развѣ вы хопите, чтобы и я убилъ себя?—будьте разсудительнѣе, и надѣйтесь на Бога. Я унесу васъ съ собою въ сердце своемъ; буду думать о васъ на полѣ сраженій, и драться какъ левъ, чтобы воропиться къ вамъ офицеромъ. Не весело ли будетъ вамъ тогда гулять со мною по улицѣ, и видѣть, какъ солдаты спанутъ передо мною выпягиваясь и снимая фуражки?—Пусть же меня иппи и не плачьте. Я выслужу свое время, и дѣло съ концомъ»

—О, конечно съ концомъ!—возразила *Христина*: вопъ механикъ *Стефанъ* пошелъ въ Россію, — да и умеръ въ Москвѣ, пакъ для него и дѣло съ концомъ, а бѣдная мать носилъ прауръ... Выслужить время!... Хорошо время! Чортъ бы взялъ вашего *Напол*....—

«Молчи!» закричалъ грозно *Евгеній*, зажавъ ей ротъ рукою.

—Не замолчу! не замолчу!— У тебя есть полковникъ, который взялъ тебя въ конскрипцію. Поди къ нему, спань на колѣни и скажи: господинъ полковникъ! я не хочу иппи въ походъ, потому что не желаю быть убитымъ и оспавить жену и сестру, которыхъ съ горя кинулся въ рѣку.— Господинъ полковникъ! приберите меня, посадите меня въ пюрму, но только не берите съ собою. Да здравствуетъ Императоръ! Онъ добрый человекъ! что ему спойтъ опустить меня! О г. полковникъ, сестра моя *Христина* ни за что въ свѣтѣ не распанется со мною и будешь ненавидѣть васъ, господинъ полковникъ, если вы пошлете меня на войну!—

«Прекрасно!» сказалъ *Евгеній* засмѣявшись.

—Злой! злой! Ты не братъ мнѣ!— закричала *Христина*, бросаясь со слезами въ объятія *Луизы*.

За симъ слѣдовало минушное молчаніе, и я, распроганный до глубины сердца, раздѣлялъ горестъ ихъ, забывъ собственное мое положеніе. Скоро *Христина* подняла голову и казалась немного спокойнѣе.

—Боже мой!— выговорила она:—не уже ли никакъ изъ своихъ товарищей не согласи-

ся замѣнишь тебя... вѣдь другихъ замѣняють!—О, какъ бы я его любила!—

«Вопъ это называется говорить дѣло!» возразилъ *Евгеній*: «но только на это надо деньги, а гдѣ ихъ достанешь такъ скоро? завтра выпускаешь полкъ.»

—О! я опдамъ всё, что имѣю!—вскричала *Христина*: опдамъ мой золотой крестикъ, серѣжки, шелковые плапочки, — всё, всё пому, кто поидеть вмѣсто тебя!—

«Но всего эшаго мало, чтобы выкупить человѣка,» сказалъ *Евгеній*.

Христина задумалась — и попомъ вдругъ схватила брата за руку, сказала съ жаромъ:

—Ну такъ слушай!... я спюю мужчины; — спюю больше, не правда ли?—Я найду когонибудь, и скажу ему: поди въ походъ вмѣсто брата моего, и за это, когда ты возвратишься, я выйду за тебя за мужъ. Ты видишь, я не дурна лицомъ;—правда, немного избалована, но что нужды? я буду любить тебя;—о, будь увѣренъ, что я спану любить тебя, если только ты спасешь брата.—Клянусь въ помъ этимъ золотымъ крестомъ, гдѣ лежатъ волосы покойной маменьки!.. А тебѣ, *Евгеній*, клянусь быть охотно женою того, котораго пожертвуетъ за тебя собою!—

«Добрая сестра! ты первая будешь жерпвою дружбы пвоей ко мнѣ! но голова пвоя слишкомъ разгорячена сегодня, и ты не видишь, какъ всѣ добрыя, милыя намѣренія пвоя несбыточны! Поидемъ отсюда, поидемъ скорѣе,» прибавилъ *Евгеній* съ усмѣшкою: «а по я право боюсь, чтобы ты не бросилась въ пропасть.»

Я не слыхалъ опвѣта *Христины*, и скоро потерялъ ихъ изъ виду, но голова моя и сердце были полны этою милою, невинною дѣвочкою. Я впалъ въ глубокую задумчивость.

Всѣ они сидѣли за умѣреннымъ ужиномъ, до коего никто не допрогивался, какъ вдругъ кто-то громко постучался у дверей.

«Войдите,» сказалъ молодой человѣкъ, проворно упирая глаза свои.

Явился старый сержантъ.

—Здравія желаю,—сказалъ онъ.—Здѣсь ли конскриптъ *Евгеній Ливонъ*?—

«Здѣсь.»

—Вопъ!—сказалъ сержантъ, положи на столъ запечатанный конвертъ.

Евгеній распечаталъ, прочелъ, и не вѣрилъ самому себѣ.—Это было увольненіе опъ похода. Какъ полоумный смотрѣлъ онъ на солдата, не говоря ни слова.

—Это значить, что ты замѣненъ, и всё путь;—сказалъ служивый: по это не хорошо, право не хорошо. Послужилъ бы ты лучше, да опросилъ усъ подъ пушечными выспрѣлами, чѣмъ билъ баклуши!—А, да эша красotka!.. вопъ что!... здравія желаю,—и солдатъ поворотился, чтобы иппи, какъ вдругъ воропился опять.

—Чортъ возьми!—вскричалъ онъ: я было и позабылъ! Гдѣ *Христина Ливонъ*, сестра пвоя?

«Вопъ она!» опвѣчалъ *Евгеній*, указывая на блѣдную и дрожащую *Христину*.

—Это прислано вамъ, сударыня, —сказалъ сержантъ, положи на столъ другое письмо.

«Г-нъ служивый, надѣюсь, не откажется выпить съ нами рюмку вина?» сказалъ *Евгеній*.

—Охотно!—И между пѣмъ, какъ *Евгеній* разговаривалъ съ сержантомъ, *Луиза* внѣ себя опъ радости безпрестанно цѣловала жениха своего, говорила вздоръ, принесла нѣсколько бупылокъ вина и сама подчивала солдата. Сержантъ, посмапривая на нее сърыми глазами своими, шепнулъ *Евгенію* съ улыбкою:

—Она не дурна, братъ, очень не дурна! и будетъ варить тебѣ кушанье вкуснѣ арпельной каши; съ этимъ поварищемъ веселье, чѣмъ на бивакахъ. Не сердись, сударыня, за щупки солдата; онъ хопъ и любилъ побалагурить, но не скажетъ ничего лишняго. Ваше здоровье, сударыня!—ваше здоровье, мамзель *Христина*!—Но сержантъ замолчалъ, замѣпивъ необыкновенное смущеніе *Христины*, которая мяла въ рукахъ письмо и смотрѣла на столъ неподвижными глазами.

«Христина, что съ побою?..» закричалъ *Евгеній*. «Подай мнѣ письмо это... ахъ, я забьль о немъ!... Я негодный въ эпю мину-пу думаль только о себѣ! — Подай... Кпо смѣеть писать къ тебѣ?»

Онъ спалъ чипать письмо про себя.

— Читай въ слухъ, — сказала *Христина*. — Мнѣ всё равно, право всё равно! Чему быть, тому быть. —

И *Евгеній* прочель слѣдующее:

— Мамзель *Христина*!

Я не требую опъ васъ ничего, и удаляюсь безъ всякаго уговора. Замѣняя брата вашего, котораго вы такъ любите, я иду за него въ походъ попому, что у меня нѣтъ никого, кпо бы жалѣль меня; но я добръ сердцемъ и полюбиль васъ искренно съ той мипы, когда видѣль ваши слѣзы. — Посылаю вамъ перстень моей мапери, и если вы имѣте ко мнѣ какое нибудь соспрананіе, по прошу васъ принести подъ большую иву золопой вашъ креспикъ съ волосами мапушки вашей, и положиль въ дупло дерева. Завтра на разсвѣтъ я выну его опшуда и возьму съ собою; и если черезъ два года возвращусь живъ, по опдамъ его вамъ, и вы вспомните тогда кляпву вашу. Прощайте. —

«Что всё это значиль?» повпоряль пихо *Евгеній*: «кпо могъ подслушать разговоръ нашъ? Понимаешь ли ты пупъ что нибудь, служивый?»

— Какъ не понимать? Кпо нибудь спояль за вами на часахъ. —

«Но для чего бы ему не припши сюда?»

— А вопъ для чего: эпотъ человекъ боипся, чтобы вы не приняли его за шпіона; при томъ онъ молодъ и заспѣчивъ съ женщинами, опъ того, что ученъ и любиль чипать книги. Писаль онъ масперъ, а говориль ужъ не его дѣло. —

Евгеній покачалъ головою.

«Товарищъ,» сказалъ онъ наконецъ: «дай руку, — я иду съ побою, — я не хочу, чтобъ эпотъ человекъ замѣнилъ меня, не хочу опдамъ ему сеспры моей.»

— А я хочу! — вскричала *Христина*, оспавливая его: я хочу любить его попому, что онъ добръ, и что никто его не любиль. Тѣмъ лучше, что онъ не пришелъ, мнѣ бы можеть быть груспно было съ нимъ разспаться. Я опнесу креспикъ мой въ дупло, непременно опнесу, слышите ли? —

«Вы видѣли его, господинъ сержанпъ?»

— Мелькомъ. —

«Ну что, онъ не горбапъ и не косолапъ, не правда ли?»

— Хорошъ вопросъ! да развѣ Французскую армію набираюпъ изъ уродовъ? — Развѣ не всѣ въ ней молодець къ молодцу и люди бравые? —

«Такъ онъ малый добрый?» спросиль *Евгеній*.

— О, предобрый! —

Въ это время *Христина* развязывала на бѣлой шейкѣ своей черной шелковый шнурокъ, на которомъ висѣль ея креспикъ, и подавая его солдапу, сказала: Возмите эпотъ креспъ, положите его сами въ дупло ивы, скажите пому, кому я посылаю его, что онъ сдѣмалъ доброе дѣло. Больше не говорите ничего, но не покидайте его на войнѣ, и поспарайпесь воропипсья вмѣспъ съ нимъ, чтобы сказать намъ: вопъ онъ! —

Евгеній и *Луиза* смопрѣли на неѣ съ безмолвнымъ удивленіемъ. Сержанпъ вспаль, снялъ фуражку, положиль въ неѣ креспикъ, оперъ слезу и сказавъ: *всѣ будетъ сдѣмано*, вышелъ.

Тогда *Христина*, оборопясь къ брату и будущей женѣ его, сказала съ чувспвомъ: *Луиза*, мы обѣ невѣспы, — я также опдала обручальное кольцо свое — гвардейскому солдапу. —

Съ пѣхъ поръ *Христина* совсѣмъ перемѣнилась, и вмѣсто прежней живоспи спала вдругъ пиха и задумчива.

На другой день на разсвѣтъ я шель въ походъ съ ранцемъ за плечами, и проходя мимо этой ивы, взялъ изъ дупла ея *Христины* креспикъ. — Въ эпю минупу мнѣ показалось, что кпо-по въ красномъ мундирѣ смопрѣль на меня изъ-за куспарника.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Пишутъ изъ Москвы, чтобы мы не ждали болѣе книжекъ *Телескопа*, также какъ и *Молвы*. Послѣ опъзда издашеля сего журнала, г. *Надеждина*, въ чужіе краи, *Телескопъ* и неразлучная спутница его *Молва*, скончались скоропоспижно на рукахъ опекуна своего г. *Виссаріона Блыинскаго*, автора всѣхъ крипическихкихъ спашеекъ, въ *Молвъ* въ нынѣшнемъ году напечатанныхъ.

2.

Опшуда же увѣдомляютъ, что извѣстный почтенными прудами своими писатель Василій Аполлоновичъ *Ушаковъ* препроводилъ въ *Библиотеку для чтенія* презабавную анпикрипическую спашейку на г. *Виссаріона Блыинскаго*, въ копорой онъ доказываетъ пакъ ясно, какъ дважды два чешыре, что ему *Блыинскому* не подобало писать крипическихкихъ спашеекъ: ибо онъ самъ очень много ошибаешся въ своихъ мнѣніяхъ.

Всѣ благонамѣренныя писатели и даже читатели должны бытъ весьма признапельны В. А. *Ушакову*. Онъ опкрылъ глаза многимъ.

3.

Б. М. *Федоровъ* написалъ *Краткія замѣтки* на пространную грамапику Н. И. *Грега* и напечаталъ ихъ въ пипографіи Императорской Россійской Академіи, копорой онъ дѣйствительный членъ. Очень любопышно видѣть сія замѣтки.

4.

Одинъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ поэтовъ нашихъ и прозаиковъ, *Ө. Н. Глинка*, печатаетъ переведенную имъ стихами священную поэму *Говъ*. *Ө. Н. Глинка* превосходно преложилъ *Давидовы* псалмы; опъ него можно навѣрное ожидать искуснаго перевода *Страданій и утѣшеній Говъ*.

А Н Е К Д О Т Ъ.

Однажды, во время Испанской войны при *Наполеонѣ*, герцога *Веллингтона* опправился

рано поупру, наканунѣ сраженія, въ квартирѣ генерала *Куэсты*, для переговоровъ о планѣ военныхъ дѣйствій. Старый, изнѣженный Испанецъ, лежа на постели, заставилъ его дожидаться нѣскольکو часовъ, не смотря на то, что Англійское войско уже при часа спояло подѣ ружьёмъ. Наконецъ, въ 7 часовъ упра, онъ допустилъ къ себѣ *Веллингтона*, но никакъ не согласился дать сраженіе: ибо это было въ Воскресенье. Главнѣкомандующій долженъ былъ опложипь сраженіе до понедѣльника. Въ полдень *Куэста* предпринялъ рекогносцировать позицію Французовъ въ карешѣ, запряженной цугомъ лошаковъ.

Веллингтонъ и Англичане посмѣялись надъ такимъ параднымъ экипажемъ, неприличнымъ войну.

БЕЗГОЛОВЫЙ, БЕЗМОЗГЛЫЙ.

Синонимы.

Въ одномъ городѣ, въ домѣ одного чиновника, зашелъ разговоръ о мертвешцахъ, домовыхъ и привидѣніяхъ. Нѣкто изъ присупсвующихъ никакъ не хотѣлъ вѣрить въ ихъ сущеспвованіе. «А я пакъ имъ опъ всей души вѣрю;» сказалъ лѣсничій: «я собспвенными глазами видѣлъ тѣнь покойнаго помѣщика *Ивана Григорьевича Б.*, пого самаго, у котораго разбойники опрубили голову. Говорю вамъ, что я самъ видѣлъ при мѣсячномъ сіяніи тѣнь человека безъ головы.»

— Эпо была собспвенная ваша тѣнь! — проспосердечно замѣпилъ возражатель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРАФУ А. Н. МОРДВИНОВУ.

Какою силою волшебной
Въ Неаполь я перенесешь?
Природой упренней, прелеспной,
Ишалией я окружень:
Онъ предо мной изобразился
Во всей машпной красопѣ!

Вопь яхонть неба послѣ бури,
Заря въ предупреннихъ лучахъ,
Вопь море голубой лазури
И надъ землей, и въ небесахъ.
Какъ улыбаешся природа
И пробужденьемъ и веспой,
Какая легкая свобода
Летшь въприлу надъ волной!
Какой разлишь эфиръ опрадный!
Вдали Везувій, легкій дымъ
Спруншь подъ небомъ голубымъ,
Развалины черноговъ *Жалиль*,
Свидѣтели минувшихъ лѣтъ;
О живописецъ!—шты поэтъ!

Поэтъ!—и быспро переносишь
Искусства чародѣйствомъ ты;
Лишь *Воробьевской* кистью бросишь
Очарованіе мечты,
И вопь—Венеція предъ нами,
Она! съ каналами, съ дворцами,
Съ ея гондолами!—она!
Сіянемъ вечера одѣта,
Толпой народною полна,
Песпрѣшетъ шумная *Пльцетта*,
И къ небу высишся челомъ
Венеціанскихъ Дожей домъ;
Вопь львы... вопь куполь *del Salute*,
Надъ моремъ храма красота,
И въ тихой вечера минутьъ
Здѣсь нѣга, свѣтъ и шеплоша.

Я вижу ночь... луны сіянье
Легко на море пеленой,
Опять Неаполь! не мечнанье...
Вдали Везувій предо мной
Поникъ подъ лучей, не препещетъ
И въперокъ въ запахъ зыбяхъ,
И озаренное, не плещетъ,
Уснуло море въ берегахъ.

Чаруй, художникъ благородный!
Лей въ краски свой душевный жаръ.
Тебѣ въ удѣлъ даръ превосходный,
Весильный живописи даръ!
Уносишь время жизни радостъ,

Фортуны часто никнешъ спѣсь,
Въ картинахъ не спарѣешь младостъ,
Не хмурился веселье здѣсь,
Младыхъ розы не увянушь,
Но прежней прелестью цвѣшуть,
На судъ попомковъ лица спанушь,
И какъ въ дѣлахъ своихъ живушь.
Восторгъ пробудитъ *Долгоруковъ*,
Сердца *Пожарской* привлечетъ,
Какъ опъ безсмертной лиры звуковъ
Екатерина оживетъ;
Здѣсь *Александра* вновь встрѣчая,
Благословеннаго почпимъ,
И ликъ державный *Николая*,
Какъ ликъ *Петра*, съ любовью зримъ.

Искусствъ обширные предѣлы!
И не молчишь имъ похвала!
Изобрази, художникъ смѣлый,
Великихъ лица и дѣла;
Къ *Владимиру* и *Ярославу*
Сзови на пиръ богатырей,
Изобрази Россіи славу,
И доблести ея дѣшей.
И шопъ, заслугами почтенный,
Въ боярствѣ Русскій гражданинъ,
Предстанетъ кистью оживленный,
Россіи ревностнѣйшій сынъ,
Кто былъ ходатай за попомство,
Отчеству блюстителъ благъ,
Предъ кѣмъ блѣднѣло вѣроломство,
Кто Цицерономъ былъ въ судахъ;
Признательность черны покажетъ
Благопворишеля людей,
О немъ быпописатель скажетъ:
«Сіяль онъ выше всѣхъ честей!
Сіяль разсудкомъ просвѣщеннымъ,
Душою, жаждущей добра;
Онъ шелъ путемъ непрешкновеннымъ,
И поздняя его пора
Спокойствіемъ души свѣплѣла,
Благопривѣшливость въ чертахъ,
И мудрость серебромъ блѣла
На шелковистыхъ волосахъ...
Но что я вижу?—шрудъ свершилсѣ!
Его черны, и взоры пѣ!

Какъ онъ спокоенъ!—но коснешя
 Призывъ отечества любви,
 Орломъ сей спарець вспрепенешя;
 Вспылаешъ юный жаръ въ крови.
 Вопь онъ!... не Дова ли каршина,
 Достойная похвалъ вьнца? —
 Нѣтъ!—кисть признашельнаго сына,
 Изобразила здѣсь—ощца.

Б. Фёдоровъ.

19 Июля 1855.

Ш А Р А Д А.

Слогъ первый въсь, второй рѣка.
 (То древнее ея именованье,
 Теперь дано другое ей названье.)
 А цѣлое мое мукѣ,
 Но не пшеничная, и даже не ржаная,
 А шакаля,
 Копорою, когда—носили парики,
 (А время по едва запомняшь спарикки!)
 Какъ снѣгомъ ихъ пушистымъ посыпали—
 И юношей власы съдиной украшали.

Въ No 67-мъ, помѣщенная загадка значить: *Vaisseau*.

М О Д Е С.

Assise silencieusement dans l'embrasement d'une croisée dont le store baissé en dehors me laissait apercevoir les eaux claires de la Seine, réfléchissant l'azur d'un ciel sans nuage, l'âme enivrée par les sons de la musique et le parfum des fleurs qui m'entouraient, je me laissais aller à un rêve de bonheur qui me ramenait près de vous, et je me croyais dans notre jolie maison de *Greenwich*, sur les bords de la Tamise; alors tous disparut à mes yeux pour faire place à votre souvenir. . . . Je fus tirée de ma rêverie par le maître de la maison, qui vint m'offrir la main pour me conduire à la salle à manger, où était préparée une magnifique collation.

Les bals et les fêtes champêtres se succèdent ici cette année avec une rapidité surprenante. Rien n'est

changé aux plaisirs de l'hiver que le lieu de la scène. On peut dire des Français que c'est *Jean qui pleure et Jean qui rit*: le matin cherchant des émotions pathétiques dans une cour d'assises, et le soir fredonnant une contredanse ou dansant un galop; recevant dans la même journée dix impressions différentes de gaieté, de tristesse et de joie; vivant de rires et de larmes; presque sans amour et sans haine, et avec cela le plus aimable peuple du monde. Cette dernière phrase est bien *anti-anglicane*, n'est-ce pas? Aussi gardez-la pour vous, qui savez trop ce que vous êtes pour vous en fâcher. Je vous embrasse donc bien certaine que vous n'en voulez pas à votre *Sarah*.

М О Д Ы.

Сидя безмолвно въ углубленіи окошка, копорого спора, закинутая за окно, не препятствовала мнѣ видѣть прозрачную рѣку Сену, отражавшую лазурь безоблачнаго неба, съ душою, упоенною звуками музыки и ароматами цвѣтвыхъ, меня окружавшихъ, я предалась щаспливой мечтѣ, копорая соединяла меня опять съ шобой, и я вообразала бытъ въ красивомъ нашемъ домикѣ въ *Гренивъль*, на берегахъ Темзы; тогда все исчезло изъ глазъ моихъ и уступило мѣсто воспоминанію о себѣ. . . Я была извлечена изъ моего мечтанія хозяиномъ дома, подавшимъ мнѣ руку, чшобъ итти въ столовую, гдѣ приготоовленъ былъ великолѣпный завтракъ.

Балы и праздники сельскіе нынѣшній годъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, съ чрезвычайною поспѣшностію. Никакого нѣтъ измѣненія проршивъ зимнихъ удовольствій, кромѣ мѣша. Можно сказать о Французахъ, что это *Иванъ, который плачетъ, и Иванъ, который смеется*: упрямъ ищущъ сильныхъ ощущеній Палаты Уголовнаго Суда, а вечеромъ напѣваютъ конпродансъ или шанцуютъ галопъ; получаютъ въ одинъ день десяти разныхъ впечатлѣній удовольствія, печали и радости; живутъ смѣхомъ и слезами; почши безъ любви и ненависти, и совсѣмъ пѣмъ любезнѣйшій народъ въ свѣтѣ. Эта послѣдняя фраза весьма англи-Англиканская, не правда ли? Помому и береги еѣ для себя; ты хорошо себя знаешь, чшобъ этимъ обидишься. И такъ, цѣлую шебя въ полной увѣренности, что ты не сердишься на швою *Sary*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫИ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 69.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Августа 28 дня 1855 года.

Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздохомъ и похваля
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый,
Точилъ лихей стебелекъ;
Чтобы двух-упренній цвѣшокъ
Увялъ еще полураскрытый.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУСТЫННИКЪ ГОРЫ ЭТНЫ.

Въ двѣнадцать мѣсяхъ опъ Капаны, между симъ городомъ и Этною, находилъ пущыня, на которой распутъ только двѣ маслины. Обыкновенно по Николозской дорогѣ всходятъ на вершину этой огнедышущей горы. Путешественники избѣгаютъ этой Эиванды. Никто не вѣдаетъ, сначала ли мѣра Творецъ осудилъ её къ безплодію, или лава и пепель пожрали все, что встрѣпили на своемъ пути и превратили цвѣщую долину въ степь голую и безжизненную.

Въ первые весенніе дни 1812-го года пустынный жилъ въ этой пущыни. Ему нельзя было дать болѣе тридцати или тридцати двухъ лѣтъ. Морщины на лицѣ и сѣдые волосы между черными показывали трауръ его души. Печаль мастера преобразила людей: бросьте ей въ зубы самую веселую

молодецкую голову; возвратитесь и взгляните на неё черезъ три года... вы опшашпѣтесъ назадъ; передъ вами будетъ сѣдая, сморщенная голова жалкаго старичишки!

О нашемъ пустынникѣ знали одни паспухи, которые опыскивали заблудившихся козь своихъ между скалами, гдѣ находилась пещера *del signor Paolo*. Онъ какъ-то однажды не осперегишись сказалъ имъ свое имя: паспухи затвердили его. Никто изъ нихъ не входилъ въ келью пустытника, и не нашлось смѣльчака, который бы напросился на его знакомство. Они вѣрили, что въ его гранитной пещерѣ спрятаны вещи сверхъестественныя.

И я вѣрю, что они были правы. Пещера эта была очень глубока, входъ имѣла узкій и запиралась толстою дубовою дверью, которую придылалъ *Паоло* своими руками. Разсѣдина въ скалѣ съ желѣзною рѣшеткою впускала и свѣтъ и воздухъ въ это подземелье. Каждую ночь видѣнь былъ внутри огонь сквозь эту щель: и слышалось пѣніе, по-

хожее на поминовение по усопшимъ; многимъ даже слышалось нѣсколько голосовъ, поющихъ хоромъ. Днемъ пустынный воздѣлывалъ уголокъ земли подлѣ гроба. Онъ пипался кореньями и плодами дикихъ деревьевъ. Самое же чудесное во всемъ этомъ былъ дроздъ, котораго *Паоло* выучилъ говорить. Эта птица никогда почти не покидала вишневаго дерева, посаженнаго возлѣ самага входа въ пещеру и безпрестанно болтала какія-то слова, коихъ паспухи никакъ разобрать не могли, также какъ таинственнаго имени, которое напѣвалъ учёный дроздъ.

Уже часа два прошло съ тѣхъ поръ, какъ солнце скрылось въ Сицилійскомъ морѣ; ночь была холодная, пустыня безмолвна, волканъ попухъ. Опшелъникъ пѣлъ свои гимны. Онъ сидѣлъ передъ очагомъ; волкъ, приученный имъ, спалъ у ногъ его; по спорону споль о трехъ ножкахъ съ огромною Латинскою книгою. По пропѣтїи каждаго псалма, пустынный гасилъ одинъ изъ семи горѣвшихъ передъ нимъ свѣщильниковъ, вдоль стѣны разстановленныхъ. Онъ не походилъ на кающагося преступника, слезами покаянїя омывающаго грѣхи свои. Его лицо было ясно и въ голосъ опзывалась душа чистая. Онъ былъ печаленъ, но печаль его умѣрлась благочестїемъ и преданностью волѣ Всевышняго.

Онъ даже иногда улыбался, но въ то же время крупныя слѣзы капали на его молитвенную книгу; часто случалось, что пропѣвъ *Miserere* и *De profundis*, онъ начиналъ торжественно и громко пѣть *Exaudiat*.

Въ полночь вечеръ, о которомъ мы говоримъ начали, онъ уже распѣвалъ духовныя пѣсни своимъ небеснымъ голосомъ, когда къ нему въ дверь постучались. Это было въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь поселился. Приученный имъ волкъ вскочилъ и уставилъ уши. *Паоло* привязалъ его на цѣпь въ глубинѣ пещеры, потомъ взялъ лампу, горѣвшую передъ образомъ Богоматери—и подошелъ къ двери, въ которую стучался еще крѣпче.

«Для самага Спасителя, отворите!» кричалъ кто-то снаружи: «за нами погоня...»

Дверь отворилась и два человѣка вскочили въ нее опроремью. *Паоло* заперъ дверь. Одинъ

изъ двухъ прихожихъ, младшїй по виду, до того былъ изнуренъ, что бросился на липвяную постелю въ тѣмномъ углѣ кельи; другой подсѣлъ къ огню. *Паоло* сдѣлалъ ему два—три вопроса; онъ отвѣчалъ на нихъ съ замѣшательствомъ. Ему казалось не болѣе прирдаши пяти лѣтъ; онъ былъ высокъ ростомъ, лицо имѣлъ искаженное спраспями; глаза его ходили кругомъ, ни на какомъ предметѣ не оспанавливаясь. Щегольское платье его было уже изношено; на шеѣ висѣла золотая цѣпочка, но отворотъ сапога его былъ разорванъ. Воронникъ его плаща, подложеннаго красною тафтою, былъ обшитъ широкимъ галуномъ и плащъ походилъ на офицерскїй.

— И такъ, на васъ напали? — спросилъ *Паоло*. — Кто присовѣтовалъ вамъ въ такую позднюю пору пускайся на гору? —

«Разбойники-проводники!» отвѣчалъ чужестранецъ. «Вамъ обязаны мы своимъ спасенїемъ. Завтра мы отправимся обратно.»

— Въ Капану? —

«Туда, или въ другое мѣсто...»

Такой спранный отвѣтъ удивилъ *Паоло*. Онъ бросилъ на него испытующїй взоръ, пропикнувшїй въ самыя глубокїе сгибы души его. Чужестранецъ сохранилъ свое спокойствїе. Въ это мгновение огонь ярко вспыхнулъ — и опшелъникъ замѣпилъ черпты лица своего гостя. — Вы Флорентинецъ? — «Нѣтъ!» отвѣчалъ путешественникъ. — И такъ вы должны быть изъ Сиенны; вашъ обликъ и Тосканское нарѣчїе никого не могутъ ввести въ заблужденїе. — «Однакожь я изъ Милана;» возразилъ чужестранецъ, поправляя галстухъ. — Это ложь! — думалъ про себя пустынный.

Завязался разговоръ о войнѣ, о побѣдахъ и проигрышахъ Императора *Наполеона*; потомъ склонился къ Папѣ и започенїю его; перешелъ къ предметамъ не столь важнымъ и, наконецъ, коснулся предмета, который привелъ въ смущенїе чужестранца. Пустынный говорилъ объ обществахъ Флоренціи, какъ человѣкъ, который часто посѣщалъ ихъ. Путешественникъ давалъ чувствоваться, что поѣздки, печали, обманутыя надежды, пысачи неблагопрїятныхъ случаевъ — давно изгнали его изъ Италїи.

— Если это такъ, — перервалъ его *Паоло*: то вамъ конечно не непріятно будетъ услышать отъ меня о происшествіяхъ, которыя надѣлали тамъ много шума, и которыя, не смотря на шестиплѣтное пустынночество, не вышли у меня изъ памяти. Вамъ, можетъ быть, неизвѣстна исторія графа *дель Корсо*? — «Неизвѣстна;» отвѣчалъ пупникъ. — Я вамъ расскажу её, почтенный госпъ мой! — отвѣчалъ опшелникъ.

— *Леопольдъ дель Корсо* жилъ во Флоренціи; двадцати шрехъ лѣтъ онъ женился. *Ирма* предпочла его двумъ Французскимъ генераламъ, оберъ-камергеру Императора, знавшійшимъ и выгоднѣйшимъ женихамъ въ Европѣ. Не мудрено, что *Леопольдъ* гордился ею болѣе, чѣмъ *Наполеонъ* державнымъ орломъ своимъ. Они жили въ волшебныхъ черпogaхъ, на берегу Арно, имѣли дачу (виллу) возлѣ *pozzo imperiale* и большія помѣстья въ Пломбинскомъ княжествѣ. Когда Флорентинскій простой народъ вспрѣчалъ эту молодую чепу красавцевъ, блестящую настоящимъ и будущимъ, онъ благословлялъ ихъ, какъ двухъ своихъ ангеловъ-хранителей, споль же щедрыхъ и сострадапельныхъ къ бѣднымъ, сколько богатыхъ и знатныхъ. Зимю 1806 года здоровье графини *дель Корсо* видимо увидало; неизвѣстный недугъ подпачивалъ, какъ червь, сей прелестный цвѣтокъ. Графъ *дель Корсо* предложилъ ей путешествіе: она отказалась. Онъ отдѣлалъ свою дачу съ восточнымъ великолѣпіемъ: она не захотѣла переѣзжать туда изъ городскаго дома. О, это были дни судорогъ и ненастья! Коршунъ не грызѣтъ съ такимъ оспертвѣніемъ чловѣческаго сердца, съ какимъ неизвѣстность перзала сердце *Леопольдово*. Она, *Ирма*, на всѣ его заботы, на всѣ его вопросы отвѣчала молчаніемъ, приводившимъ его въ отчаяніе.

— «За чѣмъ такъ обо мнѣ огорчаешься?... Если пробилъ часъ мой, мы не можемъ его опсрочить... И что за несчастіе распалъся съ этою холодною, шуманною землєю, на которой мы живемъ не по собственному нашему избранію, но на которую мы брошены въ добычу всѣмъ бѣдамъ и печалямъ?...»

— Этого спранный образъ мыслей былъ кровавою искрою для *Леопольда*. Онъ видѣлъ, что душа жены его оправлена. А сердце? Онъ рѣшился заглянуть въ него, увѣренный, что найдетъ тамъ сокровища вѣры и блаженства. Однажды онъ споль на колѣняхъ у ея постели и заклиналъ её безсмертною ея душою, открывъ ему ея пайную поску. *Ирма* холодно замѣшила ему, что воспорженность любовной спраспи кажется ей смѣшною въ мушницѣ, что гордость бываетъ иногда добродѣпелью и что графъ *дель Корсо* хорошо бы сдѣлалъ, переставъ питать чувства, которыхъ она съ нимъ не раздѣляетъ. Тогда *Леопольдъ* вскочилъ, какъ сумасшедшій, схватилъ на руки своего сына и подалъ его маперу. *Ирма* поцѣловала его въ лобъ, примолвивъ: бѣдный младенецъ, лучше бы тебѣ умереть прежде, нежели узнаешь этого свѣтъ, въ которомъ можетъ быть *не поймаешь тебя*... «Жена!» вскричалъ *Леопольдъ*: «либо ты сошла съ ума, либо ты пошь власть какого нибудь нечестивца...» Графъ угадалъ; адская философія вольнодумцовъ заразила сію прекрасную душу, одну изъ тѣхъ, коихъ посылаетъ Господь на землю, чтобы показати живущимъ на ней обрашкъ неба.

— И чѣмъ же всё это кончилось? какъ думаешь ты, внимающій мнѣ въ моей гостепріимной кельѣ, — спросилъ пустыжникъ возвысивъ голосъ: ты, съ кѣмъ по дружески я раздѣляю свой огонь, ты, назвавшій меня своимъ спасителемъ въ ту минупу, когда опворилась тебѣ моя дверь, ты, котораго уважаю я несчастія?... Едва *Ирма* спала оправляться отъ своей болѣзни, во время которой нѣжный супругъ день и ночь сидѣлъ у ея постели, испощалъ попеченія и ласки; едва возвратила она сполько силъ, чтобы проходиться по комнатамъ... эта женщина оперлась объ руку чуждаго ей чловѣка и убѣжала, оставя своего мужа, своего младенца и спыдъ; погубила многогрѣшную свою душу. Это злодѣйство совершила она въ звѣздную ночь, при пѣніи весеннихъ соловьевъ, при шопотѣ липъ и сикоморовъ; въ шопѣ часть, когда все въ природѣ было ясно и свято — и духъ Божій носился надъ землєю.... Графъ

дель Корсо потерялъ своего малюпку черезъ мѣсяць послѣ побѣга въродомной жены своей; онъ набальзамировалъ его пѣло и, заточа себя въ уединеніи, вѣялъ съ собою одно это сокровище. Онъ переправился въ Сицилію; Богъ повелъ его на Эпну—и указалъ ему шамъ пустыню, подобную Фивскимъ, пещеру для пѣла непорочнаго его младенца. Теперь твоя очередь, ты бросился въ мои руки; отвѣчай же мнѣ, судья своему: что сдѣлалъ ты съ женщиною, побоею похищенною?... —

Если бы Эпна разверзлась подъ ногами чужестранца, еслибы онъ увидѣлъ горящую упробу ея: онъ не могъ бы испугаться больше. Онъ отпрыгнулъ отъ очага, самъ себя не помня.

—Дьяволь!—закричалъ на него графъ: что ты сдѣлалъ изъ эпгаго ангела, котораго называли *Ирмою дель Корсо*? —

При этомъ имени, произнесенномъ громовымъ голосомъ, спрашннй вопль послышался въ глубинѣ пещеры—и волкъ завылъ, гремя своею цѣпью.

—*Ирма!*—возопилъ *Леопольдъ*, обращаясь къ листовняной постели: и ты, мой вѣрннй товарищъ! (и онъ указалъ перстомъ на воющаго волка, у кого изъ васъ сердце люте?... *Ирма*, ты меня зарѣзала... а ты, жилецъ дремучей дебри, ты укротилъ ярость свою, услыша мои жалобы, понялъ слѣзы мои, приласкался ко мнѣ... Звѣриное сердце пѣжннйе души человѣческой!... —

И когда онъ произносилъ сіи слова, несчастная молодая женщина, переодѣтая въ мужское платье, приползла къ нему на колышкахъ. Онъ порывисто схватилъ ея за руку и потащилъ къ гробу, съ котораго снялъ крышку. Пясть лѣтъ почивалъ въ немъ младенецъ, тихъ и прекрасенъ, какъ будто бы покоился еще въ колыбели за шелковыми занавѣсками съ золотою бахромою.

—Женщина,—сказалъ ей *Леопольдъ*: между тѣмъ, какъ ты скиталась по большимъ дорогамъ съ своимъ соблазнителемъ, эпопъ угасающій младенецъ пропягивалъ къ тебѣ свои ручки; онъ призывалъ мать свою... Теплые материнскіе поцѣлуй спасли бы его!.. Женщина, не сокрушайся о немъ, не опла-

кивай его; ты даже не имѣешь права его оплакивать: онъ теперь между ангелами.—

«Умилосердись!» умоляла она его: «эшимъ пѣломъ умоляю тебя пощадишь меня.»

И она билась головою о каменный помостъ. *Леопольдъ* поднялъ ея: онъ вспомнилъ припчи о Блудномъ сынѣ и о Женѣ прелюбодѣицѣ.... Его пронулъ блѣдннй, уничиженннй видъ той, которую онъ любилъ; онъ видѣлъ ея пораженную горемъ, но и въ самомъ позорѣ своемъ еще прекрасную; онъ узналъ голосъ, который выговаривалъ: *Леопольдъ*, такъ, какъ никакой другой голосъ не произносилъ эпгаго имени; онъ почувствовалъ двѣ слабыя руки, обнимавшія его колына; руки его были омочены слезами кающейся грѣшницы. И онъ, смягча голосъ, сказалъ ей: вспаньте, сударыня; вы раздражаете мое сердце, сердце друга, знающее соспраданіе.

Нѣтъ сомнѣннй, что изъ всѣхъ жертвъ, приносимыхъ Господу, *прощеніе* есть для него самая прнѣтннйшая. Спаситель самъ ежечасно, ежеминутно *прощаетъ, милосердуетъ и долго терпитъ*. Онъ оживляетъ насъ росою любви своей. Всѣ воздыханія, всѣ капли слѣзъ сочтены небесною Благостыю: она съ материнскою пѣжностью прнѣмлетъ покаяннйе грѣшника, опыскиваетъ ея, ловитъ ея, такъ сказать, чтобы подмѣшннй тайную мысль, едва слышимый стонъ покаяннйа. И между тѣмъ, какъ здѣсь долу прѣстѣпннйкъ испоощаетъ всѣ свои силы, весь остатокъ жизни, чтобы смягчннй судно своего, небесная Благостннй преклоняется къ нему, отверзаетъ ему свои объятія и первая утѣшаетъ его словами: прнѣди и примиришь со мною. *Леопольдъ* проспннлъ; онъ спрдавалъ долгіе годы съ вѣрою и терпѣннйемъ мученика. Онъ позабылъ и неблагодарность, и заблужденнйе той, къ которой былъ стою привязанъ и которую нѣкогда уважалъ. Эпгаго недоспаотно. Хрнѣстнѣанская любовь идетъ гораздо далѣе.

Въ заднемъ углу пещеры, прнѣлая дыханнйе, сидѣлъ на землѣ человекъ, и положиа голову на камень, ожидалъ послѣдннйа своего часа: *Леопольдъ* имѣлъ оружнйе, чужестранецъ былъ безоруженъ. Эпопъ человекъ, окаменѣвъ отъ страха, не надѣяся прѣщеннйа, ни отъ

врага своего, ни оуть Неба; которое почи-
паль также врагомъ себя. Онъ говорилъ самъ
себѣ: «пришелъ конецъ бурной, превожной
жизни. Я изнемогъ; засну на вѣки. Могила
есть одръ успокоенія для тѣла и для души.
Пусть его явится съ своими писмолепами;
я не спану обороняюсь.»

И въ самомъ дѣлѣ, непріятель его подхо-
дилъ къ нему съ оружіемъ въ рукѣ. Оно свер-
кнуло передъ глазами преступника адскимъ
блескомъ. Но слова оскорбленнаго имъ графа
изумили его:

— Вотъ вамъ два пистолепа. Здѣсь дороги
не безопасны. Ворочитесь въ Капану. На-
стоятель снабдитъ васъ деньгами. Вы пой-
дете въ Римъ; принесете тамъ покаяніе;
Богъ васъ проститъ, а я всё забываю.—

Онъ вывелъ его изъ пещеры и выпроводилъ
на большую дорогу. Оборочись; чптобы иш-
ти назадъ, *Леопольдъ* почувсвовалъ, что кто-
то ловитъ его руку и окропляетъ слезами.
Онъ посмотрѣлъ—и увидѣлъ врага своего на
колѣняхъ.

— Не принимаете ли вы меня за настоятеля
какого нибудь монастыря? Вы ошибаетесь;
подите, исповѣдайте священнику свои про-
стунки, свои нещастія и раскаяніе. Проспи,
братъ мой!—

Они распались..... съ тѣмъ, чптобы опять
увидѣться на небесахъ, поелику они при-
мирились на землѣ. Говорятъ, что графъ и
графиня *дель Корсо* переселились въ Америку,
и вели тамъ жизнь уединенную. Говорятъ
также, что черезъ нѣсколько времени послѣ
того, одинъ чужестранецъ поспригся въ
Капанскомъ монастырѣ—и былъ примѣромъ
строгаго поста, смиренія и раскаянія.

ИВА ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ КРОАССЕ.

(Повѣсть.)

(Окончаніе.)

Годъ спустя послѣ Саксонской кампаніи,
началась кампанія Франціи. *Евгеній* уже
былъ женатъ на своей *Луизѣ*, какъ наконецъ
ужасная конскрипція достигла и до него.—
Но на сей разъ дѣло шло о спасеніи опече-

ства, и каждый гражданинъ щиталь долгомъ
служить ему.—Толпы молодыхъ студентовъ,
оставляя училища, спремилсь за границу;
поселянинъ, который за неимѣніемъ сабли
не вооружался по крайней мѣрѣ косою, чпто-
бы защитить родныя поля и хижину оп-
цовъ своихъ, навлекалъ на себя общее пре-
зрѣніе, и жена его спыдилась показаться съ
нимъ въ деревнѣ. Слѣдовательно *Евгеній*
охотно пошелъ теперь въ службу, и нагналъ
полкъ свой въ Шампаніи.

Однажды въ сраженіи при Монпро онъ за не-
доспапкомъ патронновъ защищался палашемъ
пропивъ пяпи Австрійскихъ гренадеровъ;
вдругъ одинъ карабинерной офицеръ бросься
поспѣшно къ нему, схватилъ его за руку.—
Чпто ты дѣлаешь, конскриптъ, закричалъ онъ?
развѣ тебѣ не для кого щадить жизнь свою?
Пусть потъ умираешь, по комъ не кому
плакать,—и при сихъ словахъ офицеръ уда-
ромъ сабли своей повалилъ двухъ Австрій-
цевъ; но одинъ изъ нихъ успѣлъ ранить ло-
шадь его, и самъ онъ, пронзенный шпыкомъ,
упалъ съ нею, плавая въ крови своей. *Евгеній*
бросился на тѣло своего избавителя, спесъ
въ сосѣдній домъ, гдѣ привелъ его въ чув-
ство. Офицеръ скоро выздоровѣлъ—и съ этой
минуты они спали неразлучны. Но *Евгеній*
не понималъ спранной приверженности
офицера—и съ удивленіемъ искалъ угадать
причину одной. Онъ гордился дружбою его,
и хвастая опою передъ товарищами, нерѣд-
ко говорилъ имъ: онъ такъ любитъ меня,
такъ хорошо говоритъ о своей дружбѣ ко
мнѣ, что я не знаю, когда и какъ могу за-
плашить ему за всё, что онъ для меня сдѣ-
лалъ. Наконецъ ужасная драма Франціи кон-
чилась, войска были распущены и *Евгеній*
возвращался на родину.

«Гнѣ офицеръ,» сказалъ онъ незнакомцу:
«у васъ нѣтъ ни отца, ни матери, ни род-
ныхъ, ни друзей. Я бѣдный ремесленникъ,
но имѣю домъ, молодую жепу и—хорошень-
кую сестру.— Понимаете ли вы меня, гнѣ
поручикъ? — Неужели вы презрите мною и
семействомъ моимъ и не захотите жить съ
нами? Если нѣтъ, то позвольте мнѣ по край-
ней мѣрѣ показать *Луизѣ* моей того, кто
спасъ жизнь мою.»

Поручикъ бросился на шею солдапу и благодарилъ его со слезами. Черезъ недѣлю послѣ сего *Евгеній*, почти задушенный въ объятіяхъ *Луизы* и сестры, вырвался наконецъ изъ оныхъ и предспавилъ имъ молодато спутника своего.—«Вопъ, сказалъ онъ, поппъ добрый человекъ, который не щадя жизни своей, спасъ меня въ сраженіи, говоря, что по немъ не кому плакать; но теперь есть кому любить его — онъ мнѣ братъ и домъ мой будетъ его домомъ. Мы спанемъ работать вмѣстѣ, и когда наживемъ побольше денегъ, тогда я постараюсь украсить такъ нашу хижину, чтобъ въ ней не стыдно было жить господину поручику.»

— Поручику! — невольно выговорила *Христина*.

«Да, сестра, поручику!» шепнула *Евгеній*. «Эпопъ женихъ кажется споипъ перваго.» *Христина* пошупила глаза въ землю, но украдкою поглядывала на офицера, который былъ, я думаю—въ то время очень не дурень собою. Припомъ эполеты, раны, полученныя имъ за милаго брата, и желаніе нравиться, всё эпо вмѣстѣ придавало ему нѣкоторую цѣну въ глазахъ молодой дѣвушки, и было причиною, что два мѣсяца спустя послѣ пріѣзда поручика, *Христина* начала задумываться, и краснѣла, когда глаза ея встрѣчались съ выразительнымъ взоромъ юноши. — *Евгеній* улыбался и однажды сказалъ имъ: «Друзья мои, говорите правду. Ты, *Карлъ*, любишь ли сестру мою?»

— О, люблю болѣе самаго себя! — опвѣчалъ *Карлъ*, смотря нѣжно на *Христину*.

«А ты сестра любишь ли *Карла*?»

— Люблю, братецъ.—

«Больше, нежели меня?»

— Не больше — а иначе.—

Посудите о моемъ блаженствѣ! — Поручикъ былъ я самъ.— Я, который терзался раскаяніемъ, что принудилъ молодую, неопытную дѣвочку, поклясться быть женою неизвѣстнаго ей человека.— Въ восторгъ я бросился на колѣна передъ *Христиною*.

«*Христина*, хочешь ли ты быть ему женою?» продолжалъ *Евгеній*.

— Нѣтъ! — опвѣчала она печально и рѣшительно: я дала слово другому,—я уже помолвлена.—

«Какой вздоръ!» вскричалъ братъ ея.— «Можешь ли ты быть помолвлена за человека, котораго никогда не видала, и который не требовалъ опъ тебя никакого обѣщанія, не хотѣлъ показаться намъ и вѣроятно убилъ въ сраженіи.»

— Убилъ! Ахъ *Евгеній*! если онъ убилъ, то вѣдь эпо за тебя! Неужели ты забылъ, что ему ты и всѣ мы обязаны годомъ спокойствія; по крайней мѣрѣ я не забыла, и слово мое свято.— Если убилъ онъ, я получу крестъ мой назадъ и надѣну вдовій прауръ; если же онъ живъ, то буду ждапъ его возвращения.—

«Но два года прошли уже.»

— Что-жь? я подожду еще.— Онъ бѣдный, безпріютный, надѣлся на меня,—а я измѣню ему?— О нѣтъ, никогда! Пусть прежде онъ опдастъ мнѣ крестъ мой, и если опкажется опъ меня самъ, тогда я могу щипать себя свободно; а безъ того никакъ!—

Евгеній начиналъ сердиться,—я всё споить на колѣнахъ.

«*Христина*, *Евгеній*,» сказалъ я наконецъ: «сузнайте, что я поппъ, о которомъ вы говорите. Въ ту ночь, какъ вы прощались подъ ивою, я видѣлъ васъ и слышалъ всё. Я взялъ у *Христины* крестъ ея—и на колѣнахъ прошу ея вернуть перстень моей матери.»

— Ты! эпо ты! — закричало вмѣстѣ нѣсколько голосовъ.

Христина вынула изъ подъ корсета своего перстень и письмо, и держа ихъ въ рукахъ, спросила: не обманываете ли вы меня, г. поручикъ? Боже мой, какой спранный случай! И какъ бы я была щасплива, если бы всё эпо была правда! Но вы можете быть створились съ братомъ моимъ.... Покажите мнѣ крестъ!—

«Ты не вѣришь мнѣ, *Христина*,—не вѣришь честному слову солдапа?»

— Покажите крестъ—и я вамъ повѣрю.— «Ахъ, со мною нѣтъ его!» сказалъ я горестно: «старый сержантъ....»

— Гдѣ же онъ?—

«Убилъ подъ *Лейпцигомъ*.»

— Анъ нѣптъ, не убипъ, и вопъ онъ на лицо,—закричалъ кто-то за нами.—Эпо былъ сержанпъ.

«Ты живъ!» вскричалъ я, обнимаю храброго своего сослуживца.

— Да, по милости Божіей выкарабкался наконецъ изъ Лейпцигскихъ гошпипалей.— Кажется здѣсь всё перемѣшалось; но объ этомъ послѣ,—а покаместъ мамзель *Христина* знаетъ уже, что вы хорошій и добрый офицеръ; что вы не смѣли говорить съ нею, пока еще носили длинную Взуитскую епанчу, которую сбросили съ себя, чтобы драпаться за опечество, какъ слѣдуетъ храброму солдату.— Мамзель *Христина*, я своими глазами видѣлъ, какъ онъ взялъ изъ дула крестъ вашъ, какъ цѣловалъ его и положилъ на грудь подъ мундиромъ; онъ и у меня лежипъ пущъ же, — но какая разница! — Я былъ съ его благородіемъ безоплучно во всю кампанію; онъ шелъ подъ пушки какъ на пляску; въ Дрезденѣ его пожаловали подпоручикомъ, за то, что онъ ученъ и смысленъ.— Когда же наши немного споткнулись на Дрезденскомъ мосту, спѣша воропипься въ казармы, то онъ шелъ прямо въ глаза непріятелю, а я за нимъ, думая про себя: никакъ онъ одурѣлъ, что лезетъ на неминуемую смерть; дай дерну его за полу.— Онъ обернулся.— Что это, ваше благородіе, куда вы суетесь? Развѣ вы позабыли, что вамъ надо принести назадъ мамзель *Христины* крестикъ ея.— Ахъ, сказалъ онъ, мнѣ кажется я видѣлъ тебя гдѣ-то; — такъ точно! Послушай же, вопъ эпотъ крестъ; онъ тяжело лежипъ у меня на совѣспи,—возьми его и доставъ въ Кроасе.— Я не хочу покупной невѣсты; мы не въ Турціи.— Сей часъ иду на смерть, чтобы избавить *Христину* отъ даннаго ею слова. Прощай! спасайся! всѣ старые солдаты возвращаются во Францію, гдѣ они нужны, чѣмъ здѣсь.— Я хопѣлъ было уговаривать его; куда! — онъ бросился впередъ какъ спрѣла, а меня въ сумятицѣ такъ смали на мосту, подъ фуру, что замертво опнесли въ гошпипаль, гдѣ облѣпили пластырями съ ногъ до головы и гдѣ вылежалъ я ровно одиннадцать мѣсяцовъ.— Но вопъ я оняпъ

здѣсь, и не во гнѣвъ буди сказано вашему благородію, я вижу, что вы всё еще какъ будто смоприте конскриптомъ, и не смѣете выговорипъ пароля.—

«Повѣрили ли они наконецъ?» сказалъ я смотря на *Христину*.

— О, проспи меня! — вскричала она, бросаясь въ мои объятія: проспи, что я была слишкомъ вѣрна себѣ и любила себя дважды вмѣсто одного раза.—

«Крестъ мой! подайте мой крестъ;» вскричалъ *Евгеній*, передражнивая сеспру.

— Вопъ онъ, сударня, — сказалъ распроганный сержанпъ, подавая ей съ почпеніемъ крестикъ.

Христина взяла его, и положила между нашими губами, сказала съ чувствомъ:

— Онъ освяпипъ поцѣлуи наши! —

Теперь мы супруги — и уже старые супруги, милоспивый государъ, но всё любимъ другъ друга по прежнему. Добрый сержанпъ убипъ подъ Ваперло. *Евгеній* и я успѣли въ ремеслѣ нашемъ, завели въ В. изрядную мануфактуру, и живемъ въ маленькомъ бѣломъ домикѣ съ красною кровлею, который видѣтъ опсюда сквозь рощу.— Каждый вечеръ прихожу я курипъ трубку свою подъ зелеными вѣпьями Кроасейской ивы.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н Я.

Опгадай, моя родная!
Опъ чего я такъ грустна, —
И сижу всегда одна я
У любимаго окна.

Опъ чего съ шакой зашой
Каждый день кого-то жду;
Каждый день ищу чего-то
И чего-то не найду.

Лягу ли въ постель, не спипся:
Я душою вдалеѣ,
Голова моя кружипся,
А сердечушко въ шокѣ.

Опгадай, моя родная!
 То любовь, или печаль?
 Погляди: и не больна я,
 Но мнѣ всё кого-то жаль!...

А. Сумской.

С H A R A D E.

Au fond des bois, quand mon premier résonne,
 Le gibier aussitôt prend l'alarme et s'enfuit.
 Mon second quelquefois aiguise l'appétit.
 Tiré de l'Océan, mon entier se façonne
 Par la main de l'artiste, et sa fraîche couleur
 Rehausse d'un beau cou l'éclatante blancheur.

Въ No 68-мъ, помѣщенная шарада значить: *Пудра.*

M O D E S.

Je vous promettais de longs détails sur les fêtes de juillet, ma chère sœur; je ne me doutais guère qu'au lieu de joie, je n'aurais à vous entretenir que de larmes. Aussi, sachant que vous avez appris par les journaux tout ce qu'il y avait à dire sur l'affreuse catastrophe qui a rempli Paris de deuil, je ne vous en parlerai pas davantage; mon cœur et ma plume se refusent également à la peinture de malheurs aussi grands.

De ces scènes de douleurs à une conversation de modes, la transition est un peu brusque, je l'avoue; cependant j'entendais deux dames discuter ce matin sur le costume qu'elles porteraient le jour de l'inhumation des victimes du 28 juillet, qui doit se faire avec une pompe vraiment royale. Ces dames avaient grande peine à créer du nouveau, car c'est une morte saison que celle-ci, et excepté les objets de lingerie, pour lesquels l'art de la mode a encore des ressources, il faut se rabattre sur l'ancien. Il semble qu'au magasin des *Deux Sœurs*, rue Saint-Honoré, une mine inépuisable alimente dans les *montres* les plus jolies choses en lingerie qu'on puisse voir. Témoin ces charmantes *pèlerines canezou* garnies avec un goût si délicieux et ornées de si frais rubans; ces chemisettes de batiste d'Ecosse si artistement brodées et dont le col découpé sied si bien à un joli cou de femme. J'ai remarqué dans ce magasin une robe de maillot en mousseline de l'Inde, brodée tout autour d'une guirlande de feuilles

de vigne, le capuchon brodé de même, le tout doublé de taffetas rose et garni d'une angleterre haute de deux doigts. Je regrettais, en regardant cette fraîche et enfantine parure, de n'avoir pas une petite créature aux cheveux blonds et aux joues rosées à placer dessous.

М О Д Ы.

Я обѣщала тебѣ подробное описаніе Іюльскихъ праздниковъ, любезная сестра, и не воображала, что вмѣсто удовольствій, я буду говорить тебѣ только о слезахъ. И какъ ты знаешь уже чрезъ журналы все, что можно сказать объ ужасномъ происшествіи, одѣшемъ множесие семействъ въ черное платье, я не буду о томъ тебѣ болѣе говорить; сердце мое и перо равно отказываются отъ описанія столь великихъ несчастій.

Отъ этихъ явленій горести къ модному разговору, признаюсь, переходъ немного рѣзокъ; однако я слышала нынче упрямъ двухъ дамъ, разсуждающихъ о костюмѣ, какой на нихъ будетъ при погребеніи жертвъ 28-го Іюля, которое будетъ происходить съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Этимъ дамамъ весьма было трудно придумать что нибудь новое, потому что теперешнее время года самое пустое, и кромѣ блоншвейныхъ вещей, для которыхъ искусство моды имѣетъ еще средства, надо остаться при *прежнемъ*. Кажется въ магазинѣ *des deux sœurs*, въ улицѣ Saint-Honoré; неиспощимая руда поддерживается въ выставкахъ самыя красивыя блоншвейныя вещи, какія можно видѣть. Доказательство тому эти прелестныя пелеринки канзу, обшитыя съ отличнымъ вкусомъ и отдѣланныя такими свѣжими леншамми; эти шемизетки изъ Шотландскаго батиста, такъ искусно вышитыя, у которыхъ воротнички такъ хорошо вдесть къ красивой женской шеѣ. Я замѣтила въ этомъ магазинѣ платье изъ Индѣйской кисеи, для груднаго ребенка, вышитое вокругъ гирляндой изъ виноградныхъ листьевъ; кашшонъ вышитъ также; все подложено розовою папотою и обшито Англійскими кружевами, шириною въ два пальца. Я пожалѣла, глядя на этотъ свѣжій дѣтской нарядъ, что у меня не было маленькаго пворенія съ блокурыми волосами и розовыми щечками, на которое бы его надѣть можно.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

В ы х о д и т ь

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 70.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Августа 31 дня 1835 года.

Способностями Богъ меня не наградишь,
Даль сердце доброе, вопль чѣмъ я людямъ мнѣ.
Совру—проспѣшь.

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРАКЪ ВЪ ТЮРЬМѢ.

«Не безпокойся,» сказалъ мнѣ *М. В.* опораживая парелки: «рассказывай; не къ чему поропишься; вишь мы не на срокъ объдаемъ.»

— Если вамъ досугъ слушать, я удовлетворю ваше любопытство. Я ужь опобѣдалъ.

Въ 1812 году мнѣ было 24 года; Имперія существовала; я обучался медицинѣ и скоро надѣялся быть докторомъ. Какъ вы, господа молодчики, я уже успѣлъ напраказничать, имѣлъ любовницъ—и злословилъ женщинъ!

Наполеонъ царствовалъ: его терпѣли, но не любили такъ слѣпо, какъ теперь, послѣ его смерти. Истинные Французы проклинали того, для властолюбія котораго міръ тогда былъ пѣсенъ, а теперь весь онъ спорно улѣгся на маленькомъ оспрову, въ маленькой могилкѣ.

Въ ту годину, онъ, какъ нѣкій богъ, управлялъ вселенною; собиралъ рекрутъ, называлъ ихъ *пушегными мясомъ*, подставлялъ ихъ подъ карпечъ и пули, и на ихъ тру-

пахъ громоздилъ свою славу, называя её славою Франціи. Сколько малерей въ опчаяніи, вскормивъ и воспитавъ своихъ сыновей, только что думали ими упѣшаться, разсывались съ ними навсегда и видѣли, что ихъ гнали, какъ стадо овецъ, на убой. Въ опчаяніи они просили у Бога дѣпей горбатыхъ, кривоногихъ, изуродованныхъ.

Одна несчастная мать, неимѣвшая кромѣ сына никакой въ Свѣтѣ опоры ни себѣ, ни малолѣпнымъ дочерямъ своимъ, ни мужу неизлечимо - больному, пришла ко мнѣ и просила со слезами, краснорѣчиво опчаянными, употребить мое ходапайство въ Медицинскомъ совѣтѣ и склонить членовъ оставить ей ея сына. Я былъ сильно пронутъ слезами этой женщины, принялъ живое участіе въ ея сынѣ, воображая мать свою и себя на его мѣстѣ. Мои старанія были успѣшны: юноша признанъ неспособнымъ къ военной службѣ,

Я наслаждался своимъ добрымъ дѣломъ. *Бонапарту* донесено объ этомъ; не знаю, какъ и что. Меня арестовали, нарядили судъ; судъ былъ тогда коропокъ: меня заклеили

и приговорили на 10 лѣтъ въ капоржную работу.

«Какое безчеловѣчіе!» воскликнули слушатели единогласно.

Да, милостивые государи, у меня клеймо на плечѣ! Вы, которые теперь принимаете во мнѣ такое искреннее участіе; вы сами, не зная меня тогда, если-бъ нашли меня на большой дорогѣ, изнуреннаго и въ рубищѣ, вы сами вскричали бы: злодѣй! — И не только не помогли бы мнѣ, но оставили бы меня умирать въ канавѣ, какъ собаку. Вотъ ужасная игра судьбы. Вообразите же себѣ мое опчаяніе: я терялъ всё — и приговоренъ былъ проспать лучшіе годы жизни на галерахъ. Для двадцати-четырёхлѣтняго человѣка жизнь такъ прекрасна! Тутъ только начинаешь жить, потому что, будучи моложе, мы прапимъ её на пустяки, какъ маленькія дѣти; мужая, часто разлюбляемъ жизнь, потому что её знаемъ. Мать моя умерла съ печали черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ моего несчастія; любовницы меня забыли; друзья отспунили; знакомые переспали вспоминая обо мнѣ.

У меня была кузина, дѣвица осьмнадцати лѣтъ. Увидя её, всякой вскрикивалъ: какъ она пригожа! Однако-жь она не была красавицей; ея лицо выражало любящую, веселонравную душу. Её называли кокеткою и легкомысленною; такъ обыкновенно судятъ о женщинахъ, по своимъ глазамъ. Небогатые родители воспитали её оплично. Это видно было само собою, хопя она этого и не выказывала; умница, она умѣла быть и скромницей. Ея соспаніе было тонко, а безъ приданого не найдешь себѣ мужа не только полковника, да и оберъ-офицера. Спанскіе женятся иногда и на бѣдныхъ, а военные никогда. Однако-жь, согласись сами, господа: вишь ей нельзя же было броситься на шею первому встрѣчному. Всѣ эти обстоятельства затрудняли ея замужство. Въ Свѣтѣ заведено, что чѣмъ опличнѣйшее получила дѣвица воспитаніе: тѣмъ ея приданое должно быть богатѣе. Ея пѣтушки, пожилыя дѣвки, предлагали ей весьма выгоднаго жениха, по ихъ мнѣнію: ему было 45

лѣтъ, а казалось 55. Недоспаночные родители, боясь упустить хорошій случай, назначили смотръ жениху и невѣстѣ. Она понравилась; женихъ просилъ ея руки; ей располовали, что она будетъ богата, слѣдственно щаслива; что ненужно влюбляться въ своего мужа прежде сватъбы, что это придетъ послѣ, само собою. Долго ли уговорить неопытную дѣвочку? Женихъ началъ ѣздить къ нимъ въ домъ, сближаться, услуживать, приглядываться, испытывать.

Я и Юлія, мы съ дѣтства полюбили другъ друга. Молодому человѣку такъ мало лѣтъ нужно на то, чтобъ развернуть жизнь свою: *Жюльета* была еще ребенкомъ, а я уже успѣлъ сдѣлаться большимъ шалуномъ.

Я завелъ любовныя связи, *Жюльета* какъ-то о нихъ пронюхала, испугалась; сдѣлалась со мною холоднѣе, оспорожнѣе. Наши родители, безъ сомнѣнія, опасались, чтобы мы не влюбились спраспно другъ въ друга; до этого бы не долго: она мнѣ чрезвычайно нравилась. Но къ чему бы привела эта глупенькая любовь? У меня не было ни званія, ни соспанія; а молодой человѣкъ и молоденькая дѣвица должны влюбляться только тогда, когда могутъ обвѣнчаться. Иначе они прослышутъ въ Свѣтѣ сумасбродами. Помню, что мнѣ очень было грустно, когда я думалъ о ея замужствѣ, и что ненавидѣлъ жениха ея безопчечно.

Узнавъ о моемъ несчастіи, она очень огорчилась. Эта осьмнадцатилѣтняя дѣвочка, которая казалась въпреною, сдѣлалась грустна, какъ человѣкъ, глубоко проникнутый печалью.

Прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ меня перевели въ Бисепрскую тюрьму и забыли. Я спрашно перемѣнился и не походилъ на молодого человѣка: душа моя была больна.

Однажды шюремщикъ извѣстилъ меня, что пригожая дѣвица и пожилая дама желаютъ меня видѣть. Я сошелъ въ пріемную, и нашелъ въ ней свою кузину съ ея родительницею. Я думалъ, что она пришла сказать мнѣ, что скоро ея сватъба.

Сердце мое часто забилось, когда я её увидѣлъ, такъ забилось, что не было средствъ унять его. Я поблѣднѣлъ, заплакалъ. . . . Я заплакалъ, я, не пролившій ни одной слезинки ни погда, какъ меня опдали подъ уголовный судъ; ни погда, когда объявили мнѣ мой приговоръ. Она не плакала, глаза ея блиспали щаспиемъ. Никогда еще не была она такъ весела, такъ прекрасна! Въ самой одеждѣ ея замѣтно было щегольство и кокетство.

О, какую ненависть ощутилъ я въ своемъ сердцѣ. «Вопъ онъ каковы!» сказалъ я самъ себѣ: «вотъ женщины! Свадьба! Серги, ожерелья! Кашмиры, панцы! Онъ не замѣчаютъ, что на глазахъ слѣзы!»

Юлия спросила у меня своимъ сладкимъ голосочкомъ: О чемъ же ты плачешь, *Карль!* Развѣ тебѣ непріятно мое посѣщеніе?

«Непріятно! Я щаспливъ пвоею радостью и щаспиемъ. Ты вольная ппашка, распѣвая прилепѣла посмотрѣть на колодника сквозь желѣзныя рѣшетки его темницы, и, блаженная, возвратишься въ свое родное небо.»

— Я въ самомъ дѣлѣ щасплива; я выхожу за того, кого люблю.—

«Я зналъ это; вы бы могли, сударыня, избавить себя отъ пруда напоминавъ мнѣ.»

— Сударыня! Къ чему такая учпивость, *Карль?* Развѣ я не маленькая *Юлинька*, пвой прежній маленькій ангелъ?—

«Нѣтъ, ты будешь *Юлією* своего мужа, того, который будетъ побоею щаспливъ.»

— Я хочу быть пвоею подругою, пвоею женою,—сказала она, взявъ мою голову обими прекрасными своими ручками: я пришла просить пвою руку—и, если ты мнѣ не откажешь, я съ побоею обвѣнчаюсь.—

«Ахъ, какъ это прекрасно!» вскричали въ восторгъ всѣ молодые люди.

Какой для меня былъ это праздникъ! Какія попрысенія! Я еще и теперь чувствую. Одинъ такой день споминъ десяти лѣтъ обыкновенныхъ. Я схватилъ свою добрую, свою удивительную *Юлію*, прижалъ къ сердцу; я не зналъ, гдѣ, что со мною. Я не зналъ

до пѣхъ поръ, что такое любовь: пупъ только въ первый разъ я её почувствовалъ. О, какъ чисто горѣло ея пламя въ сердцахъ нашихъ!

— День моей свадьбы уже былъ назначенъ,—сказала она, когда мы опомнились: до того времени я думала, что все это видѣла во снѣ и ничему не вѣрила. Мой женихъ пришелъ къ намъ вчера; передъ тѣмъ я плакала, много плакала, и подурнѣла. — «У васъ красны глаза;» замѣпилъ онъ мнѣ съ такимъ выраженіемъ, котораго прежде я у него никогда не замѣчала: «вижу, что я вамъ очень пропивенъ, попому что не хопите вѣрить мнѣ печаль свою. Съ давняго времени я замѣчаю, что вы огорчены и не смѣю спросить: чѣмъ? Однакожь я догадываюсь.» — Вы опгадали, вскричала я: всѣ мысли мои у моего бѣднаго *Карла*: онъ въ неволь, одинокъ, унылъ, всѣми брошенъ, какъ мерпвецъ на кладбищѣ. Я рѣшилась; вы меня ободрите. Я хорошо играю на фортепiano, спану давать уроки; готова работать самую чѣрную работу—и выйду за *Карла!* Сдѣлаюсь его женою, чтобы спрадать и плакать.—

«Вы его любите?» грустно спросилъ у меня г. *Бель*.

— Я не любила его прежде, увѣрю васъ; но онъ такъ жалокъ; у него нѣтъ руки, которая бы его приласкала и воскресила къ жизни. Когда же онъ возвратится въ свѣтъ: кто узнаетъ его, кто повѣритъ ему, если онъ скажетъ: я лишенъ добраго имени за то, что возвратилъ сына мапери. Никпо! Ему надобно будетъ оставить опечество, а онъ безъ состоянія, безъ денегъ!—

«Такъ что жъ?» пропжно произнесъ *Бель* со слезами на глазахъ. . . Да, онъ плакалъ, это п чудакъ, надъ которымъ всѣ насмѣхались, котораго сама я почитала нечувствительнымъ, какъ мраморъ. «Я ни къмъ не любимъ;» грустно продолжалъ онъ: «я надѣялся, что со временемъ вы ко мнѣ привыкните и переспанете ненавидѣть меня. Вижу свою ошибку; вы слишкомъ пригожи, слишкомъ мечпательны, слишкомъ благоразумны! Обвѣнчайтесь съ этимъ *Карломъ*; онъ васъ пойметъ; онъ вамъ ровеспникъ и достойнѣе меня обладать такимъ сокровищемъ.»

— Нещасливъ! Съ какою неизвинительною радостью я объявила ему, что не люблю его! Я была такъ весела, когда мнѣ въ голову не приходило, что я гублю его. «Прощайте, сказалъ онъ мнѣ: прощайте. Да благословитъ Богъ союзъ вашъ. Я знаю, и, что мнѣ оспалось дѣлать.»

— Онъ ушелъ—и я съ тѣхъ поръ не видала его. Мнѣ не до него было: я и день и ночь придумывала средства къ нашему существованію, и не хотѣла прежде съ побою видѣться. Въ это время я получила извѣстіе о смерти г. *Белл*; мнѣ не сказали причины его смерти; но онъ завѣщалъ мнѣ все свое имѣніе, съ тѣмъ только, чтобы я давала ежегодную пенсію одному бѣдному его родственнику. Я не отказалась отъ наслѣдства, единственно для того, чтобы раздѣлить его съ побою; возвративъ себѣ жизнь.—

«Мы вмѣстѣ спанемъ его оплакивать, этого великодушнаго человѣка, котораго ты убила.»

— И такъ, ты любишь меня по прежнему, любишь такъ, какъ я люблю тебя? —

«Взгляни на меня, мои глаза согласны съ устами!»

Наполеонъ, благодарю тебя! вскричалъ я. Безъ тебя, можетъ быть, это бы ангелъ не принадлежалъ бы мнѣ.

Пробили зорю—и тюремщикъ напомнилъ намъ, что надобно разспаться.

Юлія, увидя, что я спалъ грустенъ, сказала мнѣ: полно морщиться; я каждый день съ мапушкою буду навѣщать тебя до самой нашей свадьбы; когда же мы обвѣчаемся, я буду ходишь къ тебѣ одна-одинѣхонька: каждый день на цѣлый день. Одна, понимаешь? —

Я расцѣловалъ и невѣсту и пѣшу, и долго смотрѣлъ вслѣдъ за ними. Взоры и мысль моя проводили ихъ далѣе, чѣмъ самъ я. Я былъ арестантъ!

Вѣрите ли вы теперь, господа, что я люблю её.

— Да гдѣ-жъ найши подобную? — сказалъ задумчивый молодой человѣкъ.

«Сдѣлайтесь нещасливы; Богъ пошлетъ васъ съ неба такого же ангела-упѣшителя; добродѣтельныхъ женщинъ гораздо больше, чѣмъ вы думаете. Они пались въ неизвѣстности, потому что не попрысана ихъ душа.»

Юлія пришла ко мнѣ на другой день съ своими родителеми: священникъ обвинчалъ насъ въ тиоремной церкви; самъ подписался свидѣтелемъ. Мы, предстои почти одни передъ Опцемъ небеснымъ, поклонились другъ другу въ вѣрности—и свято сохранили свою клятву.

Моя миленькая маленькая жѣпочка въ продолженіи десяти лѣтъ ежедневно навѣщала меня въ Бисептрѣ. Она лѣзлась у дверей всегда въ ту минуточку, какъ ихъ поупру опирали; уходила, когда наступалъ часъ запираеть ихъ. Тюремщикъ полюбилъ насъ, смотритель поже. Меня, за слабостью здоровья, не отсылали на галеры.

Жалосливый тюремщикъ спарался устроишь мой бытъ съ опеческою заботливостью: онъ опвелъ намъ двѣ чистыхъ коморки у себя; мы ихъ убрали по своему вкусу, и въ нихъ-то проводили цѣлые дни, всегда казавшіеся намъ короткими; намъ недоставало времени пересказать другъ другу все, что лежало на сердцѣ. Мы благоденствовали въ заключеніи больше, нежели въ Свѣтѣ, который порпитъ и разлучаетъ сердца, созданныя для неразлучности.

Моя маленькая жѣпочка сдѣлалась беременна: въ послѣдніе дни она не въ силахъ была посѣщать меня. Жалосливый тюремщикъ, который отвѣчалъ за меня своею головою, оппускалъ меня пихонько домой ночевать. Я уходилъ потчасъ послѣ того, какъ арестанты ложились спать и возвращался на разсвѣтѣ.

Жена моя наняла подлѣ самага Бисептра уютную квартерку, куда переѣхала съ опцомъ и матерью.

Она родила въ Декабрѣ. Вы знаете, какъ поздно разсвѣтаетъ въ этомъ мѣсяцѣ. Однажды, возвращаясь въ тюремъ еще до свѣта, я былъ оспановленъ двумя мошенниками, которые, вынувъ длинные ножи, требовали отъ меня часовъ и денегъ. Наканунѣ, я будто это предчувствовалъ, взявъ у жены пару

заржавѣлыхъ пистолецовъ, для опдачи въ починку одному, содержавшемуся вмѣстѣ со мною колодышкѣ; мнѣ хотѣлось этимъ доспаивать ему пособіе. Я поспѣшно опспунилъ опъ злодѣевъ и, выхлавивъ изъ подъ полы шинели мои два огнеспрѣльные орудія, прицѣлился. Трусы убѣжали. Во всякомъ другомъ случаѣ это былъ бы самый обыкновенный случай; но въ моемъ положеніи могъ имѣть самая пагубная слѣдствія. Если-бъ меня подняли на улицѣ убитаго или раненаго: пюремщикъ пропалъ бы. *Наполеонъ* не любилъ шумить. Это такъ распроило меня, что я чуть не слегъ въ постелю; у меня доспало однакожь сполько ума, чпобъ не объявлять объ этомъ моему благодѣтелю. Это бы его испугало, и онъ, навѣрное, не рѣшился бы впередъ оппускать меня къ женѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этаго ночнаго приключенія, жена подарила меня дочерью. Крошка *Люцил* шакже мила и добра, какъ мать ея.

«Она должна быть прелестна!» вскричалъ молодой, задумчивый человекъ.

— Приходите ко мнѣ, любезнѣйшій; я приму васъ съ удовольствіемъ. Вы расскажете этимъ господамъ, что знаете двухъ женщинъ добродѣтельныхъ. —

«Мы нащипаемъ ихъ гораздо больше!» вскричали они всѣ вругъ.

И каждый имѣлъ мать или сестру, копорая на мѣспѣ *Юлии* шоже бы сдѣлала.

Не спану рассказывать всего, что было говорено послѣ; замѣчу только, что ничего не было сказано дурнаго на щепъ женщинъ.

10-е Августа,

1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГУСАРСКАЯ ПИРУШКА.

Вошь собралась—всѣ шумящъ;

Разговоръ ихъ пылокъ;

Сабля свиснула—лепящъ

Головы съ бушмылокъ.

Пьютъ и гнутъ у картъ концы,
До утра бушуютъ...
Такъ гусары-молодцы
Каждый день пируютъ.

Е. III—ii.

О М О Н И М Ъ.

Уѣздный городъ, очень древній,
Ко мнѣ приписаны и села и деревни.

Опъ Пшпера я въ пящи спахъ,
А опъ Москвы въ двухъ спахъ верспахъ.

Ну, подивитесь же! Въ одно и шоже время,
Таская на себѣ лѣтъ въ семдесятъ берема,

Въ монастырѣ живу,

Монахиной, игуменьей бываю,

Но не монахиной слыву,

А пмя опъ годовъ я спарыхъ получаю.

К Р И Т И К А.

ДИКОВИНКИ ВЪ НОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Огипценный переводъ повѣсти Старикъ Горіо, помѣщенный въ Библиотекѣ для чтенія м. Февраль и м. Мартъ 1835 года.

Въ Библиотекѣ для чтенія помѣщена предлинная повѣспь: *Старикъ Горіо*. Полпораста спраницъ, унизанной мелкой журнальной печашью, предспавляютъ въ Русскомъ переводѣ новѣйшее произведение *Бальзана*.

Философію сего писателя Библиотекѣ для чтенія *очень хотѣлось бы назвать философією, выжатую изъ туалетной губки (!)*, но въ повѣспи: *Старикъ Горіо*, какъ увѣряютъ въ Библиотекѣ, *примыгательно раскрылся талантъ люднаго романиста.*

Моднаго! жалкое слово, опголосокъ неспоянства, подвергающаго произведенія писателей одинакой учаспи съ изобрѣшеніями модныхъ шорговокъ. Но *Бальзанъ* ли ушождаешъ вкусу легкомысленныхъ, и слѣдспвенно многочисленной часпи Парижской публики, или Парижская публика одобраешъ вкусъ *Бальзана* (за исключеніемъ однакожь людей

разсудительныхъ), въ обоихъ случаяхъ нѣтъ чести ни романисту, ни публикѣ, въ обоихъ случаяхъ видѣтъ упадокъ здравыхъ понятій. *Бальзакъ* искусный писатель, но опъ писателя пребудетъ не одного искусства, а цѣли нравственной; если онъ не имѣетъ сей цѣли и жертвуетъ дарованіемъ развращенному вкусу, шѣмъ поспыднѣ для писателя, шѣмъ хуже для словесности. Что мы находимъ въ повѣстяхъ *Бальзака*? живость, привлекательность рассказа, игривую болтливость, блески остроумія,—но взглянемъ на нравственность, или лучше скажемъ безнравственность его повѣстей: самыя опвращительныя черпы Парижской жизни собраны имъ, какъ будто для украшенія рассказа; самыя гнусныя поступки выказываются легко, небрежно, даже иногда въ пріятномъ видѣ, какъ будто съ намѣреніемъ, чпобъ всё это казалось весьма обыкновеннымъ. Порокъ спокойный и улыбающійся безъ малѣйшаго сознанія совѣсти, порокъ роскошествующій и величающійся крайностію преспуленія, вопъ любимый предметъ *Бальзака*! Не лзя видѣть безъ негодованія, къ какимъ лицамъ сочинитель спарается склонить участіе чинамелей, какъ часто допускаетъ онъ въ своихъ повѣстяхъ нарушеніе всякаго приличія и всякой вѣроятности; нерѣдко по самое, что онъ хочетъ выставить возвышеннымъ чувствомъ, есть ни что иное, какъ безстыдство; добрые люди его готовы на всё злодѣйства; на оборотъ, онъ силится придать безумію блескъ великодушія и разврату прелестъ любезности.

Библіотека для чтенія весьма основательно возспавала противъ Французскихъ романистовъ, дѣйствуя оружіемъ благоразумныхъ Англійскихъ критиковъ; но къ сожалѣнію сама нарушила свои правила. Напримѣръ: для чего помѣщенъ переводъ повѣсти *Старикъ Горіо*?

Но это переводъ *сокращенный, огищенный!* и Библіотека для чтенія сравниваетъ сіе очищеніе съ Геркулесовскимъ подвигомъ. Господа Н. Н., занимаясь внимательно, какъ говорятъ они: *съ цѣлію доставить хорошее чтеніе Публикѣ, взвѣсивая каждое выраженіе, узнали на опытъ надъ старикомъ Горіо* всю трудность

такого подвига, который *не легке огистики конюшенъ Царя Авгія!*

Что же осталось послѣ многопруднаго очищенія? Какъ выполнена цѣль доставлять хорошее чтеніе Публикѣ? Это объяснится изъ слѣдующаго краткаго обозрѣнія повѣсти *Старикъ Горіо*, какъ предспавляется она въ переводѣ:

Лабазникъ Горіо, обогатившійся во время безначалія, выдалъ двухъ своихъ дочерей, одну за знатнаго графа, другую за богатаго барона.

Въ приданое за дочерями онъ опдалъ болѣе миліона, но зная не хотящъ знать его; дочери чуждаются опца; иногда только безумное моповство заспавляетъ ихъ прибѣгать къ нему, выманивать послѣднее, что у него осталось.

Отецъ, слуга ихъ прихостей, *самъ помогаетъ преступной ихъ жизни*. Самъ отецъ рекомендуетъ молодаго повѣсу въ друзья замужней дочери, грозитъ, что *убьетъ* его, если онъ ей измѣнитъ; продаетъ свое серебро, чпобъ нанять ему кварпиру возлѣ ея дома.

Другая дочь спарика *Горіо*, графиня, проситъ опъ обнищавшаго опца денегъ на уплату долговъ своего любимца; отецъ въ опчаяніи, что нечего дать. Чпобъ достать денегъ, спарикъ хочетъ *накаться за кого нибудь въ рекруты (!)*, дочери благодарятъ его за эту мысль!! *Еслибъ я зналъ гдѣ украсть!* говоритъ онъ и рветъ на себѣ волосы. «Я опдаюсъ душою и шѣломъ тому, кто спасетъ тебѣ; если нужно, я для него *убью челоука*; и пр.» вдругъ вбѣгаетъ молодой, безденежный студентъ, даетъ на себя графинѣ обязательство въ 13 тысячъ франковъ; графиня успокоилась.

Спарика *Горіо* поразилъ параличъ, а дочери его собираются на балъ. Графиня опять прѣзжаетъ къ опцу, и пораженный параличемъ ожилъ, и побрелъ продаватъ и закладывать послѣднія свои вещи, чпобъ только доставить тысячу франковъ, недостающихъ ей на бальное платье. Графиня прислала за деньгами, а спарикъ на другое утро умеръ. Два студента заложили свое платье на покупку для него некрашенаго гроба, а

дочери, графиня и баронесса, прислали двѣ пустыя кареты провожать похороны.

Такова судьба глупѣйшаго *Горіо*. Но замѣчательны и другія лица.

Выспавлены прелеспныя дамы лучшаго Парижскаго общесства: виконтесса *Боссеанъ*, графиня *Ресто*, герцогиня *Ланже*, леди *Брандонъ*, баронесса *Нюссингенъ*, и между ними нѣтъ ни одной честнаго поведенія! Описаніе ихъ пресупныхъ связей занимаетъ большую часть повѣсти.

Въ повѣсти *Бальзака* Парижскіе мужья, люди, улыющіе жить, усаживаютъ женъ своихъ въ лоджы съ лобилцами ихъ, а сами уходятъ. Парижскіе щеголи, восхищаясь прекрасною женщиною, называютъ её заводскою лошадыю, женщиною породистою.

Повѣсть начинается приключеніями въ грязномъ домѣ уродливой г-жи *Воке*, копорая держитъ жильцовъ на хлѣбахъ. У ней живутъ: дѣвица *Мишоно*, по выраженію повѣсти, *салка г-на Поаре*, и *г. Поаре*, *самецъ мамзель Мишоно*; *г-жа Кутюръ* и подъ покровительствомъ ея *Викторина Талферъ*, молодая дѣвица съ *рыжеватою физиогномією* и *красноваторусскими волосами*, бѣдная дочь миліонщика, покинутая опцомъ, опрекающимъ опъ сего имени; назначивъ все свое имѣніе сыну, онъ даетъ ей скудную помощь. Тупъ же, въ сосѣдствѣ чердака, жилище *Горіо*; оспальные два жильца: *Вотренъ*, пріятель г-жи *Воке*, и студентъ *Растиньякъ*.

Вотренъ вызывается доспавить студенту невѣсту съ *миліономъ*, съ тѣмъ, чпобъ взять съ него за услугу 50 тыс. франковъ. Эпа невѣста: *Викторина Талферъ*. *Вотренъ* общаетъ сдѣлать её единственною наследницею богатства спараго *Талфера*, а средство для эпаго: *убить молодаго Талфера на дуэли*, чпб *Вотренъ* беретъ поручить своему пріятелю. *Вотренъ* изобрѣлъ *вѣрнѣйшій способъ убивать въ фехтованьи своего противника*: опбивать въ верьхъ шпагу и колоть въ лобъ.

Студентъ рѣшился было предостеречь молодаго *Талфера*, но догадливый *Вотренъ* даетъ студенту усыпительный напитокъ, а между тѣмъ повѣренный и пріятель *Вотрена*, *Франкессини*, спарый *Наполеоновской*

полковникъ въ королевской службѣ, по порученію заводитъ ссору съ молодымъ *Талферомъ*, и убиваетъ его на дуэли, по методу *Вотрена*.

Вотренъ, одно изъ главныхъ лицъ повѣсти, есть *бѣлый каторжникъ*, агентъ и банкиръ каторжниковъ, спаршина *Парижской компани высшихъ воровъ*, ввѣряющихъ ему свои капиталы. Онъ соспавилъ себѣ *собственную полицію*; касса эпаго челоуѣка платитъ пороку, доспавляетъ капиталы пресупленію и содержитъ цѣлую армию негодяевъ, которые состоятъ въ *безпрерывной войнѣ съ публикою*.— Наконецъ онъ попадаетъ ся сыщикамъ, но еще грозитъ полиціи и хвалится связями. Дальнѣйшія послѣдствія съ нимъ неизвѣстны.— Въ концѣ повѣсти сказано, чпб *тльнъ Вотрена привела Растиньяка къ дому г-на Талфера и положила руку его на замокъ (?)*. Онъ *зажмурилъ глаза, чпобъ ея увидѣть (??)*. Кого? это загадка.

Приключенія студента *Растиньяка* въ повѣсти *Старикъ Горіо* особенно замѣчательны:

Эпопъ проспачокъ студентъ, лишь только увидѣлъ на балѣ прекрасную графиню *Ресто* (копорая по знанности мужа принята при дворѣ), на другой же день приходитъ къ ней въ *грязныхъ сапогахъ*, свести съ нею знакомство!

Любимецъ графини *Ресто*, *Максимъ Тралъ*, замѣтивъ въ присупствіи ея мужа спарственные взоры молодаго студента, на сапогахъ копораго *пестрѣлъ тонкій вѣнецъ грязи*, шепчетъ на ухо графинѣ, чпб принужденъ будетъ *убить его*, если онъ рѣшится выкинуть ей *любовное изъясненіе*.— Но и молодой студентъ опваженъ; великодушная виконтесса *Боссеанъ* спрашиваетъ его: *убьетъ ли онъ за неѣ челоуѣка? Двухъ, если угодно*, опвѣчаетъ студентъ.— За эпо виконтесса назвала его *ребенкомъ*, но желая ввести его въ почестъ къ женщинамъ, совѣдуетъ познакомиться съ прелеспною женою банкира, *Дельфиною Нюссингенъ*, и доспавить *Дельфинѣ* случай бытъ у виконтессы на балѣ. За эпо, по ея увѣренію, *Дельфина будетъ его обожать, и тогда онъ будетъ нравиться всѣмъ женщинамъ*.

Баронъ *Нюссингенъ* пошло чпо вышелъ изъ ложи въ театръ, какъ незнакомый молодой студентъ является опъ виконпессы рекомендоваться женѣ барона; *Дельфина* предлагаетъ ему мѣсто своего мужа, и молодой незнакомецъ пущъ же приспустилъ къ спраспнымъ изьясненіямъ.

На другой день этотъ студентъ уже въ домѣ *Дельфины*; заспавъ еѣ печальною, онъ говоритъ ей: или я уйду, или вы мнѣ раскажете ваши огорченія, чпобы я могъ облегчить ихъ, *хотъ бы для этого надобно было убить челоука шесть!* (Если не клеветаетъ г. *Бальзакъ* на Парижскіе нравы, то видно, чпо *убить челоука* самая обыкновенная фраза у Парижскихъ любезниковъ).

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ*).

M O D E S.

Les transparens sont une vraie fureur; on en met partout où on peut en mettre. Maintenant on voit des peignoirs dont un large ourlet borde les deux devans et dans lesquels on passe un ruban de couleur; c'est assez joli quand la jupe de dessous est en taffetas blanc.

Les grandes chaleurs ont fait disparaître toutes les frisures; vieilles, jeunes, belles et laides, presque toutes les femmes se coiffent en bandeaux. On porte sur le front un petit velours noir noué tout simplement derrière la tête. On voit aussi de toute mince ganse noire ayant au milieu du front un fermoir formant soit une rose, soit un petit oiseau dont les ailes étendues sont couvertes de petites pierres de diverses couleurs.

Autour du cou, on porte aussi de petits colliers justes, soit en chaînes de verrerie, soit formé d'une tresse de cheveux plate et large de trois lignes. On les ferme devant le cou avec un fermoir plat, les plus distingués sont une plaque d'or toute unie. Ces colliers vont très bien et dispensent d'une cravate ou d'un ruban.

Voilà, ma chère *Nancy*, toutes mes observations de la semaine; elles sont bien futiles au milieu de tous

les graves événemens qui nous entourent; mais que faire? quand on a pleuré les morts, il faut bien vivre avec les vivans.

Adieu, bonne sœur; je vous embrasse et vous aime.
Sarah.

Pl. No 25. Chapeau de paille d'Italie. — Robe de mousseline brodée. — Etolle de ruban et écharpe de gaze de laine brodée. — Capote de pou de soie. — Robe de jaconas brochée.

М О Д Ы.

На транспараны совершенное бѣшенство; ихъ спавяютъ вездѣ, гдѣ только можно. Теперь видны пенуары, у которыхъ полы подшиты широкимъ рубцомъ и продѣты въ нихъ цвѣтныя ленты. Это довольно красиво, когда нижняя юбка изъ бѣлой шаффы.

Опъ большихъ жаровъ исчезли всякія прически; старыя, молодыя, пригожія, дурныя, почти всѣ женщины дѣлаютъ волосы спереди гладко, по лбу кладутъ узенькой черной бархатъ и просто завязываютъ сзади головы. Видны также самыя узенькія черныя снурки, застегивающіеся въ среднѣ лба фермуаромъ, составляющимъ или розу, или маленькую птичку, которой распертыя крылушки покрыты мелкими разноцвѣтными камушками.

Около шеи также носятъ узкія ожерелья въ обшяжку, или изъ стеклянныхъ цѣпочекъ, или изъ плоской косы, изъ волосъ шириною въ три линіи. Ихъ застегиваютъ спереди или плоскимъ фермуаромъ; самыя отличныя, — просто гладкая золопая бляха. Эти ожерелья очень идуштъ и замѣняютъ галстухъ или ленту.

Воштъ, милая *Nancy*, всѣ мои недѣльныя замѣчанія; они весьма малозначущи посреди важныхъ происшествій насъ окружающихъ; но чпо дѣлать? оплакавши мертвыхъ, надо жить съ живыми.

Прощай, добрая моя сестра, цѣлую тебѣя и люблю. — *Sara.*

Карп. No 25. Италіанская соломенная шляпка. — Платье изъ вышитой киски. — Шарфъ изъ вышитого шерстяного газа. — Капотъ изъ rou de soie. — Платье изъ вышитого жакона.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 71.

Цѣна годовому изданію,
оеспящему изъ 104 №
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 50, съ до-
спавкою и пересылкою
5.5 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 4 ДНЯ 1835 ГОДА.

Какъ нашъ почтенный врачъ въ деревнѣ былъ пять дней,
То объ оплучкѣ сей
Вся публика пошчасъ узнала;
Хотя въ вѣдомостяхъ объ оной не чинала.
Скажише-жь, почему?

А потому,
Что въ городѣ при немъ мрутъ люди, какъ въ чуму.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЛѢДСТВІЕ ПРОСТУПКА.

(Повѣсть.)

I.

Двѣ дамы сидѣтъ въ госпиной сельскаго, бо-
гатобраннаго дома; тысячи мелкихъ ве-
щицъ, около нихъ разбросанныхъ, показы-
ваютъ, что роскошь живетъ подъ эпою
кровлею.

Одна изъ дамъ молоденькая: волосы у ней
черные, рѣсницы густыя, шелковистыя, а
подъ этими рѣсницами голубыя очи съ слад-
кими взглядами; кожа ея тонка и сквозитъ;
на ней свѣжее платье изъ кисеи розе позво-
ляетъ видѣть шею, очаровательно округ-
ленную; руки у ней маленькія и бѣлыя,
спанъ стройный, высокій, но нѣсколько на-
клоненный впередъ; ей много, много, что
шестнадцать лѣтъ. Безпокойство, замѣнное
на ея чистомъ, непорочномъ лицѣ, мимолетно,
какъ облачко; оно не попомнило ея ми-
лой, простодушной физиогноміи.

Другая, безъ сомнѣнія, знала черные дни,
горькія обстоятельства: ея прекрасныя
черты, показывающія полное развитіе, опѣ-
нены глубокою задумчивостью и носятъ пе-
чатъ долгаго, сильнаго спраданія. На этомъ
еще цвѣтущемъ челѣ блестятъ пряди во-
лосъ, какъ снѣгъ бѣлыхъ.

Глубокое молчаніе царспвуетъ между ма-
терью и дочерью; дѣвица держитъ въ ру-
кахъ шитьѣ; но безпрестанно взглядываетъ
въ открытое окно на алею, къ замку веду-
щую. Мать занята письмомъ. Наконецъ
пылка дѣвица не выдержала: Ахъ! сказала
она: боюсь, что господинъ *Нанси* нездоровъ;
ни вчера, ни сегодня... — И слеза покапалась
по ея длиннымъ рѣсницамъ. Мать бросила
на это прелестное созданіе взоръ неизъяс-
нимо-горестный. «Дочь моя,» замѣтила она
ей: «надобно опывкать опъ всендневныхъ
свиданій съ господиномъ *Нанси*.» — За чѣмъ
это, мамѣнка? — подхватила встревоженная
красавица. «Потому, что можетъ быть онъ
болѣе не расположенъ каждый день посѣщать

нась.»—Милая маменька, ты пайшь опъ меня правду; вѣрно господинъ *Нанси* болѣнь.— «Нѣтъ, душенька; по крайней мѣрѣ, я ничего объ эпомъ не слыхала.»—Такъ онъ пріѣдетъ, маменька, вѣрно пріѣдетъ.—«Ты не хочешь распаться съ надеждою, доброе дитя!» Голось ея дрожаль; видно было, что она встревожена.—Что нибудь случилось, милая маменька, не скривай опъ меня; говори!—И бросивъ шипъе, она упала передъ матерью на колѣни, сжимала ея руки въ своихъ рукахъ, прижимала къ себѣ и цѣловала, упрашивая сказать ей пайну.—«Повпоряю тебѣ, что ничего не слыхала;» важно опвѣчала ей мать: «но кто можетъ изслѣдовать сердце молодого человѣка? Не всегда вечернія его желанія доживаютъ до разсвѣта.»—Нѣтъ, маменька, ты ошибаешься; *Эдуардъ* не можетъ переменитьсь—и я вѣчно, вѣчно останусь его милою *Матильдою*. Мы такъ любимъ другъ друга.—Графиня *Б**** запрепепала. «Дитя мое!» вскричала она: «одно пвое имя осуждаетъ тебѣ къ несчастіямъ!»—Мое имя? Не можетъ спаться! Оно для меня такъ сладко: это пвое имя! Ты бы не дала мнѣ его, если бы вѣрила, что оно предвѣщаетъ несчастіе.—«Тогда оно не было такимъ, но съ тѣхъ поръ....» Графиня замолчала. *Матильда* опустила голову, плакала—и материнскіе поцѣлуи не осушили слезъ ея.

II.

Въ эту же самую пору, въ одномъ огромномъ каменномъ домѣ Сепъ-Жерменской улицы, пятидесятилѣтняя, высокорослая, сухощавая женщина, суровая и надменная, лежала въ длинныхъ креслахъ; она была больна, или припворялась больною. Въ спѣсивыхъ чертахъ ея написано было презрѣніе и холодность; она была ханжа, а не набожна; спрога въ поведеніи, но не добродѣтельна. Подлѣ неѣ, развалясь на креслахъ, полусидѣль, полулежалъ брюхастый мущина съ надупыми щеками и опвислыми губами, и читаль газетъ. Молодой красавецъ спольтъ облокопясь на каминъ и подперши рукою голову; сильныя чувствования изображены были на лицѣ его.

Эти при особы соспавляли семейство *Нанси*.—Я тебѣ еще разъ говорю, мой сынъ;—сказала спарая дама: я тебѣ не могу запрепить; дѣлай что хочешь; но съ того часа, какъ ты замараешь себя эпой женипбою, нога пвоя не будетъ у меня въ домѣ; не хочу тебѣ видѣть, а ты знаешь, какія изъ эпаго выдупъ послѣдспвіа.—

«Мапушка,» возразиль молодой человѣкъ: «сизбави Богъ, чтобы я заспавиль васъ пролить хопъ одну слезинку; однако знайте, что вы опправляете мою жизнь. Вы спступаєте со мною безчеловѣчнѣе самаго злаго врага моего.»—Пустыя слова; въ пвои лѣта дѣвочка приглянепся и скоро забудетъся.— «Нѣтъ, нѣтъ, мапушка, однажды полюбя, разлюбипь *Матильду* невозможно; вы себя обманываете.»—Болповспво! заученныя рѣчи; развѣ мало дѣвицы прекрасныхъ, знапныхъ?—«Я не эпо люблю, я люблю *Матильду*. Мапушка, сжалътесь надо мною; вы меня погубите!»—Образумься, мой сынъ!—воскликнула спарая госпожа *Нанси*: могу ли я дашъ согласіе на эпотъ бракъ? Никогда, никогда! Ты меня знаешь: я пверда въ своихъ правилахъ.—«Но помните, когда въ первый разъ я говорилъ вамъ о красотѣ и знапности дѣвицы *Б****; когда, въ угодность вамъ, распроспранился о ея богатствѣ; когда упрашиваль васъ пріѣхать въ Бель-Шассъ, чтобы увидѣть еѣ, вы позволили мнѣ искапъ руки ея, вы сказали: Хлопочи самъ для себя, пвоя жена будетъ наша дочь милая. И я любиль еѣ, и я ей сказалъ объ эпомъ.»—Могла ли я помыслить,—вскричала раздраженная сыновними возраженіями маркиза: могла ли я предположипъ, что ты пойдешь искапъ себѣ въ невѣспу дочь женщины, обезчещенной въ общемъ мнѣніи, женщины, которая безъ покрывала не осмѣливается проводить дочь свою къ алтарю?—«Мапушка, какъ язвительно вы о нихъ опзыаетесь!»—Развѣ я что нибудь прибавила? Развѣ я налгала на неѣ?—«Госпожа *Б**** сдѣлала во всю жизнь свою одинъ проспупокъ; какъ же она раскалалась; какое мужество, какое самооптверженіе! Она примѣръ всѣхъ добродѣтелей.»—Сынъ мой, честь не возвращается къ попу, кто однажды: по-

перья еѣ; — надменно замѣнила госпожа *Нанси*: вѣчное клеймо лежитъ на госпожѣ *Б**** и на ея попомствѣ; вѣчный позоръ удѣлъ ея; я не обязана раздѣлять его съ нею! —

Въ продолженіе этого разговора, *Эдуардо-вы* черты судорожно измѣнились; два чувствованія боролись въ немъ: почтеніе къ родительницѣ и мука слышать, какъ поносятся предметы его спраспной привязанности. А отецъ его, нечувствительный, одеревѣлый, спокойно читалъ газеты. «Мапушка!» вскричалъ опечаленнымъ голосомъ *Эдуардъ*: «Мапушка! ради Бога, не говорише о нихъ такимъ образомъ; я могу опказаться опъ *Матильды*; но не вынесу, чтобъ еѣ при мнѣ оскорбляли; вы можете довести меня до того, что я забудусь» — Такъ, этого только не доставало! — возонила маркиза съ адскимъ бѣшенствомъ: я презрѣна, я должна просить прощенія у этой *Матильды*, стоять передъ нею на колѣняхъ. — *Эдуардъ* не выдержалъ; онъ также разгорячился: «Эпо уже слишкомъ!» вскричалъ онъ — и кинулся къ дверямъ. Маркиза увидѣла, что слишкомъ далеко зашла; она испустила жалоспный вопль: Прощай, *Эдуардъ*! приходи плакать на мою могилу; я прощаю тебѣ смерть свою! — Молодой человекъ возвратился совершенно потерянный; онъ бросился къ ногамъ этой женщины съ мѣднымъ сердцемъ: «Мапушка! я исполню вашу волю; пожертвую вамъ своимъ щастіемъ, но прошу васъ не злословить ихъ болѣе!» — Правду ли ты говоришь? Не заспавишь ли согнать себя съ глазъ моихъ долой? — «Божусь вамъ, только пощадите, не мучьте меня!» И онъ плакалъ, Злая старуха поцѣловала его въ лобъ, выдавила слезу изъ глазъ и выкапила на поблѣнувшую щеку. Этимъ довершила она свое поржество: спрадалецъ *Эдуардъ* опресея опъ своей милой *Матильды*.

III.

Прошло восемь дней. *Матильда* по прежнему сидѣла въ гостиной, по прежнему, но уже безнадежно глядѣла на большую дороту. Печальная истина подѣрнула туманомъ глаза ея; щеки ея впали и поблѣднѣли; со

спороны пошно было смотрѣть, какъ она заливалась горячими слезами; распрепанные волосы не вились уже локонами; плащѣ надѣто коѣ-какъ: *Матильда* познакомилась съ нещастіемъ! И у доброй ея матери, выплакавшей уже всѣ глаза, достало еще слѣзъ, чтобъ проливать ихъ вмѣстѣ съ нею. — «Маменька,» сказала *Матильда*: «смерть для меня легче, нежели быть имъ презираемой!» — Милое дитя, онъ ни въ чемъ не виноватъ. — «Его семейство, хочешь ты сказать; но мы благородны, богаты; кака я же причина пренебрегать нами? Всякой долженъ гордиться союзомъ родства съ побою, моя добрая маменька, съ тобою, такой пихой, такой любезной, такой добродѣтельной.» — И покинутая невѣста ласкала мать, любовь которой не могла теперь наполнить всего ея сердца. — Замолчи, *Матильда*, ны раздраешь мнѣ душу. — Ед голосъ замиралъ на устахъ. *Матильда* вперла въ неѣ свой взоръ; потомъ, подошла къ ней, схватила ея руку такъ крѣпко и съ смѣлостью, которую даетъ одно опчаяніе: «Родительница!» сказала она: «споздно скрывать опъ меня; у тебя еспъ опъ меня пайна; не знаю, кака я, но еспъ; пайна эта должна быть ужасна. Я хочу знать еѣ, должна непременно; она опни-маесть у меня мое будущее. Безъ этой пагубной пайны, *Эдуардъ* былъ бы воздъ меня по прежнему; онъ бы увѣрялъ меня въ своей спраспи; его холодность убиваетъ меня — и я хочу знать причину этой нещастной переменъ.» Испуганная графиня отступила: ибо дочь ея въ изступленіи все еще держала, все еще крѣпко жала еѣ руки; она хочеть проникнуть въ душу своей матери, хочеть прочесть, что въ ней скрыто. — *Матильда!* *Матильда!* — вскрикиваетъ эта нещастная женщина: что ты дѣлаешь? Опомнись,пусти,пусти меня! — «Нѣтъ, хочу знать твою пайну; у меня достанетъ духа перенести все; сомнѣніе всего хуже; оно грызетъ меня.» — Дочь моя, не желай проникнуть въ эту пайну; она ужасна! — И она еще отступила, Но, какъ коршунъ, впившійся въ свою добычу кровожадными глазами, *Матильда* пѣснилъ, убѣждаетъ, умоляетъ, обхватываетъ руками мать свою.

«Я тебя не оставлю;» говоритъ она рѣшительно: клянусь всѣмъ, что свято, я не пушу тебя до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь мнѣ: опъ чего мой *Эдуардъ* опъ меня опспутился, за что онъ разлюбилъ меня?» И она ползала передъ нею на колѣняхъ. Можно было щипать, сколько разъ билось ея бѣдное сердце. Графиня смутилась, она увлечена; сила, ей неизвѣстная, вырываетъ у ней ея пайну; въ какомъ-то самозабвеніи, похожемъ на сумасшествіе, она поднимаетъ дочь свою: И такъ, ты все узнаешь; слушай... гляди... ты видишь мои волосы, они бѣлы... минуло пятнадцать лѣтъ, какъ они побѣлѣли, а мнѣ только тридцать при года опъ роду; кто, думаешь ты, изсушилъ ихъ? — «Маменька!...» Ибо графиня, въ свою очередь, судорожно нагнулась на неѣ; *Матильда* сдѣлалось спрашно. «Маменька!...» Но госпожа *Б**** ничего не слушала. — За пятнадцать лѣтъ у меня былъ мужъ, отецъ пвой; онъ меня обожалъ; я его щасливвила собою; явился другой... и... я... я влюби-лась въ него, влюбилась спрашно, безъ ума; мой мужъ угадалъ это. Съ этой минутой, щастіе не посѣщало нашего дома. Но я была еще чиста и непорочна. Я рѣшилась пожертвовать спрашью долгу; я думала, что поступаю хорошо, пришедъ на мѣсто, назначенное имъ для свиданія... Чѣмъ кончу? На другой день, я потеряла честь... Отецъ пвой вошелъ сюда, сюда, въ эту самую гостиную, смертельно раненый; другой... другой... онъ спитъ подъ тѣмъ надгробнымъ памянникомъ, который посѣщаешь одна ты... — По мѣрѣ, какъ графининъ рассказъ приходилъ къ концу, *Матильда* чувствовала, что сердце еѣ бьется рѣже, рѣже, что оно переспааетъ биться: «Довольно, довольно!» шептала она задыхаясь, но графиня продолжала; когда же она кончила: *Матильда* безъ жизни грянулась о полъ.

IV.

«Моя добрая маменька,» утѣшала на другой день *Матильда* плачущую графиню: «не пвое опкрыпіе излекаетъ у меня изъ глазъ слѣзы, а глупая наспойчивость, съ которою я заставила тебя краснѣть передо мною; вино-

вапа, виновата! Если-бъ я могла почитать тебя больше, чѣмъ почитала: я бы это сдѣлала, чтобъ вознаградишь тебя за пвое горести, маменька! И за это-то проспунокъ, споль долго оплакиваемый, споль жестоко наказанный, насъ презираютъ! Какъ безчеловѣчна эта маркиза *Нанси*! Теперь попросимъ еѣ, чтобы она указала намъ свои благодѣнія, свои добродѣтели, чтобы позволила намъ прочесть каждую страницу своей жизни, и мы увидимъ, имѣетъ ли она право презиратьъ тебя. А *Эдуардъ*, низкій измѣнникъ! Не смѣй въспуишь со мною въ союзъ опъ того, что ты моя мать, ты, пакая добрая, пакая благочестивая! Я ненавижу его!» — Оспановись, дочь моя, — перервала еѣ графиня, успрашенная испуилениемъ *Матильды*: не осуждай его; онъ зналъ вину моихъ спраданій, и не раздумалъ бы назвашь меня своей матерью; но онъ скрылъ опъ маркизы *Нанси* два дни моей жизни. Увы! они въ свое время были всѣмъ извѣстны; пятнадцать лѣтъ добродѣтельныхъ не могли заспавить забыть ихъ. Еѣ рассказали о нихъ: и теперь маркиза прокликаетъ сына, не хочетъ видѣть его, если онъ заключишь союзъ, котораго за восемь дней передъ симъ она спрашно желала; она смѣкнула, что ты и богаче и знаишь еѣ, и пвое рожденіе не запятнано, — прибавила она съ гордостью матери, которая у этой жалкой женщины пережила всѣ другія гордости. — Что дѣлашь прикажешь *Эдуарду*? Ты конечно увѣрена, *Матильда*, что ему не оставалось выбора, или онъ, въ свою очередь, показалъ бы себя недоспойнымъ руки пвоей. —

При каждомъ материнскомъ словѣ лицо юной красавицы прояснялось. «Маменька,» сказала она: «ты возвращаешь мнѣ жизнь; *Эдуардъ* не виноватъ; *Эдуардъ* меня любитъ; къ опсальному я равнодушна. Знаю теперь, что все между нами кончено, что я сама не пожелаю въспуишь въ семейство, которое тебя ниже себя щипаетъ; но, по крайней мѣрѣ, не онъ опполкнулъ насъ. Полно же, милая маменька, осуши свои слѣзы; посмотри на меня, я весела; дай мнѣ нѣсколько дней собрапья съ силами; превоги этой недѣли были слишкомъ сильны! Послѣ я не буду объ

эпомъ думашь; прежде, развѣ не обходилась я безъ его любви, безъ его посвѣщеній? И теперь всё пойдѣтъ по спарому; я тебя никогда не покину, не хочу итти за-мужъ; намъ двумъ шакъ сладко вмѣстѣ!....»

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

КОЛКОСТЬ ЗА КОЛКОСТЬ.

Одинъ весьма извѣстный пѣвецъ, прибывъ въ Парижъ, познакомился съ домомъ также извѣснаго своимъ богатствомъ банкира, и приглашенъ имъ былъ обѣдать. Послѣ стола, хозяйка, сидѣвшая противъ него, сказала: «Мы ласкаемъ себя пріятною надеждою, что вы не откажете намъ въ удовольствіи пропѣть какую нибудь арію.»

Пѣвецъ презрительно взглянулъ на неё, опустилъ руку въ карманъ, показывая, что вынимаетъ кошелекъ и, потомъ, оборотившись къ хозяйкѣ, спросилъ: Сколько я долженъ заплачивать вамъ?—

Хозяйка не потерялась: она подозвала слугу и громко сказала: «эпопъ господинъ опправляется домой, подай ему шляпу; онъ дастъ тебѣ за эпо на водку.»

Госпъ исполнилъ приказаніе хозяйки дома.

ДВѢ ДОБРОДѢТЕЛИ.

—Что за человекъ N. N., съ которымъ я познакомился на балѣ у P. P.? — спросилъ *Кремневъ* у *Колесникова*. «Онъ имѣетъ двѣ добродѣтели,» отвѣчалъ сей: «онъ учпивъ и опкровенень.» — Жаль, что онъ употребляетъ ихъ на-выворотъ: въ глаза съ тобою учпивъ, а за глаза о тебѣ опкровенень. —

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭХО МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

Цвѣшокъ Кавказскихъ дикихъ горъ,
Ты приковалъ къ себѣ мой взоръ!
Ты идеалъ воспоминанья,
Любви моей, и чарованья.

О, пише, солнышко, нѣжный
Лучомъ цвѣпочекъ сей лелѣй!

*

Пусть онъ распѣтъ, пусть онъ цвѣшетъ,
Пока пора его придетъ—
Въ немъ вижу все мое родное,
Безцѣнное и дорогое.

О, пише, солнышко, нѣжный
Лучомъ цвѣпочекъ сей лелѣй!

*

Шалунъ игривый мошылѣкъ,
Не налепай на сей цвѣпокъ;
Зефиръ, проказникъ легкокрылой,
Не мни цвѣпочекъ эпошъ милой;
Лишь ты, о солнышко, нѣжный
Лучомъ цвѣпочекъ сей лелѣй!

*

Въ спранѣ свяшой—въ родномъ краю
Я жизнь оставилъ памѣ мою—
Цвѣпокъ на нѣжномъ спелелечку
Подобный эпому цвѣпочку;
О, пише, солнышко, нѣжный
Лучомъ цвѣпочекъ сей лелѣй!

*

Онъ пошъ же, пошъ же аромашъ
Родной, которыми дышетъ садъ,
Въ горахъ повсюду разливаешь, —
Онъ нѣгой все упоеваешь;
О, пише, солнышко, нѣжный
Лучомъ цвѣпочекъ сей лелѣй!

Казакъ No 2.

ENIGME.

Je suis grand ou petit, et ma taille varie,
Et je n'ai cependant, ni plus ni moins d'un pié.
Qui m'a, ne fait pas grande envie;
Qui ne m'a pas, fait grand'pitié.

Въ No 70-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Старица*.

К Р И Т И К А.

Очищенный перевод повести: Старикъ Горіо, помѣщенный въ Библіотекѣ для чтенія м. Февраль и м. Мартъ 1833 года.

(Окончаніе)

Я сей часъ испытываю васъ, говоритъ прелестная *Дельфина*, и везетъ молодого студента въ Пале-Рояль; велитъ ему испытать для ней щастія въ игрѣ; бѣднякъ никогда не знакомился съ игроками; у него нѣтъ денегъ, но она даетъ ему сто франковъ и посылаетъ въ игорную залу; сама оспается ждавъ въ каретѣ, а проспавшій студентъ въ нѣсколько минутокъ выигралъ болѣе *семи тысячъ франковъ*, и приноситъ ей деньги въ карету. *Дельфина* обнимаетъ, цѣлуетъ его, называетъ своимъ спасителемъ, даже признается, что мужъ ей не даетъ на наряды, что ей плашишь г-нъ *Марсе*.... и проч.

За то молодой студентъ привозитъ её на балъ къ виконтессѣ *Босеанъ*. — Весь блестящій Парижъ шуда съѣхался; всё знаменитѣе общество столицы Франціи тамъ. Прелестныя дочери старика *Горіо* блестятъ брилліантами. Но всѣхъ затмила леди *Брандонъ*, панцовавшая съ молодымъ, прелестнѣйшимъ мужчиной. *Эта пара представляла соединеніе всѣхъ красотъ человѣческихъ!* Но кто же эпопѣ юный герой Парижскихъ баловъ? эпопѣ очаровательнѣйшихъ Парижскихъ дамъ, которому леди *жертвовала всѣмъ!* — Повѣренный и другъ *бллага каторжника Воцрена!* — старый (!!) *Наполеоновскій полковникъ Франкессини!* — И онъ-то съ леди — представлялъ соединеніе *всѣхъ красотъ человѣческихъ!*

Хозяйка бала, виконтесса *Босеанъ*, узнала о помолвкѣ своего любимца, маркиза *Ажуды*, съ дѣвицею *Рошгодъ*, но на балъ казалась спокойною, *не обнаруживала ни горести, ни гордости*, за то послѣ бала поспѣетъ ѣхать въ Нормандію жить затворницей! однакожь проспалась съ своимъ мужемъ, который сказалъ ей: *ты право напрасно ѣдешь! какъ можно въ твои лѣта похоронитъ себя въ Нормандіи?* — и пошелъ спать, а виконтесса поропитъ състь въ дорожный берлинъ; пріятельница ея, герцогиня *Ланже*, тоже располо-

жена иппи въ монахини, съ досады на измѣну своего любимца. Дурачокъ *Растиньякъ* преклоняетъ колѣна предъ виконтессою, *изумленный величіемъ этой колоссальной женской души*, и въ пять часовъ упра, въ ненастѣе и холодѣ, побрелъ съ бала пѣшкомъ домой. —

Послѣ пого онъ заложилъ свое платье на похороны старика *Горіо*, попомъ сдѣлался миліонщикомъ и сталъ гордъ какъ баронъ. — Онъ, какъ видно, женился на дочери миліонщика, дѣвицѣ съ рыжевапою физиогноміею и съ красновапорусыми волосами.

Вотъ черты повѣсти, помѣщенной въ Библіотекѣ для чтенія, повѣсти, представляющей сборище нелѣпостей и невѣроятностей, новъ копорой, какъ сказано въ Библіотекѣ, *примельгательно раскрылся талантъ моднаго романиста*. Однакоже читатели, видя такіе остатки послѣ очищенія, можетъ быть съ удивленіемъ спросятъ: *кто же очищено?* — Трудно рѣшить, что гнуснѣе, характеръ ли Парижскаго опца, помогающаго распутству дочерей; нравы ли Парижскихъ дамъ лучшаго круга, съ торжественнымъ безстыдствомъ щеславящихся развратомъ и ругающихся обязанностямъ супруги и дочери, или картина знаменитѣйшаго Парижскаго общества, гдѣ представляется блистательное лицо — *другъ и повѣренный каторжника!* —

При всѣмъ томъ должно замѣтить, что не смотря на самое нелѣпое содержаніе, самыя грубыя оскорбленія для нравственнаго чувства, языка и вкуса, чтеніе повѣсти *Старикъ Горіо* мѣстами очень привлекательно искусствомъ разсказа. Вотъ на что исполняютъ свое дарованіе Парижскіе романисты! Цѣлпы, ими рассыпаемые, приманиваютъ на поле, покрытое ядовитыми растѣніями.

Библіотека для чтенія хвалится, что въ переводѣ *направленіе и даже ходъ повѣсти измѣнены, что повѣсть весьма передѣлана въ переводѣ, что во многихъ мѣстахъ говорится противуположное тому, что утверждаетъ сочинитель*; всё это весьма справедливо: переводъ во многихъ мѣстахъ таковъ, что самъ *Бальзакъ* опречется опъ своей повѣсти; но не взводитъ ли Библіотека на себя напраслину, что въ переводѣ *большую частію выражалось*

не то, что говорит Авторъ, но то, что онъ долженъ бы говорить!! что взвѣшивалось каждое выраженіе съ цѣлю доставить хорошее чтеніе публикѣ, что этошь переводъ, сокращенный, огищеннѣй, и какъ говоритъ Библиотека для чтенія: *предпринятый перомъ весьма искуснымъ и изящнымъ, — будетъ занимательнѣе самаго подлинника!*

Прочитавъ всё это въ Библиотекѣ для чтенія, не знаешь что подумать. Не шутятъ ли Гг. соудники Библиотеки? Чтось дашь почувствовать всё искусство, изящность, огищенность перевода, обратимъ вниманіе чѣтапелей на слѣдующія мѣста въ повѣспи старикъ *Горіо*, указывая на спраницы:

Февр. Спран. 63. Мущины были въ изорванномъ бѣльѣ, во *фракахъ безъ души.*

Спр. 64. Первая жилица, дѣвица *Мишоно*: опъ *блага* ея *взгляда* спановишся холодно.

Спр. 69. *Дѣвушка* слишкомъ хорошенькая, *чтобъ быть гестною, одѣтая какъ богиня, въ прюнедевыхъ башмагахъ, скользнула какъ угоръ съ улицы въ кухню.*

Спр. 83. *Лицики*, полные умомъ, копорые были уже *приготовлены въ его мозгъ*, закрылись.

Март. Спр. 1. Ты сдѣлалъ для своей *себялюбивой будущности* поже самое, что она для своего любовника.

Спр. 3. *Вотренъ* бросилъ на него *взглядъ*, копорый какъ *кнутъ обвился вокругъ Евгения.*

Спр. 5. Вы *взбулгагите* всѣхъ сосѣдей..... Этошь *молокосось* *продыриль* мнѣ *грудь.*

Спр. 7. Вы покушываете у Г-жи *Воке* *добродѣтельный* *картофель.*

Спр. 8. Это бы еще ничего: *лизать ножки матушки*, и *дѣлать низости*, копорыя опротивѣли бы *свиньѣ.*—

Спр. 8. Вамъ надобно *будеть съдѣлать друга друга*, какъ *пауки въ горилкѣ.*

Спр. 10. Сердце *дѣвушки*, это *губка*, копорая *расширилась*, какъ скоро въ неѣ *упадаетъ хопъ капля чувства.*

Спр. 4. Если сынъ *полудня* умѣетъ присоединить *хипроспѣтъ Сьвернаго Француза* къ дерзоспѣ *Ладдзарона*, онъ сдѣлается *Императоромъ Французовъ.* (?)

Спр. 25. При видѣ *вайишхъ дѣпей*, вы буде *те* *чувспвовать*, что это *нѣчто* *ваше*, *грезъ* *вашего грева.*

Спр. О, я *хопѣль* бы, чтобъ это *чудное* *плашье*, *съ тѣль*, *что въ немъ* *содержителся*, принадлежало мнѣ, *сказалъ Евгений.*

Спр. 40. *Переселитесь на добродѣтельный гердакъ* и *обвѣнгайтесь* *памъ* съ *рабопою.*

Спр. 45. *Лицо* ея *просвьтѣлось*, такъ что *Евгений* испугался, *произведши* *споль* *ильный* *взрывъ* *чувспва.*

Спр. 49. *Евгений* *украшился* *своимъ отгалниемъ* и *силъ* *вспли* *огнями ада*, *кипѣвшого* въ *душѣ* *его.*

Спр. 85. *Верхнія* *его* *герты*, *пропивъ* *воли* *его*, *спягиваются* *ко* *лбу*, и *глаза* *находяшся* *въ* *состояніи*, копорое *показываетъ*, что *сукровица* *изливается* *въ* *мозгъ.*—

Не по эпимъ ли образцамъ признавать переводъ повѣспи: *Старикъ Горіо*, *искуснымъ* и *изящнымъ*? Библиотека для чтенія почпи *разрѣшаетъ* *Автора* *опъ* *опвѣспспвенности*, *сказавъ*, что въ переводѣ *большею* *частію* *старались* *выражать* *не то, что говоритъ Авторъ*, но то, что онъ *долженъ бы говорить.* И такъ: *вы* *взбулгагите*, *фракъ* *безъ души*, *бѣлый* *взглядъ*, *добродѣтельный гердакъ*, *добродѣтельный* *картофель*, *лицики* *въ* *мозгъ*, *взглядъ* *обвился* *какъ* *кнутъ*, *грезъ* *вашего грева*, *лизать* *ножки* *матушки* и *дѣлать* *низости*, *копорыя* *опротивѣли* *бы* *свиньѣ*, и проч. и проч: всё это *долженъ былъ* *говорить* *Авторъ*? Если же онъ *говоритъ* *такъ*, по не ужли *соудники* *Библиотеки*, *взвѣсивая* *каждое* *выраженіе* *при* *очищеніи* *сей* *повѣспи*, копорое *казалось* *имъ* *Геркулесовскимъ* *подвигомъ*, *надѣялись* *доставить* *сими* *фразами* *хорошее* *чтеніе* *публикѣ*?

Впрочемъ въ Русскомъ переводѣ *вспрѣчаются* *слѣдующія* *спроки*: *Мартъ* (Спр. 97).

Сколько ни *говорятъ* *дурнаго* *о* *большомъ* *Парижскомъ* *свѣстѣ*, но *повѣръ* *мнѣ*: *нѣтъ* *Ювенала*, копорый бы въ *состояніи* *вполнѣ* *изобразить* *всю* *его* *гнуспность*, *прикрытую* *золотомъ* и *драгоценными* *каменьями....*

Не *припомнимъ*, *еспъ* *ли* *это* *у* *Бальзака*? *Можетъ* *быть* *въ* *сихъ* *спрокахъ* — *совер-*

шласть пайна великаго очищенія, копорымъ сполько хвалился Библиотека.

—По нашему мнѣнію: и повѣсть и переводъ, и опзывъ о переводѣ въ Библиотеку для чтенія, принадлежатъ къ Диковинкамъ въ Новой Словесности! —

M O D E S.

Une grave indisposition m'a empêchée, ma chère sœur, d'assister au coinvoi funèbre des victimes du 28 Juillet, qui sera célèbre dans les annales de France. Je sais, par ceux qui ont vu cette cérémonie, qu'elle était magnifique, imposante et parfaitement en harmonie avec son triste objet.

A l'heure où je vous écris, le canon tire aux Invalides et un *Te Deum* se chante à *Notre-Dame*. J'ai vu plusieurs des femmes qui s'y rendaient, et pour ce jour on a fait des frais de toilette.

Une robe en mousseline blanche, brodée au-dessus de l'ourlet d'une large guirlande de boutons de roses et de feuilles en laine verte et rose. Cette guirlande était nuée si parfaitement qu'on pouvait la prendre pour une peinture. Les manches longues et larges, surmontées d'un *jockey* formant le cœur et bordé d'une guirlande pareille; la ceinture brodée aussi; le corsage à la grecque avec une guimpe en tulle brodé très montante et terminée par une grosse ruche de tulle autour du cou. Un chapeau de paille de riz avec une couronne de roses, moitié en dehors du chapeau et moitié en dedans. Les cheveux en bandeau avec un petit velours noir sur le front.

Une robe de gros de Naples toute bleue *azur*, avec un large volant brodé et festonné à crête de coq en soie plate blanche; une pélerine pareille à la robe, à pointe devant, très échancrée et garnie de même; des manches à la *Françoise de Foix* à cinq bouillons; un fichu de blonde blanche; un chapeau bleu avec trois plumes blanches.

Une redingote de gros de Naples gris; les montans et le bas garnis d'une ruche pareille découpée; le corsage plat, montant, sans pélerine; un petit col carré garni d'une petite ruche. Une cordelière torsade en soie grise; une capote de blonde blanche ornée de rubans de satin blanc. Cette toilette était ravissante de bon goût.

М О Д Ы.

Довольно важная болѣзнь помѣшала мнѣ, любезная сестра, присутствовать при погребальномъ шествіи жертвъ 28 Юля, которое будетъ дослославно въ лѣтописяхъ Франціи. Я знаю, опъ тѣхъ, кто видѣлъ эту церемонію, что она была великолѣпна, торжественна и совершенно согласна съ печальнымъ ея предметомъ.

Въ мишупу, какъ я тебѣ пишу, слышны пушечные выстрѣлы изъ Инвалиднаго дома, и поется молебень въ *Notre-Dame*. Я видѣла многихъ дамъ, вхавшихъ шуда, и на сегодняшний день онѣ заботились о нарядѣ!

Бѣлое кисейное платьѣ, вышитое сверхъ рубца широкою гирляндю розовыхъ распуколокъ и лисьевъ зеленой и розовой шерстью. Эта гирлянда была споль совершенно опѣнена; что можно было почесъ еѣ за рисованную. Рукава длинныя и широкіе, съ эполепами въ видѣ сердца, обведенными такою же гирляндю; поясъ также вышитъ; лифъ Греческій, надѣтъ съ пюлевой вышитой гладкой шемизепкой, весьма высокою подъ шею, около которой густой рюшъ изъ пюля. Басповая шляпка съ гирляндю изъ розъ, половина внутри шляпы, а половина сверху. Волосы спереди гладко, съ узенькимъ чернымъ бархатцомъ по лбу.

Гроденаплевое платьѣ, голубаго-лазореваго цвѣта, съ широкою вышитюю, выметанною пѣпушьими гребешками оборкою; пелеринка изъ такою же матеріи какъ платьѣ, спереди съ мыскомъ, весьма вырѣзанная и опдѣланная также оборкою; рукава à la *Françoise de Foix* съ пяпью буфами; бѣлая блондовая косынка; голубая шляпка съ шрема бѣлыми перьями.

Рединготъ изъ дикаго гроденапла, полы и низъ обшиты такимъ же высѣченнымъ рюшемъ; лифъ гладкой, высокою, безъ пелеринки; маленькою чешвероугольный воротникъ, обшитый узенькимъ рюшемъ. Шнурокъ, вишой изъ дикаго шелку. Капотъ изъ бѣлой блонды съ бѣлыми апласными лентами. Эшотъ нарядъ прелесненъ былъ, хорошимъ вкусомъ.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Вы ходишь
по Средамъ и
Субботамъ,

№ 72.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою ж пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 7 ДНЯ 1855 ГОДА.

Анакреонъ, въ жару мечпаній,
Хотѣлъ бытъ Нины башмачкомъ,
Чтобъ ножку милую сжимать ему пайкомъ,
У всякаго свой родъ желаній;
Я лучше-бъ сдѣлаюсь хотѣлъ
Моей Глицеріи корсетомъ,
И, признаюсь, увѣренъ въ эптомъ,
Что мнѣ завиднѣйшій доспался бы удѣлъ.

Панаевъ,

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЛѢДСТВІЕ ПРОСТУПКА.

(Оюогалие.)

V.

Матильда держала свое слово; она спаралась удалять *Эдуарда* отъ своихъ воспоминаній; она умѣла брать власть надъ собою, эпта молоденькая дѣвочка. Къ тому-жъ ей было извѣстно, что и онъ исполнялъ спрого свою обязанность; эпта мысль возвышала его въ ея глазахъ. Она предспавляла его себѣ грустнымъ, дѣлающимъ усилія, чтобъ забыть свою прелестную невѣсту — и мало по малу отъ неѣ отвыкающимъ. Эпо взаимное сходство въ борьбѣ съ нещасіемъ, копорое, какъ она воображала себѣ, существовало между имъ и ею, имѣло надъ нею какое-то волшебное дѣйствіе, и одно разсвѣвало черныя думы, превожившія еѣ, когда она вспоминала о своемъ опроверженіи; пай-

на, вырванная ею у матери, чрезмѣрно пягопила еѣ; ей несносно было думать, что ея почтенная родимедѣница подклоняла голову подъ ярмо совѣспи и могла краснѣть передъ кѣмъ бы то ни было. Случалось ли, что какой нибудь гость пріѣзжалъ въ замокъ: она съ безпокойствомъ искала опгадашь по его лицу, знаетъ ли онъ то, что желала бы она скрыть отъ самой себя. Она брала всѣ предосторожности, чтобы не напомнить какъ нибудь графинѣ объ ужасномъ событіи! Она перялась, когда случалось ей хопя взоромъ, хопя движеніемъ руки, внезапно у неѣ вырвавшимся, показатъ презрѣніе свое къ какой нибудь преступной женщицѣ!... Она изыскивала всѣ средства, чтобъ удалишь отъ нещасливой госпожи *Б**** даже пѣнь спыда и, не подозрѣвая того, увеличивала скорбь ея.

VI.

Однажды упромъ, когда графиня еще спала, *Матильда* вошла въ госпинуую, гдѣ на

споль разбросаны были письма и газеты, только что привезенныя изъ Парижа. Она взяла книжку *Моды* и прочла въ ней: «Невѣсты оставили обычай одѣваться подъ вѣнецъ въ плащя съ открытою шею, какъ будто бы на балъ; онѣ набрасываютъ на шею Италіанскія косыночки. Такъ недавно видѣли въ церкви св. Оумы Аквинскаго прекрасную дѣвицу *Сабину де Молиторъ*, въ день сватьбы ея съ *Эдуардомъ де Нанси.*»

Сперва *Матильда* слегка пробѣжала эту новость; но дочитавъ послѣднюю строчку, она запрепелала; попомъ, думалъ, что ошиблась, вперила смутные глаза въ газету, и по складамъ прочла роковое имя: *Эдуардъ де Нанси.* Это онъ! Онъ!... Бѣдная дѣвица не сдѣлала никакого движенія; она еще распрямилась сидя за столикомъ; только зубы ея лихорадочно списнулись, и рука, державшая газетный листъ, охолодѣвъ, упала на споль; она не плачетъ, не мечется съ опчаянія: она блѣдна, какъ мертвецъ. Въ одну секунду послѣднее утѣшеніе ея улѣзло далеко прочь — и чаша жизни, прежде времени наполненная, черезъ край разлилася.—«Женился!» произнесла наконецъ она гробовымъ голосомъ: «женился, онъ, *Эдуардъ!*... За мѣсяць передъ этимъ, онъ былъ здѣсь, у ногъ моихъ, онъ мнѣ клялся, что меня любитъ, а теперь въ томъ же другой клянется... Эта другая — жена его!... Она носитъ его имя, которое я пихонько повпюрляла, какъ свое собственное... Онъ опчялъ его у меня и подарилъ другой, а мнѣ оставилъ замаранное, обезцещенное... Несчастливая!» И юная дѣвица почувствовала, что огненные слѣзы жгутъ ей щекъ.

Легкій шумъ слышался въ графининой комнатѣ; *Матильда* вздрогнула. «Эта сватьба — для меня смерть!» вскричала она: «я это чувствую... Надобно скрыть отъ маменьки ударъ, меня сразившій!» И она разорвала въ мѣлкіе клочки пагубную справку.

—Ахъ! мыслила про себя нѣсколько дней послѣ этого случая несчастная графиня, видя, что дочь, ею обожаемая, пихими шагами приближается ко гробу: Ахъ! если-бъ мо-

жно было, чтобы она не до дна выпила эту горькую чашу; чтобы, по крайней мѣрѣ, умерла, вѣруя, что она любима!—И она долго, долго смотрѣла на милую спрадалицу. «Маменька!» утѣшала её *Матильда*: «не подумайте, что я по немъ спрадаю; я всѣмъ его забыла.»

VII.

Лѣто пробѣжало. Коѣ-гдѣ пожелтѣлы листья блестяще еще на голыхъ деревьяхъ; другіе были разбросаны по землѣ и, кружась при каждомъ дуновеніи осенняго вѣтра, шуршали и грустно шептались между собою. По этимъ мерпвымъ листьямъ двѣ дамы водили подъ руки большую дѣвицу, изнемогшую и поблѣкшую, какъ природа. Съ прудомъ передвигаля она ноги, и можно сказать не шла, а висѣла на рукахъ проводницъ своихъ, какъ тяжелая ноша. Поперявъ послѣднія силы, она съѣла на скамейку, обернувшись блѣднымъ, чахлымъ лицомъ своимъ къ солнцу, и опогрѣвая его слабыми его лучами. Нѣсколько времени съ чувствомъ и грустью смотрѣла она на предметы ея окружающіе и, казалось, молилася. Можетъ быть, она приносила Небу тяжкую жертву. Потомъ, успремила глаза на ту изъ своихъ проводницъ, которой изрытое слезами лицо было живой образъ умирennaго опчаянія. Тогда полумертвая собрала всѣ свои силы и усмѣхнулась. «Я сегодня не спрадаю;» сказала она: «это прекрасное солнце оживило меня. Какъ все еще зелено, свѣжо, какой благорастворенный воздухъ! Зима еще далеко.» И видя, что эти обманчивыя слова не обманываютъ прискорбную масть ея, *Матильда* прибавила: «Милая маменька, въ самомъ несчастіи моемъ я должна благодарить Бога. Онъ провидѣлъ неизлечимую болѣзнь мою, и благоизволилъ, чтобы бракъ мой былъ распоргнутъ прежде. Какъ бы я испугалась смерти, какъ бы ропшала противъ Неба, покидая милаго мужа! И для него какое было бы несносное бремя! А ты, моя добрая маменька, терпѣливо переносишь своенравіе больной; швое благоволеніе ко мнѣ неиспощимо.» Графиня рыдала; *Луиза*, горничная, заливалась слезами. *Матильда* положила голо-

ву на плечо матери: «Не рыдай же пакъ,» прервала она скорбящую мать: «ты опни-маешь у меня бодрость.»—Мать проклятая! возопила отчаянная графиня: я убила педя.—«Не говори эпаго, маменька! Ложь большой грѣхъ; а ты на себя кляпелешь Я не объ немъ думаю, я давцо не люблю его; ты знаешь, что я слабаго сложения. И развѣ я первая умираю опъ чахотки? И право я почти не чувствую боли; если мнѣ суждено умереть: по моя смерть сладка; одно для меня горько, одно сокрушаетъ меня;» прибавила спрадалица: «что тебя оставляю...» Она обратила свой попухшій взоръ на родипельницу и, увидя её впавшіе глаза, ея лицо, въ которомъ не было ни кровинки, ея гдубокою печалью, юная дѣвица горько улыбнулася: «Даже и эпаго горя я не чувствую;» сказала она: «ты недолго будешь мучиться; ты не переживешь меня!»—Графиня не имѣла силъ отвѣчать ей, но была минуша до того перзашельная, что *Луиза*, не могши задушить своихъ воплей, принуждена была удалиться.

VIII.

Въ одинъ Декабрскій день, когда земля побѣлѣла опъ перваго снѣга и синій лёдъ сковаль поверхность прудовъ, жители замка Бель-Шассъ проснулись печальны, какъ ихъ небо; многіе изъ нихъ не смыкали глазъ. Всѣ они медленно шли въ сельскую церковь. Спарецъ - священникъ началъ оппѣвать тѣло убопшей; слѣзы часто перерывали его пѣніе; женщины благоговѣнно молились и рыдали, стоя на колѣняхъ вокругъ гроба; мужчины были мрачны; они спояли преклоня голову. По окончаніи божественной службы, гробъ проводили на кладбище и опустили въ землю подлѣ свѣжей могилы, на которой не успѣли еще поставитъ памятника—и бѣлыя гирлянды, брошенныя на землю, не успѣли еще завянуть.

Дворовыя женщины, сердечно привязанныя къ своей госпожѣ, оставались на кладбищѣ долго по совершении обряда. Онѣ замѣтили недалеко опъ себя чедовѣка, закупаннаго въ плащъ, съ сложенными на-крестъ руками, приспально смотрѣвашаго на новыя могилы. Солнце давно уже зашло, а онѣ все споялъ

еще, вперивъ глаза на могилы. Тогда промчалась по селу щегольская карета и оспановилась у калипки кладбища. Изъ неё выскочила молодая дама и побѣжала къ чедовѣку въ плащъ, со слезами кипулась передъ нимъ на колѣни, обняла ихъ своими руками, умоляла, упрасивала, и—наконецъ, почти насильно увела его. Они съѣли въ карету и во весь опоръ проскакали по селу обратно.

(Изъ соч. Викторины Коллеж.)

Село Рыбацкое.

19 Августа

1835.

ПЕРСТЪ БОЖІЙ.

(Разсказы.)

Ужасное преступленіе, которое занимаетъ нынѣ жителей Парижа, между тѣмъ, какъ судъ прилагаетъ спараніе о приведеніи нѣкоторыхъ подробностей его въ несомнѣнную ясность, удословряетъ насъ въ истиннѣ того спраннаго запмѣнія разсудка, которое находить почти на всѣхъ смертоубійцѣ, по совершении злодѣянія. Дѣйствительно, нельзя не удивляться, видя, съ одной стороны, съ какою упонченною предудомприсельностью они укываются опъ поисковъ полиціи, — съ другой, съ какимъ почти дѣтскимъ простодушіемъ, съ какою непоняпною въпреносію, навлекаютъ на себя подозрѣніе, и часто однимъ необдуманнѣмъ словомъ, однимъ неоспорожнѣмъ движениемъ, совершенно обличаютъ себя — и обнаруживаютъ всю цѣпь хитросостей, ими избрѣтенныхъ. — Напримѣръ, какъ перемѣняютъ тайно кварширу, и не примѣтитъ женщины, которая изъ любопытства смотрѣла на перевозку? — Вывести мертвое тѣло въ извощичьей пѣлегѣ, и забытъ, что на груди эпаго тѣла пришилень листъ бумаги, вырванный изъ журнала, писаннаго въ той самой комнапѣ, гдѣ совершено злодѣяніе? Какъ забытъ про дверь шкафа, гдѣ былъ спряпанъ прупъ, про передомленную палку щѣпки, окроважденный пепель, полусожженное бѣльѣ, лаханъ съ кровью—слѣды ея на полу—и пр.? Какъ не размыслить, что самое искусство—

съ какимъ прупъ былъ обернуть, зашить, обвить веревками, уже заспавши добрапьяся и до того, кто его укладывалъ? Какъ сказать пзвощику, у котораго нанята была пѣлега: *Мнѣ надо свезти дѣтъ части свѣжсей теллятины, только что убитой, за которую я получу большой барышъ?*—И попомъ бросить пѣло въ Сену, не подумавъ, что памъ именно спануть прежде всего искать его?—Всѣ это непоспижимо, и можеть только быть объяснено тѣмъ, что человекъ, намѣреваясь учинить злодѣяніе, не мыслить о послѣдствіяхъ, но совершивъ оное, въ поропяхъ и спрахъ принимаетъ всѣ пѣ лишніа предосторожности, которыа навлекають на него подозрѣніе и скупають только къ его уликѣ.

Мы не спанемъ упоминаеть здѣсь о пысячи неоспорожныхъ хипроспей, сплетаемыхъ преступниками, и коими они обыкновенно болѣе и болѣе запутывають самихъ себя, но сообщимъ чипапелямъ нашимъ только два случая, за испину коихъ мы можемъ поручиться попому, что были сами очевидными свидѣтелями оныхъ.

Въ домъ одного земледѣльца случилось смертоубійство съ покражею, причемъ всѣ, что находилось въ домъ—платье, деньги, бѣлье и пр. было вынесено въ ту же самую ночь. Немедленно явилась полиція, обыскала всѣхъ, на кого падало подозрѣніе, и не нашла ничего.—Узнавъ однако, что оставался еще одинъ необысканный домъ, имѣвшій дурную славу по деревнѣ, она опсправилаь туда, пересмотрѣла шкафы, сундуки, бѣлье и даже одежду хозяйки, но всѣ тщетно. Наконецъ дѣло дошло до обуви—и хозяйкѣ вельно дасть разуть себя.—Тогда женщина сіа, сохранившая во всѣ время совершенное спокійствіе духа, вдругъ, какъ бы опдохнувъ отъ ужаснаго испуга, съла на спуль, и въ видомъ торжества и нѣкоторой радости, сказала, протягивая ногу: Смотрите! смотрите! *Ужь эти то гульки точно мои!*—Слова эти поразили судью, и онъ потчасъ велѣлъ начать опять обыскъ, и слова пересмотрѣть всѣ пожипки въ домъ.— Нашлось, что возлѣ старой и уже полинявшей мѣпки на бѣльѣ, которую вѣроятно не успѣли распороть,

была другая, новая, и только что вымѣпанная, копорая ясно опличчалась отъ прежней. За симъ послѣдоваль спрогий допросъ; преступники сознались во всемъ на мѣспѣ—и были преданы законамъ.

Другое происшествіе, которое мы сей часъ расскажемъ чипапелямъ, кажется намъ еще удивительнѣе. Здѣсь видимъ мы только спранныю разсѣянность женщины, копорая преодолѣвъ спрахъ, не умѣла скрыть радости, и говорила не думая о словахъ своихъ; но во впоромъ случаѣ дѣйствуетъ по спрашное запимѣніе здраваго разсудка, копорое несомнипельно доказываетъ намъ небесное правосудіе, и являетъ перспѣ Божій на челѣ спреступнаго.

Дьячекъ деревенской церкви, сполвшей на косогорѣ, у самой большой дороги, опсправлялъ памъ въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ должность пѣвчаго, пономаря и гробокопателя. И къ симъ тремъ благочестивымъ заніпямъ присовокуплялъ еще четвертое, совѣмъ имъ пропивуположное. Каждую ночь выходилъ онъ изъ дому, ждалъ на дорогѣ профзжихъ, и убивалъ ихъ, выпспрѣливъ изъ за клѣпи, опдѣлявшей погоспѣ онъ дороги. Если нещаспный боролся со смерпю, и еще дышалъ, тогда собака убійцы прибѣгала на свистъ его, бросалась на умирающаго, и задушала, схвативъ его за горло зубами.

Послѣ сего пономаръ выходилъ изъ своего убѣжища, бралъ прупъ, снималъ съ него одежду, опносилъ его на кладбище и бросалъ въ свѣжую могилу, копорую выкапывалъ для сего глубже обыкновеннаго.— Попомъ засыпалъ прупъ землею и закрывалъ могилу, до перваго новаго покойника въ селеніи, и такимъ образомъ сей двойной гробъ скрывалъ спреступленіе, и тайна оставалась непроницаемою.

Однажды, въ бурный вечеръ, пупешеспвенникъ поступчался у дверей пономаря, и просилъ ночлега.— Пономаръ принялъ спранныка, угоспиль, узналъ изъ разговоровъ, что съ нимъ были деньги, опвелъ его въ свѣплицу—и наконецъ, когда наступила глухая ночь и пупешеспвенникъ спалъ уже глубокимъ спомъ, онъ вошелъ тихо въ комнапу—

ударилъ молоткомъ по головѣ несчастнаго, и попомъ умертвилъ его.

Совершивъ преступленіе, необыкновеннымъ для него образомъ, пономарь, по какому-то странному разсужденію, вздумалъ употребить новыя мѣры къ сокрытію злодѣйства своего, и вмѣсто того, чтобы зарыть тѣло на кладбищѣ—расперзалъ его на части, и бросилъ одну ногу въ поле, другую въ садъ священника—руку на кровлю сосѣдняго дома, голову въ общій водоемъ, а туловище въ собственный огородъ свой, гдѣ спрячалъ его подъ соломою.—Можете вообразить себѣ ужасъ, распространившійся по всему селенію, когда на другой день поутру жители увидѣли сіи страшныя доказательствя смертоубійства.—Подозрѣніе падало на всѣхъ, но больше всего на пономаря. Полиція вошла въ домъ его, и первый предметъ, попавшійся на глаза ея, была окровавленная простыня, на измятой постелѣ! Пономарь ошвѣчалъ, что онъ только что зарѣзалъ поросѣнка.—Потребовали принести его; преступникъ замѣшался, замлялся въ словахъ;—начался судъ, сдѣланы слѣдствія, и наконецъ всё открылось—и злодѣй былъ осужденъ на казнь.

И такъ, вопъ доказательствя, что Провидѣніе, а не слѣпой случай обличаетъ преступника, лишая его здраваго разсудка и самыхъ простыхъ способностей ума, которыя вѣрно не оставили бы его въ обыкновенныхъ происшествіяхъ жизни, но которыя измѣняютъ ему въ ту минуцу, когда онъ ищетъ средствъ скрыть тайну совершеннаго злодѣянія.

ПРИЗНАТЕЛЬНЫЙ ЕВРЕЙ.

Молодой, богатый Еврей, понаучившись *хвятизму* въ университетѣ, гдѣ обучался, съ шумомъ вошелъ въ Дрезденскій театръ и, поглядывая презрительно на своихъ сосѣдей въ лорнетъ, посмѣивался надъ ними. Возлѣ него сидѣлъ Прусскій офицеръ, который замѣпивъ, что одна глупая *Жидовская* шуточка опущена на его щепъ, рѣшился наказать Еврея. Онъ придрался къ тому, что *Жидъ*

полкнулъ его и не извинился—и вызвалъ его на поединокъ. *Жидъ* спрѣялъ первый—и далъ промахъ. Офицеръ, бросивъ пистолепъ, подошелъ къ нему, далъ ему двѣ добрыхъ пощѣчины, и попомъ пошелъ домой, какъ будто бы между ними ничего не происходило. Еврей также воропился на свою квартиру, гдѣ со страхомъ и препеномъ ожидали развязки его родные и пріятели. «Этотъ офицеръ превеликодушный человекъ», сказалъ Еврей: «онъ далъ мнѣ только двѣ пощѣчины, когда могъ бы заспрѣлить меня.»

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ БАТЮШКОВА.

Въ жизни моей я былъ обманутъ во многомъ, кромѣ дружбы: ею могу еще гордиться; она меня примиряетъ съ жизнью, часто печальною, и съ міромъ, который покрытъ развалинами, гробами и страшными воспоминаніями.

*

Я въ Парижѣ. (Апр. 25, 1814.)

Молва давно извѣстила всѣхъ о нашихъ побѣдахъ, чудесныхъ по истинѣ; это всё давнымъ давно извѣстно и распложено въ Англійскомъ клубѣ, и въ газетахъ, и въ журналахъ, и въ официальныхъ одахъ; однимъ словомъ: это спарина для вась, жителей мирнаго Пепрограда. Но повѣрите ли, мы, которые учаспвовали во всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, мы едва ли до сихъ поръ вѣримъ, что *Наполеонъ* исчезъ, что Парижъ нашъ, что *Лудовикъ* на тронѣ? И соотечественники *Монтескье*, *Расина*, *Фенелона*, *Робертсьера*, *Кутона*, *Дантона* и *Наполеона* поютъ по улицамъ: *Vive Henry quatre, vive le Roy vaillant*. Такія чудеса превосходятъ всякое понятіе.

*

На чужбинѣ надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобы не унывать въ совершенномъ одиночествѣ.

*

Я купался въ Тибрѣ и ходилъ по форуму Рима, ни мало не краснѣя.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОТЫЛЁКЪ.

Въ прекрасный день, въ спруѣ прелестной
 Душистый вѣялъ вѣперокъ —
 Когда на крыльяхъ въ поднебесной
 Змѣился пѣспрыи мошылёкъ.

*

И розу милую лаская,
 Красавецъ вѣпренный сосалъ;
 Но вскорѣ розу покидая,
 Къ иной красѣ перелешалъ;

*

И здѣсь и шупъ дарилъ лобзанье;
 И ждали здѣсь и шупъ, маня,
 Сіе любезное созданье,
 Эфира крошку—мошылёкъ!

*

Но день прошелъ, и Февъ сокрылся —
 Мой мошылёкъ не видѣнъ спалъ,
 Въ эфирѣ болѣе не вился;
 И въ полѣ вешнемъ не лепалъ,

*

Такъ въ мірѣ щастье исчезаетъ!
 Не долго намъ оно блеститъ;
 И кто намъ вымолвитъ, узнаетъ —
 Куда форшуна залешитъ?....

К. Петерсонъ.

Ш А Р А Д А.

Нагало въ азбукѣ на первой же страницѣ;
 Пророка имя мы находимъ на концѣ,
 Того, что восхищенъ на небо въ колесницѣ.
 А *цѣло*—одно изъ женскихъ пѣхъ имянъ,
 Безъ коихъ холоденъ чувствительный романъ;
 Подъ пору и подъ цвѣтъ къ Клариссѣ, Элонзѣ,
 Къ Мапильдѣ, Апалѣ, Даурѣ и Элизѣ.

Въ No 71-мъ, помѣщенная загадка значить: *Soulier*.Въ No 69-мъ, помѣщенная шарада значить: *Cor-âle*.

НОВАЯ КНИГА.

Живописное обозрѣніе достопамятныхъ предметовъ, наукъ, искусствъ, художествъ, промышленности и общежитія, съ присовокупленіемъ живописнаго путешествія по земному шару и жизнеописаній знаменитыхъ людей.

Почтенный Московскій книгопродавецъ господинъ *Семеновъ* съ 1-го Іюля текущаго года издаетъ на Русскомъ языкѣ сію превосходную дѣпскую книгу, въ которую не худо заглядывать и не дѣпмь. Да будетъ благословенно его полезное предпріятіе!

По 20-е Августа получено здѣсь въ Петербургѣ шесть пепрадей съ рисунками, нимало не уступающими иностраннымъ.

Нельзя не похвалить господина издателя за то, что онъ добросовѣстно совершаетъ свое дѣло. Будучи иностранцемъ и не зная хорошо нашего языка, онъ умѣлъ пріискать наспоющихъ Русскихъ, сильныхъ и искусныхъ въ отечественномъ языкѣ, которымъ поручилъ сей трудъ. Онъ не выславляетъ на показъ именъ своихъ соудниковъ; но книга сама на всякой страницѣ говоритъ за нихъ, Языкѣ *Живописнаго Обозрѣнія* необыкновенно чистъ; правила грамматики и сдѣпаксиса вездѣ соблюдены строго; слогъ живописенъ и даже игривъ; замѣпно спараніе ласкаетъ слухъ: ибо здѣсь въ прозѣ больше гармоніи и мелодіи, нежели въ длинныхъ стихотвореніяхъ господъ *Оомина* и *Тиллофтева*,

Желая дать нашимъ чипапелямъ удовлетворительное понятіе о семъ прекрасномъ, небываломъ явленіи въ отечественной словесности, печатаемъ программу:

«Уже издавна было признано полезнымъ соединеніе описаній различныхъ предметовъ съ ихъ изображеніями, особливо въ наукахъ, искусствахъ и художествахъ, гдѣ почти всегда изображеніе необходимо для полнаго понятія о предметѣ. Но приложение рисунковъ къ книгамъ, по цѣнности своей, дѣлало изданіе книгъ съ рисунками весьма дорогимъ. Нынѣ, при усовершенствованіи всѣхъ знаній, изобрѣтеніе Англійскихъ полипипажей рѣшительно успранило такое неудобство, и дало средства соединить пріятное съ полезнымъ, сдѣлавъ книги съ рисунками до-

спунными всѣмъ званіямъ чипапелей, и споспѣшествуя тѣмъ просвѣщенію и распро-
спраненію знаній и изящнаго вкуса. Превос-
ходное средство полишипажнаго гравиро-
ванія, которымъ Европа одолжена Англій-
скому художнику г-ну *Нейту* (Charles Knight),
заслужило уже всеобщее одобреніе въ Ан-
глии и цѣлой Европѣ. Оно подало мысль из-
давать разнообразныя книги, гдѣ рисунки,
вставленные въ самый текстъ, взаимно поя-
сняютъ описанія изображеніями и изобра-
женія описаніями. Изящество такихъ изда-
ній, польза, какую они приносятъ, и деше-
визна ихъ, были причиною, что книги, из-
данныя г. *Нейтоль*, продаются въ Англии
сопнями тысячь экземпляровъ, и по образцу
ихъ множество книгъ, и даже журналовъ,
издано уже донынѣ въ Германіи, Франціи,
Италіи и Сѣверной Америкѣ.

Русская Публика была лишена донынѣ
сего рода литературныхъ произведеній.
Это побудило издателя озаботиться введе-
ніемъ книгъ съ полишипажными рисунками
въ Россіи. Въ надеждѣ, что просвѣщенные
Русскіе чипатели вполнѣ оцѣнятъ его пред-
пріятіе, издатель вошелъ въ сношенія съ
иностранными издателями и художниками,
и самимъ г-мъ *Нейтоль*, который согласился
передать ему, по выбору, лучшіе рисунки
свои, и оплтитъ ихъ въ Лондонѣ, предостав-
ляя ему исключительное право на продажу
описанныхъ съ нихъ рисунковъ въ Рос-
сіи. Въ слѣдствіе сего, издатель приспу-
шилъ къ выдачѣ на Русскомъ языкѣ книги,
подъ названіемъ: *Живописное Обзорніе*. Онъ
не щадитъ издержекъ для того, чтобы
изящные рисунки г-на *Нейта* были напеча-
таны на лучшей веленовой бумагѣ, со всею
типпографическою опрятностію, къ чему
собственная обширная типпографія даетъ
ему всѣ средства. Составленіе описаній бы-
ло препоручено отъ него опытнымъ знапо-
камъ и ученымъ людямъ.

Такимъ образомъ Русская Публика будетъ
имѣть книгу, сколь полезную, столь и за-
нимательную, которую, по разнообразію
предметовъ, можно будетъ назвать *Живо-
писною Энциклопедіею*. Она равно можетъ до-

спавить полезное и пріятное чтеніе чипа-
телямъ всѣхъ возрастовъ и званій, ибо сое-
динитъ въ себѣ *выборъ лучшихъ статей и ри-
сунковъ изъ множества Англійскихъ, Француз-
скихъ и Нѣмецкихъ книгъ и журналовъ*, издан-
ныхъ съ полишипажными рисунками.

*Всѣ рисунки будутъ одинаковаго достоинства,
а описанія къ нимъ составлены кратко, но ясно,
занимательно, и съ принаровленіемъ къ понятіямъ
образованной Публики.*

Издержки, потребныя на изданіе *Живо-
писнаго Обзорнія*, и увѣренность, что Пуб-
лика оцѣнитъ пользу онаго, рѣшили издате-
ля опкрыть подписку, на нижеслѣдующихъ
условіяхъ:

1-е. Съ 1-го Іюля сего 1835 года, по 1-е
Іюля будущаго 1836 года, будетъ выданъ
одинъ томъ Живописнаго обзорнія, раздѣлен-
ный на *два гаста*, заключающія въ себѣ око-
ло 50-ти печатныхъ листовъ и болѣе прехъ-
сопъ изображеній.

2-е. Для скорѣйшаго доставленія книги
чипателямъ, *Обзорніе* будетъ выдаваемо
отдѣленіями (par livraisons), по примѣру ино-
странныхъ книгъ сего рода.

3-е. Отдѣленія будутъ выходить и раз-
даваться по мѣрѣ оппечатанія ихъ, не бо-
лѣ какъ черезъ двѣ недѣли.— Каждое отдѣ-
леніе будетъ состоять изъ *двухъ печатныхъ
листовъ*, и въ каждомъ отъ 10-ти до 12-ти
картинокъ и изображеній, изъ всѣхъ наукъ и
знаній, преимущественно: естествознанія,
географіи, этнографіи, изящныхъ искусствъ,
земледѣлія, промышленности. Къ сему при-
совокупятся: *Живописное путешествіе*, пор-
треты знаменитыхъ людей (съ ихъ жизне-
описаніями), и проч. Всѣ рисунки оплиты
въ Лондонѣ г-мъ *Нейтоль*, и издадутся, вмѣ-
стѣ съ описаніями, въ большую четверть
листа, на веленовой бумагѣ.

4-е. При послѣднемъ отдѣленіи приложе-
ны будутъ: *Алфавитный указатель* всѣхъ
предметовъ 1-го тома и *Систематическая
таблица описаній и рисунковъ*.

Для г-дъ подписавшихся до 31 *Августа* се-
го 1835 года, цѣна за первый томъ Живопис-

наго обзорня, съ тремя стали рисунковъ и изображений, полагается двадцать рублей асс. въ Москвѣ и С. Петербургѣ, и по 25 р. асс. съ пересылкою во всѣ другіе города. — Особы, подписавшіяся послѣ 31 Августа 1835 года, платятъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ 25 руб. асс. а съ пересылкою въ другіе города 30 рублей асс.

Издапель осмѣливается надѣяться, что просвѣщенная Публика оцѣнитъ его спаранія при изданіи книги, столь полезной и пріятной, усмотрѣвъ *ульренную цѣну*, которая сдѣлала доступными для всѣхъ иностранныхъ сего рода изданія, извѣстные подъ именемъ: The Penny Magazine, Magasin pittoresque, Magasin universel, Musée de famille, Pfenning's Magazin, The Penny Cyclopaedia etc. — Каждый рисунокъ обойдется г-мъ подписчикамъ *меньше десяти копѣекъ.* »

М О Д Е С.

On fait les chapeaux très écrasés et placés très en arrière. Il a bien fallu en venir là avec *le parterre* qu'on place dessous. On se coiffe maintenant sous les chapeaux comme si on allait au bal. Quand on a une jeune et fraîche figure, rien n'est plus joli, avec une coiffure sans cheveux, qu'une couronne de fleurs posée comme une garniture de bonnet en entourage de la figure. On met aussi de gros nœuds à bouts pendans de chaque côté de la figure, l'un un peu plus haut que l'autre. Quelques couronnes sont faites en diadèmes. On voit beaucoup plus de chapeaux de paille, soit de riz, cousue ou d'Italie, que de chapeaux d'étoffe, que l'on réserve pour l'automne. Paille et blanc, vert et blanc sont les couleurs qu'on entremêle le plus sur les chapeaux.

J'ai vu chez Mme Larochelle des petits bonnets à la paysanne d'une légèreté inouïe qui permet de les porter même par les grandes chaleurs du moment; le fond de ces bonnets est très petit, et les barbes qui forment la garniture sont fort longues: elles viennent nouer sous le menton et pendent en écharpe.

Il y a un grand luxe dans les châles d'été. Ceux en satin noir, imprimés de fleurs de couleurs, sont admi-

nablement beaux; on en voit aussi enfoulard très élégant et en taffetas noir que l'on garnit en dentelle noire comme les mantelets.

Cette semaine a amené quelques nouveautés, comme vous le voyez; c'est un hasard dont il faut profiter comme je profite de cette lettre pour vous dire que Sarah est toujours votre sœur affectionnée *de loin comme de pres.* God bless you. — Sarah.

М О Д Ы.

Шляпы дѣлають весьма раздавленныя и запрокидываютъ очень назадъ. Надо было дойти до этаго съ цвѣтникомъ, надѣваемымъ подъ низъ. Нынче убирають голову подъ шляпу какъ вѣдятъ на балъ. Съ молодымъ свѣжимъ лицомъ и гладкими волосами, ничего нѣтъ красивѣе гирлянды изъ цвѣтовъ, положенной какъ оборка чепчика вокругъ лица. Подкалываютъ также большіе бацпы съ висящими концами съ обѣихъ сторонъ лица, одинъ немного выше другаго. Нѣкоторыя гирлянды сдѣланы діадами. Несравненно болѣе видно шляпокъ: басповыхъ, сшивныхъ или Италіанскихъ соломенныхъ, нежели изъ матерій, которыя берегутъ къ осени. Соломенный съ бѣлымъ и зеленый съ бѣлымъ цвѣты — всего болѣе употребляютъ на шляпкахъ.

Я видѣла у г-жи Larochelle небольшіе чепчики *à la paysanne*, необыкновенно легкіе; ихъ можно даже носить въ теперешніе сильныя жары; кронка чепчика весьма мала, и лопоспи, составляющія оборку, очень длинны; они завязываются подъ подбородкомъ и висятъ шарфомъ.

На лѣтнія шали необыкновенная роскошь. Черныя атласныя, печатныя цвѣтами, удивительно красивы; видны также фуларовыя, весьма щеголеватыя и черныя шафляныя, которыя обшивають чернымъ кружевомъ, какъ маншиды.

На этой недѣлѣ, какъ ты видишь, появилось нѣсколько новостей; этой случайностью надо пользоваться, какъ я пользуюсь эпимъ письмомъ, чпобъ сказать тебѣ, что Сара швоя сестра, любящая тебя *вдали какъ вблизи.* God bless you. — Сара.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 73.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 11 ДНЯ 1835 ГОДА.

Съ природой оживленной
Сближаемъ душою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА ИЗЪ РОМАНА *НАСЛѢД-
НИЦА* (*), СОЧ. ПЕТРА СУМАРОКОВА,
М. 1835.

Въ пасмурный Октябрскій вечеръ, по извилистой и узкой проселочной дорогѣ, шло тяжелою чепверомѣспная карета, запряженная въ шесть ямскихъ лошадей. По новизнѣ кареты, щегольскому фасону ея, наконецъ по княжескимъ гербамъ на дверцахъ, можно было заключить, что она принадлежила челоуѣку богатому и знатому — по крайней мѣрѣ такому, изъ какихъ по большей части состоятъ наше высшее общество. Слуга, сидѣвшій съ ямщикомъ на козлахъ, и другой, покоившійся, со всею важностью слуги знашнаго барина, въ мѣспечкѣ, повѣшенномъ на заднихъ ресорахъ, ко-

порымъ новѣйшая филантропія замѣнила старинные варварскіе запятки, — были одѣты въ красивое и спокойное дорожное платье. За каретой, въ нѣкоторомъ отдаленіи, плыла бричка, въ чепыре лошади. По временамъ въ ней раздавался звонкій смѣхъ поменьшихъ голосовъ, или пѣсня, заплывшая пѣтми же голосами и вдругъ прерываемая, по опять новымъ смѣхомъ, по пронзительными криками, вырывающимися отъ неожиданнаго толчка и боязни свалиться.

Оба эти экипажа пащились, какъ ужъ сказалъ я, по проселочной и притомъ очень скверной дорогѣ. Путешественники начинали перьять перьяне, и безпрестанно спрашивали у ямщиковъ: далеко ли? «Вонъ, видно,» отвѣчали имъ наконецъ, указывая впередъ на каменное строеніе, которое, сквозь сумракъ осенняго вечера, блѣлось вдали подъ лѣсомъ.

Это былъ господскій домъ, огромный и довольно красивый. Онъ стоялъ на небольшомъ возвышеніи, и одной стороною примыкалъ къ обширной рощѣ, изъ которой нѣкогда былъ сдѣланъ Англійскій садъ. Но дорож-

(*) Этого романъ, или, какъ назвалъ его самъ сочинитель, былъ вмѣсто повѣсти, ошибенно задекларированъ и до того чисто написанъ, что мы въ двухъ часахъ, его составляющихъ, нашли только одну ошибку прошивъ грамашики. В.

ки эпаго сада поросли правою, рошцы и курпины его заглохли. Опъ скамеекъ, прежде споявшихъ на площадкахъ, и въ извилинахъ алей, оспавались одни сполбики. Точно въ такомъ же положеніи какъ садъ, находились и всѣ почти службы, окружающія домъ. Окна ихъ во многихъ мѣстахъ были выбиты, крыши почернѣли и начинали гнить, трубы обрушивались. Словомъ, вся усадьба, на которую указали пупешеспвенникамъ еще издали, — вблизи представляла самый мрачный и угрюмый видъ, невольно наводящій грустную думу, какъ видъ каждаго мѣста, нѣкогда обипаемаго, украшаемаго людьми, попомъ надолго оспавленнаго и забытаго.

Въ самомъ дѣлѣ прошло слишкомъ десятильпшъ съ тѣхъ поръ, какъ прежніе владѣльцы эпой усадьбы еѣ оспавили; и во всѣ эпо десятильпшъ въ господскомъ домѣ, примыкающемъ къ заглошему саду и окруженномъ обрушивающимися службами, не была нога человѣческая, если только не щипать старой ключницы, копорая, больше по собственности вольт, чѣмъ по чьему либо приказанію, смотрѣла за чиспоной и порядкомъ жидица прежнихъ господъ своихъ. Впрочемъ и ея визипы въ оспавленный домъ были не слишкомъ частны: разъ въ годъ, обыкновенно въ Іюнь или Іюль мѣсяцѣ, въ самую жаркую и сухую погоду, она призывала земскаго, садовника, спюляра и еще кое-какую оспавшуюся дворовую челядь, и въ сопровожденіи эпой свицы торжественно опсправлялась къ парадному крыльцу, не доврля никому, кромѣ себя, оппереть главную дверь. Въ комнатахъ открывали окна, сметали пыль, мебели выносили на солнце просушивать; наконецъ, къ вечеру, приведя все въ прежній порядокъ, спаруха, очень довольная своею акуратностью, возвращалась домой, опдыхавъ вновь до будущаго лѣта.

Такъ шли дѣла ключницы, какъ ужъ сказалъ я, въ продолженіе цѣлыхъ десятильпшъ; но за нѣсколько времени до того дня, съ котораго я начинаю повѣспть мою, спаруха сбилась съ ногъ опъ хлопотъ и заботъ. Не смотря на сырое осеннее время, двери гос-

подскаго дома по цѣлымъ днямъ оспавались опперты, мебели были выбиты, пыль во всѣхъ комнапахъ выметена; сама ключница почти не выходила изъ нихъ: она ждала гостей, которыхъ хопѣла принять въ полной исправности и вспрѣшитъ со всѣми должными почестями. Въ слѣдствіе этого послѣдняго желанія, земской, спюляръ и садовникъ попеременно опсправлялись на чердакъ, и оппуда, въ слуховое окно, смотрѣли вдаль, на дорогу.

— Ёдутъ! Ёдутъ! — закричалъ наконецъ садовникъ, бросившись опромелью съ чердака.

«Кто ѣдетъ?» спросила ключница, бывшая въ то время въ буфетѣ, и въ двадцатый разъ пересмапривающая чайныя чашки и посуду.

— Вѣрно ужъ они, кому-жъ больше: въ карешъ и въ коляскѣ — опвѣчалъ садовникъ, едва переводя духъ и ожидал новыхъ приказаній опъ ключницы.

«А далеко ли?»

— Да вопъ ужъ у сада. —

«У сада!.. чего-жъ ны смотрѣль, ропозѣй?» вскричала ключница, опустивъ руки и опѣпенѣвъ опъ такой вопсе неожиданной оплошности часоваго.

— Да признапись сказать, не видалъ — опвѣчалъ садовникъ.

«Господи! что мнѣ дѣлать!» говорила спаруха. Въ опчаяніи она хваталась то за самоваръ, который по ея предположеніямъ долженъ былъ бы ужъ кипѣть въ ту минуту, то за чашки, копорыя должны были бы ужъ спюль на споль. Но времени оспавалось слишкомъ немного: карепа, съ княжескими гербами, и бричка въѣзжали во дворъ, — надобно было вспрѣчать гостей. Пробѣгая черезъ залу, спаруха только успѣла мимоходомъ поправить въ каминѣ дрова, и сошла съ лѣспницы въ самую ту минуту, когда карепа оспановилась передъ крыльцомъ.

Изъ неѣ выпрыгнуль, опираясь на руку лакея, высокой молодой человѣкъ, красивой наружности, въ бархатной ермолкѣ и ще-

гольскомъ плащѣ. За нимъ, опираясь на его руку, вышла молодая дама, еще больше въ щегольскомъ манпю и дорожномъ чепчикѣ, простопта котораго очень шла къ ея миленькому личику, сіяющему любовью и щаспемъ. Оба они оспановились на крыльцѣ и нѣсколько минушь смопрѣли на окружающіе ихъ предметы.

— Ахъ, *Альфонсъ*, въ какое аббатство мы заѣхали! — сказала наконецъ молодая дама, свѣсплый взоръ которой на минушу помрачился уныніемъ.

Молодой человекъ засмѣялся. — «Я поспараюсь придашь ему другой видъ, сказалъ онъ. На будущую весну мы все поправимъ, передѣлаемъ, и для лѣта эпо будетъ у насъ премиленькая пуспышка — именно шакал, каковую пы желала имѣшь. Но сыро, прибавилъ онъ; пойдѣмъ въ комнашы.»

Онъ подалъ руку дамѣ, и они пошли на лѣспницу. «Сюда пожалуйте, ваше сіяпельство,» говорила ключница, показывая имъ дорогу.

Молодой человекъ былъ князь N..., полько что купившій эпо давно оспавленное имѣніе. Молодая дама была жена его.

Ключница провела ихъ въ залу, прямо къ пылающему камину, какъ къ самому ясному доказательству своей исправности. И въ самомъ дѣлѣ, въ ту минушу она ничѣмъ не могла такъ хорошо услужить своимъ новымъ владѣльцамъ, какъ эспимъ огнемъ камелька, которъй своею теплотою, своимъ прескомъ, своимъ паинспвеннымъ отблескомъ, вливаепъ въ насъ каковую-то опраду, и въ мрачные осенніе сумерки бываетъ такъ пріятенъ каждому, особливо съ дороги и холода.

— Прелестъ! — сказала княгиня: теперь мы настоящіе романическіе путешественники. —

«Да,» отвѣчала мужъ ея, подвинувъ ей стулъ: «даже комнаша эпо годилась бы въ какой хочешь рыцарскій замокъ.»

Говоря правду, зала, въ которой расположились новые владѣльцы дома, прежде со-

вершенно ими незнаемаго, была не совсѣмъ похожа на рыцарскія залы среднихъ вѣковъ; но она была довольно обширна, и обширность ея еще увеличивалась отъ сумерекъ пасмурнаго дня, слабый свѣспъ котораго, едва проникая сквозь деревья, разросшіяся подъ окнами, и смѣшиваясь съ тѣнью, незаметными, паинспвенными переливами, какъ въ картинахъ *Рембранта*, придавалъ и проспѣнкамъ залы и ея темнымъ углубленіямъ размѣры огромные. Красный отсвѣспъ огня, отражаясь на окнахъ, ближайшихъ къ камину, предспавлялъ ихъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ цвѣспными и росписанными; — все эпо вмѣспъ оправдывало нѣсколько и романическія мечпы княгини и замѣчаніе, сдѣланное ея мужемъ.

Князю однако-жъ гораздо больше хотѣлось пить чай, чѣмъ мечпать. Ему было досадно, что люди его долго еще не разберутся.

— Если угодно, — сказала ключница, споявшая въ почпипельномъ опдаленіи, но вслушавшаяся въ его слова: я подамъ потъ самый чайный приборъ, изъ котораго всегда кушали ихъ превосходительства. —

«А развѣ эпотъ приборъ оспавался здѣсь?»

— Все оспалось здѣсь, — отвѣчала ключница вздохнувъ: вся посуда и всѣ господскія вещи. Ихъ превосходительства изволили такъ скоро собраться отсюда, что не успѣли ничего уложить, кромѣ самаго нужнаго; а послѣ они никогда не возвращались сюда, и за вещами никто не былъ присланъ. —

«Вотъ чудеса!» сказала княгиня, посмопрѣвъ на своего мужа.

— Да, — отвѣчала потъ: я зналъ, что здѣсь есть нѣкоторыя вещи, но никогда не слыхалъ, по какому случаю оспались онѣ. —

Между тѣмъ въ домѣ все начало оживать; люди входили и выходили, огни зажглись почпи во всѣхъ комнашахъ, и молодые супруги пошли осмапривать новое свое жилище, сколько изъ любопытства, сполько и для того, чтобы видѣть, какъ удобнѣе расположиться въ немъ.

Зала раздѣляла домъ почпи на двѣ равныя половины. Съ одной стороны къ ней при-

мыкаль цѣлый рядъ отдѣльныхъ комнапъ, по видимому назначенныхъ для гостей; съ другой примыкали комнаты парадныя. Но во всѣхъ этихъ покояхъ не нашлось никакихъ слѣдовъ, которые могли бы послужить фактами для біографіи прежнихъ владѣльцовъ. Это и не могло быть иначе: въ гостиной, въ залѣ, въ пріемной, человекъ является только на минуточку и является въ парадѣ, запыленный, замаскированный; тамъ онъ соображаетъ свои занятія съ занятіями другихъ; тамъ живетъ не своей отдѣльной жизнью, а жизнью общественной. Но если вы заглянете во вседневное жилище его, туда, гдѣ онъ располагаетъ собой какъ ему хочется, гдѣ дѣйствуетъ онъ по одной собственной волѣ и своимъ склонностямъ, тамъ каждая вещь, при малѣйшей наблюдательности взора, послужитъ вамъ буквой для составленія характеристикистики хозяина.

Проведя господъ черезъ гостиную, черезъ парадную диванную, черезъ парадную спальню, ключница отворила дверь въ небольшую комнату, драпированную въ родѣ палатки, и копорой всю мебель составлялъ, обгибающійся вокругъ стѣнъ, низкій и широкій Турецкій диванъ. Передъ диваномъ стоялъ столикъ. На столѣ лежала книга. Это была *Дельфина* г-жи *Сталь*.

На концѣ дивана, подлѣ длинной прубки, приспавленной къ стѣнѣ, лежала другая книга. Это была жизнь *Фридриха* великаго.

— Какихъ лѣтъ была генеральша? — спросила княгиня, машинально перевертывая листы *Дельфины*.

«Лѣтъ 24-хъ, ваше сіятельство.»

— А мужъ ея? —

«Ему было лѣтъ около 50.»

— Но неужто только изъ этихъ двухъ книгъ состояла вся ихъ библіотека? — спросилъ князь.

«Нѣтъ, ваше сіятельство, книгъ здѣсь оспалось множество, но онѣ всѣ на своихъ мѣстахъ. А здѣсь ихъ превосходительства только иногда читали за чаемъ или за завтракомъ. Не угодно ли вамъ пожаловать

сюда?» прибавила ключница, отворяя дверь на право.

Тамъ былъ мужской кабинетъ. По стѣнамъ его висѣло множество ружей, пистолетовъ и сабель. По срединѣ комнаты стоялъ длинный письменный столъ, на которомъ лежали хозяйственные вѣдомости, приходныя и расходныя тетради, памятные записки, календарь, и многія вещи, составляющія принадлежность богатаго письменнаго стола. Было замѣтно, что, при поспѣшномъ отъѣздѣ, захватывали что попадалось, или что было необходимо и нужно, точно также, какъ и изъ развѣшеннаго оружія, между копорого оспавались два или три мѣсяца пуштыхъ. Наконецъ одну часть кабинета занималъ шкафъ съ книгами. Въ немъ, по большій части, заключались книги военныя, исторіи полководцовъ, книги просто историческія, экономическія, и книги охотничьи.

— Генераль, видно, любилъ войну и охоту, — замѣтилъ князь, пересмотрѣвъ богатыя охотничьи ружія и потомъ пересматривая заглавія книгъ.

«Да,» отвѣчала ключница: «мужъ мой былъ во всѣхъ походахъ съ нимъ, и часто рассказывалъ, бывало, мнѣ, сколько видѣли они страха! А послѣ, когда его превосходительство вышелъ въ отставку, онъ за тѣмъ больше и переселился сюда, что здѣсь много звѣря и дичи.»

— Всѣ эти сочиненія слишкомъ сухи и серьезны, — сказала княгиня, не слушая рассказовъ ключницы и продолжая опыскивать глазами чего нибудь по занимательнѣе военныхъ исторій, и наставленій, какъ удобрять землю, или спрѣлять дупелей и ловить волковъ и лисицъ.

«Книги ея превосходительства въ ея кабинетѣ, отвѣчала спаруха; но онъ запертъ и у меня нѣтъ ключа отъ него.»

— Въ самомъ дѣлѣ?... А мнѣ такъ бы хотѣлось быть въ немъ! —

«Что же, можно какъ нибудь оппереть,» подхватилъ князь. «Гдѣ эпопѣ кабинетъ?»

Старая домоправительница ввела ихъ опять въ ту же комнату, съ Турецкими

диванами, и показала другую, маленькую дверь, которая была заперта.

— Ключи отъ этого кабинета ихъ преходительства взяли съ собой,—сказала она.

Попробовали дверь: она была плотна, замокъ крѣпокъ, надобно было сломать его инструментами.

«Не оставишь ли до завтра?» сказалъ князь, обращаясь къ женѣ своей. Теперь мы успали, и нынче ты вѣрно ничего не будешь читать.»

—Нѣтъ, ради Бога, сей часъ же,—возразила княгиня: я неперпѣливо хочу видѣть эпосъ кабинетъ, и пѣмъ неперпѣливѣе,—прибавила она поцѣловавъ своего мужа, что онъ запертъ....—

«Видно, что ты правнучка Еввы;» сказали онъ.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ ПО ЧАСТИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(*Изъ Іюльской книжки Ж. М. Н. Пр.*)

Отдѣлъ Изящной Словесности былъ споль же обширенъ и разнообразенъ, какъ и прежде. Если журналъ естъ зеркало, отражающее въ себѣ умственное движеніе народа, то должно замѣтить, что вѣторое полугодіе 1834 года сохранило почти всѣ прежнія имена и авторитеты въ нашихъ литературныхъ журналахъ, какъ и во всѣхъ явленіяхъ Русской Словесности. Стихъ уступилъ первенство прозѣ; однако и стихотворная часть представила многія произведенія, кои можно поставитъ на ряду съ лучшими періодами Русской Словесности,

Знаменитѣйшіе наши поэты помѣщали стихотворенія свои преимущественно въ Библиотекѣ для Чтенія. Во вѣторомъ полугодіи 1834 года напечатано было въ эпосъ періодическомъ изданіи прекрасное стихотвореніе Жуковскаго «*Божій Судъ*» (Библи. для чт. Т. VI), содержаніе коего также заимствовано изъ рыцарскихъ преданій Западной

Европы, какъ и прежнія, помѣщенные въ томъ же журналѣ его стихотворенія. Пушкинъ украсилъ Библиотеку для чтенія отрывкомъ изъ Поэмы «*Петербургъ*» (Т. VII, кн. 2), Элегією (Т. V, кн. 1) и двумя стихотвореніями въ классическомъ родѣ «*Подражанія Древнимъ*» (Т. V, кн. 1). Задумчивая Муза Козлова насприлась на пожестивенный понь въ стихотвореніи «*на день Тезоименитства Ея Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника*» (Т. VI), опоздалась прежнимъ мелодическимъ уныніемъ въ переводной пѣсѣ изъ Шиллера («*къ Эмль*») (Т. IV, кн. 2) и гордою грустью въ отрывкѣ изъ IV-й Пѣсни Чайльдъ-Гарольда «*Байронъ въ Колизей*». Особенно замѣчательно стихотвореніе сего споль достойно любимаго поэта «*Умирающій Гайдукъ*,» Иллирійская Баллада (Т. IV, кн. 2), гдѣ авторъ смѣло и звучно выразилъ національность Славянъ Адриатическихъ. Молодой поэтъ Ершовъ, недавно обратившій на себя всеобщее вниманіе своимъ стихотвореніемъ «*Конекъ Горбунокъ*,» помѣстилъ двѣ пѣсы — *Ночь въ Рождество Христова* и *Молодой орелъ* (Т. VII, кн. 1). Первая отличаетъ религиознымъ чувствомъ и изящною простотою; во вѣторомъ же національнымъ тономъ выражено стремленіе на родину. Замѣчательно еще стихотвореніе *Битва при Тиверіадѣ* — автора путешествія ко Святымъ Мѣстамъ (Т. V, кн. 2) — отрывокъ, отличающійся прекраснымъ стихомъ. *Дубъ въ Петергофѣ* — Жуковскаго (Т. IV, кн. 2), *Всадникъ* — Колларова (Т. IV, кн. 2), *Стансы* — Панаева (Т. VII, кн. 2), суть небольшие стихотворенія, замѣчательныя по граціозности мысли и выраженія.

Кромѣ того въ Библиотекѣ для чтенія встрѣчались стихотворенія и другихъ писателей, какъ по: О. Н. Глинки, Бутырскаго, Булгакова, Деларю, Сулова, Маркова, Бистрома, Гедеонова, Мызникова, Гарпенко, Струговицкова и Норова; къ сожалѣнію, предѣлы нашего обозрѣнія не позволяютъ намъ дать отчета въ стихотвореніяхъ упомянутыхъ писателей; но мы почли нужнымъ поставитъ имена ихъ на видѣ читателей, желающимъ имѣть понятіе о движеніи стихотворной литературы Русской. Мы должны однакожъ въ

особенности замѣнить стихотвореніе молодого, недавно начавшаго либературное свое поприще, поэта *Тимофьева*, коего мистерія «*Жизнь и смерть*» (Т. V, кн. 1) отличается не столько исполненіемъ, сколько возвышенностію мысли, положенной ей въ основаніе.

Послѣ Библиотеки для чтенія, преимущественно сосредоточившей въ себѣ либературную нашу дѣятельность, наиболѣе помѣщаемо было стихотвореній въ Заволжскомъ Муравѣ и въ Либературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Муравей даже превосходилъ прочіе журналы числомъ стихотворныхъ піесъ; но изъ извѣстныхъ писателей одинъ только графъ Д. И. Хвостовъ помѣстилъ тамъ свое стихотвореніе (Ода *Богахъ*, No 7). Наименуемъ и прочіихъ: *Рахманина*, *Жмакина*, *Лебедева*, *Рындовскаго*, *Степанова*, *Колпакова*, *Ибрагимова*, *Волкова*, *Черкасова*, *Дм. Тимофьева*, *Демидова*, *Паршина*, *Михайловскаго*, *Москвитинова*. Мы не упоминаемъ объ именахъ, означенныхъ начальными или конечными буквами; сверхъ того намъ встрѣчалось много анонимовъ. Хотя ихъ произведенія и не равняются съ тѣмъ, что находимъ въ Петербургскихъ и Московскихъ журналахъ, но по крайней мѣрѣ при этомъ множествѣ именъ не вправѣ ли мы упѣшались мыслию, что не далеко по время, когда на родинѣ *Державина* преемники его лиры не будутъ имѣть нужды посылать свои произведенія въ Столицу, чтобы заслужить извѣстность. Если гдѣ суждено Провинціальной Либературѣ разцвѣсть прежде, то это безъ сомнѣнія на берегахъ Волги, щасливыхъ рожденіемъ *Державина*, *Дмитріева*, *Карамзина*.—Изъ многочисленныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Либературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, особенно замѣчательны по изяществу мысли и выраженія и по очаровательной гармоніи стиха *Романсъ, на голосъ вальса Беттговена* (*Туманскаго*, No 93), стихотвореніе уже извѣстное Публикѣ, *Къ...* (В. Т.....го: вѣроятно *Туманскаго* же, No 74), *Птичка* (*Акубовича*, No 65), *Элегія* (*Холмкова*, No 66) и *Миръ фантазіи* (безъ подписи имени, No 56), *Отрадное гусство* (No 95) и *Прильпты* (No 83), соч. *Ө. Глинки*; замѣчательно также стихотвореніе

М. Демидова — *Море*, напоминающее пономъ своимъ знаменитое стихотвореніе *Жуковскаго*, подъ тѣмъ же именемъ. Наконецъ въ сей газетѣ, кромѣ извѣстныхъ именъ *Өдорова*, *Өзнобишина*, *Муравьева* (*Андрея*), *Слѣпушкина*, помѣщены стихотворенія *Романовича*, *Ставелова*, *Бардинскаго*, *Ольхина*, *Черкасова*, *Грена*, *Усольца*, *Хотлинцова*, *Вятринскаго*, *Левушкаго*, *Сілова*, *Гогіева*, *Манасина*, *Менцова*, *Ландсфорса*, *Рыкина* и *Бенари*. — Въ Сынѣ Опечества, гдѣ также время отъ времени помѣщаемы были стихотворенія, мы встрѣпили отрывки изъ драматической фанпазіи *Кукольника* — *Джакобо Санназаря* (No 32) и изъ трагедіи барона *Розена* — *Петръ Басмановъ* (No 40). Обѣ сіи трагедіи уже извѣстны Публикѣ: онѣ напечатаны вполне особыми книжками. Въ этомъ журналѣ было также 17-тъ *Сонетовъ* Г. *Бутырскаго* (No 31 и 43) историческаго, описательнаго и философическо-поэтическаго содержанія, замѣчательныхъ щасливыми мыслями, сближеніями. Г. *Тимофьевъ* помѣстилъ здѣсь небольшое стихотвореніе, подъ названіемъ: *Монологъ Морица*, изъ неначатой фанпазіи «*Человѣкъ*» (No 29), гдѣ поэтъ въ лицѣ *Морица* вопрошаетъ судьбу о своемъ назначеніи въ мірѣ и насмѣхается проницески надъ приписываемымъ человѣку владычествомъ надъ Природою. Вообще фанпазія этого молодого Художника любитъ всё высокое и таинственное въ Природѣ и человѣкѣ, но чтобы поднять завѣсу ихъ закрывающую, нужна сила генія-поэта. Мы нашли еще довольно хорошее стихотвореніе Г. *Менцова* — *Солдатъ* (No 48). Избирая предметы, болѣе доступные для чувствъ каждаго, онъ высказываетъ мысли и впечатлѣнія свои просто, естественно: потому и стихъ его послушнѣе и гибче. Въ отношеніи къ красотѣ стиха замѣчательно стихотвореніе Г-на В. Г. — *Роза*, Восточное преданіе. Кромѣ того въ Сынѣ Опечества были стихотворенія Гг. *Ө. Глинки*, *Петерсона* и др. — Что касается до Телескопа, тамъ весьма рѣдко встрѣчались стихотворенія; однако мы съ удовольствіемъ прочли піеску *Холмкова* — *Благодарю тебя* (No 27).

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ЖИДОВСКИЙ РАЩЕТЪ.

Жидъ Герцъ Ааронъ *Гейманъ* изъявилъ желаніе принять Христіанскую вѣру. При крещеніи онъ неопшпунно просилъ, чпобъ его назвали *Генрихомъ-Августомъ*. Послѣ совершенія таинства, крестный отецъ его полюбобысповалъ узнать: Для чего выбралъ онъ это имя? «Для того,» чиспосердечно признался Жидъ: «чпобы мнѣ можно было употреблять спарую свою печать, на которой вырѣзаны буквы Г. А. Г.

СКВОЗНОЙ ВѢТЕРЪ ВЪ ШИЛЛЕРОВОЙ ТРАГЕДІИ.

Невѣжда-богачъ, развалясь въ Вѣнскомъ театрѣ, внимательпо смотрѣлъ на игру актеровъ. Представляли *Шиллерову* трагедію *Коварство и любовь*. Сосѣдъ его, человекъ съ познаніями, громко захопалъ и сказалъ своему сосѣду: *Превосходная трагедія, а это лугшее въ ней мѣсто.* — «Согласенъ,» отвѣчалъ богачъ: *«только здѣсь дуетъ сквозной вѣтеръ.»*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ С. И. Ш.

За чпо зеленый цвѣтъ, скажите,
Прекраснѣй всѣхъ цвѣшовъ для васъ?
Вы улыбаешесь, молчите, —
Такъ угадаю я какъ разъ.
Не кусъ же милъ вамъ пакъ махровый,
Не лугъ же, — пусть онъ и пуховой;
Не яшмовой, конечно, полъ,
Не карпючнй зеленый споль, —
Не виноградъ зеленый, пьяный, —
Жриць Бахуса жемчугъ спекляный,
И не зеленый попугай,
И даже вѣрно и не рай.
Не кипарисъ же погребальный,
И даже не цвѣшокъ вѣнчальный;
И вѣрно ужъ не изумрудъ, —
Хотя имъ дѣвушки цвѣшуютъ.

Такъ чшожъ зеленое пакъ мило,
Чшо сердце ваше полонило?...
Очки зелѣныя?... всё пѣтъ?...
Признайшесь, будьте опкровенны;
Не по, — напалъ ужъ я на слѣдъ...
Я обнаружу вашъ секретъ;
Я разглашу въ концы вселенны...
«Зеленый цвѣтъ есть цвѣтъ военный.»

Аристъ Эльмиринъ.

19 Августа 1835 г.
Мѣшечко Преображенское.

LOGOGRIPE.

Rien ne peut résister à l'ardeur qui m'anime,
Car ja traîne après moi la mort et la famine.
Mettez mon cher à bas, je suis tout en fureur;
On m'évite, on me fuit, comme un objet d'horreur.
On me traite, sans cœur, d'une étrange manière,
On me coupe, on me bat, on me met en poussière.
Je parie, à coup sûr, qu'avec deux pieds, lecteurs,
Je trouve parmi vous, beaucoup d'adorateurs;
En tout temps, en tout lieu, l'homme me défie.
Je suis, sur trois enfin, le secret de Julie.

Въ No 72-мъ, помѣщенная шарада значить: *Эмилія*.

MODES.

Vous savez, ma chère sœur, que *Louis* disait: «Pour faire un pâté de lièvre, prenez un lièvre,» ce qui est la formule ordinaire de *Cuisinière bourgeoise* et du *Cuisinier royal* de tous les pays du monde. Je m'arrête ici pour vous demander si vous devinez où j'en veux venir et si vous ne croyez pas plutôt lire le début du *menu* d'un grand dîner que le prélude d'une lettre sur la mode? Eh bien! c'est pourtant là où j'en veux venir, et le tout pour répondre à votre dernière question: «Je voudrais avoir le détail de tout ce que met et fait en un jour une jolie femme à Paris.» Or, ma chère sœur, pour cela, je vous dirai: «Prenez une jolie femme, lorsqu'une alerte et élégante femme de chambre, entrouvrant la fenêtre, vous la laisse apercevoir mollement étendue sur un lit de Lesage, aux draperies de soie bleue et de mousseline brodée. Sa jolie tête, enfoncée dans un oreiller garni de dentelle, ne c'est pas encore exposée au jour; le sommeil a laissé sur ses traits une empreinte de bouderie maligne; son petit

bonnet de batiste d'Écosse brodé, garni de valenciennes, est même, je crois, posé un peu de travers et laisse tomber une boucle de cheveux. Après avoir frotté ses yeux et s'être hasardée à regarder le jour, elle demande l'heure qu'il est: «Onze heures, madame.»—Mon Dieu! je croyais qu'il n'en était que sept ou huit. Le *Journal des Dames* est-il venu ce matin? Et tandis qu'elle parcourt ce merveilleux oracle, Mlle Sophie range un peu le désordre de la veille et prépare la toilette du matin. A onze heures et demie, la jolie femme pose ses petits pieds sur une belle peau de tigre, et mes des bas de fil d'Écosse unis, brodés sur les coins; des pantoufles de tapisserie au petit point, blanches, à dessins de branches de corail rouge; un corset à la paresseuse, de chez Mme Zambonato, à peine serré. Mlle Sophie arrange ses cheveux, les relève derrière avec un peigne d'écaille fort bas, fait deux gros tircouchons devant, et pose sur cette simple coiffure un petit bonnet d'Angleterre, dont le fond est très élevé; la garniture avance sur les joues en ailes de papillon et n'est sur le front que de la hauteur d'un doigt; ce bonnet est orné de ruban foulard rose glacé de blanc.

Pl. No 26. Turban en mousseline Memphis.—Coiffure.—Robes de percale brodée en laine de couleurs.—Façon d'éventail en plumes.

М О Д Ы.

Ты знаешь, любезная сестра, что *Людвигъ* XVIII говаривалъ: «Чтобъ сдѣлать пирогъ съ зайцомъ, возьми зайца,» это обыкновенный способъ выраженія *Миланской поварахи* (Cuisinière bourgeoise) и *Королевскаго повара* (Cuisinier royal) всѣхъ земель свѣта. Я приостановлюсь шуть, чтобъ спросить у тебя: отгадываешь ли ты къ чему я прислушаю, и не думаешь ли чинить начала записки о большомъ объѣдѣ, вмѣсто введенія въ письмо о модахъ? Это однако цѣль моя, а все для того, чтобъ отвѣчать на послѣдній вопросъ швой: «Я хотѣла бы знать подробно обо всемъ, что надѣваетъ и дѣлаешь въ цѣлый день пригожая женщина въ Парижъ?» И такъ, любезная сестра, для эшаго, я скажу тебѣ: «Возьми пригожую женщину, когда проворная и щеголеватая горничная, притворяя окно, позволяетъ вамъ замѣнить её роскошно-распростершую на ще-

гольской кровати, съ занавѣскою изъ шелковой голубой шкани и вышитой кисеи. Красивая ея головка, погруженная въ подушку, обшиную кружевомъ, еще не появлялась на свѣтъ; сонъ оспавилъ въ чертахъ ея выраженіе коварной досады; ея маленькой, вышитый изъ Шотландскаго баписста чепчикъ, обшиный кружевами, какъ я полагаю, надѣтый немного на спороу, не покрываетъ одинъ локонъ волосъ. Протерѣвъ глаза и осмѣясь взглянуть на свѣтъ, она спрашиваетъ: кошорый часъ? «Одиннадцать часовъ, сударыня.» Боже мой! я думала не болѣе семи или восьми. Принесли ли сегодня упромъ Дамской журналъ? И между тѣмъ какъ она пробѣгаетъ эпомъ чудесный оракулъ, *Софья* прибираетъ немного вчерашній безпорядокъ и приговлавляетъ упренній нарядъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго, пригожая женщина спускаетъ свои маленькія ножки на прекрасную шигровую кожу, и надѣваетъ гладкія чулки изъ Шотландскихъ нипокъ съ вышитыми спрълками; шуды, вышитыя по канвѣ мѣлкими швомъ, по бѣлому грунту въпками красивыхъ коралловъ; корсетъ à la paresseuse, отъ г-жи *Zambonato*, едва прищипутый. *Софья* причесываетъ ей волосы, затыкаетъ сзади весьма низкой черепаховый гребень, дѣлаетъ спереди два большіе локона, и надѣваетъ на эшу простую прическу маленькой чепчикъ изъ Англійскихъ кружевовъ, съ весьма высокой кройкой; оборка спущается на щеки, въ видѣ бабочкиныхъ крылушекъ, и на дбу не выше пальца; чепчикъ ошдѣланъ розовыми фуларовыми лентами съ бѣлымъ ошливомъ. Потомъ баписсовая юбка съ осемью или десятию складками, весьма близкими одна къ другой, шириною въ пол-дюйма; вторая юбка изъ органди, обшиная узенькимъ кружевцомъ съ зубцами; сверху широкій пенуаръ, съ полными рукавами, изъ Англійской фланели свѣтло-дикаго цвѣта, подложенной розовымъ гроденапемъ, и прихваченной около шали шнуркомъ подъ цвѣтъ пенуара; воротникъ маленькой чешвероугольный съ розовой выпушкой.

(*Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.*)

Карп. No 26. Турбанъ изъ Мемфійской кисеи.—Прическа.—Платье изъ перкала, вышитая разноцвѣтною шерстью.—Фасонъ вѣра изъ перевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 74.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 14 ДНЯ 1835 ГОДА.

Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА ИЗЪ РОМАНА *НАСЛѢД-
НИЦА*, СОЧ. ПЕТРА *СУМАРОКОВА*.
М. 1835.

(Описание.)

Опъ того ли, что княгиня еще очень не-
давно была за мужемъ и слишкомъ любила
своего мужа, или можетъ быть опъ того,
что ей слишкомъ хопѣлось войти въ запер-
тую комнапу, полько она опвѣчала на это
замѣчаніе новымъ поцѣлуемъ.

Призвали человека съ инструментами. Че-
резъ нѣсколько минуць замокъ былъ оп-
пертъ, и дверь кабинета распворилась. Изъ
него пахнуло сыростью и холодомъ, какъ
изъ могилы.

«Господи, какъ давно не была я здѣсь!»
сказала ключница перекрестившись и съ ка-
кимъ-то спрахомъ входя въ эту комнапу,
которая цѣмья десять лѣтъ не согрѣвалась
дыханіемъ человѣческимъ.

Но княгиня не замѣчала ни холода, ни сы-
рости запусълага покоя. Она вскрикнула
опъ радости, увидѣвъ опкрытыя фортепіа-
но, и побѣжала ихъ пробовать.

Инструментъ былъ хорошъ, норазспроентъ,
и спруны его, привыкшія къ молчанію, какъ

будто нехотпя издали звукъ подъ рукой, ихъ
пробудившей.

— Прежняя пвоя барыня хорошо игра-
ла?—спросила она.

«Господи Боже мой, хорошо ли! всѣ гос-
пода говаривали, что они лучше ея игры
ничего не слышали. А ужъ какъ пѣла: дере-
вянный, бывало, и пошь расплачется.»

— Послѣ этого я ужъ не смю ни пѣть,
ни играть,—сказала княгиня улыбнувшись.

Изъ любопытства ли, или изъ самолюбія,
сполько раздражительнаго въ женщинахъ,
когда между ими идетъ дѣло о соперниче-
ствѣ въ чемъ бы то ни было, и съ соперни-
цей какой бы то ни было, она начала пере-
бираць ноты, лежащія на фортепіано.

— Да, это вещи въ самомъ дѣлѣ довольно
прудныя, — сказала она, закусивъ верхнюю
губку и сморщивъ лобъ, когда увидѣла кон-
церпы и симфоніи *Моцарта*, *Россини*, *Бетго-
вена*. Но для пѣнья были по большей части
пакія пьесы, при исполненіи которыхъ пре-
бовалось больше души, чѣмъ напряженій и
усилій голоса,—почпи всѣ онѣ состояли изъ
романсовъ и унылыхъ Русскихъ пѣсень.

— Ну это еще не доказываетъ большаго
искусства,—прибавила княгиня, съ видомъ го-

раздо больше довольнымъ, чѣмъ за минушу назадъ.

Отъ фортепiano и нощъ перешли къ небольшой библиотекѣ. Тамъ были нѣкоторыя творенія *Шатобриана*, г-жи *Сталь* и *Руссо*; романы *Жанлисъ*, *Монтолле*, *Августа Лафонтена*, Гётевъ *Вертеръ*, *Расинъ*, *Мольеръ*, *Жуковский*, *Карамзинъ*, *Батюшковъ*, первыя поэмы *Пушкина*. Эта поэтическая коллекція короновалась нѣсколькими созданіями *Вальтеръ-Скотта*, нѣсколькими переводами изъ *Байрона* и стихотвореніями *Ламартина* — людей, которыхъ слава, льсть за двѣнадцать назадъ, только что начала пробиваться къ намъ.

Въ кабинетѣ генерала вездѣ была замѣтна спрасть къ войнѣ и къ занятіямъ суровымъ и помозишельнымъ, — здѣсь, казалось, было убѣжище мечпы и поэзіи.

Княгиня продолжала переходить отъ предмета къ предмету, съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ обыкновенно женщина пересматриваетъ всѣ вещи другой женщины; и любопытство ея еще больше увлекалось тѣмъ, что въ этой комнатѣ все было въ такомъ положеніи, какъ будто хозяйка не выходила изъ неѣ, или только что вышла: многія книги оставались разбросаны и разложены; у окна стояли пальцы съ недошитой канвой; на диванѣ лежало начатое шитье по шюлю, подлѣ него ноженки и наперстокъ; даже иголка осталась на своемъ мѣстѣ и нитка не была изъ неѣ выдернута... Между тѣмъ, какъ князь съ удивленіемъ смотрѣлъ на признаки чуднаго отъѣзда прежнихъ владѣльцовъ, повидимому скорого и внезапнаго какъ смерть, когда она вдругъ прерываетъ дѣятельность человека, — жена его начала осматривать расположеніе самой комнаты, которая, казалось, была на краю дома.

— Куда же ведетъ эта другая дверь? — спросила она.

«На терасу, и отсюда прямо въ садъ;» отвѣчала ключница.

— Ахъ, какъ это весело! лѣтомъ я буду здѣсь жить, и эта дверь всегда у меня будетъ отворена.—Говоря эти слова, молодая дама, веселая, щаспливая, довольная, побѣжала къ дверямъ, какъ будто было уже лѣто и онѣ были уже отворены.

—Посвѣщи мнѣ сюда,—сказала она: я хочу видѣть эту часть комнаты.—

Ключница приблизилась со свѣчей, — княгиня въ изумленіи отскочила назадъ.

—Что это такое?—сказала она, показывая на полъ.

«Гдѣ?» спросилъ мужъ ея, подбѣгая къ ней... «Это кровь!» прибавилъ онъ содрогнувшись: «что это значитъ?...»

Въ самомъ дѣлѣ полъ, казалось, былъ залитъ кровью, которая крѣпко въилась въ него.

Увидѣвъ это, сама ключница вскрикнула отъ ужаса, и не имѣя силъ держать свѣчу, поспавила еѣ на ближній пабуретъ. На немъ же были кровавыя пятна.

—Боже мой, мнѣ страшно!—говорила княгиня, склонивъ голову на грудь своего мужа.—Уйдемъ отсюда....—

«Позвольте,» перебила ключница, начавшая наконецъ приходиться въ себя отъ своего страха: «позвольте, ваше сіятельство: правда, что съ самаго отъѣзда господъ, какъ ужъ я вамъ докладывала, я не входила въ эту комнату, и потому никогда не видала этихъ кровавыхъ пятенъ, которыхъ, прости Господи, вдругъ такъ испугали меня; но теперь я начинаю понимать что это значитъ, и если угодно, перескажу вамъ всё, что случилось здѣсь въ прошъ вечеръ, когда уѣхали отсюда ихъ превосходительства.»

—Постой,—сказалъ князь, сажая жену свою на диванъ: ей надобно немножко успокоиться.

Слова ключницы нѣсколько ободрили княгиню, но она все еще съ какимъ-то ужасомъ приготовлялась слушать разсказъ ея.

«Надобно вамъ доложить,» начала спаруха, обрадовавшись случаю поговорить про спарину и желая какъ можно больше распянуть это удовольствіе: «надобно вамъ доложить, что ихъ превосходительства обыкновенно прѣзжали сюда въ половинѣ лѣта и проживали здѣсь до глубокой зимы. Лѣтомъ у насъ гостей почти никогда не бывало, потому что здѣсь, въ близкомъ разстояніи, мало сосѣдства, и отъ него лѣто провожали мы тихо и смирно. За то осенью, Господи Боже мой, откуда что набиралось! наѣдетъ, бывало, полонъ дворъ колясокъ и бричекъ. Его превосходительство любилъ

псовую охоту, и пьма пьмущая его пріапелей, сосѣдей по другимъ деревнямъ, и знакомыхъ сьѣзжалась къ нему сюда, всякую осень, поправивъ его волковъ и лисиць, копорыми онъ изволилъ хвалишься. Въ это время всѣ горницы, по ту спорону залы, бывали заняты гостями, и, надобно правду сказаць, эти гости и эта охота сбивали съ ногъ весь домъ. Поднимутся гдѣ еще до свѣту, подадутъ въ рогъ голосъ, начнутъ ходиць, сѣдлаць лошадей, подаваць завтракъ; въ кладовую и въ погребъ, бывало, приходилось сьѣгать разъ десять въ упру (ключи, по милости господъ, всегда бывали у меня на рукахъ)...» Тутъ голосъ ключницы, или опъ усалоспи или можетъ быць опъ слишкомъ живаго воспоминаія о прошедшемъ, прервался на минупу.

—Но что же дальше?—сказалъ князь, начинавшій перяпъ перпѣніе опъ такихъ безконечныхъ подробностей.

«Сей часъ, ваше сіятельство,» продолжала спаруха: «я только хотѣла сказаць, что во всю осень у насъ бывала такая суматоха—и каждое упру, когда сбирались въ поле,—и каждый вечеръ, когда пріѣзжали съ поля, кромѣ только пѣхъ дней, въ которые опдыхали и охотники и лошади и собаки, и пого времени, когда уѣзжали въ опѣздъ, верспъ за двадцать, иногда на недѣлю, иногда и больше. Въ это время у насъ опяпъ спановилось тихо, и кромѣ барыниныхъ форпешьянъ, да ея голоса, ничего не было слышно въ цѣломъ домѣ...»

—Я думаю, она очень скучала, когда оппавалась одна,—замѣпила княгиня.

«Богъ знаетъ, сударыня, и шумную-то бесѣду она не очень любила. Ей какъ будто было веселѣе или просидѣть цѣлый день за книгой, или ходиць одной по саду. Только передъ самымъ опѣздомъ опсюда она о чемъ-то сильно скучала. Однажды, когда его превосходипельство былъ въ полѣ, я испугалась вспрѣпивъ барыню: такъ была она груспна и блѣдна, такъ глаза ея были красны.... Видно она знала... да правда какъ бы и знапъ.... нѣпъ, ужъ такъ, видно, сердце ей сказывало, что должно случишься чему нибудь непріятному.... Вопъ изволише ви-

дѣпъ: вскорѣ послѣ Покрова, баринъ со всей своей компаніей поѣхалъ въ опѣзжее поле. Кухню и обозъ опсправили пакже. Обозъ не маленькой, попому что съ господами, кромѣ ихъ самихъ и людей, было собакъ до спа, да лошадей что! И всѣ это надобно было прокормиць цѣлую недѣлю, по крайней мѣнѣ всѣ говорили, что господа пробудупъ въ опѣздѣ не меньше педѣли.—Ну, слава Богу, подумала я—не хочу грѣха пашпъ—слава Богу, подумала я, когда послѣдній охотникъ сьѣхалъ со двора и свелъ за собой послѣднюю свору собакъ, пеперь ноги мои опдохнупъ. Я не знала, прибавила спаруха вздохнувъ, что мнѣ пакъ скоро придется поступиць все на опдыхъ!...

«Прошелъ день; Барыня почти не выходила изъ своей комнапы. Вечеромъ въ дѣвичей оставалась только я съ моей внучкой, дѣвочкой лѣпъ двѣнадцати (держалъ около себя много прислуги барыня не любила, а горничная ея, въ топъ день, выпросилась куда-то въ гости); въ прихожей былъ поже одинъ дворецкой, да мальчикъ, попому что всѣхъ оппальныхъ людей его превосходипельство, какъ нарочно, забралъ съ собой. И вопъ, часу ужъ въ десятомъ, когда въ домъ у насъ было пакъ пусто и тихо, вдругъ здѣсь, въ этой самой комнапѣ, что-то спрашно раздалось и загремѣло.—Что это? спросила я, вскочивъ какъ безумная. «Это словно кто выпрѣлилъ,» сказала мнѣ внучка.—Господи! сохрани насъ!—промолвила я, подумавъ, что съ барыней случилось какое нибудь нещастіе, и бросилась къ ней черезъ спальню. Но дверь изъ той комнапы, черезъ которую мы прошли сюда, была заперта.—Вѣрно воры ворвались изъ саду—подумала я опяпъ, и побѣжала кругомъ къ садовому крыльцу. Дворецкой, которому пакже послышался шумъ, за мной. Прибѣгаемъ и видимъ, что съ крыльца идетъ человекъ.—Кто тутъ?—закричалъ дворецкой, схвативъ его за воротъ. «Чего ты испугался,» оппѣчалъ топъ, развѣ не видишь что свой?» Видѣпъ, правда, было мудрено, попому что на дворѣ было темно, но по голосу я узнала, что это мужъ мой, бариновъ камердинеръ, которъ по упру съ нимъ уѣхалъ.

— Господи Иисусе Христе! — сказала я, зачѣмъ ты сюда зашелъ? — «Съ бариномъ,» отвѣчалъ онъ. — Когда же баринъ пріѣхалъ? — «Сей часъ.» — Какъ же намъ послышалось, будто здѣсь кто-то выпрѣмилъ? — «Да, случилось маленькое несчастіе: его превосходительство неоспорожно спустилъ курокъ пистолепа, копорые онъ всегда беретъ съ собой на охоту, и слегка поранилъ себѣ руку — вопъ и всё путь.» Мнѣ, сама не знаю отъ чего, стало спрашно. — Ахъ Мать Пресвятая Богородица, сказала я, да какъ же его, превосходительство прокрался такъ тихо, и куда-жъ ты идешь теперь? ... «Послѣ узнаете,» отвѣчалъ мужъ мой сердито: «а теперь мнѣ некогда полковать съ вами. Вы знаете, что баринъ не очень любитъ, когда паскаются по саду, особливо ночью; уберите-ка вы отсюда, да смотрите не болтайте и пого, что отъ меня слышали, а не по, доспанелся и вамъ и мнѣ.» Дворецкой пошелъ не говоря ни слова; я за нимъ. Ноги у меня подгибались отъ страха. — Что намъ дѣлать? говорила я. — «Молчать,» сказалъ онъ: «вѣдь ты знаешь, что мужъ твой готовъ положить голову за барина, и что онъ не будетъ врагъ пустяковъ.» — Знаю. — «Ну такъ чего-жъ намъ бояться?» — И въ самомъ дѣлѣ сказала я, — и пошла опять въ дѣвичью.

«Въ домѣ всё спихло по прежнему. Ни баринъ, ни барыня никого къ себѣ не кликали. Мы съ дворецкимъ не говорили ни слова, и ждали что будетъ. Наконецъ, черезъ часъ мѣсто, пріѣхала баринова коляска, въ которой онъ отправился упромъ, и въ ней мой мужъ. Онъ прошелъ прямо къ господамъ и получилъ приказаніе въ ту же минуту собираться въ дорогу. Пока онъ укладывалъ чемоданъ, я опять начала его спрашивать, зачѣмъ его превосходительство возвратился въ такую пору, и куда посылалъ его. — «Вопъ видишь ли, сказалъ онъ мнѣ: во первыхъ, его превосходительство завязалъ отсюда въ городъ и получилъ тамъ какія-то бумаги, копорыя заставили его вдругъ воровиться; а во вторыхъ, когда мы подъѣзжали сюда, такъ наѣхали, возлѣ самой дороги, человека, всего въ крови и чуть живаго. Вопъ баринъ и оставилъ при немъ кучера съ ко-

ляской, а самъ со мной почти бѣгомъ черезъ садъ. Попомъ онъ пожаловалъ мнѣ припочки, приказалъ, на скорую руку, перевязать раненаго господина, и отвесить его домой, попому что онъ, какъ мы узнали, живеть, вопъ здѣсь, версты за четыре отсюда.» — Между тѣмъ, какъ мужъ мой рассказывалъ мнѣ все это, лошади были готовы. Господа взяли съ собой только самое нужное; изъ людей только дворецкого, да барыню горничную, которая возвратилась ужъ послѣ случившейся у насъ суматохи, да моего мужа. — Вопъ тебѣ ключъ отъ баринова кабинета, сказалъ онъ прощаль со мной: не равно что понадобится, пакъ ты тогда съидешь и приидешь. — «А отъ барыни?» спросила я. — Тотъ у господъ, шуда тебѣ ходить не зачѣмъ. — Тупъ господа съиди въ карету, онъ съ горничной въ коляску; меня оставили, на время, присмотрѣть за домомъ, но съ тѣхъ поръ никто изъ нихъ сюда не возвращаея.»

Спаруха глубоко вздохнула и оперла слезы, наверхушися на пуслыхъ, покраснѣвшихъ глазахъ ея.

— И только? — спросили слушатели, вниманіе копорыхъ къ концу разсказа поспешно усиливалось.

«Только, ваше сіятельство; больше я ничего не могу доложить вамъ, кромѣ развѣ пого, что когда ихъ превосходительства сажали въ карету, барыня была словно мертвая. Послѣ, какъ ужъ я докладывала вамъ, я никого изъ нихъ не видала, даже моего мужа, который вскорѣ отправился съ генераломъ за границу, и тамъ положилъ свою голову.»

Спаруху продолжали спрашивать, но она, или въ самомъ дѣлѣ не зная ничего больше, или можетъ быть, по какимъ нибудь причинамъ, не желая рассказывать всего, что было извѣстно ей, — ни сколько не могла удовлетворить любопытству спрашивающихъ. Въ дополненіе отъ неѣ узнали только, что къ господамъ своимъ генералъ отправилъ письмо, копорымъ уведомилъ ихъ о своемъ внезапномъ отъѣздѣ, по случаю очень важныхъ и совсѣмъ печально впрѣпившихся дѣлъ; что окровавленный, полу-

мертвый челоѣкъ, о которомъ разсказывалъ мужъ ея, былъ, какъ послѣ носились слухи, раненъ на охотѣ черешьями ружья, разорваннаго въ рукахъ у него; что всю услугу, находившуюся при генералѣ, вскорѣ послѣ опѣзда его, или раскасировали по другимъ деревнямъ, или разослали на волю. Ключница замѣтила мимоходомъ, что и ей давно дана свобода, но что по старости лѣтъ и по привычкѣ къ своей должности, она сама до сихъ поръ не хотѣла оставить домъ, вверенный ей попеченіямъ. Наконецъ, какъ бы желая разомъ отклонить отъ себя всѣ дальнѣйшіе вопросы, старая домоправительница прибавила, что если ихъ сіяпельствамъ угодно, то они очень близко и очень легко могутъ найти челоѣка, который знаетъ господъ ея, распорядился, въ послѣдствіи, нѣкоторыми дѣлами ихъ, и поэтому вѣроятно можетъ разсказать всю ихъ исторію гораздо яснѣе и подробнѣе.

Княгиня вскрикнула отъ радости, услышавъ объ этомъ челоѣкѣ. Князь рѣшился не дальше какъ на другой же день искать знакомства его.

Князь *М.*... (одинъ изъ безчисленнаго множества князей, знакомыхъ мнѣ) никогда прежде не былъ въ этомъ имѣніи. Онъ купилъ его заочно, черезъ посредничество одного своего пріятеля, и купилъ во первыхъ отъ того, что оно было близко къ нѣкоторымъ другимъ его деревнямъ, а во вторыхъ и потому еще, что оно продавалось очень дешево. Боясь упустить выгодную покупку, князь счелъ за лишнее терять время на личный осмотръ имѣнія, и во всемъ положился на слова своего пріятеля, и на опись, ему представленную. Онъ зналъ только, что прежній владѣлецъ этого имѣнія жилъ въ чужихъ краяхъ, что онъ тамъ кончилъ жизнь, и что имѣніе продавалось послѣ его смерти. Все это до пріѣзда князя въ новую усадьбу его, казалось ему очень обыкновеннымъ и естественнымъ, потому что шупъ и въ самомъ дѣлѣ не было ничего необыкновеннаго. Но теперь, послѣ всего имъ видѣннаго и слышаннаго, ему было любопытно узнать, какая чудная судьба выгнала прежнихъ владѣльцовъ изъ ихъ жилища въ

пакую минушу, когда они, повидимому, во все не располагались оставить его?... Правда, какъ челоѣкъ нынѣшняго вѣка, и челоѣкъ чуждый всякаго суевѣрія, онъ мало беспокоился тѣмъ, что случилось съ другими за десять лѣтъ назадъ; но по крайней мѣрѣ испуганіе въ эпосѣ, вдругъ покинутый домъ, заинтересовало его, какъ довольно занимательное испуганіе въ какой нибудь романѣ, первую главу котораго составлялъ простой, но нѣсколько темный и полуинстинктивный разсказъ старой домоправительницы.

Княгиня еще неперпѣливѣ желала узнать завязку и развязку этого романа, потому что гдѣ есть хопя что нибудь похожее на пайну и гдѣ есть женщина; тамъ ужъ вѣрно есть и любопытство въ самой сильной степени. Цѣлую ночь мечталась ей по кровъ, по израненный челоѣкъ, по блѣдная, полумертвая генеральша, которую сажаютъ въ карету. Каждый порывъ вѣпра казался ей выспрѣломъ...

Прим. Издатель. Желающіе знать содержаніе интереснаго и прекраснаго слога написаннаго романа *Наслѣдница*, пускай прочтутъ его сами. Онъ недорогъ, и съ пересылкою только 12 руб. гос. ассигнаціями. Мы же ручаемся, что деньги ихъ не будутъ потеряны—и они скажутъ спасибо г. автору *П. Суларову*.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ ПО ЧАСТИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Продолженіе.)

Теперь перейдемъ къ другому обширнѣйшему отдѣлу Изящной Словесности, къ сочиненіямъ, написаннымъ прозою. Важнѣйшую и значительнѣйшую часть ихъ составляютъ оригинальныя повѣсти, разсказы, отрывки изъ романовъ, описанія и прочія беллетристическія спавы, вышедшія изъ-подъ пера Русскаго, написанныя подъ вдохновеніемъ опечесственной природы и опечесственныхъ нравовъ.

Наиболѣе богаты были Библіотека для чтенія, Сынъ Опечества и Свѣ. Пчела; всего менѣе оригинальныхъ произведеній Изящной Словесности въ прозѣ встрѣчали мы въ Заволжскомъ Муравѣ, въ замѣнъ того изоби-

ловавшемъ, какъ мы уже сказали, спихопвореніями, и сверхъ того спашьями историческими и спашиспическими, преимущественно въ отношеніи къ Заволжскому краю. Касательно общаго характера нашей Изыщной Словесности, она осталась вѣрною пому направленію, какое замѣчено было въ обзорѣ Русскихъ журналовъ за 1-ю половину 1834 года (см. Журн. Мин. Нар. Пров. Октябрь, стр. 143). Между повѣстями и разсказами много найдется такихъ, кои займутъ читателя, увлекутъ его, доставяютъ ему нѣсколько часовъ пріятнаго удовольствія, но мало такихъ, которыя въ сильныхъ и вѣрныхъ очеркахъ представили бы намъ внушительную жизнь человека, или изобразили бы наше общество съ его мнѣніями и причудами, и это изображеніе обставили бы характерами смѣлыми, рѣзкими, но впрочемъ поэтически вѣрными нашему быту и нашимъ нравамъ. Такихъ мы встрѣтили два: *Княжна-Мили* и *Очерки Кавказа* (Библи. для чт. Т. VII, кн. 1). Первая, сочиненіе извѣстнаго Отечественнаго Публика писателя, скрывающагося подъ именемъ *Безгласнаго*, относится къ послѣднему роду, т. е. имѣетъ предметомъ нарисовать картину общества и превосходно достигаетъ своей цѣли. Это произведеніе глубокое, написанное съ отличными знаніемъ свѣта, съ умѣньемъ анапомировать его. Оно изображаетъ намъ дѣвушку высшаго круга, которая, на закатѣ юности, тщетно ищетъ владычества въ свѣтѣ. Не будучи въ состояніи пріобрѣсти его ни красотою, ни талантами, она употребляетъ къ тому злословіе и сплетни, и разрушая счастье семействъ, на ихъ бѣдствіяхъ думаетъ основать свое вліяніе, или по крайней мѣрѣ опомспитъ за жаднокровіе къ ней свѣта. Эта тема развита художнически: всѣ характеры въ ней оригинальны, вѣрны своему предназначенію, дѣйствіе занимательно, разсказъ живъ, прекрасенъ — это языкъ лучшаго общества, языкъ, какимъ оно будетъ говорить, если захочетъ оставить употребляемые имъ иностранные языки. Какъ панорама разнообразныхъ по высокимъ и сильнымъ, по нѣжныхъ и прогальныхъ чувствованій, какъ поэзія души — замѣчательны очерки Кавказа,

соч. Г. *Марлинскаго* (Б. для чт. Т. VI). Авторъ проводитъ читателя по необозримой цѣпи горъ, сходитъ съ нимъ въ бездонныя пропасти, спитъ на скалѣ надъ бездною и указываетъ на обширную, грозную равнину волнъ морскихъ. Къ этому же роду должно отнести *Воспоминанія о Сири*, Осипа *Морозова* (псевдонимъ) (Т. V, кн. 1 и 2), двѣ спашья, собственно не имѣющія опредѣленнаго предмета: это журналъ впечатлительный, произведенныхъ на душу автора величественною природою Сири, которая обрисована имъ въ легкихъ, рѣзкихъ и краснорѣчивыхъ очеркахъ съ своимъ священнымъ Ливаномъ, съ своимъ исполинскимъ прозябѣніемъ, свѣтлозарнымъ небомъ и полуживотнымъ человекомъ. Простота и естественность разсказа, проникнутаго какимъ-то грустными чувствомъ, ручается, что эти воспоминанія — не вымыселъ (Библи. Т. VII, кн. 2).

Съ нѣкотораго времени у насъ гораздо менѣе начало появляться историческихъ романовъ и повѣстей; вкусъ къ нимъ, какъ кажется, проходитъ и мѣсто ихъ закупаютъ романы и повѣсти изъ жизни современной, картины нынѣшняго общества, нынѣшнихъ нравовъ. Во второе полугодіе 1834 года въ нашихъ журналахъ явилась одна только оригинальная историческая повѣсть: *Послѣдній Консулъ въ Кафѣ*, Г-на *Шидловскаго* (Библи. для чт. Т. V, кн. 1 и 2). Это живая, одушевленная, поэтическая картина послѣднихъ дней бытія Кафы, нѣкогда цвѣтущей, богатой и сильной Генуэзской колоніи. Частное происшествіе, умно и искусно связанное съ ходомъ историческихъ событій, очеркнуто, по словамъ автора, изъ разсказовъ какого-то стараго Тапарина въ Феодосіи. Но если оно и вымышлено, то авторъ умѣлъ придать ему такую естественность, такую свѣжесть красокъ, и такъ неразрывно сочетать его съ исторіею, что никто не спанетъ пребывать у него доказательствъ въ достоверности. Къ этому надобно прибавить прекрасный чистый слогъ, восходящій въ иныхъ сценахъ до высокой живописи. — Изъ историческихъ разсказовъ первое мѣсто должны занять *Пушкина—Курджали* (Библи. для чт. Т. VII, кн. 2) и *Срезневскаго—Выгов-*

ский и *Пушкаръ* (Сынъ Оп. No 47). Кирджали—слово Турецкое, означаетъ удалца, наездника. Такъ назывался одинъ Болгаръ, во время возмущенія Грековъ нанесшій много бѣдъ Туркамъ, прошивъ коихъ онъ дѣйствовалъ съ особенною собранною имъ шайкою. Г. *Пушкинъ* масперски изобразилъ порпирепъ эпого дикаго аплепа, коему непримиримая его ненависть къ Туркамъ придаетъ какой-то дикій и вмѣспѣ съ тѣмъ высокій характеръ. Г. *Срезневскій*, разсказывалъ черпты изъ жизни двухъ знаменитыхъ въ Малороссійской Исторіи людей—*Выговскаго* и *Пушкаря*, живою кистію изображаетъ картину Малороссіи по смерпи *Хмельницкаго*. Коварство измѣнника—*Гетмана Выговскаго* и благородная любовь къ родинѣ и къ справедливости проптивника его—*Пушкаря*, оплиты въ смѣлыя, рельефныя формы. Желательнo, чпобъ г. *Срезневскій* чаще дарилъ наши журналы паками историко-литературными эскизами.

Изъ повѣстей и разсказовъ, число Русскихъ народныхъ, замѣшимъ: *Сказку о ворѣ и бурой коровѣ* (Биб. для чп. Т. V, 2 отд. 1 кн.), извѣснаго въ литературѣ нашей казака *Луганскаго* (псевдонимъ). Основанія ея—простонародный разсказъ, давно уже ходившій въ лубочной печати, о ворѣ, копорый свель у мужика корову и обманомъ заставилъ его же продать её, а деньги получилъ самъ. Но у оспроумнаго *Луганскаго* главное—не содержаніе, а богатство Русскихъ простонародныхъ поговорокъ, пословицъ, изрѣченій, при сказокъ, оспропъ, копорыми онъ такъ щедро обсыпаетъ свои повѣсти. Это имѣетъ свою хорошую и весьма полезную спорону: именно: наши простонародныя поговорки—сокровищница Русскаго ума, Русскаго сердца и даже Русской исторіи—имѣютъ ходъ полько въ самыхъ нижнихъ, самыхъ темныхъ и слѣдовательно самыхъ оригинальныхъ рядахъ общесства, ибо полько тамъ Русь живетъ своею, почпи первообразною жизнію, копорую, къ спыду нашему, мы знаемъ такъ мало. Народные афоризмы супъ зеркало эпого быта, и сверхъ того носятъ на себѣ драгоцѣнный пипъ Русскаго ума. Собрапъ ихъ въ видѣ какого нибудь словаря—спрудъ неоспоримо важный, но важный

полько для ученаго; свеспи же ихъ въ какую нибудь пеструю, забавную сказку (на что непремѣнно нуженъ паланпъ, подобный паланпу *Луганскаго*)—значитъ сдѣлать ихъ доступными всякому, читающему легкую прозу, и съ пѣмъ вмѣспѣ содѣйствовать распроспраненію знакомства съ Русскимъ народнымъ умомъ и духомъ. Чпо касается до системапического ученаго ихъ собранія, то благодаря спудамъ профессора Москов. Унив. г-на *Снегирева*, мы пеперь имѣемъ оное. Г. *Снегиревъ* собралъ и издалъ значительное ихъ число, сравнивая ихъ съ пословицами различныхъ народовъ и объяснивъ исторически значеніе и происхождение многихъ изъ нашихъ поговорокъ. Г. *Снегиревъ* помѣспилъ также опривокъ изъ сего спуда и въ Биб. для чпн. (Томъ VI), подъ заглавіемъ: *Мѣстныя пословицы Русскаго міра*.

Къ народно-Русскимъ спаяпьямъ оспноспся также прекрасная спаяпка Русскаго Инвалида: *Последняя дань досугу* (Сѣвер. Пчела No 209—211), гдѣ авторъ пересказываетъ намъ подслушанный имъ въ деревнѣ разговоръ споль живо, споль увлекательно, чпо, кажется, дѣйствительно слушаешь нашихъ добрыхъ мужичковъ, полкующихъ о политическихъ дѣлахъ Россіи во время бывшихъ войнъ съ Турками. Изъ повѣстей нравспвенныхъ, нравоописательныхъ и повѣстей имѣющихъ цѣлію простой занимательный разсказъ, укажемъ на *Сельцо Дятлово*, повѣспъ г. *Ушакова* (Биб. для чп. Т. IV, кн. 2), написанную, какъ кажется, съ нравспвенною цѣлію. Авторъ разсказываетъ жизнь молодого человека, неполучившаго прочнаго воспитанія въ юности и вспутившаго на жипейское поприще безъ всякой посполной цѣли. Не имѣя руководителя никакого нравспвеннаго чувства, онъ предался первымъ обольспительнымъ впечатлѣніямъ, погубилъ почпи всю жизнь свою въ развратѣ, въ какомъ-то нравспвенномъ застоѣ и наконецъ осужденъ подъ спароспъ на самую нещасную учаспъ въ своемъ семействѣ. Цѣпъ этой жизни связана такъ натурально, чпо созданіе повѣспи повидимому не сполько принадлежитъ пворческой фантазіи автора, сколько самой дѣйствительности. Нѣсколько

оригинальныхъ портретовъ, вѣрное изображеніе провинціального быта, нѣсколько сценъ, согрѣтыхъ искрою чувства и чистый, правильный языкъ супъ главнаго достоинства эпои повѣсти. *Можетъ ли это быть* (Биб. для чп. Т. IV, 2 отд. 1), рассказъ, въ которомъ выславлена въ образецъ добродѣтельная женщина, силою собственной воли удерживаемая на скользкомъ пути порока. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе, нѣсколько свѣплыхъ замѣчаній о Русскихъ нравахъ, нѣсколько вѣрныхъ очерковъ лицъ, какъ-бы взятыхъ изъ самаго общества. *Пещера за кладбищемъ* (Биб. для чп. Т. V, 1, отд. 1), Дагестанское событіе, отличающееся занимательностію содержанія. Въ дѣйствіи проглядываетъ нѣсколько яркихъ, оригинальныхъ чертъ Воспощнаго характера. *Отсталое, будущая пость* г. *Грега* (Биб. для чп. Т. VI, отд. 1), оригинальна и занимательна. Авторъ переноситъ дѣйствіе повѣсти въ 1874 годъ и помѣщаетъ своихъ героев на Кавказѣ. Спарикъ — самое любезное и пріятное лицо — рассказываетъ о событіяхъ своей молодости, говоритъ о наспоющихся годахъ, какъ о времени давно минувшемъ. Здѣсь много остроумныхъ и свѣплыхъ мыслей о современныхъ намъ нравахъ, обычаяхъ и жизни — все это рассказано чистымъ и пріятнымъ языкомъ. Къ числу повѣстей въ Биб. для чпенія должно также опнести *Предубѣжденіе*, сочин. барона *Брамбеуса*: завязка ея занимательна, хопя и невѣроятна.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

Въ Но 73-мъ, помѣщенный логотифъ значить: *Orange*, въ комъ заключается: *rage, orge, or* и *âge*.

M O D E S.

Ensuite vient un jupon de batiste ayant au bas huit ou dix remplis, très rapprochés les uns des autres, hauts d'un demipouce; un second jupon d'organdi garni d'une petite dentelle à dents; puis un peignoir bien large, aux manches amples, en flanelle anglaise gris clair, doublé de gros de Naples rose, serré à la

taille avec une cordelière pareille au peignoir: ce peignoir a un petit collet carré bordé d'un liseré rose. J'oubliais le petit *fichu-chemisette* en batiste brodée, serré au cou par un poignet audessus duquel est placée une cravate de pou de soie noire, brodée à la main en gros pois de soie plate rase. (C'est ordinairement de l'ouvrage de la jolie femme que ce petit fichu). Des demi-gants de liles noir viennent compléter ce négligé. Cette toilette achevée, M^{le} *Sophie* sonne, et on apporte le déjeuner sur un plateau de laque avec de la porcelaine de Chine. Ce déjeuner se compose de café, thé ou chocolat, du beurre frais et tout au plus un oeuf à la époque. Pendant ce repas, on cherche dans un journal s'il n'y a pas quelque deuil de cour ou quelque émeute qui mette entrave aux projets de la journée; les bonnes amènent les enfans; on lit les lettres arrivées le matin; on note sur un petit carnet de nacre ce qu'on a à faire, occupations où je laisserai pour aujourd'hui ma jolie femme, en vous promettant de vous rendre compte, dans ma prochaine lettre, de la *suite desa vie d'un jour*.

Adieu, chère bonne. Aimez moi comme je vous aime.—*Sarah*,

М О Д Ы.

Я позабыла баписповую, вышивую шемизешку, съ обшивкою около шеи, свержъ которой надѣтъ галшучекъ изъ чернаго *pou de soie*, вышиваго на рукахъ крупнымъ горошкомъ несученымъ розовымъ шелкомъ. (Эта косыночка обыкновенно рабопія пригожей женщины). Черныя флелейныя полу-перчатки довершаютъ это неглиже. Окончивъ эпои нарядъ, *Собья* звонитъ, и приносятъ завтракъ на лаковомъ поднось въ Кипайскомъ фарфорѣ. Завтракъ состоитъ изъ кофе, чаю или шоколаду, свѣжаго масла и развѣ яйца въ смятку. Въ продолженіи его ищутъ въ журналѣ нѣтъ ли какого придворнаго шраура или возмущенія, которыхъ могли бы помѣшать расположенію дня; няни приводятъ дѣшей; читаютъ письма, полученныя упромъ; замѣчаютъ на маленькомъ перламутровомъ *carnet* что надо дѣлать, заняпія, за которыми я оставлю на сегоднешній разъ мою пригожую женщину, общая дасть тебѣ опчетъ въ слѣдующемъ письмѣ *продолженію дневной ея жизни*.

Прощай, моя милая. Люби меня какъ я тебя люблю.—*Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ,
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 75.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, къ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 18 ДНЯ 1855 ГОДА.

Клишь былъ плохой поэтъ,
Теперь сталъ крипикъ рѣдкой.
Тутъ впрочемъ дива нѣтъ:
Изъ сквернаго вина выходитъ уксусъ ѣдкой.

А. Измайловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АХЪ, КАКЪ СКУЧНА СЕНТЯБРСКАЯ КНИЖ-
КА БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

— Ахъ, какой безопвязной, эпопѣй господинъ *Тиллофъ* съ своими воронами и Упрехпскими происшествіями (1)! — вскричала одна осьмнадцатилѣтняя дѣвица мнѣ на встрѣчу, когда я входилъ въ ихъ гостиную.

«Въ предложеніи (2) г. *Катенина* еще болѣе пошлости, чѣмъ въ стихотвореніяхъ его молодости, стихи его спали еще шероховатѣе!» шепнулъ мнѣ одинъ молодой поэтъ съ чуднымъ, высокимъ талантомъ, хопя ни одной его пьесы въ Б. для Чт. не было напечатано. Какою черною тучей (3) заспилаешь смыслъ г. *Ершовъ* въ нынѣшнемъ своемъ пѣщическомъ произведеніи. *Сухановъ* никогда не показывалъ лучезарнаго дара, а перешній его алмазъ (4) очень тусклъ. Я давно уже замѣчаю,» прибавилъ онъ: «что воо-

браженіе нашего слѣща-поэта (5) холодѣеть; онъ что называется—*выписался*.»

— «Какъ тошно держать въ рукахъ пошлую книгу, и не найши въ ней ни одной повѣсти, ни одной сказочки, ни одного разсказа!» — жаловалась мнѣ двадцатичетырехлѣтняя хозяйка. — «Почему бы не напечатать повѣсти *Пушкина*, *Погорьльскаго*, *Загоскина*, *Павлова*, *Владиславлева*, *Сумарокова*? Право, я обрадовалась бы даже быдямъ В. А. *Ушакова* (6), даже милымъ небылицамъ въ лицахъ А. П. *Степанова* (7), даже уѣздной казначейшѣ, *Шидловскаго*.» —

— Въ нынѣшнемъ году, помнился мнѣ, что ни князь *Одоевскій* не заспавилъ насъ придуматься надъ своими краснорѣчивыми, съ самаго dna человѣческаго сердца почерпну-

же, спр. ша же. (5) Упоминательная, безцвѣтная элегія почтеннѣйшаго И. И. *Козлова*, памъ же, спр. 19-ая. (6) Нѣсколько грязнымъ; но возможно ли опрятно разсказывать про шакихъ замарашекъ, какъ *Пиоша* и *Вислаша*? (7) Не совсѣмъ благопрістойнымъ. Наши журналисты провѣдали эпига писателя Русскимъ *Поль-де-Коккомъ*: не знаю, похваля ли эпо для 50-лѣтняго опща семейства? Я бы эпимъ прозвищемъ обидѣлся. — К.

(1) Сентябрь Библиотеки для Чтенія, спр. 5 и 53. (2) Тамъ же, спр. 15. (3) Тамъ же, спр. 17. (4) Тамъ

тыми испоріями и припчами, ни *Гогель-Яновскій* не распотѣшилъ своими Лафоншенновскими, просподушными и вмѣстѣ оспрумными сказками, своими яркими карпинами Малороссіи; ни казакъ *Луганскій* не околдовалъ Русскими народными присказками. Спранно! Куда-жъ дѣвались прошлогодніе семдесятъ толковниковъ? Опъ чего не помѣспитъ бы два или три военныхъ разсказа полковника *Карлгофа*? Опъ такъ хорошо разсказываетъ;—съ досадою замѣспилъ спарый, израненный генераль, хозлѣикинъ дяди: да и самъ баронъ *Брамбеусъ*, какъ будто бы сговорился съ другими прогивъ этаго опличнаго періодическаго изданія: печатаемъ поученія, проповѣдуемъ какія-то прѣвила нравственности и обращенія, какъ новый *Сенека*, какъ новый *Ларошефукко*. А опъ намъ и въ школахъ надобли. Нѣспъ опіума усыпительнѣ спамей—*Мысли и прѣвила*; опъ наводятъ на насъ головокруженіе.... Ужъ лучше бы опъ помѣщаль въ Библіотекъ для Чтенія фаншаспическія свои пупешествія съ прыщами, чирьями, жареными щенками,—или такаія повѣспи, какъ *женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ, исполненная, какъ самъ авторъ признается, философіи и упитанная крѣпкими духомъ спверныхъ нашихъ переднихъ....* Тупъ дамы зажали носы, взвизнули — и разбѣжались.

Ахъ, какъ скучна Септябрская книжка Библіотеки для Чтенія съ своими полиписческими Карлистами и Филипписпами, съ своимъ напыщеннымъ Флавианомъ, съ подгрѣспымъ пупешествіемъ въ Англію и косымъ взглядомъ на Германскую словесность, копорая пришла въ не подъ силу Туркъ *Тютондэю-Оглу*.

А. Кораблинскій.

4-го Септября
1835.
Село Рыбацкое.

БЛИЗКАЯ КВАРТИРА.

Одного пьяницу подняли добрые люди на пропуарѣ Гороховой улицы, и хопѣли опвеспи домой. — Гдѣ ны живешь? — спросили опъ у пьянаго. «Недалеко .... въ Нижнемъ-Новгородѣ!»

СЛОВЕСНОСТЬ.

У Б Ъ Ж И Щ Е.

Происшествіе, случившееся въ Швейцаріи.

Вопъ случай, копорымъ съ радостію воспользовались бы, для карпинъ своихъ, наши писатели-живописцы; эпа вторая язва нынѣшняго вѣка, послѣ липературныхъ живописныхъ кражъ. Съ какимъ жаромъ прицялись бы опъ на нашемъ мѣспѣ за описаніе прекрасной Гельвеціи, съ величественными горами ея, алмазными водопадами, мирными паспушыми хижинами, словомъ, со всею роскошью, копорую одарена щасптливая спрана сія, гдѣ ципры пѣвцовъ обрабатываютъ богатыя нивы ея вмѣсто природы и плуга земледѣльца. — Но мы не думая на эптопъ разъ о красивыхъ ландшафтахъ, ограничимся простымъ повѣспиваніемъ испиннаго происшествія, случившагося въ окрестностяхъ Цириха въ 1824 году.

Нетли, прекраснѣйшая дѣвушка въ Цирихскомъ Кантонѣ, вышла въ самомъ первомъ цѣспѣ лѣспѣ своихъ за молодато земледѣльца изъ сосѣдней деревни. — Любя другъ друга спраспно, опъ со всѣмъ легкомысліемъ молодости и любви, песпѣшили бракомъ своимъ, не хопя дождапья времени, въ копорое, выслуживъ урочные годы, молодой поселнинъ возвратился бы на родину совершенно свободнымъ, чпобы наслаждапья щаспсіемъ семейной жизни, не спрашась разлуки. — Первые годы пропекли для спхъ младенцовъ супруговъ въ помъ непрерывномъ блаженствѣ, копорое всегда бываетъ удѣломъ двухъ любящихся сердець, до пѣхъ поръ, пока заботы буднишной жизни и расчепы корысплюбія не помрачатъ его. — Скоро родилась у опхъ дочь, прекрасная какъ мапъ ея, и взаимная любовь опхъ, казалось, спала опъ того еще пламеннѣе. Рожденіе маленькой *Нетли* праздновали опъ съ пакимымъ же поржеспвомъ, какъ и день помолвки своей; и всѣ радовалось и веселилось въ домѣ опхъ, какъ вдругъ ударилъ спрашный часъ печали. — Жребій на сей разъ палъ на *Гель*

дера; надлежало иппи разстаться съ милою женою, съ милымъ ребенкомъ, и бѣдная *Нетли*, заливаясь слезами, проводила друга своего. Черезъ годъ *Гельдеръ*, выпрося опускъ, прожилъ нѣсколько мѣсяцовъ дома, и по возвращеніи своемъ въ полкъ, получилъ отъ *Нетли* письмо, въ коемъ она увѣдомляла его о рожденіи второй дочери.

Въ восторгѣ радости цѣловалъ *Гельдеръ* это милое письмо, наполненное жалобами на горькую разлуку, и желаніями скорого соединенія. *Нетли*, съ увлекающимъ краснорѣчіемъ сердца, выражала любовь свою къ милому, — любовь безкорыстную, пламенную; — неизмѣнную на землѣ, — вѣчную даже за гробомъ. — Если убьютъ тебя, писала она, по вѣрная *Нетли* твоя не переживетъ эпаго — и умретъ вмѣстѣ съ обѣими дѣтьми нашими.

Читая нѣжныя спроки сіи, *Гельдеръ* упопалъ въ слезахъ; но слезы его были радостны и происходили отъ сердечнаго умиленія. Онъ ращитывалъ, сколько времени оспалось ему прослужить еще во Франціи, и съ восторгомъ видѣлъ, что скоро наступитъ минута, въ которую онъ обниметъ милыхъ сердцу, чпобы никогда уже съ ними не разставаться.

Вдругъ открылась Испанская война, и *Гельдеръ* долженъ былъ выступить въ походъ съ полкомъ своимъ; онъ находился въ молодой арміи герцога *Ангулемскаго*, которая презирая опасности, вездѣ опличалась успѣхами, хотя незначительными въ слѣдствіяхъ, но достойными славы, по истинному героиспу юныхъ воиновъ, кои въ неустрашимости не уступали старой гвардіи *Наполеона*. Корпусъ, гдѣ служилъ *Гельдеръ*, всегда шель первый въ огонь, и мы, не имѣя никакой причины бранить и ненавидѣть Швейцарцевъ, должны сказать, что они дрались ни мало не хуже другихъ Европейскихъ солдатъ, изъ коихъ каждая нація дрославляетъ храбрость сыновъ своихъ въ народныхъ пѣняхъ и пословицахъ... Наконецъ, война эпа кончилась съ честью для Франціи и ея союзниковъ, и попомъ, какъ водился, розданы кресты и награды за отличіе, пыты благодарственныя молебствія, панихиды по убиен-

нымъ, и нѣкоторые изъ рядовыхъ произведены въ офицеры, на мѣста падшихъ въ сраженіяхъ. — *Гельдеръ* вспунилъ въ службу простымъ солдапомъ.

Но кто опишетъ положеніе бѣдной *Нетли*, — ея спрахъ, поску, и безпреспанное замيرانіе сердца, во все продолженіе кампаніи? Цѣлые дни прислушивалась она къ народнымъ полкамъ, и вывѣдывала отъ разкащиковъ новосней, не было ли курьеровъ изъ арміи. — Боясь, чпобы отъ неѣ чего нибудь не скрывали, и между тѣмъ, препенца узнашь какую нибудь ужасную вѣсть, опа дрожа и блѣднѣя приспавала ко всемъ съ вопросами, на кои иные отвѣчали двусмысленно, боясь какъ нибудь проговориться и навестъ на неѣ подозрѣніе; другіе отговаривались не знаніемъ, и не отвѣчали ничего. Такимъ образомъ *Нетли* изнывала душою, и во время сей мучительной неизвѣстности, — любила друга своего, болѣе еще, нежели когда нибудь. — Каждая минута, измѣренная жестокими спраданіями, утверждала еѣ въ намѣреніи лишитъ себя жизни съ дѣтьми своими, если придетъ вѣсть о смерти *Гельдера*.

Наконецъ, разнесся радостный слухъ о возвращеніи полковъ въ опечество, и объ окончательномъ заключеніи мира. О, какъ вздрогнула душа *Нетли* при семъ упѣшительномъ извѣстіи! — Каждое утро вспавала она до свѣту, чпобы иппи на высокой холмѣ, оспенный огромнымъ вѣтвистымъ деревомъ, и тамъ смотрѣла вдаль на большую дорогу, по коей должны были проходить полки. Въ низу, за холмомъ, извивался небольшой ручеекъ, который въ жаркое лѣтнее время едва журчалъ межъ камней и высокой травы, почти его закрывавшей; по осенью, когда наспавали дожди и бури, тихій ручеекъ вдругъ дѣлался быспрымъ потокомъ, и воды его, поднимаясь наравнѣ съ холмомъ, грозили гибелью окреснымъ селеніямъ, и неминуемою смертію тому, кто бы опважился переплыть ихъ.

Однимъ прекраснымъ утромъ *Нетли* сидѣла подъ тѣнью дуба и смотрѣла неподвижными глазами на излучистую дорогу, которая примыкала къ самой подошвѣ холма.

Время мучительнаго ожиданія протекло для неё въ разговорахъ съ милыми дѣтьми, но сердце её сжималось.— Небо, казалось, было ясно,— листья не шевелились, и собака, вѣрный товарищъ ея, покойно спала на правѣхъ возлѣ неё, не предвидя наступающей бури.

Вдругъ завылъ вѣтеръ, набѣжали тучи и рѣкки дождя полились на землю.— Зная опасность, *Нетли* побоялась сойти съ холма, и, прижавъ къ себѣ дѣтей, укрылась подъ густыя вѣтви дерева, какъ подъ обширный зонтикъ. Скоро однако гроза прошла, показалось солнце,— природа оживилась, птички запѣли, и нигдѣ не осталось слѣдовъ недавней бури;— только скромный ручей—превращаясь въ грозный потокъ, отъ спока дождевыхъ водъ съ окружающихъ горъ и ущельевъ, съ ужаснымъ ревомъ спремился по долинамъ.

Нетли взглянула на эту страшную картину, и попомъ глаза ея успремились опять на дорогу.

Вдругъ вдали показалось войско;— офицеры шли впереди, безъ всякаго порядка, и весело разговаривали другъ съ другомъ;— за ними подвигался полкъ съ шумомъ и пѣснями: *Нетли* вскочила, сбѣжала съ холма на дорогу, пробѣжала мимо офицеровъ, не взглянувъ ни на одного, спряталась за кустъ и прилежно разсматривала каждаго проходящаго солдата. О Небо! между ними не было *Гельдера!*

Нещастная испускаетъ пронзительный вопль, бросается къ холму, взбѣгаетъ на него съ быстротою серны, схватываетъ дѣтей, и кидается съ ними въ воды потока.

Съ поворота дороги, офицеры увидѣли что кто-то упалъ въ рѣку, и съ благороднымъ самоотверженіемъ бросились спасать погибающихъ. *Гельдеръ*, ничего не подозревая, первый подалъ примѣръ товарищамъ, и выпалъ на берегъ мертвую женщину съ ребенкомъ на груди.— Нещастный взглянулъ—и упалъ въ обморокъ.

Вообразите опчаяніе бѣднаго *Гельдера*, когда привели его въ чувство!— Однако горестно не лишила его разсудка и памяти, и онъ со всею заботливостію нѣжнаго отца,

хотѣлъ искать другой дочери своей, какъ вдругъ послышался лай собаки, которая бѣжала, паща за платьемъ маленькую дѣвочку— обмокшую и полумертвую отъ испуга и холода. Добѣжавъ, легла она къ ногамъ *Гельдера*, какъ-бы желая сказать ему: я спасла твоего младенца!— Нещастный *Гельдеръ*, удрученный горестію, поблагодаря Небо, за спасеніе хопя одного изъ прехъ существъ, милыхъ его сердцу, посвятилъ жизнь свою на воспитаніе единственной дочери своей, которую къ щастію собака успѣла выпастить изъ воды невредимою.

И теперь этотъ нещастливецъ не можетъ еще говорить безъ слезъ о доброй, вѣрной *Нетли* своей. Надобно полагать, что она не получила письма, въ коемъ онъ увѣдомлялъ её о скоромъ своемъ возвращеніи и производствѣ въ чинъ полковника, и потому искала его между рядовыми, помня клятву свою не пережить смерти его. Когда же прошелъ весь полкъ—и она не видала *Гельдера*, тогда опчаяніе лишило ея разсудка, и нещастная выполнила ужасный обѣтъ свой.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ ПО ЧАСТИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Продолженіе).

Въ Сынѣ Отечества много было повѣстей, но изъ нихъ болѣе прочихъ замѣчательна: *Гибель фрегата* (глава изъ романа, соч. Н. Давыдова. № 38 и 39). Этотъ опривокъ— сколько можно судить по опривку—весьма хорошо рекомендуетъ книгу. Характеры въ немъ прѣсты, милы, естественны; разсказъ живъ и исполненъ чувства и движенія, хопя и не вездѣ ровенъ. Если здѣсь не видно ничего особеннаго, новаго, то по крайней мѣрѣ читатель не оскорбляется претензіями на оригинальность и высокость, претензіями, кои часто вводятъ автора, недареннаго творческою силою поэзіи, въ надутость и высокопарность. Охотно читаешь разсказъ объ обыкновенныхъ приключеніяхъ жизни, съ изображеніемъ обыкновенныхъ, но милыхъ и пріятныхъ характеровъ, если только ав-

поръ удѣлилъ имъ нѣсколько чувства и авторскаго таланта. Такое сочиненіе всегда будетъ имѣть успѣхъ. *Послѣдній день Помпеи* (Сынъ Оп. No 50 и 51), соч. *Шлихтера*. Авторъ, при разсмаприваніи знаменитой картины *Брюлова*, замѣчаетъ молодого чело-вѣка, изъясняющаго особенный восторгъ, произведенный на него одною изъ женскихъ фигуръ картины; знакомится съ этимъ энтузіастомъ и узнаетъ отъ него, что фигура, произведшая на него столь сильное впечатлѣніе, имѣла сходство съ очаровательнымъ видѣніемъ, представившимся ему на развалинахъ одного замка въ Эспландіи: разскажъ объ этомъ привидѣніи составляетъ дѣйствіе повѣсти. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ для того, чтобы читатели не искали въ этой повѣсти лицъ и событій, изображенныхъ *Брюловымъ*. Не смотря на спра-вность содержанія, повѣсть нравится живо-стною разсказа. Изъ прочихъ оригинальныхъ повѣстей въ Сынѣ Отечества можно ука-зать развѣ на слѣдующія, кои имѣютъ нѣко-торую занимательность: *Зимніе вечера Турбушона* (вѣроятно псевдонимъ) (No 34). *Я могожъ жениться, но . . . г. Койгеозерскаго* (No 41 и 42); *Адель—г. Петерсона* (No 43) и *Смольянка—г. Шлихтера* (No 44).

Въ Телескопѣ весьма мало было оригиналь-ныхъ повѣстей, но между ими одна доволь-но хорошо разсказанная: *Заклятой поцѣлуй*, соч. *Елишева* (Тел. No 33). Не смотря на по-луфантастическое содержаніе, она нрави-ся теплою разсказа въ ней чувствъ.

Изъ оригинальныхъ описаній, разсказовъ, наблюденій, размысленій и прочихъ беллетрическихъ статей замѣтимъ прекрасную статью г. Серг. *Крашенинникова*: *Крушеніе Французскаго линейнаго корабля Сюрберъ* (Сынъ Опеч. No 49)—простой разскажъ о нещастіи, приключившемся съ упомянутымъ кораблемъ въ Декабрѣ 1834 года въ Портѣ Паракія, что на островѣ Паросѣ. Но здѣсь такъ мно-го любопытнаго какъ для мореходца, такъ и для чело-вѣка вообще. Авторъ умѣлъ при-дать простому событію, которое бы мы хладнокровно прочли въ газетахъ, драмати-ческую занимательность, и представя людей въ борьбѣ съ природою, живописуетъ чув-

ства капитана и экипажа корабля въ мину-ты крушенія, рисуя предъ глазами читателя несповство спихій со всею вѣрностію очевидца и съ силою души, одаренной спо-собностію понимать и чувствовать все пре-красное—онъ составилъ изъ этого событія поэтическую картину. Сверхъ того здѣсь много весьма занимательныхъ подробностей въ отношеніи къ мореходству. Въ Сѣв. Пече-лѣ (No 157—160) напечатанъ былъ довольно любопытный отрывокъ: *Имянины Ивана Степановича*, соч. *А. Т.* Онъ замѣчательнъ вѣрнымъ и почнымъ изображеніемъ жизни провинціальныхъ нашихъ помѣщиковъ. Кар-тина яркая, не вездѣ эстетическая, но замѣ-чательная по сходству съ изображаемымъ ею предметомъ.

Варианціи на тему: Кропитадтъ (Сѣв. Пч. No 146—150) — живо изображаютъ всѣ до-стопримѣчательности этого города и пор-та. *Воспоминанія* о войнѣ 1828 года П. *Гльбова* (Сынъ Опеч. No 52)—увлекаютъ чи-тателя прогательнымъ чувствомъ. Въ статьѣ *Булгарина: Древняя и новая Русская любовь* (Сѣв. Пч. No 195 и 196) доказывается, что правды наши не знали той любви, ко-торую приписываютъ имъ наши романисты, но что любовь эта должна была вылиться въ форму, соотвѣтственную тогдашнимъ нравамъ и образу жизни. Опгадавъ эту фор-му есть величайшая трудность для рома-ниста.

Статьи въ юмористическомъ родѣ весьма часто встрѣчались въ Литературныхъ При-бавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, въ Сынѣ Отечества и въ Библиотекѣ для Чт. На этотъ ладъ наспроивались статьи барона *Брайбеуса* и *Булгарина*. Изъ нихъ занима-тельные послѣдняго: *Петербургская Чухонская кухарка* (Библ. Т. VI), *Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ* (Сѣв. Пч. No 220—222), *Чувства и чувствованія* (тамъ же, No 240). Во второй пьесѣ авторъ представляетъ древняго Но-вогородскаго Славянина въ царствѣ пѣней, съ удивленіемъ слушающаго разскажъ покой-никовъ нашихъ времени, безъ стыда разска-зывающаго ему свои не очень похвальные похождения, нравы и образъ мыслей; а въ шрешней, сводитъ въ маскарадъ двухъ по-

варищей по учению, кои, разойдясь по разнымъ пупямъ жизни, совершенно измѣнились въ прежнихъ привычкахъ; одинъ изъ нихъ военный, сохранилъ благородство чувствъ и мысли, другой — погрязъ въ канцелярскихъ сплетняхъ и формулахъ. Въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, поспоянно каждый нумеръ, являлись статьи въ сапирическомъ духѣ, и для нихъ назначенъ особый отдѣлъ журнала, подъ названіемъ: Пересмѣшикъ, гдѣ осмѣивались иногда литературныя явленія, иногда дурныя нравы и привычки общества.

Намъ остаеся дать отчетъ въ статьяхъ переводныхъ. Касательно испочниковъ, изъ коихъ эти статьи заимствуются, замѣтимъ, что журналы и газеты наши слѣдовали опять тому же направленію, которое замѣчено въ обзорѣи нашемъ за первую половину 1834 года (см. Ж. М. Н. Пр. Октябрь, стр. 147). Но въ первое полугодіе въ Заволжскомъ Муравѣ въ 10 книжкахъ была одна только переводная повѣсть, во второе же полугодіе — всѣ повѣсти были переводныя и только одна оригинальная. За исключеніемъ Заволжскаго Муравья и Телескопа, въ прочихъ журналахъ число оригинальныхъ статей превосходило число переводныхъ.

Изъ сихъ послѣднихъ замѣчательнѣе въ Библіотекѣ для Чтенія: Tutti frutti (Т. IV, 2 отд. II) — отрывки, взятые изъ новаго сочиненія князя Пшклеръ Мускау (имя вымышленное) изданнаго подъ эпитимъ Импаліанскимъ названіемъ. Въ нихъ съ удовольствіемъ можно видѣть множество оригинальныхъ мыслей о разныхъ предметахъ, изложенныхъ отрывистыми замѣчаніями и часію несвязанныхъ между собою. Но эти мысли свѣтлы, ясны и иногда возвышаются до высокаго. Особенно замѣчательна статья: *Латинскіе Литераторы въ I вѣкѣ по Р. Х.* (Библ. для Чп. Т. V, 1, отд. II), переводъ изъ известной книги Низара: *Etudes de mœurs et de critique sur les poètes latins de la décadence*: Это живая, историческая картина древняго Доміціанова Рима, со стороны его литературствования. Тутъ читатель встрѣчаетъ множество такихъ мелкихъ и вмѣстѣ любопытныхъ чертъ Римской жизни, которыхъ не замѣпида

испорія и которыхъ авторъ подглядѣлъ въ швореніяхъ поэтовъ, составляющихъ главный предметъ всего его сочиненія. Изъ прочихъ учено-литературныхъ статей, составленныхъ преимущественно изъ Англійскихъ журналовъ, замѣчательны *Доллорощенные Геніи* (Б. для Чп. Т. VI, кн. 1) и *Кольриджъ* (Б. для Чп. Т. VII, кн. 1) — это глубокомысленныя біографіи известныхъ Англійскихъ писателей: сирѣ *Иджертона Бриджда* и *Кольриджа*, съ показаніемъ отношенія ихъ къ вѣку, къ Литературѣ, и вліянія ихъ на сію послѣднюю. *Гете въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ* (Библ. для Чп. Т. VI, кн. 1) также весьма занимательная статья, сопоставленная изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ послѣднихъ, недавно изданныхъ сочиненій сего великаго поэта и мыслилтеля. Эти выписки знакомятъ насъ съ молодою жизнію *Гете* и служатъ дополненіемъ къ известной его автобіографіи *Dichtung und Wahrheit*. Въ статьѣ: *Китайскія женщины-поэты* (Библ. для Чп. Т. VI) — Библіотека знакомитъ насъ съ произведеніями Китайскихъ писательницъ, изъ коихъ предлагаются краткія отрывки. Собственно изъ переводныхъ повѣстей, помещенныхъ въ библіотекѣ, замѣчательны *Гайдеръ-Саубъ Ост-Индская быль* (съ Англ. Библ. Т. VI) и *Голландская скупка* (тамъ же, Т. VII, кн. 2). Первая, основанная, какъ уверяютъ, на истинномъ событіи, привлекаетъ занимательностію дѣйствій; а вторая — приятиностію разсказа.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

ГАЗЕТЫ ВЪ АНГЛІИ И АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Въ Англии выходятъ газетъ и журналовъ до 500; въ Соединенной Америкѣ до 800: 550 ежедневно, 200 по три раза въ недѣлю, 50 по разу въ недѣлю.

Въ Шотландіи читаются два миліона жителей, а переодическихъ изданій только 38. Въ Пенсильваніи 1,200,000 жителей и журналовъ и вѣдомостей издаются болѣе 100.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Х Л А Ж Д Е Н І Е.

Въ лѣта желаній и спрасней
 Предпочиталъ я, вѣрный лѣтн,
 Удѣлъ свободныхъ пѣснопѣній
 Приманкамъ злата и честей.
 Любовь была моею отрадой,
 А рѣзвой дружбы похвала
 Неоцѣпенною наградою
 За невеликія дѣла....
 Но легкой юности мгновенье
 Исчезло вдругъ какъ метеоръ,
 Какъ сна мимолетное видѣнье,
 Какъ милой дѣвы бѣглый взоръ!
 И вотъ—мнѣ рѣшмы спали чужды,
 Опъ спрасстныхъ пѣсень я опвыкъ,
 Просыпая хлопоты и пужды
 Завоевали мой языкъ;
 Забылъ я вымыслы пусыные —
 И Метромани на зло
 Пишу бумаги дѣловыя
 И на черло и на бѣло!

А. Крюковъ.

А Н А Г Р А М М А.

Я односложное слово, но изъясняю
 Печаль, испугъ, поску, опсуществовѣ утѣхъ.
 Переверните же меня: я выражаю
 Воспоргъ внезапный, радость, смѣхъ.

К Р И Т И К А.

Дѣтская болница, соч. Виктора Бурьянова. С. П. Б. 1835.

Въ Петербургѣ, подъ покровительствомъ испинныхъ Русскихъ вельможъ, опъ щедротѣ Монаршихъ и пожертвованій благонамѣренныхъ гражданъ, учреждена *Дѣтская болница*. Искуснѣйшіе въ сполциѣ врачи приняли на себя пользование больныхъ дѣтей; спю кроватей безпреспанно заняпы, и друзья человечества, съя благоспи, пожинаютъ благословенія *нѣжныхъ* матерей и опцовъ чадолюбивыхъ.

Извѣстный почтенными трудами своими молодой литераторъ напечаталъ объ этомъ святомъ заведеніи маленькую книжечку для дѣтей; книжечку, по нашему мнѣнію, весьма удовлетворяющую любопытство и хорошо написанную. Но положимъ, что она написана дурно, *книжннмъ* языкомъ, что опъ неѣ воняетъ мѣспоймѣніями *сей и оннй*, и что она сочинена какимъ нибудь *Славяновиломъ*, все таки *неприлично* опспускатъ на щѣпъ ея такія пошлыя шуточки, какія опспустилъ рецензентъ въ осьмой книжкѣ *Библиотеки для Чтенія* (Лип. Лѣтопись, спр. 40-ал).

Конечно такія шуточки не запрещены ни цензурнымъ уставомъ, ни законами исправительной полиціи, также какъ не запрещено ходить по улицамъ въ тулупѣ на выворотѣ, безъ фрака, въ жѣлтой шапкѣ; но кто же согласится прогуляться по Невскому проспекту въ такомъ нарядѣ? Никто! Опъ чего? Опъ того, что это *неприлично*.

Самъ рецензентъ, какъ человекъ благовоспитанный, начинаетъ свою спатейку пономъ спепеннымъ, соопвѣспственнымъ важности и благородству предмета: «Въ концѣ прошлаго года спараніемъ нѣсколькихъ благопворительныхъ особъ опкрыта въ Петербургѣ болница для дѣтей, превосходное заведеніе, которое можетъ почитаться однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ въ Европѣ.» Прекрасно; такимъ бы пономъ и продолжать и кончить надлежало. Такъ нѣтъ! Захопѣлось, какъ говоритсл, почесать язычокъ—и рецензентъ спуспился долу: «Г. Викторъ Бурьяновъ,» говоритъ онъ: «воспользовался *сею оказією*, чтобъ написать книгу въ шестнадцать спраницъ.»

Какая же это *оказія*?

Воздвиженіе дѣтской болницы, которая спасетъ множесство дѣтей опъ смерти преждевременной, опъ мученій, опъ несчастія сдѣлаться иногда на всю жизнь какимъ нибудь уродомъ по причинѣ испуга, или дурнаго обхожденія во время болзни. Такими *оказіями* гордятся святаая Русь, сіяетъ престоль Царей нашихъ лучезарнѣе, чѣмъ алмазами; украшаются спраницы исторіи;

при *сихъ вѣрныхъ оказіяхъ* предаются безмер-
 шію имени *Голицыныхъ* (1), *Шереметевыхъ* (2),
Делидовыхъ (3). И смѣялся надъ пылкимъ
 молодымъ писателемъ, который въ жару
 благоговѣнія написалъ книжечку въ похвалу
 учредителямъ и учрежденію пріюта «для
 пакихъ дѣпей, копорые, сдѣлавшись большы,
 не шмѣютъ никого, кто бы присмотрѣлъ за
 ними, освѣжилъ ихъ живописнымъ возду-
 хомъ, заплашилъ врачу и за лекарство.»
 Неприлично!

А. Кораблинскій.

20-ое Августа
 1855.
 Село Рыбацкое.

M O D E S.

Je vais reprendre le fil de ma narration, chère
 sœur: ma seule crainte est que vous ne vous trouviez
 dans la position de *don Quichotte*, qui, lorsque *San-
 cho* lui demanda combien il y avait de moutons de
 passés, fut fort en peine de le dire, et perdit, par ce
 défaut de mémoire, la fin de l'histoire. Il en serait
 peut-être de même avec vous, ma bonne sœur, si je
 vous demandais ce que je vous ai dit dans ma dernière
 lettre... Cependant je veux croire que non, et sans
 rappeler le passé, je vais retrouver ma *jolie femme*
 où je l'ai laissée. — Elle a déjeuné, les enfans sont
 partis pour la promenade, et la voilà quittant sa
 chambre pour se rendre dans un petit boudoir où
 tout sent *la renaissance*, hors un divan auquel on a
 fait grace en faveur du charme qu'il prête à la jolie
 créature *mi-étendue* dessus. Devant la fenêtre, une
 magnifique jardinière en palissandre incrustée offre
 l'image d'un bosquet embaumé par la quantité de
 fleurs admirables qu'elle contient. Près du divan, sur
 une petite table en bois noir ornée de dorures (véri-
 table *Bouille*), elle prend un livre: c'est le dernier
 ouvrage de *Mme Sand*, de l'admiree et admirable *Mme*

(1) Мы говоримъ о князѣ *Дмитрѣ Михайловичѣ*, учре-
 дителѣ *Голицынской* больницы въ Москвѣ. (2) Графъ
Николай Петровичъ, основатель Спраннопріимнаго
 дома въ Москвѣ же. (3) *Павелъ Григорьевичъ*, пожерт-
 вовавшій миліоны университетамъ и училищамъ.

Sand, dont toutes les femmes doivent s'enorgueillir
 avec fierté et devant laquelle leur tête doit plier.
 Quelqu'un arrive qui interrompt la lecture; c'est le
 comte *d'O*. . . qui vient s'informer si *on* va au bois.
 Le temps est superbe; *Mmes T. . . F. . .* et autres y
 seront. Cependant *on* n'ira pas: l'amazone comman-
 dée de la veille n'est pas arrivée; c'est une coupe nou-
 velle, on ne peut paraître sans en être revêtue; c'est
annoncé.

М О Д Ы.

Я буду продолжать свой рассказъ, любезная
 сестра, и опасаюсь только одного, что ты бу-
 дешъ въ такомъ же положеніи какъ *Донъ-Кихотъ*,
 который, когда *Санчо* спросилъ его много ли
 прошло барановъ? никакъ не могъ этого сказать,
 и потерялъ, черезъ этою недоспаюкъ памяти,
 конецъ исторіи. Я думаю, то же бы случилось
 и съ тобою, моя добрая сестра, если бы я спро-
 сила у тебя: о чемъ я писала къ тебѣ въ по-
 слѣднемъ письмѣ?.. Однако я увѣрена, что нѣтъ,
 и не напоминая прежняго, я найду мою пригожую
 женщину тамъ, гдѣ оставила. — Она опзавпракала,
 дѣпи опправились гулять; вошь она опзавляетъ
 свою комнату, чпобъ перейти въ маленькой бу-
 дуарѣ, гдѣ все опзываетъ перерожденіемъ, за
 исключеніемъ дивана, оставленнаго за прелестъ,
 которую онъ придаетъ красивой особѣ въ поло-
 вину на немъ распростертой. Передъ окномъ,
 великолѣпная jardinière, изъ дерева палиссандръ,
 съ наклейкою, представляешь видъ ароматиче-
 ского боскета, по множеству цвѣтовъ въ ней
 посаженныхъ. Близъ дивана, на столикѣ изъ чер-
 наго дерева съ позолотою (настоящій *Bouille*),
 она беретъ книжку: это последнее сочиненіе
 г-жи *Зандъ*, достойной удивленія и удивительной
 г-жи *Зандъ*, копорю все женщины должны гор-
 диться и передъ копорой голова ихъ должна
 наклоняться. Кто-то входитъ и прерываетъ
 чпеніе; это графъ *d'O*, прѣхавшій справилъ
подуть ли въ лѣсъ. Время неподобное; г-жи
T. . . F. . . и другія тамъ будутъ. Однако не
подуть: Амазонское платье, заказанное наканунѣ,
 еще не привезено; новый покрой, безъ него по-
 казаться нельзя; *объ этомъ уже объявлено*.

(*Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.*)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 76.

Цѣна годовому изданію,
включенному изъ 104 №
и 40 картинокъ моды, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 21 ДНЯ 1835 ГОДА.

Карпъ жизнь сидячую и праздную ведешь,
И пользы ни себѣ, ни людямъ не приносишь.
Онъ дѣла по себѣ, бѣдника, не найдешь,
И у друзей своихъ о томъ совѣтовъ просишь.
Совѣтомъ послужишь ему я очень радъ:
Пускай сошьешь себѣ изъ перьевъ онъ халатъ,
И пусть возьметъ подрядъ
Высшивавъ цѣплятъ.

П. Сумароковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МЕДВѢДЬ ВЪ МАСКАРАДѢ (*).

Въ одномъ изъ публичныхъ маскарадовъ въ Парижѣ случилась весьма забавная проделка. Въ то время, когда всѣ залы были уже наполнены шумною толпою маскированныхъ и немаскированныхъ, явились въ собраніе двѣ новыя маски: одна медвѣдь, а другая его жокашый. Костюмъ медвѣдя былъ такъ хо-рошъ и такъ близко подражалъ натурѣ, что всѣ неволью обрали на него свое внима-ніе. Жожашый съ палкою въ рукахъ и держа пріятеля своего за веревку, заставилъ его плясать и дѣлать разныя шуки. Всѣ въ одинъ голосъ закричали: прекрасно! превос-ходно! какая милая маска! невозможно удач-нѣе представилъ медвѣдя!

(*) Это уже второе приключеніе съ медвѣдемъ лорда Сей-мура. Первое было уже разсказано въ Литературныхъ Прибавленіяхъ. — В.

Позабавивъ нѣсколько времени публику, жокашый бросилъ веревку, опошелъ въ спору и вмѣшался въ толпу. Медвѣдь, продолжал играть свою ролю, опускается на чеп-вериньки и опсправляется бродить по заламъ посреди любопытспвующихъ, спарающихся ищешно узнать маску. Всѣ пріемы, всѣ дви-женія медвѣдя такъ натуральны, что зри-тели изумляются необыкновенному иску-спву незнакомца, помираютъ со смѣху и осыпаютъ его рукоплесканіями. Но всякая шутка хороша до тѣхъ поръ, пока она не превосходитъ мѣры; видя, что медвѣдь спш-комъ уже неосторожно извоилтъ всѣхъ по-палкивать, идетъ куда ни попало, лезетъ промежъ ногъ каждаго, не разбирая пола, и спшкомъ уже дерзко распоряжается своею мордою, зрители начали досадовать и пре-бовали, чтообъ маска прекрашила свои шу-ки. Не шутъ-то было: проказникъ не уни-маенся. Одинъ почтенный господинъ, люби-тель приличій и порядка, подошелъ къ мед-

вѣдью и говоритъ ему вѣжливо: «м. г.! вы мастерски представляете вашу ролю, всѣ отдають полную справедливостъ вашему паланту; однакожь, сдѣлайте одолженіе перестаньте. . .»—Но милосливый государь, вмѣсто отвѣта, продолжаетъ иппи впередъ, и наступаетъ этому господину на большую ногу. «Государь мой! восклицаетъ бѣдный подагрикъ, возбуждаемый гнѣвомъ и болью, вы съ ума сошли! вы опдавили мнѣ ногу.»—Сіе маленькое происшествіе привлекло толпу ближе къ мѣсту дѣйствія; медвѣдь же, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и желая выбраться на свободу, спановицся на заднія лапы и симъ движеніемъ сшибаетъ съ ногъ одного франта. Сей послѣдній видъ себя отъ негодованія бросается къ медвѣдю: «Дерзкая маска! вы сударь певѣжа! я заставаю васъ раскаяваться: вотъ вамъ мой адресъ.» Карточка съ адресомъ упала на полъ и маска опустившись опять на чепвериньки, обнюхала еѣ по медвѣжьё и пошла далѣе.—«О, эпо уже слишкомъ, государь мой!» закричалъ молодой человекъ, я отъ васъ не отстану: «прошу сей же часъ иппи со мною къ полицейскому комиссару.»—Съ сими словами онъ схватилъ волочившуюся веревку, и медвѣдь, ставъ на заднія лапы, сдѣлался совершенно послушенъ.

Извѣстно, что при всѣхъ публичныхъ собраніяхъ полицейскій комиссаръ всегда бываетъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Приходятъ къ нему объяснить дѣло, и начинается судъ и расправа. Г-ну медвѣдю приказываютъ снять маску и сказать свое имя. Нѣтъ отвѣта. Спросжайшее подтвержденіе именемъ короля.—Опять нѣтъ отвѣта. Наконецъ, блюститель благочинія перяетъ терпѣніе, срываетъ головной приборъ и маску, и видитъ, что эпотъ невѣжа, эпотъ нарушитель приличія еспъ наслоящій медвѣдь, и медвѣдь въ своемъ родѣ самый благовоспитанный, самый добрый малой!—Въ эпо время является вожапый медвѣдь, въ коемъ узнають лорда С., молодого богатаго весельчака. Онъ признается, что эпо шупка была его изобрѣшеніе, что онъ купилъ въ звѣринцѣ выученнаго медвѣдя, замаскировалъ его и пришелъ въ маскарадъ. Но опасаясь однакожь излишнихъ по-

рывовъ любезности со стороны сей прекрасной маски, взялъ предосторожность завязать ему накрѣпко морду. Разумѣется, что дѣло кончилось общимъ смѣхомъ; лордъ С. раскупорилъ въ пользу раненныхъ и оскорбленныхъ нѣсколько бутылокъ Шампанскаго, и болѣе всѣхъ выпилъ спраждаущій подагрою.

Съ Франц. Ю. Дж-ни.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Въ 1779 году находились въ Санктпетербургѣ доловья церкви.

1. Въ домѣ Святейшаго Правительствующаго Синода члена, преосвященнейшаго *Гавриила*, архіепископа Новгородскаго и Санктпетербургскаго, и архимандрита Святопроицкаго Александроневскаго монастыря, церковь во имя Всѣхъ Святыхъ.

2. Въ домѣ Синодальнаго члена, преосвященнейшаго *Платона*, архіепископа Московскаго и Калужскаго и Святопроицкія Сергіевой Лавры священно-архимандрита, церковь Преподобнаго Сергія Радонежскаго.

3. Въ домѣ Синодальнаго-жъ члена, преосвященнейшаго *Иннокентія*, архіепископа Псковскаго и Рижскаго, Рождества Христова.

4. Въ домѣ (*) его свѣплости, господина генераль-аншефа, командующаго всею легкою конницею и нерегулярными войсками, государственн. Военной коллегіи вице-президента, Ея Императорскаго Величества генераль-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковника, Кавалергардскаго корпуса поручика, Астраханской, Новороссійской и Азовской губерній Государева намѣстника, и войскъ тамъ поселенныхъ главнаго командира, Новопроицкаго кирасирскаго полку шефа, Масперской и Оружейной палаты верховнаго начальника, Днѣпровской линіи главнаго командира, и орденовъ Россійскихъ: святаго Апостола Андрея Первозваннаго,

(*) У Аничкина моста, на Невскомъ проспектѣ. Нѣтъ собственный дворецъ Ея Императорскаго Величества.—В.

св. Александра Невского и военного Великомученика Георгія большого креста, Пруссаго Чернаго Орла, Польскихъ: Бѣлаго Орла и святаго Станислава, Шведскаго Серафима и Голспинскаго святыя Анны кавалера, князя Григорія Александровича *Потѣлкина*, церковь Воскресенія Христова.

5. Въ домѣ покойнаго канцлера, графа Михаила Ларионовича *Воронцова*, Климентя Папы Римскаго.

6. Въ домѣ Государственнаго Адмиралшейской коллегіи вице-президента, дѣйствительнаго камергера и кавалера, графа Ивана Григорьевича *Чернышева*, Тихвинскія Пресвятыя Богородицы.

7. Въ домѣ лейбъ-гвардіи коннаго полку ротмистра Ѳедора Ѳедоровича *Дублянскаго*, Преображенія Господня.

8. Въ домѣ генераль-аншефа, Ея Императорскаго Величества оберъ-камергера и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера, графа Петра Борисовича *Шереметева*, Великомученицы Варвары.

9. Въ домѣ генераль-поручика, дѣйствительнаго камергера и ордена святыя Анны кавалера, графа Сергѣя Павловича *Якушинскаго*, Пресвятыя Богородицы, Всѣмъ скорблящимъ радости.

10. Въ домѣ дѣйствительной спансь-дамы, графини Марьи Андреевны *Румянцовой*, святаго Апостола Андрея Первозваннаго.

11. Въ домѣ покойнаго дѣйствительнаго пайнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера и ордена святаго Александра Невскаго кавалера, графа Петра Григорьевича *Чернышева*, Срѣщенія Господня.

12. Въ домѣ вдовствующей генеральши, княгини Ирины Михайловны *Юсуповой*, святаго Димитрія, Ростовскаго чудотворца.

13. Въ Санктшпешербургской крѣпости въ каменномъ домѣ, святыхъ безсребренниковъ Кира и Иоанна.

14. Въ домѣ пайнаго совѣтника и камергера, графа Николая Александровича *Головина*, Смоленскія Пресвятыя Богородицы.

15. Въ домѣ генераль-фельдмаршала, Ея Императорскаго Величества генераль-адъютанта, сенатора, дѣйствительнаго камергера, Академіи Наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника, обоихъ Россійскихъ орденовъ, Бѣлаго Орла и святыя Анны кавалера, графа Кирилла Григорьевича *Разумовскаго*, Живоначальныя Троицы.

16. Въ домѣ камергера Ѳедора Павловича *Балка*, святаго Апостола Иоанна Богослова.

17. Въ домѣ дѣйствительнаго пайнаго совѣтника, Сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса шефа, надъ Конторою опъ спроенія дворцовъ и садовъ главнаго директора, Академіи Художествъ президента, дѣйствительнаго камергера и Московскаго Воспитательнаго дому главнаго попечителя, обоихъ Россійскихъ орденовъ и святыя Анны кавалера Ивана Ивановича *Бецкаго*, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

18. Въ домѣ генераль-фельдмаршала, генераль-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, сенатора и кавалера, князя Александра Михайловича *Голицына*, святаго Александра Невскаго.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ ПО ЧАСТИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Окончаніе.)

Изъ многочисленныхъ переводныхъ спанпей, помѣщенныхъ въ *Телескопъ*, особенно замѣчательна спанья: *Артистъ-Поэтъ сумасшедшій* (съ Англ., изъ *Leves of British Artists* (Тел. No 28). Это любопытныя черпы изъ жизни недавно умершаго Англійскаго гравѣра, поэта и музыканта *Блека*. Онъ, подобно *Гобману*, вѣрилъ въ фантаспическія представленія мечпы своей, переводилъ ихъ въ звуки и краски, бесѣдовалъ съ ними, жилъ эпикми видѣніями. Помѣщенные здѣсь опривки изъ его сочиненій показываютъ въ немъ необыкновенную силу мысли и фантасію роскошную, игривую. Въ спаньѣ *Г-жа фонъ Криденеръ* (К. *Марлье*, съ Франц. No 32), очеркъ этой женщины, недавно соспавлявшей замѣ-

чапельное явленіе своего времени, начерпанъ искусною рукою. Блеснящая и преданная свѣту въ киоски, она, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, остановила мысль свою на Религии и посвящала себя на проповѣданіе Слова Божія и на вспомошествованіе несчастнымъ. Жизнь ея, безъ сомнѣнія, занимательна; но въ эпоху жизни всего болѣе важенъ переломъ, переходъ отъ удовольствій свѣта къ религиозному самоопроверженію. Но эта эпоха представлена слабо: она не развита, не объяснена; при всемъ томъ, сама статья весьма любопытна, и занимательность ея еще болѣе увеличивается извлеченіями изъ писемъ и сочиненій г-на *Криденеръ*. Любопытны статьи того же автора (*Марлье*)—*Лейпцигъ и книжная торговля* (Т. No 29) и *Германскія Университеты* (No 36). Въ первой находится весьма занимательныя статистическія извѣстія по части книжной торговли и книгопечатанія, также замѣчанія о главнѣйшихъ дѣйствователяхъ и примѣчательнѣйшихъ явленіяхъ Германской литературы. *Письмо изъ Египта* (*Мишо*, изъ *Revue de deux mondes* No 41) и *Путешествіе по Нильской долины*, изъ *Monthly Review*, No 34)—представляютъ намъ эпоху страны въ настоящемъ ея положеніи, рисуютъ ея природу, нравы жителей, ихъ образованность, понятія, обычаи; а статья *Э. Барро: Бракъ въ Константинополѣ* (No 45, 47, 49, изъ *Revue de deux mondes*)—изображая празднество по случаю бракосочетанія дочери нынѣшняго султана съ Галиль-Пашею, представляетъ живую панораму Константинополя и обилуетъ многими политическими разсужденіями, изъ коихъ видно, что авторъ питаешь особенное уваженіе къ Россіи и имѣешь высокое понятіе о ея силѣ и могуществѣ.

Особенно богаты были книжки *Телескопа* переводными повѣстями, большею частію съ Французскаго, а нѣкоторыми съ Англійскаго. Изъ первыхъ наиболѣе замѣчательны по живописной мѣстности, по занимательности завязки и по слогу: *Завѣщаніе Диллетанта*, соч. *Россе Сент-Илера* (Телеск. No 27, 30, 31), *Воспоминаніе о Французской экспедиціи въ Калабрию*, *Клеменція Балвѣль* (Тел. No 38 и 39), и *Другой изъ Тринадцати*, *Баль-*

зака (память же, No 45, 46, 47, 48 и 49); послѣдняя служивъ какъ бы продолженіемъ той спранный повѣсти, *L'un des treize*, которая также была переведена въ *Телескопъ*. То же соплепеніе ужасовъ, пресупленій спраспей и характеровъ сильныхъ, спремительныхъ—съ нѣжными, кропкими и плѣнительными.

Повѣсть герцогини Д'Абрантесъ (Тел. No 43 и 44) замѣчательна въ особености пѣмъ, что превосходно рисуешь живописную природу Испаніи и знакомитъ насъ съ Испанскими повѣрьями, преданіями и суевѣрїями. Изъ переводныхъ повѣстей съ Англійскаго упомянемъ: *О госпитали сумасшедшихъ въ Палермо*; пупъ оригинальна завязка и еспь сужденія объ обхожденіи съ подобнаго рода несчастными.

Переводныхъ повѣстей въ *Сынѣ* *Опечесства* было не много въ сравненіи съ оригинальными, а именно: *Дѣти Мадонны* (No 30), *Корсаръ*, переводъ *Скальвеа* (No 35 и 36) и *Женероза*, перев. *Висковатова* (No 46 и 48); всѣ съ Французскаго. Изъ нихъ занимательны двѣ послѣднія; первая же отвращительна гадкими пресупленіями. Въ *Корсарѣ* разсказано хитрое бѣгство одного Французскаго моряка изъ плѣна отъ Англичанъ. Замѣтимъ еще опривокъ изъ романа, дѣйствіе коего происходитъ на Востокѣ: *Зограбъ заложникъ*, сочиненіе *Моргера*, съ Англійскаго (No 40): въ немъ много занимательности и забавныхъ сценъ.

Въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду изъ переводныхъ статей и повѣстей мы въ особености замѣтили *Жизнь Голбейна*, съ Французскаго Юлія *Жанена* (Л. Приб. No 62, 63 и 64) и *Красный и Черный*, съ Англійскаго (Лит. Приб. No 69 и 70). Первая прекрасно рисуешь намъ жизнь и кропкій, истинно-художественскій характеръ знаменитаго въ XVII вѣкѣ живописца, бывшаго любимцемъ спрашнаго *Генриха VIII*, короля Англійскаго и придворнымъ его живописцемъ; а вторая представляетъ молодого человека, вовлеченнаго въ пагубную спраспей къ игрѣ, но осянавливаемого любовью и пвердосцію жены своей.

Въ Сѣверной Пчелѣ вовсе не было переводныхъ спашей, исключая одинъ разсказъ: *Представленіе Аристофановой комедіи Облакъ, данное въ Афинахъ* за 778 лѣтъ до Р. Х. (съ Французскаго), гдѣ авторъ, въ родѣ *Низара*, рисуешь предъ воображеніемъ чипапеля Аѣинскій псапръ, съ его шумными и веселыми зршителями, а между ними великаго *Сократа*, присупспвующаго на представленіи пьесы, въ коей осмѣянь онъ и божеспвенная его наука. Эпа сцена переноситъ васъ въ далекій древній міръ и окружаетъ васъ знаковыми и любезными пѣнями.

Изъ многихъ повѣстей, помѣщенныхъ въ Заволжскомъ Муравѣ, большею частію переведенныхъ съ Французскаго, мы встрѣпили одну прекрасную повѣсть, заимствованную изъ Нѣмецкой Литерапуры: *Поединокъ*, соч. *Тромлитца* (Зав. Мур. No 16—23)—живая, блестящая картина рыцарства, съ новою силою ожившаго во времена *Максимиліана* Авспрійскаго и *Карла VIII* Французскаго.

Я. Невпровъ.

ПОСТЕПЕННОЕ РАЗМНОЖЕНІЕ КАРЕТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Въ 1638 году развѣзжали по Лондону 50 извозничьихъ каретъ.

Въ 1654-мъ 200.

Въ 1694-мъ 700.

Въ 1715-мъ году 800.

Въ 1831-мъ 1100.

Въ 1834-мъ щипалось до 1250-ти.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Настаетъ весна,

Весна красная;

Вошь день *Троицгнѣ*.

Собиралися

Красны дѣвицы

На шелковый лугъ.

Что одной шунѣ нѣшь.

Въ хороводъ ихъ —

Кати лебеди.

Какъ у лебеди

Катеринушки

Голова болить :

Во бѣлое лицо

У красавицы

Блѣдность кинулась ;

Очи ясныя

Соколиныя

Призаплаканы ;

Коса русая

Шелковистая

Не причесана.

Подъ окномъ сидишь

Подъ косящешымъ

Красна дѣвица.

Изъ ясныхъ очей

По былу лицу

Слѣзы капаются.

Опъ чего грусна?

О чемъ слѣзы льешь

Красна дѣвица?

Пришла грамошка,

Что сердечный другъ

Ей невѣренъ спалъ.

13—18.

С. П. Б. 1835.

ENIGME.

Je suis et j'ai servi toujours

A l'être qui rugit, à l'être qui raisonne ;

J'annonce la nuit et le jour ,

Car sans moi le soleil n'eût éclairé personne.

Ami lecteur, devine-moi...

Si tu peut me voir chez les autres ,

C'est preuve que je suis chez toi.

Въ No 75-мъ, помѣщенная анаграмма значить: *Ахъ! ахъ!*

К Р И Т И К А.

Вынь сперва сугокъ изъ собственнаго глаза, а потомъ уже порошинку изъ глаза своего сосѣда.

Въ Сенпябрской книжкѣ Библиотеки для чтенія, въ липературной лѣпописи, на впо-рой спраницѣ, напечатано чепкимъ, опмѣн-но красивымъ шрифтомъ г. *Плюшара*, ниже-слѣдующее сужденіе объ одной вновъ вы-шедшей въ свѣтъ книгѣ, которую нѣптъ нужды и называть здѣсь:

«Неправильный, тяжелый переводъ и языкъ совершенно *Скивскій*, которые обезобразили прелестъ ея подлинника, на поваль убили другіе *разказы*, *меньше сильныя сложеніемъ*. Гро-моздятся длинныя, ужасно длинныя фразы; во фразахъ прудно добрапсья до смысла, а Русскаго языка нигдѣ нѣптъ и *въ заводѣ*. Пе-реводчикъ долженъ имѣптъ спранное поня-тіе объ изящномъ, когда блиспательный, свѣпскій языкъ подлинниковъ онъ замѣняептъ *грубыми голосомъ повитья*, *которыиъ можно переводить только куптъя.*»

Въ той же Сенпябрской книжкѣ, той же Библиотеки для чтенія, напечатано языкомъ правильнымъ, легкимъ и совершенно *Русскимъ*: Для чести нашей липературы, *мы гото-вы быть успренными, что все это преувеличенія.*

Лит. лѣп. стр. 3.

По сорпу домашняго гаю и любви.

Тамъ же стр. 4.

Примѣганіе. Говоряптъ гаю, а писаптъ дол-жно гал.

Мы не знаемъ дѣпской книжки на Рус-скомъ языкѣ, которую *мы дали бы охопяѣ въ руки дѣпямъ, чѣмъ эпу.*

Тамъ же, стр. та же.

Управляла демомъ со смерти своего мужа.

Русская словесность, стр. 52.

Она смупилась, и опвѣчала мнѣ невняпно, *что эпо ничего, что въ залѣ собираются иногда ея друзья, чтобъ пополковаптъ о сво-ихъ домашнихъ дѣлахъ.*

Тамъ же, стр. та же.

Раздался чистый *Парижскій акцентъ.*

Тамъ же, стр. та же.

Нельзя было не видѣть.

Тамъ же, стр. 54.

Однако любопытство и весьма естественное опасеніе за самаго себя...

Тамъ же, стр. та же.

Увижу дѣйствующиихъ лицъ.

Тамъ же, стр. та же.

Прим. Лучше бы: увижу дѣйствующія лица.

Наилучшимъ образомъ.

Тамъ же, стр. 75.

Въ прежнія времена *при ней* (при бесѣдѣ) очень хорошо спалось.

Тамъ же, стр. та же.

Прим. Въ бесѣдѣ, а не *при бесѣдѣ*.

Она разсуждаептъ ни объ чемъ и ни о комъ.

Тамъ же, стр. 76.

Прим. Надобно писаптъ *ни о чемъ*, для по-го, чпобѣ не драптъ ушей сполкновеніемъ буквы *б* съ буквою *г*.

Объ чемъ же говориптъ.

Тамъ же, стр. та же.

Прим. Смотри предыдущее примѣчаніе.

Годигную орбиту.

Тамъ же, стр. 77.

Прим. *Годигный* слово книжное; у Рус-скихъ есптъ другое, въ простомъ разговорѣ употребляемое: *годовое* жалованье, *годовой* ре-бенокъ, *годовой* праздникъ.

Они слѣдуютъ геомеприческимъ правиламъ *круговраценія*.

Тамъ же, стр. та же.

У Россіяпъ есптъ разговорное *кругообраще-ніе*, а слова *круговраценіе* не употребляютъ въ обществѣ самыя законренѣлыя Славяновилы.

Эпо мой *новыкъ*.

Тамъ же, стр. 78.

Прим. Кавыка, женскаго рода.

Однимъ словомъ, чпобѣ получимъ наспоя-щій высшій взглядъ на наши нравы, *съ топки*,

дозволяющей окинуть все ихъ преспранство, необходимо *нужно стять на трубу самовара въ ту минушу, когда онъ кипитъ на столъ передъ диваномъ.*

Тамъ же, спр. 79.

Примыганіе. Эпо уже не слова, а вещи. Во первыхъ, человекъ, пишущему *Теорію образованной бесѣды* необходимо бываешь, или побываешь въ такой бесѣдѣ: онъ бы собственною парюю глазъ удостовѣрился, что *самовара съ трубою* ни передъ диванъ, ни передъ софу въ порядочныхъ домахъ не спавяешь. Во вторыхъ, пора ему опомниться и вспомнить, съ какимъ отвращеніемъ въ образованныхъ бесѣдахъ слушали о томъ, какъ онъ *воображалъ себѣ роскошь быть посаженнымъ на колъ; какъ утопалъ въ полояхъ и вонюгей водѣ и кушалъ вонюгее тѣло гѣны.* Въ прѣпныхъ, надобно ему зашвердидь мудрое правило *Дмитріева:*

«Примѣрь и опышность похезнѣй наспавленій!»

Право, не знаю, какъ вы эпо сдѣлаете. А, вопъ черезъ полчаса, *такъ*, пройдешь здѣсь вѣролно слѣпецъ Бобъ съ своей *тельжскою.*

Прим. Слово *тлѣжка*, соспавленное изъ словъ *тѣло* и *лежатъ*, неправильно писашь *тельжска.*

Ненавижу я слова *такъ.* Оно обманчикъ, плушь, измѣнникъ, предашель. Если вы спѣшите въ назначенное мѣсто и вамъ скажутъ, что до него *три мили*, *такъ* — при мили кончатся вѣрно на девяти; если вы собирались что нибудь купитъ *за одну гѣню*, *такъ* — вы вѣрно заплашите при; если вы ждете своей невѣспы *черезъ часъ*, *такъ* — пройдушь супки, недѣля, годъ, а еѣ все нѣшь.

Иностранная словесность, спр. 76 и 77.

Прим. Нижеподписавшійся родился въ Москвѣ, прожилъ 19 лѣтъ въ Непербургѣ, шестъ недѣль въ Киевѣ, мѣсяць въ Одессѣ, семь мѣсяцовъ въ Царицынѣ, два мѣсяца въ Аспрахани, 12 лѣтъ въ Рязани; слыхалъ, какъ *баютъ, еуторятъ, ихныхъ, рѣдкостныхъ, у кухнѣ* (вмѣсто *въ кухнѣ*), *шо* (вмѣсто *это*) и прочая; но никогда не слыхалъ ни у кресьянъ, ни у посадскихъ слова *такъ.*

Онъ вознаграждаются сильными впечатлѣніями, высокими чувспвами, *какія въ насъ производяшь.*

Тамъ же, спр. 76.

Прим. Не *какія*, а *копорыя.*

Мозглый дождишка.

Тамъ же, спр. 78.

Прим. Эпо взяпо съ Польскаго, и можешь бышь, что по Польски хорошо, но по Русски очень дурно.

Въ рукъ у него былъ *посохъ* (у слѣпаго), *копорымъ онъ по временамъ касался земли*, ни сколько на него не опираясь. Онъ былъ средняго роста, дюжій, широкоплечій и, казалось, *прездоровенный мужикина.*

Тамъ же, спр. та же.

Прим. *Посохъ* — много чести! — Съ него дозволено бы и *палки*; *по временамъ касался земли*, п. е. иногда щупалъ землю; *прездоровенный*, во время моего пупешествія по Россіи слыхалъ я эпо слово опъ *Пошехонцевъ* и *Спаро-Оскольцевъ*, а въ печати не видалъ. Ссылаюсь на 20 миліоновъ жителей Велико-россійскихъ губерній, что *посохъ* и *прездоровенный* разногоснца.

Хорошо, *какъ бы видѣть.*

Тамъ же, спр. та же.

Прим. И чумаки и бурлаки и бобыли опрекутся опъ эпого выраженія.

Мы пришли пуда *около девяти часовъ.*

Тамъ же, спр. та же.

Прим. Неправильно! По Русски упопребляеися *погти въ девять часовъ, около полудня, около полуночи.*

Не *послаесть* на эпо прилагательное.

Тамъ же, спр. та же.

Скажи, скажи *пожалуйста.*

Тамъ же, спр. 82.

Съ моимъ *малыгугой.*

Тамъ же, спр. та же.

Прим. Первое слово — книжное, второе — мужицкое, прѣпье пошлое.

Закончимъ наши замѣтки совѣпомъ госпожѣ Библиотекѣ для чпенія: Учительница!

вынь сперва сучокъ изъ собственнаго глаза, а потомъ уже порошинку изъ глаза своего сосѣда!

А. Кораблинскій.

5-ое Сентября

1835.

Село Рыбацкое.

M O D E S.

Le comte d'O. est désolé; son costume frais et de bon goût se serait fait remarquer près de l'élégante écuyère: il a une petite redingote bleue un peu claire, à un seul rang de boutons; le collet en drap pareil; les revers doublés de soie; une poche placée sur le côté, d'où sort la corne d'un mouchoir de *batiste de soie*, rayé autour de six petites raies violettes; un gilet de *brocard de laine* croisé à carreaux paille et marron; un petit bout de jabot de *batiste plissé* se montre en haut du gilet; une cravate de *jaconas* à côtes, couleur unie *chamois*; un pantalon de *reps de fil gris-forcé*, descendant très-bas sur la botte et l'emboitant au moyen d'un gousset placé sur le dessus du pied; des bottes vernies, garnies de ces petits éperons qui leur donnent tant de grace; un chapeau léger de feutre gris à poil court; une élégante cravache, au manche d'écaille noire, surmontée d'une petite tête de biche en argent et retenue au poignet par une chaîne en argent; des gants blancs de la plus fine peau de daim qu'aient jamais fournie les magasins de Boivin... Il faut faire contre fortune bon cœur... Après avoir parlé des plaisirs passés et à venir; avoir fait une *petite chronique* plus ou moins *charitable* sur le prochain, le comte prend congé de la *balle sédentaire*, non sans avoir obtenu la permission de dérober à un beau myrthe à fleurs doubles, qui étale dans la jardinière ses rameaux blancs et verts, une branche pour mettre à sa boutonnière; c'est toujours cela... Ça ne veut pas dire *on m'aime*, mais ça peut le faire supposer...

Adieu, ma chère sœur. Nous ne suivrons pas ma *jolie femme* dans la lecture qu'elle vient de reprendre, car elle ne veut pas être dérangée et a fait *fermer* sa porte aux importuns: c'est un titre que je n'aurai jamais près de vous, n'est ce pas? Oh! non, car vous aimez votre *Sarah*.

Pl. No 27. Costume de Paris.

М О Д Ы.

Графъ d'O. въ опчаянїи; его новый хорошаго вкуса нарядъ былъ бы замѣченъ возлѣ щеголеватпо-одѣпой дамы: на немъ синій сюрпучекъ довольно свѣтлаго цвѣта, съ однимъ рядомъ пуговиць; воротникъ шакого же сукна; отвороты подложены шелковой матерїею; карманъ на боку, изъ котораго видѣнъ уголь плашка изъ шелковаго баписша, съ шестью полосками вокругъ фиолетоваго цвѣта; жилетъ изъ шерстяной кипорной парчи съ клѣпками палеваго и каштановаго цвѣтовъ; кончикъ баписсоваго жабо, сложеннаго складочками, выказывается вверху жилета; галстухъ изъ рубчатаго жаконета, верблюжьяго цвѣта; панталоны изъ нипянаго репса темно-дикаго цвѣта, весьма низко спущенныя на сапоги и сомкнушыя посредствомъ ласповки, вставленной сверху ноги; сапоги лакированныя, съ маленькими шпорами, столько ихъ украшающими; легкая волосяная шляпа сѣраго цвѣта съ коронкимъ волосомъ; щеголеватый хлыщикъ, съ рукояткою изъ черной черепахи, съ маленькой серебряной головкою лани на верху, прихваченной къ рукояткѣ серебряной цѣпочкой; самыя тонкія бѣлыя лосинныя перчатки, какія когда либо выходили изъ магазина *Boivin*... *Il faut faire contre fortune bon coeur*... Поговоря о прошедшихъ и будущихъ удовольствїяхъ, посудя о ближнемъ болѣе или менѣе *милостиво*, графъ прощается съ неподвижной красавицей, но не прежде, какъ получивъ позволеніе сорвать, съ прекраснаго мирта съ двойными цвѣтами, распилающаго въ *Jardinière* свои бѣлыя съ зеленымъ вѣтви, вѣтку, дынобъ заткнувъ въ пепелю; всегда поже... Это не значить *меня любить*; а можешь заспавишь предположишь.

Прощай, милая сестра. Мы не будемъ слѣдовать за моею пригожей дамою въ ея чпенїи, за которое она опять принялась, пошому что она не хочеть, чпобъ еѣ беспокоили, и велѣла отка зывать докучливымъ: эпаго пишула я никогда не буду имѣшь для себя, не правда ли? О! нѣтъ, пошому что ты любишь живою *Sary*.

Карп. No 27. Парижскій самый послѣдній ко- спюмъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 77.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 25 дня 1855 года.

Ахъ, братья! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, черпоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукъ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!

А. Пушкинъ,

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОХОЖДЕНІЕ МОДЫ.

Нынче всѣ перемѣнились;
Вопъ ужъ нечего сказать!
Дамы такъ перепестрились,
Что нельзя почти узнать;
Одѣваются по модѣ —
И по модѣ говорятъ;
Что въ Парижѣ только въ модѣ,
То и здѣсь носятъ хопята.

Какъ наша Публика переимчива, какъ исполнительна, какъ подражательна! Чему же? модамъ! Какъ всѣ расцвѣли, распестрились, распосашились, расшамашились, и сдѣлались совершенно похожи на арлекиновъ. «Полно! полно! господинъ сочинитель! хоромъ возопіетъ все пестрое сословіе: за чѣмъ бранить эту моду; она сама по себѣ пройдетъ, истребится, когда износится.» Какъ? Износится? А скоро ли она износится, и

что тогда будетъ, если эта пестрая мода износится? Посмотримъ; да что это за мода? да какая эта мода? да за чѣмъ эта мода? да откуда эта мода?—«Что за вопросы? Въ своемъ ли ты умѣ, г. крипикъ! Очнись, опомнись! Не ксапай вздумалъ нападать на моду;» скажетъ мадамъ *Катей*, высохшая какъ преска опъ разныхъ модныхъ выдумокъ, и поблѣднѣвшая, какъ листъ бумаги. Развѣ вы не знаете системы модной философіи, надъ которою испощенъ весь запасъ женскаго оспроумія, какъ поэта надъ поэмою, а прозаика надъ испорическимъ, или нравственнo-сапирическимъ романомъ въ 4-хъ частяхъ. Хопя мода естъ названіе аллегорическое; но въ своихъ произведеніяхъ принадлежитъ также къ изящнымъ искусствамъ или художествамъ, въ коихъ видѣнъ творческій гений, гдѣ требуется глубокая обдуманность, першнѣе.

Да откуда-жъ произошла эта пестрая царица мода? Она получила первоначально свое

бытіе на Парижскомъ бульварѣ, обошла всё въпреное племя Французовъ; живописецъ на-скоро списалъ съ неѣ порптрептъ и передалъ гравѣру; гравѣръ вырѣзалъ еѣ на мѣдной доскѣ пакже какъ порптрепты *Шатобріана, Кювье, Ламартина*, и опослалъ къ печатнику; эпоптъ оппписнулъ нѣсколько тысячъ порптреповъ моды и передалъ ихъ арпписпу, копорый раскрашиваетъ рисунки красками, п. е. къ иллюминовщику. Опптуда примчали ихъ къ журналистамъ, проворно завернули въ пакеты, опослали въ Почптъ-амптъ, копорый впписнулъ ихъ въ чемоданы и разослалъ по всѣмъ столицамъ, по всѣмъ моднымъ городамъ Европы, одной Европы, а не Азіи, копорую хопя за эпо журналисты и газетчики и побраниваютъ, и называютъ невѣждою; однако жъ она себѣ на умъ, не обезьянствуешъ, не запягивается, а носиптъ свое широкое, величаваго покроя платье. Воптъ пакимъ-по образомъ явилась мода на Невскомъ проспекпѣ, выспавилась во всѣхъ модныхъ магазинахъ, разлеглась на окошкахъ, выгнала опповсюду спарую моду, свою предшешвенницу, грозно крича ей: «Вонъ, убирайся вонъ, спарая вѣдьма! Здѣсь не пвое мѣспо; бѣги на толкучій рынокъ, къ мѣщанкамъ, къ горничнымъ. Я законная мода, я послѣдняя мода, послѣдняя Парижская мода.» И вся запать успавивъ лорнеты на моду, поверпываютъ еѣ къ себѣ по передомъ, по спиною, мѣрпятъ, щупаютъ, мнутъ, гладятъ по головкѣ. И воптъ мода видиптъ, что она всѣмъ понравилась, всѣмъ приглянулась; уже и сама спѣсиво поглядываетъ на Публику, дѣлаешъ впечатлѣніе, попрысаешъ умы очарованныхъ блѣскомъ роскоши, и привлекаетъ къ себѣ, какъ будпо магнитомъ, всѣхъ записныхъ щеголихъ, жеманницъ, кокепокъ, лицемѣрокъ. Передъ ними мода расправляется, попорщиптся, поднимаетъ свои легкія крылья. Воптъ она выпорхнула на крыльцо магазина: еѣ подхватили подъ ручки два лакея въ парадныхъ ливреяхъ, посадили въ карешу и повезли по Пепербургскимъ улицамъ. Воптъ мода разъѣзжаетъ по городу, и воптъ сіяешъ на всѣхъ гуляньяхъ, балахъ, во всѣхъ собраніяхъ. Однако же скоро въ эпомъ общеспвѣ еѣ соскучилось; она вы-

рвалась и прямо съ розмаху вскочила въ го-спинный дворъ. Тутъ еѣ приняли съ подо-бающею чеспью, очень еѣ обрадовались; пуптъ она расплодилась по всѣмъ лавкамъ; всякой съ модными поварами рекомендуешся, всякой съ новыми вещицами навязывается проходящимъ на шею, зовешъ, закликаешъ, распягивается въ нипку, льспиптъ ослѣпленному самолюбію покупателей. Но здѣсь мода не долго погоспила, она зѣвнула во весь ротъ и опромешью пуспилась по всѣмъ переулкамъ и закаулкамъ. Между пѣмъ, она смерпельно всѣмъ надоѣла и ужасно поспарѣла. Замѣпивъ, что еѣ бросаютъ, плуповка съла въ дилижансъ и покапила по губерпскимъ городамъ, гдѣ, проживя много, много мѣсяцъ, велѣла подвезти *сидплькку*; влезла въ неѣ, и велѣла бородастому извощику ѣхатъ рысдой въ уѣздные городишки. Тамъ приняли еѣ мущины съ кислою рожею, а исправницы, городничихи и судейши съ распроспертыми объятіями. Наконецъ, смятая, изношенная, полинялая, она принуждена искалъ пріюпа въ селахъ и деревняхъ. Бѣдняжка скоропспижно умерла памъ на хупорѣ, объѣвшисъ окрошки съ чеснокомъ и свипиною.

N.... N....

РУССКІЙ СЕНЕКА.

«Въ Москвѣ (въ 1789 году) за Москвою рѣ-кою былъ большой пожаръ. Въ эпомъ пожарѣ неучпивый огонь не пощадилъ, между прочими домами, и жилища одного изъ бывшихъ нашихъ пріятелей;» пишешъ *Петровъ* къ *Карлзину*: «не разсудивъ о помѣ, что вмѣстѣ съ домомъ можетъ разрушиптъ и философію хозяина. (Ты долженъ запать эпого пріятеля: эпо толстпый купецъ съ величавою поспупью, копорый по всей Москвѣ пощипался философомъ.) Лишившисъ дома, господинъ философъ цѣлый день неуптъшно плакалъ, какъ бы, можетъ бытъ, и я въ пакихъ обспоя-пельствахъ сдѣлалъ. Простодушные знакомцы его дивились, видя Русскаго *Сенеку* плачу-щаго,—и изъявили ему свое удивленіе. Онъ опвѣчалъ имъ: «Не о домѣ моемъ плачу; знаю, что домъ и всякое другое имѣніе сует-

па. Но подъ кровлею моего дома ппичка свила себѣ гнѣздо; оно теперь разорено, и о ней-то я плачу.» Простодушные знакомцы дивились его великодушію, славили философію, могущую возвысить человека до такой степени и восклицали: О великій мужъ! Забывая о своемъ несчастіи, плачешь о ппичкѣ.

ВОЗРАСТЪ, ВЪ КОТОРОМЪ БОЛЬШЕ ВСЕГО ИМѢЮТЪ ДѢТЕЙ.

«Скажи мнѣ *Корвизаръ*,» спросилъ однажды *Наполеонъ* у своего доктора: «можетъ ли человекъ въ пятьдесятъ лѣтъ имѣть дѣтей?» — О, конечно, ваше величество! — «А въ шестьдесятъ лѣтъ?» — Иногда. — «Ну, а семидесятилѣтній супругъ?» У такихъ старичковъ всегда рождаются дѣти!!! — сказалъ докторъ.

УМНАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ.

Нѣкто посѣтилъ своего пріятеля упрямъ и заспалъ его лежащимъ въ постель въ сапогахъ. «Что это значить?» спросилъ посѣтитель. — Ничего; — отвѣчалъ лежащій: мнѣ однажды приснилось, что я босикомъ ходилъ по разбитымъ спѣлкамъ; и пакъ, чтобъ не обрѣзать ногъ, я рѣшился впередъ спать въ сапогахъ.—

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАНТУАНСКАЯ НЕВѢСТА.

(Итальянская новость.)

Герцогъ *Феррардо Гонзага* царствовалъ въ Мантуѣ, когда громкая плямба обратила на себя въ высочайшей степени вниманіе жителей сего города. Тяжба сосполя въ помъ, что сильный, богатый графъ *Флоріо*, хотѣлъ взять за себя насильно одну бѣдную дѣвушку. Сей графъ, не смотря на спрашное расспояніе между собою и ею, хотѣлъ навязать юной *Маріаннѣ*, проотивъ ея воли, знатность и богатство. *Маріанна* рѣшительно отказывалась соединить свою судьбу съ спраспно влюбленнымъ въ неѣ паприціемъ.

Силою приведенная въ церковь, она всенародно отказала графу *Флоріо* въ рукъ своей, и прибѣгла подъ покровительство алтаря, подъ заступу священника *Антоніа*. Опчаянный, разъяренный графъ находилъ одно средство къ успѣху: прибѣгнувъ къ царствовавшему герцогу *Феррардо Гонзагу*, въ рѣшеніи котораго онъ былъ увѣренъ. Вооруженный самоуправствомъ князя, онъ почиталъ, что ему легко будетъ преодолѣть упрямство припѣсняемой имъ сироты.

Насупилъ день, для разсмотрѣнія сего дѣла назначенный: двери герцогскаго дворца отворились для публики. Вся Мантуя хлынула въ нихъ бурнымъ потокомъ. Всѣ любопытствовали видѣть эпю дѣвицу и знавъ, чѣмъ рѣшится участь ея въдасъ владыцелл.

Маріанна вошла въ судилище, опираясь на руку сѣдовласаго священника и провожаемая Римскимъ адвокатомъ *Лоренцомъ*, нарочно прибывшимъ въ Мантуу, чтобы участвовать въ эпю славной плямбѣ, которая, казалось, уже рѣшена была самовластительствомъ. *Маріанна* была блѣдна; рѣшимость, не злодѣйскую, а мужественную и добродѣтельную можно было читать на лицѣ ея; она безъ словъ говорила: «Я умру, если надобно, но не изменю ему.» Герцогъ спросилъ: кто повѣренный друга его, графа *Флоріо*? Адвокатъ графскій вышелъ впередъ и объявилъ, что правъ высокаго испца основываются на обѣщаніи опекуна молодой дѣвицы. Между тѣмъ, какъ герцогъ разсуждалъ или показывалъ, что разсуждаетъ объ эпю дѣлѣ, вступилъ въ судейскую залу человекъ, назвавшій себя секретаремъ *Лоренца*. Его сопровождали, къ великому удивленію зрителей, знатнѣйшіе жители Мантуи. Тогда *Флоріо* лично подтвердилъ показаніе своего адвоката, и *Гюго*, недостойный опекунъ *Маріанны*, своимъ сознаниемъ подкрѣпилъ слова его. Послѣ того, выслушаны другіе свидѣтели, показавшіе, что она несовершеннолѣтняя, что ея покойный отецъ былъ проснымъ мѣщаниномъ и оспавилъ ей весьма посредственное сосполніе, едва доспапочное для насущнаго хлѣба.—«Довольно!» громгласно сказалъ герцогъ: «сподъ оскорбительно оп-

вергашъ предложеніе моего благороднаго друга графа *Флоріо!* Повелѣваю опдашь сей часъ эту дѣвушку во власть ея опекуна, если же она окажетъ сопротивленіе: по силою принудить её къ повиновенію. Дѣло рѣшено!» *Лоренцо* покушался было говорить въ защитѣ *Маріанны*, но герцогъ грозно запретилъ ему. Это не остановило однако же ея великодушнаго адвоката и священника *Антонія*. Они съ жаромъ защитниковъ приписанной невинности говорили прошивъ несправедливаго приговора до тѣхъ поръ, пока ихъ не заставили молчать. Тогда юная дѣвица, подвигнутая отчаяніемъ, вышла на средину залы и, быстро выхватя скрытый ею кинжалъ, грозила умертвить себя, если вздумаютъ употребить прошивъ неѣ насиліе. Попомъ упала на колѣни, умоляя графа забыть любовь, ей ненавистную, опекуна—взять назадъ свое обѣщаніе и герцога опмѣнить его жестокой приговоръ. Тогда *Феррардо Гонзага* спросилъ у неѣ, опъ чего происходитъ ея опвращеніе къ графу; *Маріанна*, взявъ съ него обѣщаніе, что не поспавятъ ей въ вину того, что она объявитъ, начала говорить: «Я дѣвица замужняя; сердце мое сочепалось бракомъ, хопя рука не опдана еще. Оспаешся только, чтообы церковъ довершила то, что начало сердце. Заставлятъ меня опдашь графу руку, значить принуждають меня опдавать одному то, что принадлежитъ другому; Богъ сочепалъ, люди не могутъ развѣнчать меня.»

Въ Манпуѣ ли живеть попомъ, кого ты любишь? спросилъ герцогъ. — «Онъ сказалъ мнѣ, что Манпуя его опчество.» — Какъ, ты сама не вѣдаешь о мѣстѣ его жительства? — «Онъ живеть здѣсь, въ моемъ сердцѣ; память, гдѣ я живу. Хопя бы онъ путешествовалъ по землѣ, плавалъ по морю; хопя бы я ospавалась въ Манпуѣ, а онъ заѣхалъ на край Свѣта, я его осязаю, ношу въ своемъ сердцѣ. Всѣ мои мысли, желанія, обѣщанія, вся я у ногъ его.» — Однакожь, какъ бѣдняжка ни умоляла, сколько ни рыдала: ничто не помогло—и герцогъ снова приказалъ тащить её силою. Въ эту минупу раздался въ залѣ громкій голосъ; молодой человекъ, выдававший себя за *Лоренцова* секретаря, громко на-

зываетъ *Маріанну* своею милою супругою. Услышавъ его голосъ, *Маріанна* уронила кинжалъ—и герцоговы пѣлохранители окружили и головы были схватить её: тогда называвшій себя секретаремъ, бросился между ими и ихъ жертвою, и вскричалъ: оспановипесь, или смерть! Онъ прижалъ къ сердцу юную дѣвицу, которая лишилась чувствъ, тихо произнося: *это онъ!* и любовникъ ея, покрывая её поцѣлуями и слезами, говорилъ ей: «О ты, которая не зная меня полюбила, ты, которой добродѣтели перевѣшиваютъ всѣ пустыя условія свѣта: будь отнынѣ подругою моей жизни; я тебя называю своею супругою, и завтра же Манпуя услышитъ передъ алтаремъ кляпву мою въкъ принадлежать тебѣ!»

Разгнѣванный такою дерзостью и пренебреженіемъ его сана, *Феррардо* приказалъ своимъ офицерамъ прогнать эпаго раба, который забылъ кто онъ и гдѣ онъ. Опившъ раба былъ грозень и поржествень. «Великій герцогъ!» вскричалъ онъ: «сойди съ своего престола, ты не знаешь, гдѣ ты въ эту минупу находишься.»—Гдѣ же я нахожусь?—«На престолѣ твоего двоюроднаго брата.»—Онъ умеръ.—«Онъ живъ и пришелъ пребовать герцогскую корону опца своего, которую онъ видитъ на головѣ твоей.» Проговоря эти слова, онъ сбросилъ съ себя плащъ, и всѣ узнали въ немъ *Леонардо Гонзага*, законнаго герцога Манпуанскаго, который путешествуя по горамъ, едва не лишился жизни подъ снѣжнымъ обваломъ, захвачень разбойниками, шесть лѣтъ пропадалъ безъ вѣсти и объявленъ умершимъ. Двоюродный братъ его *Феррардо*, безъ всякаго препятствія, занялъ упраздненный престолъ.

Теперь нужно бы узнать, опкуда взялась *Маріанна*, и какимъ образомъ мощная рука фортуны возвела эту молодую дѣвицу, родившуюся въ Швейцаріи, на пронъ владѣтельной герцогини Манпуанской? *Маріанна* повспрѣчала *Леонардо* на вершинѣ горъ Гельвеціи. Эпопъ принцъ, съ многочисленною свитою осматривая горы, одинъ не задавленъ обрушившеюся снѣжною глыбою. Отецъ нашей героини вырвалъ его изъ когтей неумолимой смерти: *Маріанна* нѣжными попече-

ніями возвратила ему вторично жизнь, ухаживая за нимъ, тяжело-большимъ опасною и продолжительною горячкою.

Въ это-то время *Маріанна*, еще ребенкомъ, почувствовала къ *Леонардо* любовь, которая, въ чемъ она сама признается, возраспала вмѣстѣ съ нею, такъ, что она эпого не подозрѣвала. День и ночь у изголовья *Леонардовой* постели она безпреспанно молила Бога о выздоровленіи своего больнаго; ихъ души смѣшивались—и бѣдная *Маріанна* любила уже съ тѣмъ жаромъ, съ пою силою, съ какою влюбляются въ подобныхъ обстоятельствахъ. Сердце *Маріанны* было сопкано изъ нѣжности и чувствительности, и, выражаясь собственными ея словами, ей казалось, что ухаживая за больнымъ своимъ любовникомъ, она оживляетъ цвѣпокъ, измятый дождемъ и бурю; скоро эпотъ любимый ея цвѣпокъ сдѣлался ея гордостью и славою. Можно вообразить, какъ она была щасплива, увидѣвъ предметъ ея спреха и попеченій въ мужесквенной красотѣ молодости и силы!

Тогда *Леонардо* вспомнилъ, что онъ наслѣдникъ графа Маншуанскаго—и безмолвная печаль впиалась въ его сердце, едва, едва ожившее. Его молчаніе, его мрачныя думы, его спраспъ одиноко бродить по скаламъ горъ, по берегамъ ручьевъ, доказывали внупреннюю борьбу въ сердцѣ его любви съ честью. Наконецъ, онъ началъ намѣкать о разлукѣ, назначилъ даже день; но не въ силахъ былъ исполнить рѣшеніе, и опкладывалъ день за день эпоу ужасную минушу! *Маріанна* прыгала опъ радости, а *Леонардо* увидѣлъ, что слишкомъ далеко увлекся. Однакожь, надобно было когда нибудь расспаться. Эпотъ ужасный часъ унесъ съ собою всѣ радости юной Швейцарки. Озера, горы, спада, роши: все ей опостылѣло. Возлюбленный взялъ ея сердце, а безъ сердца можно ли веселиться? Отецъ ея первый замѣтилъ эпо, и съ снисходительностью, съ добропою, однимъ родителемъ извѣспною, спросилъ у неѣ: куда желаетъ она переселиться?—«Въ Маншую;» отвѣчала *Маріанна*. Ею овладѣла мысль: дышать однимъ возду-

хомъ, поппать одну землю съ *Леонардомъ*, и жить вблизи его, въ неизвѣспности ему самому, до тѣхъ поръ, пока ему скажутъ, что она умерла опъ любви къ нему.

Они переселились въ Маншую, гдѣ два года спустя, она потеряла опца; онъ, умирая, назначилъ ей въ опекуны знакомаго ему человека, на честность котораго, казалось, можно было положиться. Въ это-то время графъ *Флоріо* почувствовалъ къ *Маріаннѣ* любовь безпредѣльную, необузданную. Несправедливая птяжба и безчеловѣчный приговоръ герцога, который мы читали, былъ ея слѣдствиемъ. Теперь возвратимся къ поей минушѣ, въ которую Маншуанская невѣста опискала *Леонардо* въ залѣ судилища.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ*).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Баронъ *Бралибеусъ* (мы по слогу узнаемъ его почно такъ, какъ онъ распознаетъ по слогу переводы и сочиненія г. Платона *Зубова*) напрасно думаетъ, что, когда онъ не выставитъ своего имени, никто не узнаетъ его (1). Мы такъ хорошо набили глазъ его неподражаемымъ слогомъ, что послѣ прехъ спрокъ крипическаго разбора романа *Постоянный дворъ* воскликнули въ воспоргъ (2): «Да-эпо написалъ авторъ, *утопающій въ поэзіи полковъ* (3); эпо потъ путешественникъ, на которомъ въ Царь-Градѣ собаки изорвали брюки, и который *поддерживалъ руками вислиця ихъ полосы* (4); потъ самый, который желалъ съ послѣднимъ поцплуемъ расплыться въ гной (5).» Баронъ *Бралибеусъ*, съ опличающею его рѣшимостью, говоритъ, — что «онъ нашелъ на *Постолломъ дворъ* болѣе наблюдательности, болѣе истины, болѣе чистпной жизни и наспоящаго *романнаго матеріала* (6),

- (1) Библиотека для чтенія, 1835, Сентябрь, Лист. Лѣпопись, стр. 4. (2) Тамъ же, стр. та же. (3) Фантаспическія путешествія. (4) Тамъ же. (5) Тамъ же. (6) Русскіе писатели прусы; ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился бы упошребить эпихъ двухъ словъ ни въ *книжнотъ*, ни въ *разговорнотъ* слогѣ, такъ же, какъ и

чѣмъ въ другихъ романахъ. Здѣсь есть черпы нравовъ, есть физиогномія домашняго быта, тогда какъ въ другихъ сочиненіяхъ этого рода, большею частію, есть только анекдоты (7).»

Видно, что барону *Брамбеусу* неизвѣстны превосходные въ этомъ родѣ Русскіе романы: *Семейство Холмскихъ*, соч. г. *Бьеггева*; *Черная женщина*, соч. г. *Грега*; *Удивительный человекъ*, соч. Павла *Яковлева*; дочь купца *Жолобова*, соч. *Калашикова*. Совѣдуемъ ему прочесть ихъ!

2.

Онъ же г. баронъ важно увѣряетъ, что «еслибъ авторъ *Постоллага двора* только по-жертвовалъ нѣсколькимъ длиннопамяти, нѣсколькими обстоятельствомъ и выраженіями нехорошаго тона, и написалъ свою книгу такимъ слогомъ, легкимъ, красивымъ, смѣющимся, какимъ написаны были двѣ его повѣсти *Блестательное воспитаніе* и *Прихоть*, то онъ баронъ не усомнился бы сказать, что ничего лучшаго, ничего занимательнѣйшаго, не читалъ въ нашей словесности.»

А мы скажемъ, что видно г. баронъ не читалъ Русскихъ романовъ: *Монастырка*, *Попѣдка въ Германію*, *Наслѣдница* и повѣстей *Пушкина*, *Марлинскаго*, князя *Одоевскаго*, *Павлова*, *Погорьльскаго*, *Гогеля-Яновскаго*, *Луганскаго*, *Карлеоба*, *Владиславлева*. Совѣдуемъ ему прочесть ихъ. Тогда г. баронъ *Брамбеусъ* не повторитъ уже, что «авторъ *Постоллага двора* обладаетъ важнымъ преимуществомъ передъ всеми нашими романистами,—огромнымъ и подлиннымъ наблюденіемъ Русской жизни въ различныхъ классахъ общества.»

Впрочемъ, мы сами почитаемъ *Постоллий дворъ* романомъ отличнѣйшимъ; однако же *романомъ*, а не *курсомъ воспитанія*, какъ предполагаетъ добрый баронъ *Брамбеусъ* въ па-

слова *саванка* вмѣсто *ученой женщины*. (7). Это намѣкъ на одинъ весьма хорошій романъ, одного славнаго Русскаго писателя. Правда, что въ немъ множество анекдотовъ, но всѣ они живо, мило и остроумно рассказаны и приведены во время, въ пору, кспатни. Въ этомъ романѣ нѣтъ ни одной двусмысленности, ни одной неблагопріистойности. Его смѣло можно давать въ руки молодымъ дамамъ и дѣвцамъ.—К.

пріопическомъ усердіи къ Россійскому юношесству.

3.

Авторъ *Постоллага двора*, по мнѣнію барона *Брамбеуса*, училъ насъ искусству воспитываться; а въ одномъ весьма уважаемомъ журналѣ пожалованъ онъ въ Русскіе *Польдѣ-Коки*. . . Власть ваша, господа поварищи мои по журналистикѣ! Тутъ есть какое нибудь недоразумѣніе. И я вывожу изъ всей эпои пупаницы, что—«если Русскому *Польдѣ-Коку* поручить воспитаніе прекраснаго пола: то Французскаго можно произвести въ верховные надзиратели надъ нравами.

А. Кораблинскій.

9-е Сентября,
1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОЛЬГѢ ИВ. Н. ВН. Т. М. Н. СК. . .

(*На подарокъ портфеля, украшеннаго множествомъ вырѣзанныхъ ею фигуръ*).

Вы подарили мнѣ бездѣлку—цѣлый міръ!

Куда не оберну прелестный вашъ подарокъ,
Вездѣ полпа фигуръ—блескъ красокъ въ нихъ
такъ ярокъ! —

И скачутъ и шумятъ—все ярмарка, все пиръ,
Всемирный маскарадъ: какъ смѣшаны фигуръ!

Вотъ шумы, плумы, балагуры,
Ослы, уроды и амурь,
Медвѣди, Турки и сурки,
Орлы, марпышки, кулики.

Вотъ поливаетъ свой картофель
Какой-то Нѣмецъ. Вотъ *стрѣлокъ*;

А вотъ лукавый Мефистофель
Глядитъ въ завѣтный уголокъ,

Гдѣ видны сельскія работы
Жнецы, душистый сѣнокосъ

И садикъ полный свѣжихъ розъ.

Ахъ! эпои уголокъ, не знающій заботы,

Напоминаетъ мнѣ тошъ край и тѣ поля,
Гдѣ правда изрѣдка блестятъ вельможъ палапы,
Но гдѣ, какъ почъ, чернѣетъ земля

И бѣлыя, какъ день, свѣплѣюшь часпо хапы...
 Вы узнаете-ль эпошь край?
 Тамъ расцвѣпалъ земной вашъ рай,
 Тамъ разцвѣпало ваше дѣлпшво,
 То *Малороссія, Смоленщины* сосѣдшво...
 Къ ея черешневымъ садамъ,
 Къ пушистымъ вербамъ и прудамъ,
 Лешаю часпо я мечпою
 И вижу вскользь, по хупорамъ,
 Какъ, пѣшась жизнью молодою,
 На вечерницы къ женихамъ
 Приходящъ дѣвы въ песпрыхъ ленпахъ,
 Въ нарядныхъ плахахъ, въ позументпахъ,
 На радость сердцу и очамъ;
 Кумачъ, порою шелкъ и гарусъ,
 Ихъ одѣваюшь какъ невѣсшъ:
 На шеи нижешя спеклярусъ,
 Подъ бѣлымъ плапомъ, бѣлый креспъ.
 Малороссійскіе нагѣвы!
 Какъ милы вы, въ краю своемъ,
 Въ успахъ молодой, игривой дѣвы!
 «За чѣмъ плѣницась Москалемъ?»
 Поюшь красавицы шупливо:
 «Москаль и ловко и игриво,
 Тебя какъ лѣшій обойдетъ;
 Заманишь сладко... и уйдепъ,
 Какъ сонъ, опъ дѣвчины шоскливой.
 Такъ пропадай же онъ, Москаль!
 Не заходи, казачка, въ даль,
 Не измѣняй родному югу,
 Сдружись съ знакомымъ казакомъ!»
 Такъ пѣшашъ грустную подругу
 Младыл дѣвы вечеркомъ.
 Ахъ! скоро вы поля и рощи
 Увидите спраны родной;
 Покинувъ намъ нашъ сѣверъ шощій,
 Гдѣ, въ круглый годъ, все холодно,
 Гдѣ солнца, намъ на пай, доспался лишь огарокъ
 И рѣдко промелькнешъ межъ пучами эфиръ.
 Вы уѣзжаете въ вашъ хупоръ, въ вашъ фольварокъ;
 Но мнѣ напомнишь васъ, прекрасный вашъ
 подарокъ,
 Вашъ наклѣйной, бумажный мѣръ.

О. Глипка.

О М О Н И М Ъ.

Я рѣзовъ, свѣшмель, говорливъ,
 Кипучъ, не постпою на мѣспѣ.
 Желѣзный я, недвижимъ, молчаливъ
 И не игривъ.
 Теперь, по и другое свѣсьше.
 Прибавьте: я въ горъ шакошь,
 Или въ кармапъ вѣкъ хранюшь.

Въ No 76-мъ, помѣщеннал загадка значишь: *Oeil*.

M O D E S.

Navez-vous pas pensé, ma chère sœur, en lisant ma dernière lettre, que j'étais initiée d'une manière bien intime au secret des petits détails de la vie intérieure de des boudoirs de Paris; et peut-être, malgré votre *charité chrétienne* habituelle, m'en avez-vous cru l'heroine? Détrompez-vous, je vous prie, s'il en est ainsi: je suis observateur et non acteur, je dépeins et ne pratique point; c'est un rôle qui a son bon et son mauvais côté. Me voilà donc redevenue *Diable boiteux*, à l'exception des cornes et des béquilles, et enlevant le toit qui recouvre *ma jolie femme*, je la vois poser son livre à regret et retourner dans sa chambre, où Mlle *Sophie* a préparé une fraîche et élégante toilette. Elle va faire une visite de nocé... Ses cheveux sont repeignés. Les deux boucles subsistent toujours; sur le front est placé une petite tresse plate en cheveux avec un fermoir en or carré, plat et uni. Mlle *Sophie* resserre le corset, pas trop cependant, car cela rougit les mains et le nez, et ôte au corps ses mouvemens gracieux. Après avoir mis une petite jupe de taffetas blanc à corsage plat, pardessus un jupon de batiste garni d'une petite Valenciennes, la jolie femme passe une redingote de gros de Naples, couleur mauve, fermée devant avec une *échelle* de pates garnies de petite blonde noire; au bas du jupon un petit liseré noir; une ceinture à damier mauve et noire, fermée avec une boucle de fer de Berlin à peine large d'un doigt; une pélerine pareille à la robe, garnie d'une haute blonde noire: la pélerine laisse voir le cou, l'écharcure est garnie d'une petite blonde noire. Une écharpe, également en blonde noire, couvre en partie les épaules et tombe plus bas que les genoux. Des bas de fil d'Écosse *dentelle* et des souliers de satin noir font

de son joli pied une dangereuse séduction. Un chapeau de paille de riz très évasé, orné dessus et dessous de *mauves* des jardins, *souffrées*, avec des rubans pareils, est posé coquettement et un peu de côté sur la tête. Cette toilette est ravissante de bon goût et sort des ateliers de Mmes *Jenny Raybaud* pour la robe et *Larochelle* pour le chapeau. Des gants soufre, un mouchoir de batiste à grand ourlet, surmonté d'un point turc et garni d'une *Vavenciennes* haute de deux doigts, font le complément du *faschionable* costume. Il ne faut point oublier le *petit sac bourse* en filagrane d'or, qui rappelle l'aumônière des châtelaines. Après la visite, on fera des emplettes; et, contre l'ordinaire des *jolies femmes* de Paris, celle ci ne fait pas de dettes.... Mlle *Sophie* sonne pour qu'on fasse avancer la voiture sous la voûte, où arrive un bel escalier bordé de fleurs et recouvert d'un moëlleux tapis. Sur le devant de la calèche est placée une élégante ombrelle de taffetas blanc, garnie de franges parèilles, au manche de nacre incrusté d'or. Près d'elle est couché, attendant impatiemment sa maîtresse, *Minos*, beau et gracieux chien *levrette*, ramené d'Épire par un jeune secrétaire d'ambassade. Tout est prêt, la portière est refermée, et, joyeuse de se faire voir parce qu'on se sait jolie, on traverse Paris nonchalamment appuyée et l'air rêveur: les femmes aiment qu'on les croie mélancoliques.

М О Д Ы.

Не подумала ли ты, любезная сеспра, читавши мое последнее письмо, что я весьма близко знаю шайну мелочных подробностей внутренней жизни Парижских будуаровъ, и можетъ быть, не взирая на лживую обыкновенную *Христианскую протомсть*, почла меня героинею этого описанія: я замѣчаю, а не дѣйствую, описываю, а не исполняю; эда роль имѣеть свою хорошую и дурную сторону. Вотъ я опять сдѣдалась *Хромоногиемъ блсомъ*, исключая роговъ и коспыдей, и снимая крышу, покрывающую мою пригожую женщину, вижу, что она положила съ сожалѣніемъ книгу и возвращается въ свою комнату, гдѣ *Софья* пригостила *свъжій* и щеголевашый нарядъ; она ѣдетъ съ свадебнымъ визитомъ.... Волосы опять причесаны, а двѣ бублики оспавлены; по лбу положена узенькая плоская косычка изъ волосъ съ четверугольнымъ золотымъ фермуаромъ, глад-

кимъ и плоскимъ. *Софья* спягиваетъ корсетъ, не слишкомъ однако же, потому что отъ этого краснѣють руки и ность, и шло теряетъ пріятныя движенія. Надѣвши бѣлую шафшанную юбку съ гладкимъ лицомъ, сверху башисповую юбку, обшипую узенькимъ кружевцомъ, пригожая женщина надѣваетъ гроденашлевой рединготъ, цвѣта *mauve*, схваченный спереди лѣсенкою клапоновъ, обшитыхъ узенькою черною блондою; внизу юбки узенькая черная выпушка; поясъ шахмашцами цвѣта *mauve* съ чернымъ, заспегнутый чугуною Берлинскою пряжкой, едва ли ширины въ палець; пелеринка такая же какъ плашье, обшита широкой черной блондой: пелеринка не закрываетъ шеи, вырѣзка обшита узенькой черной блондой. Шарфъ также черный блондовой, покрываетъ часть плечь и спускается ниже коленъ. Кружевные чулки изъ Шопландскихъ нитокъ и черные апласные башмаки дѣлають изъ ея красивой ножки соблазнительный предметъ. Бастовая шляпка весьма открытая, отдѣланная снаружи и внупри садовымъ макомъ сѣрнаго цвѣта, съ такими же денцами, и надѣтая съ кокетствомъ немного на бокъ. Этотъ нарядъ прелестень хорошимъ вкусомъ; плашье дѣлано у г-жъ *Jenny Raybaud*, а шляпка у *Larochelle*. Перчатки сѣрнаго цвѣта, башисповый плашокъ съ широкимъ рубцомъ и Турецкой спрочкой, обшитъ кружевами, шириною въ два пальца. Не надо забыть маленькой мѣшокъ-кошелекъ филаграновой золотой, напоминающій старинную *aumônière*. Сдѣлавши визитъ, надо кой-что купить, и прошивъ обыкновенія пригожихъ Парижскихъ дамъ, моя не дѣлаеть долговъ.... *Софья* звонитъ, чтобъ велѣть подвезти коляску подъ сводъ, куда ведеть прекрасная лѣсница, успавленная цвѣтами и успавленная мягкимъ ковромъ; спереди въ коляскѣ лежитъ щеголевашал бѣлая шафшанная омбрель съ бѣлой бахрамой, ручка перламушровая съ золотомъ; возлѣ неѣ лежитъ, ожидая съ неперпнѣемъ свою госпожу, Минось, красивая ловкая Англійская собака, привезенная изъ Эпира однимъ молодымъ секретаремъ посольства. Все гошово, дверца затворена, и съ удовольствіемъ показаться, потому что знаеть сколько пригожа, проѣзжаетъ Парижъ, небрежно прислонясь съ задумчивымъ видомъ; женщины любятъ чтобъ ихъ почитали задумчивыми.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 78.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 28 ДНЯ 1835 ГОДА.

Вотъ по-то дѣшки!
Имъ бабъ, а бапюшка паскайся на поклонъ;
Танцовщики ужасно спали рѣдки.

Гриботь довъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ХРОНИКА ПАРИКМАХЕРСКАГО ОБЩЕСТВА
27, 28 и 29 ЮЛЯ.

Съ 1830 года появились во Франціи паршіи — между всѣми разрядами художниковъ и ремесленниковъ, и, къ довершенію глупой комедіи сей, недоставало только распрей въ сословіи парикмахеровъ; но пеперь, благодаря общему духу націи, и онъ уже существовать въ Парижѣ.

Поводомъ къ нимъ было то, что великіе гении, прославившіе себя въ волосочесательномъ художествѣ, воспали пропивъ молодыхъ собратовъ своихъ, за то, что сіи послѣдніе, опспушивъ самопроизвольно опъ предначертанныхъ общихъ правилъ искусства, спали дѣлать новыя парики по образцамъ, совершенно пропивнымъ классической формъ париковъ, и этою пагубною новизною совершенно испребили древнее понятіе о прекрасномъ въ семъ родѣ. Сверхъ того спарыя парикмахеры, которые прозваны молодежью *аристократами* парикмахерства, не

могутъ проспшить молодымъ волосочесателямъ униженія, до котораго, по словамъ ихъ, довели они искусство, наклея на окна магазиновъ своихъ объявленія, извѣщающія публику, что: *Здѣсь стригутъ и завиваютъ волосы за 30 коплекъ съ персоны.* «Будьте цирюльниками, если недостатокъ таланта осуждаетъ васъ къ пому» — говоряпъ они имъ съ благороднымъ негодованіемъ — «сно не унижайте званія парикмахера, не посрамляйте высокаго искусства, которое родилось съ сотвореніемъ перваго человека!» Молодые опвѣчаютъ, что съ 1814 года спаршіе первые подали примѣръ къ введенію новыхъ формъ париковъ и причесокъ, сами перенявъ ихъ опъ подмастерьевъ своихъ, которые усовершенствовавъ вкусъ свой и содѣлавшись соперниками своихъ учителей, возвысили благосостояніе ихъ магазиновъ, и распроспранили славу ихъ новыми изобрѣшеніями.

И такъ, вотъ что произвело несогласіе между парикмахерами. — Несогласіе, важное какъ по настоящему злу, такъ и по могущимъ произойти опъ того послѣдствіямъ.

Въ Парижѣ щипается нынѣ болѣе 900 парикмахеровъ, имѣющихъ магазины и оп-

правляющихъ должность цирюльниковъ и 200 парикмахеровъ, работающихъ дома. Содержатели главныхъ магазиновъ, сославъ изъ себя совѣтъ, положили: 1-е, что всѣ пѣ, кои съ перваго числа Мая не снимуть съ оконъ своихъ позорныхъ объявленій, назначающихъ низкую цѣну за ческу и сприженіе волосъ, подвергаются лишенію права брать работниковъ изъ другихъ парикмахерскихъ заведеній;—2-е, въ случаѣ недѣйствительности наказанія, учредятся на щѣтъ сословія другія заведенія, которыя неизбѣжно сдѣлаютъ подрывъ виновному, и лишатъ его кредита.

Въ слѣдствіе сего, двѣсти молодыхъ парикмахеровъ, уstraшенные угрозами, сняли объявленія съ оконъ своихъ и обязались подпискою не возобновлять ихъ; но прочіе отказались рѣшительно отъ повиненія, говоря, что согласись съ требованіями старшихъ, значить дозволишь имъ монополію, и что въ такомъ случаѣ они спали бы требовать первенства, и можетъ быть, по примѣру парикмахеровъ прошедшаго столѣтія, испросили бы даже у правительства позволеніе носить шагу. Кромѣ сего упорствующіе подали просьбу въ полицію, жалуюсь, что 800 человекъ изъ ихъ собратій причиняютъ вредъ торговлѣ ихъ и ремеслу, сманивая у нихъ работниковъ и отдавая поспыпителей. Посему исправительная Парижская полиція и положила рассмотретьъ любопытное дѣло сіе 29 числа сего мѣсяца, и произнести приговоръ свой, о которомъ мы съ нашей стороны не замедлимъ уведомить читателей.

MANQUE DE TACT.

Въ Сарептѣ, въ домѣ у Сестръ, работали Олонцы-плотники. Форштегерша, по нашему надзирательница, будучи чрезмѣрно довольна поспѣшностію Русскихъ мастеровъ, желала сверхъ договорной цѣны сдѣлать имъ какую нибудь ласку, но долго не знала на что рѣшиться. Всего бы приличнѣе было поднести имъ по доброй чаркѣ вина, да поспавить пирогъ закусить имъ; нѣтъ, она вынесла корзину съ розами и каждому изъ

нихъ сама приколола на груди по цвѣтку. «Не съ ума ли она сошла?» подумали мужички и, смотря другъ на друга, расхохотались.

Честная Нѣмочка была увѣрена, что это отъ удовольствія.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАНТУАНСКАЯ НЕВѢСТА.

(Окончаніе.)

Бракосочетаніе совершено на другой же день въ Соборной церкви. Но, увѣ! медовый мѣсяць быстро пробѣжалъ для новобрачныхъ. Скоро раздалась грома войны, и *Леонардо*, по совѣту вельможъ, вѣривъ правленіе двоюродному своему брату *Феррардо Гонзагъ*, поѣхалъ въ Римъ, чтобы участвовать въ союзѣ Италіанскихъ князей противъ Франціи. *Феррардо* никогда не терялъ надежды захватить бразды правленія, которыя вырваны у него изъ рукъ сполна внезапно. Но, чтобы ясно понимать происки, имъ для эшаго коварно употребленные, необходимо знать, что за пятнадцать лѣтъ до того времени, о которомъ мы здѣсь рассказываемъ, *Феррардо*, въ проѣздъ черезъ Швейцарію, встрѣшилъ мальчика, котораго рано развернувшійся умъ удивилъ его и заставилъ увезти его съ собою въ Италію, шайкомъ отъ его родителей. Эпопъ мальчикъ выросъ, сдѣлался герцогскимъ любимцемъ и орудіемъ всѣхъ его гнусныхъ замысловъ. Но онъ давно уже оспавилъ Мантуанскій дворъ. Случилось, что черезъ нѣсколько недѣль по отбытіи въ Римъ *Леонардо*, герцогъ повстрѣчалъ подъ перистилемъ своего дворца человека въ рубищѣ, который повелительно требовалъ отъ него спа червонецъ. Раздраженный такою наглостію, власпитель хотѣлъ уже приказать своимъ офицерамъ взять его подъ спражу; но незнакомецъ намекнулъ на кое-какіе документы, у него въ рукахъ оставшіеся. *Феррардо* узналъ *Петро*, и не зная, что угрызенія совѣсти терзали душу бывшаго товарища его злодѣйствъ и разврата, вообразилъ, что онъ можетъ быть употребленъ для новыхъ козней, имъ заплѣваемыхъ. Козни эпи были направлены

на *Марианну*: *Феррардо* замыслилъ возжечь въ сердцѣ супруга ея опчаяніе и смерть, увѣря его въ невѣрности къ нему *Марианны*. Время ему благопріятствовало, война приходила къ концу—и вскорѣ герцогъ долженствовало въ поржествѣ возвратиться въ свою столицу. *Феррардо* не только выдалъ *Пьетро* сто червонцевъ, но отправилъ его государственнымъ посломъ въ армию. Весьма скоро возвратился опшуда *Пьетро* съ радостнымъ извѣстіемъ о славной побѣдѣ, одержанной *Леонардо* надъ непріятелемъ, и о томъ, что онъ не замедлитъ своимъ возвратомъ въ Мантую.

Вызванная на дворцовый балконъ громкими восклицаніями народа, бѣгущаго по улицамъ за возвѣщавшимъ ему о побѣдѣ ихъ государя посломъ, герцогиня увидѣла *Пьетро*—и была поражена его физиогноміею. Не смотря на сбивчивость и темноту своихъ воспоминаній, она была увѣрена, что гдѣ-то его видала. Стоя у окна, тщетно допрашивала она память свою. Когда *Феррардо* и *Антоніо* вошли во дворецъ, ихъ поразила неподвижность ея взоровъ и смущеніе во всѣхъ чертахъ лица. Потерявъ *Пьетро* изъ вида, она печально вскричала: «Онъ скрылся, онъ пошелъ во дворецъ; мнѣ бы очень хотѣлось поговорить съ нимъ!»

Въ этихъ словахъ сверкнулъ лучъ свѣта для *Феррардо*, — который видѣлъ въ этомъ обстоятельстве средство къ успѣху въ своихъ злодѣйскихъ замыслахъ и участіе ея въ *Пьетро* принялъ за рождающуюся спрась къ нему. Онъ тотчасъ же рѣшился подстрекнуть его воспользоваться щастьемъ, столь легко ему достающимся. Но онъ нашель здѣсь сопротивленіе, какого совсѣмъ не ожидалъ. «Развѣ вы думаете, что я вѣчно буду способенъ только на одни черныя дѣла?» отвѣчалъ ему *Пьетро* съ твердостью, удивившею герцога: «уже два года я веду себя честно, и не хочу начинать подлое ремесло, которому вы, къ моей пагубѣ, меня научили.» — Сумасбродъ! замѣнилъ ему герцогъ: что находишь ты подлаго въ любви пригожей женщины? Повторяю тебѣ, что она была сама не своя, когда тебя увидѣла; что

она посылала узнать свое имя—и опечалилась, потерявъ тебя изъ глазъ. Щастье тебѣ улыбається; умѣй имъ воспользоваться.— Въ эту самую мину *Марианна* проходила по ближней галерей; *Пьетро* пораженъ былъ чертами лица ея, точно такъ, какъ она, увидя его въ первый разъ. Онъ подошелъ къ ней, и съ глубочайшимъ почтеніемъ началъ съ нею рѣчь. *Феррардо* съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ адскою радостью, замѣчалъ, что между ними происходитъ. Разговоръ ихъ между собою еще увеличилъ невольное влеченіе герцогини къ *Пьетро*; она, въ невинности сердца, позволила ему входить къ себѣ. Она узнала отъ него, что онъ также, какъ она, родомъ изъ Швейцаріи, и пятнадцать лѣтъ какъ оставилъ горы: обстоятельство, доказавшее ей, что она ошибалась, предполагая, что прежде гдѣ нибудь съ нимъ видѣлась. Однако, между ними существовала какая-то тайная симпатія, въ которой она не могла дать себѣ опчета, но которой силу давало ей чувствованіе ея прешущее сердце.

Это чувство не укрылось отъ рыскающихъ глазъ *Феррардо*: онъ вознамѣрился употребить его, какъ средство обезчестить *Марианну*, и опкрывъ это своему государю и родственнику: заставивъ его возненавидѣть престоль и жизнь. Воспитанный вмѣстѣ съ *Леонардо*, онъ зналъ въ немъ эту слабую сторону, куда можно было смертельно ранить его; онъ былъ увѣренъ, что благородный *Леонардо* не переживетъ своего позора, или сокроешь въ уединеніи и стыдѣ свой и опчаяніе. Весь предавшись этому гнусному замыслу, онъ пригласилъ *Пьетро* обѣдать къ графу *Флоріо*: усыпляющій порошокъ данъ ему въ винѣ; и, когда онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, его перенесли въ кабинетъ герцога, одною только перегородкою опдѣленный отъ спальни герцогини, и отъ которой *Феррардо* имѣлъ двойной ключъ. Поутру онъ схваченъ и брошенъ въ дворцовую тюрьму, какъ пойманный въ неопозволительной связи съ супругою царствующаго герцога.

Марианна, осужденная, угрожаемая, мучимая тысячью пытками; оставленная друзья-

ми, почитаемая виновною даже самымъ своимъ ревностнымъ защитникомъ, честнымъ опцомъ *Антоніель*, духовникомъ ея, запутанная и почти уничтоженная злостью и клеветою, её преслѣдовавшими, повѣрила коварному совѣту *Феррардо* и убѣжала изъ Маншуи. Заставя сію несчастную женщину собственнымъ сознаниемъ довершивъ свой спыдъ, злодѣй посѣпидъ *Пьетро* въ его заключеніи. Таинственно отворая дверь и пропягивая ему руку, онъ пихо привѣпствовалъ его: «Подойди ко мнѣ, другъ!» Но *Пьетро* рѣшительно отвергъ его руку, и съ выраженіемъ лица мрачнымъ и горделивымъ, отвернулся отъ него.—«Что это значитъ?» вскричалъ могучій злодѣй: «ты гордъ, какъ царь.»—«Одни ли мы здѣсь?»—спросилъ *Пьетро*.—«На что тебѣ?» возразилъ *Феррардо*.—«Одни ли мы здѣсь?»—наспоятельно повпорилъ *Пьетро*. «Одни.»—«Не подслушиваетъ ли насъ кто нибудь?»—«Никто.» И чтобы удословить узника въ сказанномъ, онъ притворилъ дверь. Тогда *Пьетро* бросился, какъ пшгрь, на своего гонителя, и безъ сомнѣнія разорвалъ бы его на клочки, если-бъ онъ не уклонялся съ ловкостью и холонокровіемъ отъ его ударовъ и, въ то же время, не отворилъ дверь пемницы.—«Остановись,» приказывалъ ему *Феррардо*: «остановись, или ты расквешься!» *Пьетро* хотѣлъ снова на него кинуться; но герцогъ выхватилъ кинжалъ—и пѣмъ удержалъ наступъ своего противника. Тогда, принявъ снова тонъ прязни и участія, и показывая узнику ларчикъ съ 10,000 червонцовъ, онъ спалъ его уговаривать: «Окажи мнѣ услугу, я подарю тебѣ все это золото.» *Пьетро* просилъ его изъяснить ему, какую услугу онъ ему оказать можетъ. Коварный потребовалъ отъ него письменнаго признанія въ томъ, что онъ прошедшую ночь раздѣлялъ ложе съ герцогинею. *Пьетро* отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать ему удобное, но что не умѣетъ за это взяться, и просилъ герцога располковать ему, какъ очутился онъ въ спальнѣ герцога.—Тогда *Феррардо* рассказалъ ему подробности, которыя уже извѣсны нашимъ читателямъ. *Пьетро* видѣлъ въ эпомъ средство спасти *Маріанну* и записалъ все имъ слышанное; но ни слова о при-

знаній, котораго герцогъ пребовалъ. Вдругъ *Пьетро* остановился, припворившись, что его перо такъ испушилось, что имъ ни слова написать невозможно; онъ просилъ у герцога перочинаго ножика, но сей объявилъ ему, что съ нимъ нѣтъ ножа. «Я попробую очинить его своимъ кинжаломъ.» Узникъ подалъ перо, а между пѣмъ, какъ злодѣй былъ занятъ очинкою его, онъ вырвалъ кинжалъ изъ руки его—и успавя ему въ грудь осприе: «Вотъ,» сказалъ онъ: «испинное показаніе того, что случилось; но не я, а ваша свѣплость подпишетъ его.» И дѣйствительно, ему не мудрено было заставить робкаго злодѣя подписать свидѣпельство о своихъ безчестныхъ дѣлахъ. Помомъ, герцогскою печатью скрѣпивъ себѣ охранный листъ и пропускъ въ армію, онъ шу же минушу поскакалъ въ лагерь къ *Леонардо*, желая удостоверить его въ лживыхъ поступкахъ и злыхъ козняхъ регента. Но *Феррардо* предупредилъ его—и едва успѣлъ *Пьетро* явиться въ главную кварширу, какъ былъ арестованъ за воровство и грабежъ.

Регентъ, графъ *Флоріо*, священникъ *Антоніо* и другіе Маншуанскіе паптриціи, прежде его прибыли въ армію. *Леонардо* принялъ ихъ съ благородною гордостью завоевателя, которому его подданные приносятъ поздравленіе съ побѣдою. Каковы же были его удивленіе, гнѣвъ и опчаяніе, когда отъ прѣхавшихъ изъ сподлицы вельможъ, отъ однихъ съ припворной, отъ другихъ съ искренной радостью открывшихъ ему, узналъ, что онъ обманутъ пою, которую цѣнилъ выше всего на свѣпѣ. Печальный, съ сердцемъ, которое испочило опчаяніе, онъ колебался между двадцатью намѣреніями, одно другому противоположными, когда предстала предъ него *Маріанна*. Ясное чело, свѣплые взоры, любовь, все говорило ему, что она невинна. Въ запальчивости вызвалъ онъ своего недоспойнаго двоюроднаго брата на смертнѣй поединокъ; но *Маріанна* спала между ними, и ни за какую цѣну не хотѣла подвергать опасности жизнь своего супруга; она лучше соглашалась прослыть виновною въ глазахъ толпы.

Въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ и въ ту самую минуту, когда исповный *Феррардо* вскричалъ: «Ничто не въ силахъ оправдать её; въ глазахъ неба и земли она измѣнница!...» *Петро* вошелъ въ залу совѣта, и принудилъ его замолчать, воскликнувъ: — Лицемеръ! она столько же невинна, сколько ты безчестенъ! — И бросившись на *Феррардо* съ такимъ бѣшенствомъ, что никто не могъ остановить его, убилъ его до смерти. Потомъ подалъ герцогу подробное описаніе его злодѣйскаго заговора, собственною его рукою подписанное, и снявъ Распятіе съ шеи *Маріанны*, доказалъ, что онъ родной братъ ея.

Тогда *Маріанна* вспомнила, что за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, проснувшись поутру, увидѣла рыдающаго у ея постели брата; вспомнила, что онъ повѣсилъ ей на шею Распятіе, о которомъ мы упоминали, горячо поцѣловалъ её — и пропалъ, такъ, что о немъ не было никакого слуха. Послѣ такой разлуки, она въ первый разъ увидѣла его на Мантуанской площади, возвѣщающаго народу о побѣдѣ ихъ герцога.

ВОПРОСЫ ВОДЯНАГО ДУХА.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда душа дремлетъ, воображеніе не рисуетъ ни одной ясной картины, мысли скользятъ по разнымъ предметамъ, сердце сжимается и какое-то тяжелое чувство на него налегаетъ, я вспомнилъ слова одного моего добраго знакомаго: «Пишите повѣсти, это прѣбываніе публики,» потчасъ позвалъ своего человѣка и велѣлъ подать себѣ связку бумагъ, на оберткѣ коихъ было написано: Собраніе матеріаловъ о Сибири.

Лѣниво началъ я перебирать поданныя мнѣ бумаги и опыскивать предметъ для повѣсти *классической*, какъ подъ рукою попало мнѣ извлеченіе изъ Монгольской книги *Шигерунъ-Далай*, т. е. Море повѣстей. Я обрадовался своей находкѣ и принялся выписывать и очищать слогъ предлагаемой мною повѣсти, съ намѣреніемъ ознакомить чипапелей *Лит. Прибавленій* съ книгою, которая составляетъ любимое чтеніе благочестивыхъ Бурятовъ.

Въ то время, когда поржествующій богъ (*Шигемуні*) обиталъ въ своемъ блаженномъ замкѣ, близъ города *Шираваса*, въ обласпахъ изящнаго, у царя гостепримнѣйшаго, пять сотъ человѣкъ торговцовъ той страны снарядились въ путь, для опысканія сокровищъ. Будучи въ значительномъ числѣ, они избрали изъ среды себя начальника и оправились съ нимъ вмѣстѣ. Когда путешественники вспушили въ открытое море: тогда предъ ними явился водяной духъ въ образѣ крылатаго чудовища, коего уста и очи изрыгали пламя. Сей духъ провозгласилъ имъ: Есть ли между вами люди такіе же ужасные, какъ я? — Кормчій отвѣчалъ на это воззваніе: «Между нами есть люди еще ужаснѣе тебя.» «Кто они?» спросило чудовище. — Тѣ, отвѣчалъ кормчій: которые свершаютъ дурныя дѣла; тѣ, которые упражняются въ воровствѣ; лжецы, клеветники, жестокосердые и безчеловѣчные. Эти люди послѣ своей смерти снова возрождаются въ образахъ гораздо ужаснѣйшихъ своего пеперешняго вида. Они осуждены испытывать всякаго рода мученія, ихъ предають огню, или оставляютъ въ добычу жесточайшей спужѣ; иногда даже съ нихъ съ живыхъ сдирають кожу, или полкуютъ въ спущѣ. — Водяной духъ, выслушавъ сей отзывъ, снова погрузился въ морскія пучины.

Въ продолженіе плаванія водяной духъ появился мореходцамъ еще разъ и, подплывъ къ кораблю, подъ видомъ человѣка весьма щощаго и исхудалаго, сказалъ имъ: люди, видите какъ я изчахъ; посмотрите, кожа моя присохла къ костямъ; найдется ли между вами кто либо подобный мнѣ? — «Между нами, отвѣчалъ корабельщикъ, есть много людей гораздо хуже и щоще тебя.» — Право? возразилъ духъ: наименуй же мнѣ ихъ. — «Изволь,» отвѣчалъ корабельщикъ: «это люди скупые, алчные, завистливые, люди, которые не дадутъ нищему куска гнилаго хлѣба; всѣ такіе люди, умирая, воскресаютъ для вѣчныхъ мукъ; они возраждаются ростомъ съ высокую гору и имѣють горло не болѣе игольнаго ушка, такъ, что въ него не можетъ пройти даже капля воды. По этой причинѣ, они худѣють и сохнутъ въ продолженіе мно-

гихъ тысячъ вѣковъ, не могутъ переносить ни малѣйшей мысли о водѣ, и слѣдовательно спрдаются несравненно болѣе тебя.—Получа такой отвѣтъ, духъ опять исчезъ.

Спустя нѣсколько времени, онъ въ прешій разъ вышелъ изъ подводнаго своего жилища и приблизясь къ плавающимъ въ образѣ прекраснаго молодого человѣка, снова обратился къ нимъ съ вопросомъ: Естли между вами такіе красавцы, какъ я?—кормчій, также не запинаясь, отвѣчалъ духу: «Между нами естл люди во сто кратъ тебя прекраснѣе; на примѣръ тѣ, которые свято чшуютъ и исполняютъ какъ пѣлесныя, такъ и душевныя добродѣтели, которые отъ искренняго сердца приносятъ свои жерпвы боже-спву, и копорыхъ всѣ поступки имѣютъ цѣлю угодное Богу и Вѣрѣ. Сіи люди, когда наспанетъ ихъ время переселишься въ другой міръ, содѣлываются святыми и приобрѣтаютъ погда образъ въ тысячу разъ прелеснѣе пвоего; ты въ сравненіи съ ними былъ бы поже самое, что обезьяна передъ львомъ, царемъ живописныхъ.» Послѣ сего отвѣта духъ почерпнулъ рукою воды, и показывая оную корабельщику, спросилъ: Гдѣ болѣе воды: въ морѣ, или у меня въ горсти?—Корабельщикъ отвѣчалъ: «Въ твоей горсти конечно болѣе воды, нежели въ морѣ и во всѣхъ рѣкахъ, въ него впадающихъ.»—Какъ это? спросилъ духъ: ты говоришь пропвное тому, что очевидно. «Я говорю правду;» продолжалъ корабельщикъ: «выслушай меня со вниманіемъ: въ самомъ дѣлѣ кажется, что море содержитъ воды болѣе, нежели твоя горсть; но когда ударитъ роковой часъ, погда моря и рѣки будутъ изсушены огнѣмъ семи различныхъ солнцевъ, и седьмое солнце не только изсушитъ всю влагу морей, но даже самая гора Суммберъ будетъ испреблена огнемъ его; погда та капля воды, которая принесется въ жерпву рукою неимуцаго, и утолитъ жажду служителя Божія, отца, матери, ближняго, или даже неправовѣрнаго, погда сія капля, говорю я, содѣлается для него испочникомъ вѣчныхъ опрадъ; и такъ, вода морей изсохнетъ, но капля воды неимуцаго увеличится до безконечности.»

Водяной духъ, весьма довольный такими отвѣтами, подарилъ кормчаго и всѣхъ корабельщиковъ несмѣтными богатствами и рѣдкими вещами. Они выбрали изъ сихъ подарковъ всё лучшее для принесенія въ дань богамъ и ихъ служителямъ; а остальное раздѣлили между собою, вознеся благодарственную молитву съ колѣнопреклоненіемъ поржесвующему Богу.

Ю. Д.

ДВА СЛОВЦА О ПРОФЕССОРѢ ЭЛО-
КВЕНЦІИ ВАСИЛІѢ КИРИЛОВИЧѢ
ТРЕДЬЯКОВСКОМЪ.

Въ *Сверныхъ Цвѣтахъ* 1828 года (спр. 212 и 213) напечатаны слѣдующія спроки о В. К. Тредьяковскомъ:

«Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться *Шувалову* на *Сумарокова*.—Ваше высокопревосходительство! меня *Александръ Петровичъ* такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.—«Какъ же, братецъ?» отвѣчалъ ему *Шуваловъ*: «у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую.»—Ахъ, ваше высокопревосходительство, вы имѣете резонъ,—отвѣчалъ *Тредьяковскій*, и перенесъ руку на другую сторону. *Тредьяковскому* не разъ случалось быть бипнымъ. Въ дѣлѣ *Вольнскаго* сказано, что сей однажды, въ какой-то праздникъ, попребовалъ оду у придворнаго пѣицы *Василія Тредьяковскаго*; но ода была не гошова, и пылкій спатсъ-секретарь наказалъ просьбою оплошнаго спихопворца.»

Эпошь *Тредьяковскій*, копорому не разъ удавалось быть бипнымъ, гораздо больше похожъ на *Тредьяковскаго* въ *Ледяномъ долѣ*, соч. *И. И. Лажечникова*, чѣмъ на *Тредьяковскаго* въ крипикѣ *Библиотеки для чтенія* (въ Сенпярской книжкѣ нынѣшняго года).

А. Кораблинскій.

17-ое Сенпярбля
1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПСАЛОМЪ 96.

Настало время дивныхъ дѣлъ :
 Свершилась шайна предсказаній
 И давнихъ, давнихъ упованій :
 Господь землею овладѣлъ !
 Онъ воцарился Иегова !
 Тьмы силъ престолю Его несутъ ;
 И, изъ подъ темнаго покрова,
 Блистающъ Испина и Судъ.
 И пламя, огненнымъ попокомъ ,
 Грлдой пылающихъ валовъ,
 Бѣжишь, предъ Нимъ, на брань съ порокомъ
 И *всѣхъ* позжешь Его враговъ !
 И молніи Его пронзили
 Вселенную изъ края въ край,
 И швари, въ страхъ, возопили :
 «Смягчись, Создатель! не карай!»
 И горы шаюпъ, какъ восковы,
 Опъ взора мощнаго Иеговы !
 Чшо Небо людямъ говоришь?...
 Кто гонишь мракъ наземной ночи?...
 Тамъ *правда* Божія горитъ,
 Тупъ *слава* ослѣпляетъ очи.
 Спыдись же сонмъ Его враговъ,
 Жрецы и слуги испукановъ !
 Изъ мрака и съшей обмановъ
 Бѣгите! кличешъ васъ любовь! —
 Но швой *Словъ* тебя ужъ слышешъ !
 Ликующъ дочери Его !
 И легче грудь спрадальца дышешъ
 Опъ приближенья Твоего.
 Уже шайншвенно настали
 Твои великіе Суды :
 Ужъ небеса предвозвѣщали
 Земль и кары и бѣды! . . .
 И такъ, въ сердцахъ, ошднесь правдивыхъ,
 Возненавидимъ зло—и Богъ
 Насъ вырветъ изъ среды шревогъ,
 Изъ алчныхъ рукъ у нечеспивыхъ!
 И, шайны вивѣдавъ сердцеъ,
 Онъ насъ ушѣшишь какъ Опець.

О. Глинъа.

ENIGME - ANAGRAMMATIQUE.

Je suis, mon cher lecteur, province de Turquie;
 En rangeant mes sept pieds de tout autre façon,
 Tu pourras admirer un homme de génie,
 Dont les chefs-d'œuvre ont illustré le nom.
 Ce nom, cher à Thalie, environné de gloire,
 Brillera pour toujours au temple de mémoire.

Въ № 77-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Клогъ*.

M O - D E S.

Après une visite d'un quart d'heure employée à examiner les présens de noce qu'a reçus la mariée du faubourg Saint-Germain, *on* remonte en voiture: «Au *Petit Saint-Thomas!*» dit *on* au domestique qui ferme la portière. «Au *Petit Saint-Thomas!*» répète le domestique au cocher, qui se dirige vers la rue du Bac, car il n'est pas de cocher dans Paris qui ne connaisse le *Petit Saint-Thomas* pour y avoir conduit sa maîtresse au moins une fois par mois. Les *nouveautés* ne seraient pas *nouvelles* si elles ne venaient pas des magasins du *Petit Saint-Thomas*; nulle part *on* ne trouve de hatiste aussi fine, de bas si artistement percés à jour, de mouchoirs si délicatement brodés, de gaze si transparente qu'au *Petit Saint-Thomas*, parce que nulle part ces objets ne sont vendus à des prix si élevés, et que notre *jolie femme* juge de la qualité des objets qu'elle achète par le prix qu'elle les paie; préjugé que les marchands exploitent trop souvent à leur profit, mais sur lequel n'est point fondée l'ancienne et juste renommée du *Petit Saint-Thomas*. De la rue du Bac, *on* se dirige vers la rue Vivienne; le cocher *arrête* au n° 3, et *on* entre chez Mme *Gaupillart*. C'est qu'*on* veut un chapeau du *dernier goût*, sur le modèle de celui qui a paru dans le dernier numéro du *Journal des Dames*; et personne mieux que Mme *Gaupillart* ne sait harmoniser un chapeau et un visage, arrondir une figure trop longue, allonger une figure trop ronde, faire ressortir la beauté et dissimuler la laideur (ceci ne regarde point notre *jolie femme*); personne aussi ne *garnit* plus gracieusement un chapeau d'une guirlande de roses ou de lierre; personne ne sait donner à un bonnet de négligé ou de toilette une tournure plus gracieuse et plus coquette; personne n'a plus d'à-propos ni de jeunesse que Mme *Gaupillart*. De là *on* se rend chez *Brousse*, au magasin du bon ton et des manières distinguées par excellence. Le maître a su, dans un domaine plus resserré

que celui de la rue *Sainte-Anne*, réunir des nouveautés aussi précieuses: ses cachemires de l'Inde sont particulièrement recherchés à Paris. Chez M. *Brousse*, on reste et on cause; il est aimable et a de l'esprit. De chez *Brousse* chez *Delisle*, la distance est si courte qu'on n'en peut résister à la tentation d'entrer chez *Delisle*, le souverain de l'empire des nouveautés et du bon goût. Là la jolie femme est sur son terrain: elle parcourt ces beaux salons en triompatrice, elle indique du doigt et avec précision le *rayon* qui contient ce qu'elle désire. C'est son musée à elle que ces galeries: les mousselines de l'Inde, les organdis brochés et brodés, les tissus de Lyon et d'Orient en sont les objets précieux. L'heure du dîner approche, il faut repartir. Il y a encombrement de paquets dans la calèche; c'est tout au plus si *Minos* y retrouve une place. Et fière de ses acquisitions comme un vainqueur de ses lauriers, la jolie femme va se mettre à table, où je la laisserai pour en faire autant, non toutefois sans vous avoir dit que je vous aime de tout mon cœur. — *Sarah*.

М О Д Ы.

Послѣ посѣщенія, продолжавшагося не болѣе четверти часа, употребленной на разматриваніе свадебныхъ подарковъ, полученныхъ невѣстою, живущею въ предмѣстіи *Saint-Germain*, опять садясь въ коляску: «*au Petit Saint-Thomas!*» говорятъ слугѣ, зашворяющему дверцу. «*Au Petit Saint-Thomas!*» повторяетъ слуга кучеру, который поворачиваетъ въ улицу *du Bac*; нѣтъ кучера въ Парижѣ, который бы не зналъ *le Petit Saint-Thomas*, потому что по крайней мѣрѣ въ мѣсяцъ разъ онъ возитъ пуда свою госпожу. Новости не были бы новы, если бы они были не изъ магазина *du Petit Saint-Thomas*; нигдѣ нѣтъ такого тонкаго баписпа, чулокъ споль искусно прозрачно испещренныхъ, плашковъ споль легко вышитыхъ, газа споль прозрачнаго; какъ *au Petit Saint-Thomas*, потому что нигдѣ эти предметы не продаются споль высокой цѣною, и что наша щеголиха-красавица судитъ о качествѣ предметовъ, ея покупаемыхъ, по цѣнѣ, какую за нихъ платитъ; предразсудокъ, часто употребляемый

въ пользу купцами; но не на немъ основана дѣйствительная и справедливая слава *du Petit Saint-Thomas*.—Изъ улицы *du Bac*, ѣдутъ въ улицу *Vivienne*; кучеръ оспанавливается у No 3-го, и входящъ къ г-жѣ *Gaupillart*, потому что хопящъ шляпку въ послѣднемъ вкусѣ, по образцу показавшейся въ послѣднемъ No *Journal des Dames*: и никто лучше г-жи *Gaupillart* не умѣетъ приспособить шляпку къ лицу, округливъ слишкомъ длинное лицо, сдѣлавъ длиннѣе слишкомъ круглое, выставивъ красоту и прикрывъ дурнопу (это не относится къ нашей пригожей дамѣ); никто также не отдѣлываетъ шляпку ловче гирлядою изъ розъ или плюща; никто не умѣетъ придать простому или нарядному чепчику красивѣе и щеголеватѣе видъ, никто не умѣетъ болѣе сдѣлать кшапи и молоде. Опшуда ѣдутъ къ *Brousse*, въ магазинъ хорошаго тона и опличныхъ манеровъ. Владѣлецъ умѣлъ въ меньшемъ пространствѣ, нежели въ улицѣ *Sainte-Anne*, соединить споль же драгоценныя новости: его Индійскіе кашемиры особенно славятся въ Парижѣ. У г-на *Brousse* остаются и разговариваютъ; онъ любезенъ и уменъ. Опш *Brousse* до *Делиля* разстояние такъ не велико, что нельзя пропустить искушенію зайти къ *Делилю*, владыкѣ царства новостей и хорошаго вкуса. Тутъ пригожая дама на своемъ мѣстѣ: она пробѣгаетъ эти прекрасныя залы съ торжествомъ; она указываетъ пальцомъ и съ точностью *полю*, на которой находится то, чего она желаетъ. Эти галереи, это ея музей: Индійскія кисеи, зашканныя и вышитыя органди, Ліонскія и Воспочныя шкани, это драгоценныя предметы. Часъ обѣда приближается, пора ѣхать. Коляска нагружена сверпками, и едва *Миносъ* можетъ найти мѣсто. Гордящаяся своими покупками, какъ побѣдившій своими лаврами, пригожая дама идетъ за споль, гдѣ я её оспавлю, чтобъ сдѣлать поже, но не прежде, какъ сказавъ себѣ, что я люблю себя всѣмъ сердцемъ.—*Sara*.

При семь номерѣ предлагаются: *Оглавленіе девятнадцатой части, или третьей 1835 года, и Заглавный листъ къ четвертой части сего же года Литературныхъ Прибавленийъ къ Русскому Инвалиду.*

КОНЕЦЪ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ или ТРЕТЬЕЙ 1835 ГОДА.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія пушей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печатать позволяется: 25 Сентября 1835 года.—Цензоръ А. Никитенко.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ТРЕТЬЕЙ

НА

1835 ГОДЪ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Лисенокъ изъ записокъ несумасшедшаго; соч. <i>Е. Г.</i> стрн.	425.
Бродяга	441.
О двухъ антиподическихъ мѣстнѣхъ двухъ журналовъ объ одной и той же книгѣ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	449.
Нелѣпости Европейскихъ пешпрровъ	450.
Предостереженіе	—
Разношикъ газетъ и вѣдомостей; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	465.
Мастерски выпущаея	466.
Накладные усы	—
Средство сохранить честь своего имени	—
Англичанинъ въ реэпораціи Перигора	481.
Заманчивыя названія; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	482.
Идеалъ банкира	505.
Слѣдствіе гоненія на мѣстоименіе <i>сей</i> ; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	521.
Ахъ, какъ скучна Сенябрская книжка Библ. для членія; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	593.
Близкая квартира	594.
Медвѣдъ въ маскарадѣ; пер. <i>Ю. Дж—ни</i>	601.
Похожденіе моды	609.
Русскій Сенека	610.
Возрастъ, въ которомъ больше всего имѣють дѣпей	611.
Умная предосторожность	—
Хроника парикмахерскаго общества 27, 28 и 29 Іюля	617.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Живой мертвецъ; соч. <i>К. Домонтовича</i>	417.
Сцена въ Англійскомъ словесномъ судѣ; пер. <i>А. М.</i>	420.
Дряхлая душа въ юномъ пѣлѣ	421.
Лордъ Нельсонъ	422.
Лучше согласишься добровольно	422.

Прощаніе; пер. <i>Ип. Гльбова</i>	стрн. 426.
Ирландская невѣста. <i>Повѣсть</i>	433.
Живописецъ	442.
Іерусалимъ; пер. <i>Бр.</i>	450.
Многозначительная надпись на медали	455.
Поединокъ; пер. <i>Ал. М—вой.</i>	457 и 467.
Болтливыи камень. <i>Разсказъ</i>	460.
Характеръ Французовъ	470.
Вальперъ-Скопшъ	—
Свиданіе съ леди Спангопъ; пер. <i>Ип. Г—ва</i>	475.
Мертвецъ-пророкъ	477.
Приключеніе съ Англійскимъ офицеромъ въ Сициліи. <i>Разсказъ</i>	478.
Спросишь къ шабаку и человѣческому мясу	479.
Два шрупа	483 и 489.
Благодѣтельное завѣщаніе	487.
Выдержки изъ Башюшкова	488 и 573.
Возвращеніе съ база	494.
Луиза	497.
Табакерка	500.
Торгующій волосами	507.
Мысли Карамзина	511 и 535.
Дружеская услуга	513.
Нѣсколько справицъ изъ повѣстей: Спелло или Голубые бѣлы	522 и 531.
Судебный поединокъ въ 1455 году. <i>Повѣсть</i>	526.
Впное письмо изъ Финляндіи къ брату <i>И. Е. Грену</i> ; соч. <i>А. Г.</i>	529.
Судебная расправа, по чапш женскихъ нарядовъ	535.
Ива въ кресниосняхъ Кроасси. <i>Повѣсть</i>	537 и 549.
Лицературныя замѣшки	542.
Анекдотъ	—
Безголовый, безмозглый	—
Пустынный горы Эпны. <i>Повѣсть</i>	545.
Бракъ въ шюрмѣ. <i>Повѣсть</i>	553.

Схѣдствие просупка, изъ соч. В. Колленъ. <i>Повѣсть</i> . стрн. 561 и 569.	и 569.
Колкость за колкость	565.
Двѣ добродѣтели	—
Персть Божій. <i>Повѣсть</i>	571.
Признашельный Еврей	575.
Первая глава изъ романа: Насхѣдница; соч. П. Сула- рокова	577 и 585.
Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ по части изъяс- ной словесности	581, 589, 596 и 603.
Жидовскій ращѣтъ	583.
Сквозной въперъ въ Шиллеровой прагедіи	—
Убъжище	594.
Газеты въ Англии и Американскихъ Штатахъ	598.
Пепербургская спарина	602.
Поспеленное размноженіе карепъ въ Лондонѣ	605.
Манпуанская невѣста. <i>Повѣсть</i>	611 и 618.
Литературныя замѣтки; соч. А. Кораблинскаго	613.
Вопросы водянаго духа; соч. Ю. Д.	621.
Два слова о профессорѣ элоквенціи В. К. Тредьяковскомъ; соч. А. Кораблинскаго	622.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изподшишка, соч. Е. III—го	423.
Regrets	—
Къ сосѣду; соч. Суханова	431.
Къ жеспокой; соч. Б. Д.	436.
Гармонія въ природѣ; соч. М. . . . . и Л. . . . . ой.	444.
Покрывало, соч. Ѳ. М.	455.
Акреспихъ; соч. А. Грекова	465.
Вена	470.
Четвергъ	479.
Мечпаніе; соч. П. Уварова	488.
Одноземцы; соч. М. Демидова	496.
Анеологическія стихотворенія; соч. Л. Якубовича	503.
Дубъ; соч. 13—18.	511.
Посланіе къ ***; соч. Лихачева	518.
Къ ***; соч. Е. III—го	528.
Луна и пушники (басня); соч. Е. Алтиснова	533.
Графу А. Н. Мордвинову; соч. Б. Фѣдорова	542.
Пѣсня; соч. А. Сулисаго	551.
Гусарская пирушка; соч. Е. III—го	557.
Эхо минеральныхъ водъ; соч. казака Но 2.	565.
Мопыжѣкъ; соч. К. Петерсона	574.
Къ С. И. III.; соч. Ариста Эльмира	583.

Охлажденіе; соч. А. Крюкова	стрн. 599.
Русская пѣсня; соч. 13—18.	605.
Ольгъ Ив. н. вн. Т. м. н. ск.	614.
Псакомъ 96; соч. Ѳ. Глилки	623.

IV.

КРИТИКА.

Шестая книжка Библиотеки для чтенія и прещья Московскаго Наблюдателя; соч. Воейкова	456.
На одну спашью Литературной Лѣтописи въ Июньской книжкѣ Библ. для чтенія; соч. А. Кораблинскаго	445.
Спедло или голубые бѣсы, повѣсти, рассказанныя боль- ному Чернымъ докторомъ, графа Альфреда дѣ Винги, соч. А. Кораблинскаго	519.
Очищенный переводъ повѣсти: Спарикъ Горіо, помѣщен- ный въ Библ. для чтн., м. Февр. и м. Маршъ 1835 года	557 и 566.
Дѣтская больница; В. Бурлямова; соч. А. Кораблинскаго. 599.	
Вынъ сперва сучокъ изъ собственнаго глаза, а попомъ уже порошокну изъ глаза своего сосѣда; соч. А. Кораб- линскаго	606.

V.

НОВАЯ КНИГА.

Живописное обозрѣніе достопамятныхъ предметовъ, наукъ, искусствъ и проч.	574.
---	------

VI.

ШАРАДЫ, ОМОНИМЫ, АНАГРАММА, ЛОГО- ГРИФЫ, ЗАГАДКИ, АНАГРАММА-ЗАГАДКА.

Русскія.—*Шарады*: 1) Ага-фонъ; 2) По-рокъ; 3) О-лень;
4) Вы-я; 5) Пас-портикъ; 6) Пудра; 7) Эм-илія.—*Омонимы*:
8) Клинь; 9) Спопа; 10) Спарика; 11) Ключъ.—*Анаграмма*:
12) Ахъ! ха!

Французскія.—*Шарады*: 1) Duel-liste; 2) Cor-à-le.—
Логогрифы: 3) Magnétisme; 4) Orage.—*Загадки*: 5) Herse;
6) Bâton; 7) Vaisseau; 8) Soulier; 9) Oeil.—*Анаграммла-
загадка*: 10) Romélie.

VII.

МОДЫ.

Спашья о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ,
Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пепербургскихъ модахъ были по-
мѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ почпи въ
каждомъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ и ра-
скрашенныхъ карпинковъ, и сверхъ того *девѣ прибавочныхъ*,
изображающихъ модныя мебели.